СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Е. САЛТЫКОВА (Щедрина).

Изданіе книгопродавца Н. П. Карбасникова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2)
1883.

I.

Спите! Богъ не спитъ за васъ!

Жуковскій.

Однажды заходитъ ко мнѣ Алексѣй Степанычъ Молчалинъ и говоритъ:

— Нужно, голубчикъ, погодить!

Разумѣется, я удивился. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я себя помню, я только и дѣлаю, что гожу.

Вся моя молодость, вся жизнь исчерпывается этимъ словомъ, и вотъ выискивается же человѣкъ, который приходитъ къ заключенію, что мнѣ и за всѣмъ тѣмъ необходимо умѣрить свой пылъ!

— Помилуйте, Алексѣй Степанычъ! изумился я:—вѣдь это, право, ужь начинаетъ походить на мистификацію!

— Тамъ мистификація или не мистификація, какъ хотите разсуждайте, а мой совѣтъ — погодить!

— Да чтò же, наконецъ, вы хотите этимъ сказать?

— Русскіе вы, а по русски не понимаете! чудные вы, господа! Погодить—ну, приноровиться чтò-ли, умѣть вòвремя помолчать, позабыть кой объ чемъ, думать не объ томъ, объ чемъ обыкновенно думается, заниматься не тѣмъ, чѣмъ обыкновенно занимаетесь... Напримѣръ: гу-

ляйте больше, въ ѣду ударьтесь, папироски набивайте, письма къ роднымъ пишите, а вечеромъ — въ табельку или въ сибирку засядьте. Вотъ это и будетъ значить «погодить».

— Алексѣй Степанычъ! батюшка! да почему же?

— Нѣкогда, мой другъ, объяснять—въ департаментъ спѣшу! Да и не объяснишь вѣдь тому, кто понимать не хочетъ. Мы—русскіе; мы эти вещи сразу должны понимать. Впрочемъ, я свое дѣло сдѣлалъ, предупредилъ, а послѣдуете-ли моему совѣту, или не послѣдуете, это ужь вы сами...

Съ этими словами Алексѣй Степанычъ очень любезно сдѣлалъ мнѣ ручкой и исчезъ. Это быстрое появленіе и исчезновеніе очень больно укололи меня. Мнѣ казалось, что въ переводѣ на языкъ словъ этотъ фактъ означаетъ: я не долженъ былъ сюда придти, но... пришелъ. Во всякомъ случаѣ, я хоть тѣмъ умалю значеніе своего поступка, что пробуду въ семъ мѣстѣ какъ можно менѣе времени.

Да, это такъ. Даже руки мнѣ порядкомъ на прощанье не пожалъ, а просто ручкой сдѣлалъ, какъ будто говорилъ: «готовъ я помочь, однако, пора бы и тебѣ, сахаръ медовичъ, понять, что знакомство твое—не ахти благостыня какая!» Я, конечно, не буду увѣрять, что онъ именно *такъ* думалъ, но что онъ инстинктивно *такъ* чувствовалъ, и что именно это чувство сообщило его появленію ту печать торопливости, которая меня поразила — въ этомъ я нимало не сомнѣваюсь.

По обыкновенію, я сейчасъ же полетѣлъ къ Глумову. Я горѣлъ нетерпѣніемъ сообщить объ этомъ странномъ коллоквіумѣ, дабы общими силами сотворить по этому случаю совѣтъ, а затѣмъ, буде надобно, то и планъ дѣйствій начертать. Но Глумовъ уже какъ бы предвосхитилъ мысль Алексѣя Степаныча. Тщательно очистивъ

письменный столъ отъ бумагъ и книгъ, въ обыкновенное время загромождавшихъ его, онъ сидѣлъ передъ порожнимъ пространствомъ... и набивалъ папироски.

— Ты что̀ это дѣлаешь? спросилъ я.

— А вотъ, подходящее, по обстоятельствамъ, занятіе изобралъ. Утромъ, возставъ отъ сна, пасьянсъ раскладывалъ, теперь — папироски дѣлаю.

— Представь себѣ, ко мнѣ Алексѣй Степанычъ заходилъ и тоже самое совѣтывалъ!

— А я такъ самъ догадался. Садись, вотъ тебѣ гильзы — занимайся.

— Позволь, однако, надо же хоть объясниться сперва!

— А тебѣ что̀ Алексѣй Степанычъ сказалъ?

— Да ничего путёмъ не сказалъ. Пришелъ, повернулся и ушелъ. Погодить, говоритъ, надо!

— Чудакъ ты! Сказано: погоди, ну, и годи̂, значитъ. Вотъ я себѣ самъ, собственнымъ движеніемъ, сказалъ: Глумовъ! нужно, братъ, погодить! Купилъ табаку, гильзы—и шабашъ. И не объясняюсь. Ибо понимаю, что всякое поползновеніе къ объясненію есть противоположное тому, что̀ на русскомъ языкѣ извѣстно подъ словомъ «годить».

— Помилуй! да развѣ мы мало до сихъ поръ годили? Въ чемъ же другомъ вся наша жизнь прошла, какъ не въ безпрерывномъ самопонужденіи: погоди, да погоди!

— Стало быть, до сихъ поръ мы въ одну мѣру годили, а теперь мѣра съ гарнцемъ пошла въ ходъ — больше годить надо, а завтра, можетъ быть, къ мѣрѣ и еще два гарнца накинется — ну, и еще больше годить придется. Небось, не лопнешь. А впрочемъ, что̀ же праздныя-то слова говорить! Давай-ка лучше подумаемъ, какъ бы намъ сообща каникулы-то эти провести. Вмѣстѣ и годить словно бы веселѣе будетъ.

Затѣмъ, мы въ нѣсколько минутъ начертали планъ

дѣйствій и съ завтрашняго же дня приступили къ выполненію его.

Прежде всего мы рѣшили, что я съ вечера же переберусь къ Глумову, что мы вмѣстѣ ляжемъ спать и вмѣстѣ же завтра проснемся, чтобы начать «годить». И не разстанемся до тѣхъ поръ, покуда вакантъ самъ собой, такъ сказать, изморомъ не изноетъ.

Залегли мы спать часовъ съ одиннадцати, точно завтра утромъ къ ранней обѣднѣ собрались. Обыкновенно мы въ это время только-что словесную канитель затягивали и часовъ до двухъ ночи переходили отъ одного современнаго вопроса къ другому, съ одной стороны ничего не предрѣшая, а съ другой стороны не отказывая себѣ и въ достодолжномъ, въ предѣлахъ разумной умѣренности, разсмотрѣніи. И хотя наши собесѣдованія почти всегда заканчивались словами: «необходимо погодить», но мы, все-таки, утѣшались хоть тѣмъ, что слова эти составляютъ результатъ свободнаго обмѣна мыслей и свободно-разумнаго отношенія къ дѣйствительности, что воля съ насъ не снята, и что еслибы, напримѣръ, выпить при семъ двѣ-три рюмки водки, то ничто бы, пожалуй, не воспрепятствовало намъ выразиться и такъ: Господа! да неужто же, наконецъ...

Но теперь мы съ тѣмъ именно и собрались, чтобы начать годить, не разсуждая, не вдаваясь въ изслѣдованія, почему и кàкъ, а просто-на-просто плыть по теченію до тѣхъ поръ, пока Алексѣй Степанычъ не сниметъ съ насъ клятвы и не скажетъ: теперь — валяй по всѣмъ по тремъ!

Мнѣ не спалось, Глумовъ тоже ворочался съ боку на бокъ. Но дисциплина уже сказывалась, и мысли приходили въ голову именно все такія, какія должны приходить людямъ, собравшимся къ ранней обѣднѣ.

— Глумовъ! ты не спишь?

— Не сплю. А ты?

— И я не сплю.

— Гм... не зажечь-ли свѣчу?

— Погоди, можетъ быть, и уснемъ.

Прошло еще съ полчаса — не спится да и только. Зажгли свѣчу, спустили ноги съ кровати и сѣли другъ противъ друга. Глядѣли-глядѣли — наконецъ, смѣшно стало.

— Постой-ка я въ буфетъ схожу; я тамъ, на всякій случай, два куска ветчины припасъ! сказалъ Глумовъ.

— Сходи, пожалуй!

Глумовъ зашлепалъ туфлями, а я сидѣлъ и прислушивался. Вотъ онъ въ кабинетъ вошелъ, вотъ вступилъ въ переднюю, вотъ поворотилъ въ столовую... Чу! ключъ повернулся въ замкѣ, тарелки стукнули... Идетъ назадъ!!

Когда человѣкъ рѣшился годить, то все для него интересно; способность къ наблюденію изощряется почти до ясновидѣнія, а мысли — приходятъ во множествѣ.

— Вотъ ветчина, а вотъ водка. Закусимъ! сказалъ Глумовъ.

— Гм... ветчина! Хорошо ветчиной на ночь закусить — спаться лучше будетъ. А ты, Глумовъ, думалъ-ли когда-нибудь объ томъ, ка̀къ эта самая ветчина ветчиной дѣлается?

— Была прежде свинья, потомъ ее зарѣзали, разсортировали, окорока посолили, провѣсили — вотъ и ветчина сдѣлалась.

— Нѣтъ, не это! А вотъ, кому эта свинья принадлежала? Кто ее выхолилъ, выкормилъ? И почему онъ съ нею разстался, а теперь мы, которые ничего не выкармливали, окорока этой свиньи ѣдимъ...

— И празднословіемъ занимаемся... Будетъ! Сказано тебѣ, погодить — ну и жди!

— Глумовъ! я немножко!

— Ни слова, ни полслова — вотъ тебѣ и сказъ. Доѣдай и ложись! А чтобы воображеніе осадить — вотъ тебѣ водка.

Выпили по двѣ рюмки — и дѣйствительно какъ-то сподручнѣе годить сдѣлалось. Въ голову словно облако тумана ворвалось, теплота по всѣмъ суставамъ пошла. Я закутался въ одѣяло и сталъ молчать. Молчать—это цѣлое занятіе, цѣлый умственный процессъ, особливо если при этомъ имѣется въ виду практическій результатъ. А такъ какъ въ настоящемъ случаѣ ожидаемый результатъ заключался въ словѣ «заснуть», то я предался молчанію, усиленно отгоняя и устраняя все, что могло нанести ему ущербъ. Старался не перемѣнять положенія тѣла, всякому проблеску мысли сейчасъ же посылалъ встрѣчный проблескъ мысли, по преимуществу, ни съ чѣмъ не сообразный, даже цѣлыя сказки себѣ сказывалъ. Содержаніе этихъ сказокъ я излагать здѣсь не буду (это завлекло бы меня, пожалуй, за предѣлы моихъ скромныхъ намѣреній), но, признаюсь откровенно, всѣ онѣ имѣли въ своемъ основаніи слово «погодить».

Наконецъ, уже почти совсѣмъ сонный, я вымолвилъ:

— Да, братъ! а на счетъ ветчины — все-таки... Это, братъ, въ своемъ родѣ — сюжетъ!

— Сюжетъ! тоже сквозь сонъ отвѣтилъ мнѣ Глумовъ, и затѣмъ голова моя окончательно окунулась въ облако.

Проснулись мы довольно рано (часовъ въ девять), но къ ранней обѣднѣ, все-таки, не поспѣли.

— Впрочемъ, и то сказать, началъ я: — не такой городъ Петербургъ, чтобы въ немъ раннія обѣдни справлять.

— Будешь и къ ранней обѣднѣ ходить, когда моментъ наступитъ, осадилъ меня Глумовъ: — но не объ томъ рѣчь, а вотъ я на счетъ горячаго распоряжусь. Тебѣ чего: кофею или чаю?

Я задумался. Обыкновенно, я пью чай, но нынче все такъ было необыкновенно, что захотѣлось и тутъ отличиться. Дай-ко, думаю, кофейку хвачу!

— Кофею, братецъ! воскликнулъ я и даже хлопнулъ себя по ляжкѣ отъ удовольствія.

Подали кофей. Налили по стакану — выпили; по другому налили — и опять выпили. Со сливками и съ теплымъ калачемъ.

— Калачъ-то отъ Филипова? спросилъ я.

— Да, отъ Филипова.

— Говорятъ, у него въ пекарнѣ таракановъ много...

— Мало ли что̀ говорятъ! Вкусно—ну, и будетъ съ тебя!

Глумовъ высказалъ это нѣсколько угрюмо, какъ будто предчувствуя, что у меня языкъ начинаетъ зудѣть.

— А что̀, Глумовъ, ты когда-нибудь думалъ, какъ этотъ самый калачъ...

— Что̀ «калачъ»?

— Ну вотъ родословную-то его... Ка̀къ сначала эта самая пшеница въ закромѣ лежитъ, у кого лежитъ, ка̀къ этотъ человѣкъ за сохой идетъ, напирая на нее всею грудью, ка̀къ...

— Зналъ прежде, да забылъ. А теперь знаю только то, что мы кофей съ калачемъ пьемъ, да и тебѣ только это знать совѣтую!

— Глумовъ! да вѣдь я немножко! Вѣдь если мы немножко и поговоримъ — право, вреда особеннаго отъ этого не будетъ. Только время скорѣе пройдетъ!

— И это знаю. Да не объ томъ мы думать должны. Подвигъ мы на себя приняли — ну, и должны этотъ подвигъ выполнить. Кончай-ка кофей, да идемъ гулять! Вспомни, какую намъ палестину выходить предстоитъ!

Въ одиннадцать часовъ мы вышли изъ дому и направились по Литейной. Пришли къ зданію судебныхъ мѣстъ.

— Вотъ, братъ, и судъ нашъ праведный! сказалъ я.

— Да, братъ, судъ! вздохнулъ въ отвѣтъ Глумовъ.

— А коли по правдѣ-то сказать, такъ наступитъ же когда-нибудь время, когда эти суды...

— Да обуздай, наконецъ, язычище свой! Ну, судъ — ну, и прекрасно! И будетъ съ тебя! Архитектура вотъ... разбирай ее на здоровье! Зданіе прочное—внутри дворъ... Чего лучше!

— Да, мой другъ, удивительно, какъ это нынче... Говорятъ, даже буфетъ въ судѣ есть?

— Есть и буфетъ.

— А ты не знаешь, чѣмъ этотъ буфетъ славится?

— Водки рюмку выпить можно — какой еще славы нужно! Котлетки подаютъ, бифштексъ—въ званіи отвѣтчика даже очень прилично!

— Удивительно! просто удивительно! И правосудіе получить, и водки напиться — все можно!

— Только болтать лишнее нельзя! Идемъ на Фурштадтскую.

Пошли по Фурштадтской; дошли до Овсянниковскаго дома.

— Вотъ какой столбъ былъ! До неба рукой доставалъ — и вдругъ рухнулъ! воскликнулъ я въ умиленіи: — я, впрочемъ, думаю, что Провидѣніе не безъ умысла, отъ времени до времени, такія зрѣлища допускаетъ!

— Для чего Провидѣніе допускаетъ такія зрѣлища— это, братъ, не нашего ума дѣло; а вотъ, что Овсянниковъ подвергся карѣ закона — это вѣрно. Это я въ газетахъ читалъ, и потому могу говорить свободно!

— Да, но отчего же и о путяхъ Провидѣнія не припомнить при этомъ?

— Отъ того, что пути эти намъ неизвѣстны — вотъ

отъ чего. А что̀ намъ неизвѣстно — къ тому мы должны относиться сдержанно. Шагай, братецъ.

Въ концѣ Фурштадтской — питейное заведеніе. Выходитъ оттуда мужчина въ изорванномъ пальто, съ изорванной физіономіей и, пошатываясь, горланитъ:

Красавица! подожди,
Бѣлы руки подожми!

— Вотъ и онъ совѣтуетъ подождать! говорю я.

— Да, потому что всѣмъ такая линія вышла.

— А бѣдный онъ!

— Кто? пьяница-то?

— Да, онъ. Сколько лютой скорби надобно, чтобъ накипѣло у человѣка въ груди...

Но Глумовъ и тутъ оборвалъ меня, запѣвъ:

Красавица! подожди!
Бѣлы руки подожми!

— Не для того я напоминаю тебѣ объ этомъ, продолжалъ онъ:—чтобъ ты именно въ эту минуту молчалъ. а для того, что если ты теперь сдерживать себя не будешь, то и въ другое время языкъ обуздать не съумѣешь. Выдержка намъ нужна, воспитаніе. Мы на славянскую распущенность жалуемся, а не хотимъ понять, что отъ того вся эта неопрятность и происходитъ, что мы на каждомъ шагу послабленія себѣ дѣлаемъ. Прямо, на улицѣ, пожалуй, не посмѣемъ высказаться, а чуть зашли за уголъ — и распустили языкъ. Понятно, что начальство за это претендуетъ на насъ. А ты такъ умѣй собой овладѣть, что ежели сказано тебѣ «погоди!», такъ ты годи вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, да отъ всего сердца, да со всею готовностью—вотъ какъ! даже когда

одинъ съ самимъ собой находишься — и тогда годи! Только тогда и почувствуется у тебя настоящая культурная выдержка.

Я долженъ былъ согласиться съ Глумовымъ. Дѣйствительно, русскій человѣкъ какъ-то туго поддается выдержкѣ и почти совѣмъ не можетъ устроить, чтобы на всякомъ мѣстѣ и во всякое время вести себя съ одинаковымъ самообладаніемъ. Есть у него въ этомъ смыслѣ два очень серьёзные врага: воображеніе, способное мгновенно создавать разнообразные художественные образы, и чувствительное сердце, готовое раскрываться на встрѣчу первому попавшемуся впечатлѣнію. Обстоятельства почти всегда застигаютъ его врасплохъ, а потому, сію минуту онъ увядаетъ, а въ слѣдующую—расцвѣтаетъ, сію минуту разсыпается въ выраженіяхъ преданности и любви, а въ слѣдующую — клянетъ или загибаетъ непечатныя слова, которыя у насъ какъ-то и въ счетъ не полагаются. Но, во всякомъ случаѣ, онъ не умѣетъ сдержать свою мысль и рѣчь въ извѣстныхъ границахъ, но непремѣнно впадаетъ въ расплывчивость и прибѣгаетъ къ околичностямъ. Прочтите любой судебный процессъ, и вы безъ труда убѣдитесь въ этомъ. Ни одинъ свидѣтель на вопросъ: гдѣ вы въ такомъ-то часу были?—не отвѣтитъ просто: былъ тамъ-то, но непремѣнно всю свою душу при этомъ изольетъ. Начнетъ съ родителей, потомъ переберетъ всѣхъ знакомыхъ, которыхъ фамиліи попадутся ему на языкъ, потомъ объ себѣ отзовется, что онъ человѣкъ несчастный, и, наконецъ, уже на повторительный вопросъ: гдѣ вы были?— рѣшится отвѣтить: былъ тамъ-то, но непремѣнно присовокупитъ: видѣлся вотъ съ тѣмъ-то, да еще съ тѣмъ-то, и сговаривались мы сдѣлать то-то. Однимъ словомъ, самаго ничтожнаго повода достаточно, чтобъ насторо-

жить воображеніе и чтобы послѣднее немедленно нарисовало цѣлую картину.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я рѣшился сдерживать себя. Молча мы повернули вдоль линіи Таврическаго сада, затѣмъ направо по набережной, и остановились противъ Таврическаго дворца. Натурально, умилились. Тѣни Екатерины, Потемкина, Державина такъ живо пронеслись передо мною, что мнѣ показалось, что я чувствую ихъ дуновеніе.

— Вотъ гдѣ витаетъ тѣнь великолѣпнаго князя Тавриды! воскликнулъ я.

— Да, братъ, вотъ тутъ, въ этомъ самомъ мѣстѣ онъ и жилъ! отозвался Глумовъ.

— И что̀ отъ него осталось? Чѣмъ разрѣшилось облако блеска, славы и власти, которое окружало его? Нѣсколькими десятками анекдотовъ въ «Русской Старинѣ», изъ коихъ въ одномъ главную роль играетъ севрюжина! Вонъ тамъ былъ сожженъ знаменитый фейерверкъ, вотъ тутъ, съ этой террасы глядѣла на празднество залитая въ золото толпа царедворцевъ, а вдали неслыханныя массы голосовъ и инструментовъ гремѣли «Коль славенъ», подъ громъ пушекъ! Гдѣ все это?

Я расчувствовался, всталъ въ позу и продекламировалъ:

Гдѣ столъ былъ яствъ — тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ...

— Дальше не помню, но неправда-ли, удивительно!

— Удивительно-то удивительно, только это изъ оды на смерть Мещерскаго, и къ Потемкину, слѣдовательно не относится, расхолодилъ меня Глумовъ.

— Все равно, это стихи Державина, которые всегда повторить пріятно! Екатерина! Державинъ! Имена-то какія, мой другъ! часто-ли встрѣтишь ты въ исторіи такія сочетанія!

— Орловы! Потемкинъ! Румянцевъ! Суворовъ! словно эхо вторилъ мнѣ Глумовъ, и, ставъ въ позицію, продекламировалъ:

Вихрь полуночный летитъ богатырь!
Тѣнь отъ чела, съ посвиста—пыль!

— А потомъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, и, наконецъ Зубовъ... И каждому-то умѣлъ старикъ Державинъ комплиментъ сказать!

Подъ наплывомъ этихъ отрадныхъ чувствъ начали мы припоминать стихи Державина, но, къ удивленію, ничего не припомнили, кромѣ:

Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ! *)

— Да, братъ, былъ такой крестьянинъ! былъ! воскликнулъ я, подавленный нарисованною Державинымъ картиной.

Какъ ни сдержанъ былъ Глумовъ, но на этотъ разъ, и онъ счелъ неумѣстнымъ охлаждать мой восторгъ.

— Да, братъ, былъ, сказалъ онъ почти сочувственно.

— Было! все было! продолжалъ я восклицать въ восхищеніи:—и «добры щи» были! представь себѣ: «добры щи»!

— Представляю, но, все-таки, не могу не сказать: восхищаться ты можешь, но съ такимъ разсчетомъ, что-

*) «Осень во время осады Очакова».

бы восхищеніе прошлымъ не могло служить поводомъ для превратныхъ толкованій въ смыслѣ укора настоящему!

И съ этимъ замѣчаніемъ я долженъ былъ согласиться. Да, и восторги нужно соразмѣрять, то-есть, ни въ какомъ случаѣ не сосредоточивать ихъ на одной какой-нибудь точкѣ, но распредѣлять на возможно бо̀льшее количество точекъ. Нужды нѣтъ, что вслѣдствіе этого распредѣленія, восторгъ сдѣлается болѣе умѣреннымъ, но за то онъ всѣ точки равно освѣтитъ и отъ каждой получитъ дань похвалы и поощренія. Поэты стараго добраго времени очень тонко это понимали, и потому, ни на комъ исключительно не останавливаясь и никого не обижая, всѣмъ подносили посильные комплементы.

Мы повернули назадъ, прихватили Песковъ, и когда поравнялись съ однимъ одноэтажнымъ деревяннымъ домикомъ, то я сказалъ:

— Вотъ въ этомъ самомъ домѣ цензоръ Красовскій родился!

— Врешь?

Я совралъ дѣйствительно; но такъ какъ срокъ, въ теченіи котораго мнѣ предстояло «годить» не былъ опредѣленъ, то надо же было какъ-нибудь время проводить! Поэтому, я нетолько не сознался, но и продолжалъ стоять на своемъ.

— Вѣрно, что тутъ! упорствовалъ я: — мнѣ Тряпичкинъ сказывалъ. Онъ, братъ, нынче фельетоны-то бросилъ, за историческія изслѣдованія принялся! Уваровскую премію надѣется получить! Тутъ родился! тутъ!

Постояли, полюбовались, вспомнили, какъ у покойнаго всю жизнь животъ болѣлъ, наконецъ, махнули рукой и пошли по Лиговкѣ. Долго ничего замѣчательнаго не

было, но вдругъ мои глаза ухитрились отъискать знакомый домъ.

— Вотъ въ этомъ самомъ домѣ собранія библіографовъ бываютъ, сказалъ я.

— Когда?

— Собираются они по ночамъ и въ величайшемъ секретѣ: боятся, чтобъ полиція не накрыла.

— Ихъ-то?

— Да, братъ, и ихъ! Вообще человѣчество все...

— Ты бывалъ на этихъ собраніяхъ?

— Былъ однажды. При мнѣ «Черную шаль» Пушкина библіографической разработкѣ подвергали. Они, братъ, ее въ двухъ томахъ съ комментаріями хотятъ издавать.

— Вотъ бы гдѣ «годить»-то хорошо! Туда бы забраться, да тамъ все время и переждать!

— Да, хорошо бы. При мнѣ, въ теченіи трехъ часовъ только два первые стиха обработали. Вотъ видишь, обыкновенно мы такъ читаемъ:

Гляжу я безмолвно на черную шаль
И хладную душу терзаетъ печаль...

А у Слёнина (1831 г. in 8-vo) послѣдній стихъ такъ напечатанъ:

И *г*ладную душу *д*ерзаетъ печаль...

Вотъ они и остановились въ недоумѣніи. Три партіи образовались.

— Ужинать-то, по крайней мѣрѣ, дали-ли?

— Нѣтъ, ужина не было, а подъ конецъ засѣданія хозяинъ сказалъ: я, господа, рѣдкость пріобрѣлъ! единственный экземпляръ Гоголевскаго портрета, на которомъ

авторъ «Мертвыхъ Душъ» изображенъ съ бородавкой на носу!

— Ну, и что жь?

— Натурально, всѣ всполошились. Принесъ, всѣ бросились смотрѣть: дѣйствительно, сидитъ Гоголь, и на самомъ кончикѣ носа у него бородавка. Начался споръ: въ какую эпоху жизни портретъ снятъ? положили: справиться, нѣтъ-ли указаній въ бумагахъ покойнаго академика Погодина. Потомъ стали къ хозяину приставать: сколько за портретъ заплатилъ? Тотъ говоритъ: угадайте! Потомъ, въ видѣ литіи, прочли «полный и достовѣрный списокъ сочиненій Григорія Данилевскаго» — и разошлись.

— Вотъ, другъ, этакъ-то бы пожить!

— Да, хорошо! однако, братъ, и они... на замѣчаніи тоже! Какъ расходились мы, такъ я замѣтилъ: нѣтъ-нѣтъ, да и стоитъ, на всякій случай, городовой! И такіе пошли тутъ у нихъ свистки, что я, грѣшный человѣкъ, подумалъ: а что, ежели «Черная шаль» тутъ только предлогъ одинъ!

Разговаривая такимъ образомъ, мы незамѣтно дошли до Невскаго, причемъ я не преминулъ обратиться всѣмъ корпусомъ къ дебаркадеру николаевской желѣзной дороги и произнесъ:

— А вотъ это — результатъ пытливости девятнадцатаго вѣка!

Затѣмъ, дойдя до Надеждинской улицы, я сказалъ:

— Эта улица прежде Шестилавочною называлась и шла отъ Кирочной только до Итальяской, а теперь до Невскаго ее продолжили. И это тоже результатъ пытливости девятнадцатаго вѣка!

А дойдя до булочной Филипова, я вспомнилъ, какія я давеча мысли по поводу филиповскихъ калачей вы-

сказывалъ, и даже засмѣялся: какъ можно было такую гражданскую незрѣлость выказать!

— А помнишь, какой мы давича разговоръ по случаю филиповскихъ калачей вели? обратился я къ Глумову.

— Не я велъ, а ты.

— Ну, да, я. Но какъ все это было юно! незрѣло! Какое мнѣ дѣло до того, кто муку производитъ, какъ производитъ и пр.! Я ѣмъ калачи — и больше ничего! мнѣ кажется, теперь — хоть озолоти меня, я въ другой разъ этакой глупости не скажу!

— И прекрасно сдѣлаешь. Вотъ какъ каждый-то день верстъ по пятнадцати-двадцати обломаемъ, такъ дней черезъ десять и совсѣмъ замолчимъ!

Но когда мы дошли до площади Александринскаго театра, то душевный нашъ уровень опять поднялся. Вновь вспомнили старика Державина:

Богоподобная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна...

— А вотъ и самъ онъ тутъ! воскликнулъ я, указывая на пьедесталъ.

— А вотъ храмъ Таліи и Мельпомены! отозвался Глумовъ, указывая на Александринскій театръ.

— А рядомъ съ нимъ храмъ Момусу!

— А напротивъ — отель Бель-вю!

Намъ было такъ радостно, что все это такъ хорошо съютилось, что мы, дабы не отравлять счастливаго душевнаго настроенія, рѣшились отвратить наши взоры отъ бывшаго помѣщенія конторы Баймакова, такъ какъ это зрѣлище должно было несомнѣнно ввергнуть насъ въ меланхолію.

Проходя мимо публичной библіотеки, я собрался-было остановиться и сказать нѣсколько прочувствованныхъ

словъ насчетъ не неумѣстности наукъ, но Глумовъ такъ угрюмо взглянулъ на меня, что я невольно ускорилъ шагъ и успѣлъ высказать только слѣдующій краткій exordium:

— Вотъ здѣсь хранятся сокровища человѣческаго ума!

За то у милютиныхъ лавокъ мы отдохнули и взорами и душою. Апельсины, мандарины, груши, виноградъ, яблоки. Представьте себѣ—земляника! На дворѣ февраль, у извощиковъ уши на морозѣ побѣлѣли, а тамъ, въ этой провонялой лавчонкѣ—ужь лѣто въ самомъ разгарѣ! И какіе веселые, беззавѣтные голоса долетали до насъ оттуда всякій разъ, какъ дверь магазина отворялась! И какъ меня вдругъ потянуло туда, въ заднія низенькія комнаты, въ эту провонялую, сырую атмосферу, на эти клеенчатые диваны, на всемъ пространствѣ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, ни одного непроплеваннаго мѣста невозможно найти! Придти туда, лечь съ ногами на диванъ, окружить себя устрицами, пить шаблй, и въ этомъ положеніи «годить»!

— Да, и тутъ «годить» хорошо! молвилъ Глумовъ, какъ бы угадывая мою мысль.

Но планъ нашъ ужь былъ составленъ заранѣе. Мы обязывались провести время, хотя безполезно, но въ то же время, по возможности, серьёзно. Мы понимали, что всякая примѣсь легкомыслія должна произвести игривость ума, и что только серьёзное переливаніе изъ пустого въ порожнее можетъ вполнѣ укрѣпить человѣка на такой серьёзный подвигъ, какъ непремѣнное намѣреніе «годить». Поэтому, хотя и не безъ насильства надъ самими собой, но мы оторвали глаза отъ соблазнительнаго зрѣлища и направили стопы по направленію къ адмиралтейству.

Мы шли молча, какъ бы подавленные бакалейными

запахами, которыми, казалось, даже складки нашихъ пальто внезапно пропахли. Не обративъ вниманія ни на памятники Барклаю де-Толли и Кутузову, ни на ресторанъ Доминика, въ дверяхъ котораго толпились какія-то полинялыя личности, ни на обѣ Морскія, съ веселыми пріютами Бореля и Танти, мы достигли Адмиралтейской площади, и тутъ я вновь почувствовалъ необходимость сказать нѣсколько прочувствованныхъ словъ.

— Еще недавно здѣсь, на маслянницѣ и на Святой, устраивались балаганы, и въ опредѣленные дни вывозили институтокъ въ придворныхъ каретахъ. Теперь все это происходитъ уже на Царицыномъ лугу. Здѣсь же, на площади, иждивеніемъ и заботливостью городской думы, устроенъ скверъ. Глумовъ! видишь этотъ скверъ?

— Вижу. А ты — видишь?

— И я вижу. Я объ томъ хочу сказать, что съ каждымъ годомъ этотъ скверъ все больше и больше разростается. Сначала, когда его только-что насадили, деревья вотъ этакія были, и, притомъ, множество изъ нихъ въ первый же годъ погибло. Потомъ, по мѣрѣ того, какъ заботливость городской думы развивалась, погибшія деревья замѣнялись новыми, а старыя, сразу удавшіяся, пышнѣе и пышнѣе разростались. Въ настоящее время не слишкомъ тучный прохожій уже можетъ свободно отдохнуть подъ ихъ тѣнью, но, разумѣется, не зимой. Глумовъ! правильно-ли я говорю?

— Совершенно правильно.

— А теперь, исполнивши нашъ долгъ относительно Адмиралтейской площади и отдавши дань заботливости городской думы, идемъ къ окончательной цѣли нашего путешествія, какъ оно проектировано на нынѣшній день!

Мы пошли на Сенатскую площадь и въ нѣмомъ благоговѣніи остановились передъ памятникомъ Петра Великаго. Вспомнился «Мѣдный Всадникъ» Пушкина и тутъ же кстати пришли на умъ и слова профессора Морошкина о Петрѣ:

«Но великій человѣкъ не пріобщался нашимъ слабостямъ! Онъ не зналъ, что мы плоть и кровь! Онъ былъ великъ и силенъ, а мы родились и слабы и худы, намъ нужны были общіе уставы человѣческіе!» *).

Я повторилъ эти замѣчательныя слова, а Глумовъ вполнѣ одобрилъ ихъ. Затѣмъ, мы бросили прощальный взглядъ на зданіе сената, въ которомъ нѣкогда говорилъ правду Яковъ Долгорукій, и такъ какъ программа гулянья на нынѣшній день была уже исчерпана и насъ порядкомъ-таки одолѣвала усталость, то мы сѣли въ вагонъ конно-желѣзной дороги и благополучно прослѣдовали въ немъ до Литейной.

Было уже четыре часа, когда мы воротились домой слѣдовательно, до обѣда оставался еще часъ. Глумовъ отправился распорядиться на кухню, а мнѣ далъ картузъ табаку, пачку гильзъ и сказалъ:

— Займись!

Наконецъ, подали обѣдать. Никогда не ѣдалъ я такъ вкусно. Во-первыхъ, никогда не приходилось дѣлать подобнаго предобѣденнаго моціона, а во-вторыхъ, мы ѣли на свободѣ, безъ всякихъ политическихъ соображеній, «безъ тоски, безъ думы роковой», памятуя твердо, что ничего другого, кромѣ ѣды, намъ не предстоитъ. Поэтому, каждый кусокъ былъ надлежащимъ образомъ прожеванъ, а слѣдовательно, и до желудка дошелъ въ формахъ, вполнѣ согласныхъ съ требованіями медицинской

---

*) Рѣчь профессора Московскаго университета Морошкина: «Объ уложеніи и его дальнѣйшемъ развитіи».

науки. Подавали на закуску: провѣсную бѣлорыбицу и превосходнѣйшую бѣлужью салфеточную икру; за обѣдомъ, удивительнѣйшіе щи съ говяжьей грудиной, потомъ осетрину паровую, потомъ жареныхъ рябчиковъ, привезенныхъ прямо изъ Сибири, и наконецъ — компотъ изъ французскихъ фруктовъ. Само собой разумѣется, что при каждой перемѣнѣ кушанья возникалъ приличный обстоятельствамъ рззговоръ.

Давно, очень давно дѣдушка Крыловъ написалъ басню «Сочинитель и разбойникъ», въ которой доказалъ, что разбойнику слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ сочинителемъ, и эта истина такъ пришлась намъ ко двору, что съ давнихъ временъ никто и не сомнѣвается въ ея непререкаемости. Позднѣе, тотъ же дѣдушка Крыловъ написалъ другую басню «Три мужика», въ которой о̀бразно доказалъ другую истину, что во время ѣды не слѣдуетъ вести иныхъ разговоровъ, кромѣ тѣхъ, которые, такъ сказать, вытекаютъ изъ самаго процесса ѣды. Этою истиною мы долгое время малодушно пренебрегали, но теперь, когда теорія и практика въ совершенствѣ выяснили, что человѣческій языкъ есть не что̀ иное, какъ орудіе для выраженія человѣческаго сквернымыслія, мы должны были сознаться, что прозорливость дѣдушки Крылова никогда не обманывала его.

Мы солидно ѣли и вели солидный разговоръ объ ѣдѣ. И по мѣрѣ того, какъ обѣдъ развивался, передъ нами открывались такія поразительныя перспективы, которыхъ мы никогда и не подозрѣвали. Я покупалъ говядину въ какой-то лавочкѣ «на углу»; Глумовъ — на Кругломъ рынкѣ; я покупалъ рыбу въ Чернышевомъ переулкѣ, Глумовъ — на Мытномъ дворѣ; я пріобрѣталъ дичь въ первой попавшейся лавкѣ, на дверяхъ которой висѣлъ замороженный заяцъ, Глумовъ — въ какомъ-то

складѣ, близь Шлиссельбургской заставы. Безхозяйственность моя обнаружилась во всемъ ужасающемъ безобразіи, такъ что я тутъ же мысленно рѣшилъ, что безъ радикальныхъ реформъ обойтись невозможно.

— Ты сообрази, мой другъ, говорилъ я: — вѣдь по этому разсчету выходитъ, что я, по малой мѣрѣ, каждый день полтину на вѣтеръ бросаю! А сколько этихъ полтинъ-то въ годъ выйдетъ?

— Выйдетъ триста шестьдесятъ пять полтинъ, то-есть сто восемьдесятъ два рубля пятьдесятъ копеекъ.

— Теперь, пойдемъ дальше. Прошло слишкомъ тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ школы, и все это время, съ очень небольшими перерывами, я живу полнымъ хозяйствомъ. Еслибъ я всѣ эти полтины собиралъ, сколько бы у меня теперь денегъ-то было?

— Тысячу восемьсотъ двадцать пять помножь на три — выйдетъ пять тысячъ четыреста семдесятъ пять рублей.

— Это ежели безъ процентовъ считать. Но я могъ эти сбереженія... ну! положимъ, подъ ручные залоги я бы не отдалъ... а, все-таки, я могъ бы на эти сбереженія покупать процентныя бумаги, дисконтировать векселя и вообще совершать дозволенныя закономъ финансовыя операціи... Разсчетъ-то ужь выйдетъ совсѣмъ другой.

— Да, братъ, обмишулился ты!

— И замѣть, что у тебя провизія превосходная, а у меня — только посредственная. Возьми, напримѣръ, твоя-ли осетрина, или моя?

— Нѣтъ, вотъ я завтра окорочекъ велю запечь, да тёпленькій... тёпленькій на столъ-то его подадимъ! Вотъ и увидимъ, что̀ ты тогда запоешь!

— Ты гдѣ окорока покупаешь?

— Угадай!

— У Шписа? у Людекенса?

— Въ Мучномъ переулкѣ!!!

— Скажите на милость!

Словомъ сказать, разочарованіе слѣдовало за разочарованіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлась и надежда на исправленіе, а это-то собственно и было дорого. Ибо давно уже признано, что однѣ темныя стороны никогда никого не удовлетворяютъ, если онѣ не смягчаются свѣтлыми сторонами, или, за недостаткомъ ихъ, «насъ возвышающими обманами»! Такъ что, напримѣръ, человѣкъ, котораго обѣдъ состоитъ изъ одной тюри съ водой, только тогда будетъ вполнѣ удовлетворенъ, ежели при этомъ вообразитъ, что ѣстъ наварные щи и любуется плавающимъ въ нихъ жирнымъ кускомъ говядины.

Этихъ мыслей я, впрочемъ, не высказывалъ, потому что Глумовъ непремѣнно распекъ-бы меня за нихъ. Да я и самъ, признаться, не придавалъ имъ особеннаго политическаго значенія, такъ что былъ даже очень радъ, когда Глумовъ прервалъ ихъ теченіе, пригласивъ меня въ кабинетъ, гдѣ насъ ожидалъ удивительной красоты «Шартрёзъ».

Былъ седьмой часъ въ половинѣ, когда мы встали изъ-за стола. Мы сѣли другъ противъ друга въ мягкія кресла, закурили какія-то необычайныя *nec plus ultra,* и медленно, съ толкомъ дегюстировали послѣобѣденныя рюмки, наполненныя золотистой жидкостью. Хорошо намъ было. Я не скажу, чтобъ это былъ сонъ, но, казалось, что какая-то блаженная дремота, словно легкая дымка, спускалась откуда-то съ высоты и укачивала утомленное непривычнымъ моціономъ тѣло. Сомкнувъ усталыя вѣжды, мы молча предавались внутреннимъ созерцаніямъ и изрѣдка потихоньку вздрагивали. Наконецъ, изъ груди Глумова вырвался стонъ, который

сразу возвратилъ и его, и меня къ чувству дѣйствительности.

— А вѣдь я, братъ, чуть-чуть не заснулъ, удивился онъ, и тутъ же громкимъ голосомъ возопилъ: — зельтерской воды... и умыться!

Выпили по бутылочкѣ зельтерской воды, потомъ умылись и сдѣлались опять такъ же свѣжи и бодры, какъ будто только сейчасъ отстоявши раннюю обѣдню, собрались по христіански провести день свой.

Было около половины девятаго, когда мы сѣли вдвоемъ въ сибирку съ двумя болванами. Мы игроки почти ровной силы, но Глумовъ не обращаетъ вниманія, а я — обращаю. Поэтому, игры бываютъ преинтересныя. Глумовъ горячится, не разсчитываетъ игры, а хочетъ сразу ее угадать — и попадаетъ въ просакъ; а я, разумѣется, этимъ пользуюсь, и записываю штрафъ.

Въ концѣ-концовъ, я почти всегда оказываюсь въ выигрышѣ, но это нимало не сердитъ Глумова. Иногда мы даже оба отъ души хохочемъ, когда случается что-нибудь совсѣмъ ужь необыкновенное: ренонсъ, напримѣръ, или дама червей вдругъ покажется за короля. Но никогда еще игра наша не была такъ весела, какъ въ этотъ разъ. Во-первыхъ, Глумовъ, въ горячахъ, пролилъ на сукно стаканъ чаю; во-вторыхъ, онъ, имѣя на рукахъ три туза, получилъ маленькій шлемъ! Давно мы такъ не хохотали.

Въ одиннадцать часовъ мы встали изъ-за картъ и тѣмъ же порядкомъ, какъ и наканунѣ, улеглись спать.

— А чтò, братъ, годить-то, пожалуй, совсѣмъ не такъ трудно, какъ это съ перваго взгляда казалось? сказалъ мнѣ на прощаніе Глумовъ.

Я возобновилъ въ своей памяти проведенный день, и

нашелъ, что, по справедливости, ничего другого не остается, какъ согласиться съ Глумовымъ.

Дѣйствительно, всѣ мысли и чувства во мнѣ до того угомонились, такъ сказать, дисциплинировались, что въ эту ночь я даже не ворочался на постели. Какъ легъ, такъ сейчасъ же почувствовалъ, что голова моя налилась свинцомъ и помертвѣла. Какая разница съ тѣмъ, что̀ происходило въ эти же самые часы вчера!

На другой день я проснулся въ восемь часовъ утра и первою моею мыслью было возблагодарить Подателя всѣхъ благъ за совершившееся во мнѣ обновленіе...

II.

Глумовъ сказалъ правду: нужно только въ первое время на себя поналечь, а остальное придетъ само собою. Исключительно преданные тѣлеснымъ упражненіямъ, мы въ короткій срокъ настолько дисциплинировали наши естества, что чувствовали позывъ только къ насыщенію. Ни науки, ни искуства не интересовали насъ; мы не слѣдили ни за открытіями, ни за изобрѣтеніями, не заглядывали въ книги, не ходили въ засѣданія педагогическаго общества, не сочувствовали ни славянамъ, ни туркамъ и совсѣмъ позабыли о существованіи Мак-Магона. Даже чтеніе газетныхъ строчекъ сдѣлалось для насъ тягостнымъ...

По прежнему, колесили мы по Петербургу, но, проходя мимо памятниковъ, которые нѣкогда заставляли биться наши сердца, уже не чувствовали ничего такого, что̀ заставляло бы насъ лѣзть на стѣну. Мы прежде всего направляли стопы на Круглый Рынокъ и спрашивали, нѣтъ-ли какихъ *новостей*; оттуда шагали на Мытный Дворъ и почти съ гнѣвомъ восклицали: да когда же, наконецъ, бѣлорыбицу привезутъ? Во всѣхъ съѣстныхъ лавкахъ насъ полюбили, какъ родныхъ, во-первыхъ, за то, что мы, не торгуясь, выбирали лучшіе куски, а во-

вторыхъ (и преимущественно), за то, что мы обо всемъ касающемся съѣстного во всякое время могли высказать «правильное сужденіе». Это «правильное сужденіе» приводило въ восхищеніе и хозяевъ, и прикащиковъ.

— Не то дорого, что вы покупатели, лучше какихъ желать не надо, а любовь, да совѣтъ, да умное ваше слово—вотъ чтò всякихъ денегъ дороже! говорили намъ вездѣ.

Въ согласность съ этою жизненною практикой выработалась у насъ и наружность. Мы смотрѣли тупо и невнятно, не могли произнести сряду нѣсколько словъ, чтобы не впасть въ одышку, топырили губы и какъ-то нелѣпо шевелили ими, точно сбираясь сосать собственный языкъ. Такъ что я нимало не былъ удивленъ, когда однажды, на улицѣ, неизвѣстный прохожій, завидѣвши насъ, сказалъ: вотъ идутъ двѣ идеально-благонамѣренныя скотины!

Даже Алексѣй Степанычъ (Молчалинъ) и тотъ нашелъ, что мы всѣ ожиданія превзошли.

Зашелъ онъ ко мнѣ однажды, вечеромъ, а мы сидимъ и съ сыщикомъ изъ сосѣдняго квартала въ табельку играемъ. Глаза у насъ до того заплыли жиромъ, что мы и не замѣчаемъ, кàкъ сыщикъ къ намъ въ карты заглядываетъ. То-есть, пожалуй, и замѣчаемъ, но въ рожу его треснуть — лѣнь, а увѣщевать — напрасный трудъ: все равно, и на будущее время подглядывать будетъ.

— Однако, спѣсивы-таки вы, господа! и не заглянете къ старику! началъ-было Алексѣй Степанычъ и вдругъ остановился.

Глядитъ и глазамъ не вѣритъ. Въ комнатѣ накурено, нагажено; въ сторонкѣ, на столѣ, закуска и водка стоитъ; на насъ человѣческаго образа нѣтъ: съ трудомъ съ мѣстъ поднялись, смотримъ въ упоръ и губами жуемъ.

И, въ довершеніе всего, мужчина необыкновенный какой-то сидитъ: въ подержанномъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, въ отрёпанныхъ клѣтчатыхъ штанахъ, въ коленкоровой манишкѣ, которая горбомъ выбилась изъ-подъ жилета. Глаза у него на перекоски бѣгаютъ, въ усахъ объѣдки балыка застряли и капли водки, словно роса, блестятъ...

Сѣлъ, однакожь, Алексѣй Степанычъ, посидѣлъ. Замѣтилъ, какъ сыщикъ, во время сдачи, поднесъ карты къ губамъ, почесалъ ими въ усахъ и моментально передернулъ туза червей.

— А ты, молодецъ, когда карты сдаешь, къ усамъ-то ихъ не подноси! безъ церемоній остановилъ его старикъ Молчалинъ и, обратившись къ намъ, прибавилъ: — ахъ, господа, господа!

— Онъ... иногда... всегда... вымолвилъ въ свое оправданіе Глумовъ и чуть не задохся отъ усилія.

— То-то «иногда-всегда»! за эти дѣла за шиворотъ да въ шею? При мнѣ съ Загорѣцкимъ такой случай былъ — помню!

Когда же, по ходу переговоровъ, дѣйствительно оказалось, что у сыщика на рукахъ десять безъ козырей, то Алексѣй Степанычъ окончательно возмутился и потребовалъ пересдачи, на что̀ сыщикъ впрочемъ, очень любезно согласился, сказавъ:

— Чтобы для васъ удовольствіе сдѣлать, я же готовъ хотя пьятнадцать разъ зряду сдавать — и все то самое буде!

И точно: когда онъ сдалъ карты вновь, то у него оказалась игра до того ужь особенная, что онъ самъ не могъ воздержаться, чтобъ не воскликнуть въ восторгѣ:

— От-то игра!

Далѣе Алексѣй Степанычъ ужь не протестовалъ, а только повздыхалъ еще съ полчаса и удалился, сказавъ:

— Ахъ, братцы, братцы! какіе вы образованные были!

Съ тѣхъ поръ мы совсѣмъ утеряли изъ вида семейство Молчалиныхъ и, взамѣнъ того, съ каждымъ днемъ все больше и больше прилѣплялись къ сыщику, который льстилъ намъ, увѣряя, что въ настоящее время, въ видахъ политическаго равновѣсія, именно только такіе люди и требуются, которые умѣли бы глазами хлопать и губами жевать.

— Именножь одно это и нужно! говорилъ онъ:— потому, звйше такъ уже сдѣлано есть, что ежели чѐловѣкъ не образованъ — онъ работа̀ть объязанъ, а ежели чѐловѣкъ образованъ — онъ имѣетъ гулять и кушать! Ина̀чежь руволюція бу̀де!

Вообще, этотъ человѣкъ былъ для насъ большимъ рессурсомъ. Онъ былъ нетолько единственнымъ звѣномъ, связывавшимъ насъ съ миромъ живыхъ, но и порукой, что мы можемъ безъ страха глядѣть въ глаза будущему до тѣхъ поръ, покуда наша жизнь будетъ протекать у него на глазахъ.

— Поберегай, братецъ, насъ! поберегай! по временамъ напоминалъ ему Глумовъ.

— А якъ же! дажежь сегодня вопросъ былъ: скоро-ли руволюція на Литейной имѣетъ быть? Да нѣтъ же, говору̀, мы же всякій вечеръ зъ ними въ табельку играемъ!

Такъ обнадеживалъ онъ насъ и, въ доказательство своей искренности, пускался въ откровенности, то-есть сквернословилъ насчетъ начальства, и сознавался, что неоднократно бывалъ битъ при исполненіи обязанностей.

— Это жь вѐсьма натурально! пояснялъ онъ:—бо всякій чѐловѣкъ защищать себя имѣетъ — о̀т-то и гарцуе якъ може!

Всего замѣчательнѣе, что мы нетолько не знали

имени и фамиліи его, но и никакой надобности не видѣли узнавать. Глумовъ совершенно случайно прозвалъ его Кшепшицюльскимъ, и, къ удивленію, онъ сразу началъ откликаться на этотъ зовъ. Даже познакомились мы съ нимъ какъ-то необычно. Шелъ я однажды по двору нашего дома и услышалъ, какъ онъ разспрашиваетъ у дворника: «скоро-ли въ 4-мъ нумерѣ (это—моя квартира) руволюція буде». Сейчасъ же взялъ я его за шиворотъ и привелъ къ себѣ:

— На, смотри!

Съ тѣхъ поръ онъ и остался у насъ, только спать уходилъ въ кварталъ, да по утрамъ игралъ на бильярдѣ въ ресторанѣ Доминика, говоря, что это необходимо въ видахъ внутренней политики.

Лгунище онъ былъ баснословный, хотя не забавный. Но такъ какъ мы находились уже въ томъ градусѣ благонамѣренности, когда настоящая умственная пища дѣлается противною, то лганье представляло для насъ какъ бы замѣну ея. Въ особенности запутанно выходила у него родословная. Нынче онъ выдавалъ себя за сына вельможнаго польскаго пана, у котораго «въ тымъ мѣстѣ» были несмѣтныя маятности; завтра оказывался незаконнымъ сыномъ легкомысленной польской графини и дипломата, который будто бы написалъ сочиненіе «La verité sur la Russie» par un diplomate. («От-то онъ самый и есть!» прибавлялъ Кшепшицюльскій). Когда же Глумовъ, съ свойственною ему откровенностью, возражалъ: «а я такъ просто думаю, что ты с... с...», то онъ и этого не отрицалъ, а только съ бòльшею противъ прежняго торопливостью переносилъ лганье на другіе предметы. Хвастался, что служитъ въ кварталѣ только временно, покуда въ сенатѣ рѣшается процессъ его по имѣнію; что хотя его и называютъ сыщикомъ, но, собственно говоря, должность его дипломатическая, и по-

тому слѣдовало бы называть его «дипломатомъ такого-то квартала»; увѣрялъ, что въ 1863 году бѣгалъ «до лясу», но что, впрочемъ, всегда былъ на сторонѣ праваго дѣла и что даже предки его постоянно держали на сеймахъ руку Россіи («якъ же инàче мòже то быть!»). Иногда онъ задумывался и предлагалъ вопросъ:

— А якъ вы, господа, думаете: Богъ ѐ?

— Тебѣ-то, скотина, какое дѣло?

— Все же жь! Я, напримѣръ, полагаю, что зовсѣмъ яго ницъ.

Но даже подобныя выходки какъ-то ужь не поражали насъ. Конечно, инстинктъ все еще подсказывалъ, что за такія рѣчи слѣдовало бы по настоящему его поколотить (благо за это и отвѣтственности не полагается), но внутренняго жара ужь не было. Того «внутренняго жара», который заставляетъ человѣка простирать длани и сокрушать ближнему челюсти во имя дорогихъ убѣжденій.

Повторяю: мы совсѣмъ упустили изъ вида, что, по первоначальному плану, состояніе «благонамѣренности» было предположено для насъ только временно, покуда предстояла надобность «годить». Мы уже не «годили», а просто-на-просто «превратились». До такой степени «превратились», что думали только о томъ, на какомъ мы счету состоимъ въ кварталѣ. И когда, однажды, нашъ другъ-сыщикъ объявилъ, что не дальше, какъ въ тотъ же день, утромъ, нѣкто Иванъ Тимофеичъ (очевидно, вліятельное въ кварталѣ лицо) выразился объ насъ: я каждый день Бога молю, чтобъ и всѣ прочіе обыватели у меня такіе же благонамѣренные были! и что весьма легко можетъ случиться, что мы будемъ приглашены въ кварталъ на чашку чая, то мы цѣлый день выступали такою гордою поступью, какъ будто намъ на смотру по цѣлковому на водку дали.

И дѣйствительно, очень скоро послѣ этого мы имѣли случай на практикѣ убѣдиться, что Кшепшицюльскій не обманулъ насъ. Шли мы, однажды, по улицѣ, и вдругъ на встрѣчу самъ Иванъ Тимофеичъ идетъ. Мы-было, по врожденному инстинкту, хотѣли на другую сторону перебѣжать, но его благородіе поманилъ насъ пальцемъ, благосклонно приглашая не робѣть.

— Вечеркомъ... на чашку чая... прошу... въ кварталъ! сказалъ онъ, подавая намъ поочереди тѣ самые два пальца, которыми только-что передъ тѣмъ инспектировалъ въ ближайшей помойной ямѣ.

И, сказавъ это, изволилъ благополучно прослѣдовать къ слѣдующей помойной ямѣ.

Возвратясь домой, мы долго и тревожно бесѣдовали объ этой чашкѣ чая. Съ одной стороны, приглашеніе дѣлало намъ честь, какъ выраженіе лестнаго къ намъ довѣрія; съ другой стороны — оно налагало на насъ и обязанности. Множество вопросовъ предстояло разрѣшить. Въ какомъ костюмѣ идти: во фракѣ, въ сюртукѣ, или въ халатѣ? Что̀ заставятъ насъ дѣлать: плясать русскую, пѣть «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», вести разговоры о безсмертіи души съ точки зрѣнія управы благочинія, или же просто поставятъ штофъ водки и скажутъ: пейте, благонамѣренные люди! Разумѣется, нашъ сыщикъ оказался въ этомъ случаѣ драгоцѣнной для насъ находкою.

— Вудка буде непремѣнно, сказалъ онъ намъ:—мо̀же и не така̀ гарна, какъ въ тымъ мѣстѣ, гдѣ моя родина есть, но все же бу̀де. Пѣть васъ мо̀же и не заставятъ, но мысли навѣрное испытывать будутъ и для того философическій разговоръ заведутъ. А послѣ, мо̀же, и танцовать прикажутъ, бо у Ивана Тимофеича дочка есть... о̀т-то слична дѣвица!

Наконецъ, насталъ вечеръ, и мы отправились. Я по-

мню, на мнѣ были бѣлыя перчатки, но почему-то мнѣ показалось, что на раутѣ въ кварталѣ нельзя быть иначе, какъ въ перчаткахъ мытыхъ и непремѣнно съ дырой: я такъ и сдѣлалъ. Съ своей стороны, Глумовъ хотя тоже рѣшилъ быть во фракѣ, но своего фрака не надѣлъ, а поѣхалъ въ частный ломбардъ и тамъ, по знакомству, выпросилъ одинъ изъ заложенныхъ фраковъ, самый старенькій.

— По этикету-то ихнему, слѣдовало бы въ ворованномъ фракѣ ѣхать, сказалъ онъ мнѣ: — но такъ какъ мы съ тобой до воровства еще не дошли (это предполагалось впослѣдствіи, какъ окончательный шагъ для увѣнчанія зданія), то на первый разъ не взыщутъ, что и въ ломбардной одёжѣ пришли!

Иванъ Тимофеичъ принялъ насъ совершенно по дружески, а, прежде всего, былъ польщенъ тѣмъ, что мы, привѣтствуя его, назвали вашимъ благородіемъ. Онъ сейчасъ же провелъ насъ въ гостинную, гдѣ сидѣли его жена, дочь и нѣсколько полицейскихъ дамъ, около которыхъ усердно лебезила полицейская молодежь (впослѣдствіи я узналъ, что это были мѣстные «червонные валеты», выпущенные изъ чижовки на случай танцевъ).

— Папаша вами очень доволенъ! бойко привѣтствовала насъ дочь хозяина и, обращаясь ко мнѣ, прибавила: — смотрите! я съ вами первую кадриль хочу танцовать!

— Ежели, впрочемъ, не воспрепятствуетъ пожаръ! любезно оговорился хозяинъ.

По выполненіи церемоніи представленія, мы удалились въ кабинетъ, гдѣ намъ немедленно вручили по стакану чая, на половину разбавленнаго кизляркой (въ человѣкѣ, разносившемъ подносы съ чаемъ, мы съ удовольствіемъ узнали Кшепшицюльскаго). Гостей было достаточно. Почетные: письмоводитель Прудентовъ и брант-

мейстеръ Молодкинъ—сидѣли на диванѣ, а младшіе — на стульяхъ. Въ числѣ младшихъ гостей находился и старшій городовой Дергуновъ съ тесакомъ черезъ плечо.

Оказалось, что Кшепшицюльскій и тутъ не обманулъ насъ. Едва мы успѣли усѣсться, какъ Прудентовъ и Молодкинъ (конечно, по порученію Ивана Тимофеича), въ видахъ испытанія нашего образа мыслей, завели философическій разговоръ. Начали съ вопроса о безсмертіи души и очень ловко дали бесѣдѣ такую форму, какъ будто она возъимѣла начало еще до нашего прихода, а мы только случайно сдѣлались ея участниками. Прудентовъ утверждалъ, что подлинно душа человѣческая безсмертна, Молодкинъ же ему оппонировалъ, но, очевидно, только для формы, потому что доказательства представлялъ самыя легкомысленныя.

— Никакой я души не видалъ, говорилъ онъ: — а чего не видалъ, того не знаю!

— А я хоть и не видалъ, но знаю, упорствовалъ Прудентовъ:—не въ томъ штука, чтобы видючи знать— это всякій можетъ — а въ томъ, чтобы и невидимое за видимое твердо содержать! Вы, господа, какихъ объ этомъ предметѣ мнѣній придерживаетесь? очень ловко обратился онъ къ намъ.

Моментъ былъ критическій, и, признаюсь, я сробѣлъ. Я столько времени вращался исключительно въ сферѣ съѣстныхъ припасовъ, что самое понятіе о душѣ сдѣлалось совершенно для меня чуждымъ. Я началъ мысленно перебирать: душа... безсмертіе... чтò-бишь такое было? — но, увы! ничего припомнить не могъ, кромѣ одного: да, было что-то... гдѣ-то тамъ... Къ счастію, Глумовъ кой-что еще помнилъ и потому поспѣшилъ ко мнѣ на выручку.

— Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ совершенно правильно, сказалъ онъ: — необходимо прежде все-

го обратиться къ источникамъ. А именно: ежели имѣется въ виду статья закона или хотя начальственное предписаніе, коими разрѣшается считать душу безсмертною, то, всеконечно, сообразно съ симъ надлежитъ и поступать; но ежели ни въ законахъ, ни въ предписаніяхъ прямыхъ въ этомъ смыслѣ указаній не имѣется, то, по моему мнѣнію, необходимо ожидать дальнѣйшихъ по сему предмету распоряженій.

Отвѣтъ былъ дипломатическій. Ничего не разрѣшая по существу, Глумовъ очень хитро устранялъ разставленную ловушку и самихъ поимщиковъ ставилъ въ конфузное положеніе. Обратитесь къ источникамъ! говорилъ онъ имъ, и буде найдете въ нихъ указанія, то требуйте точнаго по онымъ выполненія! Въ противномъ же случаѣ, остерегитесь сами, и не вдавайтесь въ розъисканія, кои впослѣдствіи могутъ быть признаны несвоевременными!

Какъ бы то ни было, но находчивость Глумова всѣхъ привела въ восхищеніе. Сами поимщики добродушно ей аплодировали, а Иванъ Тимофеичъ былъ до того доволенъ, что благосклонно потрепалъ Глумова по плечу и сказалъ:

— Ловко, братъ!

— Ну-съ, прекрасно-съ! продолжалъ дальше испытывать Прудентовъ: — а теперь я желалъ бы знать ваше мнѣніе еще по одному предмету: какую изъ двухъ нынѣ дѣйствующихъ системъ образованія вы считаете для юношества наиболѣе полезною и съ обстоятельствами настоящаго времени сходственною?

— То-есть, классическую или реальную? пояснилъ отъ себя Молодкинъ.

Я опять оторопѣлъ, но Глумовъ нашелся и тутъ.

— Откровенно признаюсь вамъ, господа, сказалъ онъ: — что я даже не понимаю вашего вопроса. Ника-

кихъ я *двухъ* системъ образованія не знаю, а знаю только *одну*. И эта *одна* система можетъ быть выражена въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: не обременяя юношей излишними знаніями, всемѣрно внушать имъ, что назначеніе обывателей въ томъ состоитъ, чтобы безпрекословно и со всею готовностью выполнять начальственныя предписанія! Ежели предписанія сіи будутъ классическія, то и исполненіе должно быть классическое, а если предписанія будутъ реальныя, то и исполненіе должно быть реальное. Вотъ и все. Затѣмъ, никакихъ другихъ системъ, ни классическихъ, ни реальныхъ — я не признаю!

— Браво! браво! посыпались со всѣхъ сторонъ поздравленія. Квартальный хлопалъ въ ладоши, Прудентовъ жалъ намъ руки, а городовой пришелъ въ такой восторгъ, что подбѣжалъ къ Глумову и просилъ быть воспріемникомъ его новорожденнаго сына.

Такимъ образомъ, благодаря находчивости Глумова, мы вышли изъ испытанія побѣдителями и посрамили самихъ поимщиковъ. Сейчасъ же поставили на столъ штофъ водки и хозяинъ провозгласилъ наше здоровье, сказавъ:

— Теперича, еслибы самъ господинъ частный приставъ спросилъ у меня: Иванъ Тимофеевъ! какіе въ здѣшнемъ кварталѣ имѣются обыватели, на которыхъ, въ случаѣ чего, положиться было бы можно? — я бы его высокородію, какъ передъ Богомъ на страшномъ судѣ, отвѣтилъ: вотъ они!

Послѣ того, мы вновь перешли въ гостинную, и раутъ пошелъ обычнымъ чередомъ, какъ и въ прочихъ кварталахъ. Червоннымъ валетамъ дали по крымскому яблоку и посулили по куску колбасы, если, по окончаніи раута, окажется, что у всѣхъ гостей носовые платки цѣлы. Затѣмъ, по просьбѣ дамъ, брантмейстеръ сѣлъ

за фортепьяно и пропѣлъ «Коль славенъ», а въ заключеніе, предварительно раскачавшись всѣмъ корпусомъ, перешелъ въ allegro и не своимъ голосомъ гаркнулъ:

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Раздѣляетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ!

— Прекрасный романсъ! сказалъ Глумовъ: — вѣка пройдутъ, а онъ не устарѣетъ!

— Хорошъ-то хорошъ, а, по моему, наше простое русское ура—куда лучше! отозвался хозяинъ:—ужь такъ я эту музыку люблю, такъ люблю, что слаще ея, кажется, и на свѣтѣ-то нѣтъ!

Наконецъ, составились и танцы. Одинъ изъ червонныхъ валетовъ сѣлъ за фортепьяно и прелюдировалъ кадриль. Но въ ту самую минуту, какъ я становился въ пару съ хозяйскою дочерью, на пожарномъ дворѣ забили тревогу и гостепріимный хозяинъ сказалъ:

— Господа! милости просимъ на пожаръ!

И затѣмъ, обратившись къ старшему городовому Дергунову, присовокупилъ:

— А господъ червонныхъ валетовъ честь честью свести въ чижовку и запереть на замо̀къ!

Вообще, эта зима какъ-то необыкновенно намъ удалась. Рауты и званные вечера слѣдовали одинъ за другимъ; кромѣ того, нерѣдко бывали именинные пироги и замѣчательно большое число крестинъ, такъ какъ жены городовыхъ поминутно рожали. Мы веселились, не ограничиваясь однимъ своимъ кварталомъ, но принимали участіе въ веселостяхъ всѣхъ частей и кварталовъ.

Въ особенности хорошо удался балъ въ 3-й Адмиралтейской части, потому что вся Сѣнная участвовала въ немъ своими произведеніями. Хотя же, по временамъ, нашему веселью и мѣшали пожары, но мало-по-малу, мы такъ освоились съ этимъ явленіемъ, что пожарные бывало, свое дѣло дѣлаютъ, а мы, какъ ни въ чемъ не бывало — танцуемъ!

Эта разсѣянная жизнь имѣла для насъ съ Глумовымъ ту выгоду, что мы значительно ободрились и побойчѣли. Покуда мы исключительно предавались удовольствіямъ, доставляемымъ истребленіемъ съѣстныхъ припасовъ, это производило въ насъ отяжелѣніе и, въ то же время, сообщало физіономіямъ нашимъ унылый и слегка осовѣлый видъ, который могъ подать поводъ къ невыгоднымъ для насъ толкованіямъ. А это положительно намъ вредило и даже въ значительной мѣрѣ парализировало наши усилія въ смыслѣ благонамѣренности.

Въ то время, унылый видъ игралъ въ человѣческой жизни очень важную роль: онъ означалъ недовольство существующими порядками и наклонность къ потрясенію основъ. Правда, что прокуроровъ тогда еще не было, а слѣдовательно, и потрясеній не такъ много было въ ходу, но, все-таки, при частяхъ уже существовали слѣдственные пристава, которые тоже не безъ любознательности засматривались на людей, обладающихъ унылыми физіономіями. Поэтому, тѣлесное отяжелѣніе, равно какъ и изжога, ежели не всегда служили достаточнымъ поводомъ для діагностическихъ постукиваній, то, во всякомъ случаѣ, представляли очень достаточныя данныя для возбужденія сомнѣній и запросовъ весьма щекотливаго свойства.

Этихъ сомнѣній и запросовъ я, въ теченіи всей моей жизни, тщательно избѣгалъ. Я всегда предпочиталъ имъ открытыя изслѣдованія, не потому, чтобы перспектива

быть предметомъ начальственно-діагностическихъ постукиваній особенно улыбалась мнѣ, но потому, что я — врагъ всякой неизвѣстности, и, вопреки извѣстной пословицѣ, нахожу, что добрая ссора, все-таки, предпочтительнѣе, нежели худой міръ. Даже тогда, когда дѣйствительно на совѣсти моей тяготѣетъ преступленіе, когда порочная моя воля сама, такъ сказать, вопіетъ о воздѣйствіи — даже и тогда меня не столько страшитъ кара закона, сколько видъ напруживающагося при моемъ приближеніи прокурора. Хочется сказать ему: не суда боюсь, но взора твоего неласковаго! не молніи правосудія приводятъ меня въ отчаяніе, а то, что ты не удостоиваешь меня своею откровенностью! Громи меня! призывай на мою голову мщеніе небесъ, но скажи, чѣмъ я тебя огорчилъ! Разрѣши тенёта суспиціи, которыми ты опуталъ мое существованіе! разъясни мнѣ самому, какою статьею уложенія о наказаніяхъ опредѣляется мое оффиціальное положеніе въ той безконечно-развивающейся уголовной драмѣ, которая, по манію твоему, обнимаетъ всѣ отрасли человѣческой индустріи, отъ воровства-кражи до потрясенія основъ съ прекращеніемъ платежей по текущему счету и утайкою ввѣренныхъ на храненіе бумагъ!

Но ежели я такимъ образомъ думаю, когда чувствую себя дѣйствительно виноватымъ, то понятно, ка̀къ должна была претить мнѣ всякая запутанность теперь, когда я сознавалъ себя вполнѣ чистымъ и передъ Богомъ, и передъ людьми. Къ счастію, новыя знакомства очень скоро вывели меня изъ той угрюмой сферы жранья, въ которую я было совсѣмъ погрузился. Я понялъ, что истинная благонамѣренность не въ томъ одномъ состоитъ, чтобы въ уединеніи упитывать свои тѣлеса до желаннаго вѣса, но въ томъ, чтобы подавать примѣръ другимъ. Горизонтъ мой незамѣтно расширился, я воспря-

нулъ духомъ, спалъ съ тѣла и нетолько не дичился общества, но искалъ его. Унылый видъ, который придавалъ мнѣ характеръ заговорщика, исчезъ совершенно. Вмѣстѣ съ Глумовымъ, я проводилъ цѣлыя утра въ дѣланіи визитовъ (иногда изъ Казанской части приходилось, по обстоятельствамъ, ѣхать на Охту), велъ фривольные разговоры съ письмоводителями, городовыми и подчасками о такихъ предметахъ, о которыхъ даже мыслить прежде рѣшался лишь предварительно удостовѣрившись, что никто не подслушиваетъ у дверей, ухаживалъ за полицейскими дамами, и только скромность запрещаетъ мнѣ признаться, скольких изъ нихъ довелъ я до грѣхопаденія. Словомъ сказать, изъ области благонамѣренности выжидающей я перешелъ въ область благонамѣренности воинствующей и внушилъ, наконецъ, такое къ себѣ довѣріе, что могъ сквернословить и кощунствовать вполнѣ свободно, въ твердой увѣренности, что самый бдительный полицейскій надзоръ ничего въ этомъ не увидитъ, кромѣ свойственной благовоспитанному человѣку фривольности.

Безсловесность, еще такъ недавно насъ угнетавшая, разрѣшилась самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Мы оба сдѣлались до крайности словоохотливы, но разговоры наши были чисто элементарные и имѣли тотъ особенный пошибъ, который напоминаетъ атмосферу дома терпимости. Содержаніе ихъ главнѣйшимъ образомъ составляли: во-первыхъ, фривольности по части начальства и конституцій, и, во-вторыхъ, женщины, но при этомъ не столько сами женщины, сколько ихъ округлости и особыя примѣты.

Мы дѣлали все, что̀ дѣлаютъ молодые свѣтскіе шалопаи, чувствующіе себя въ охотѣ: нанимали тройки, покупали конфекты и букеты, лгали, хвастались, катались на лихачахъ и декламировали эротическіе стихи. И всѣ

отъ насъ были въ восхищеніи, всѣ говорили: да̀, теперь ужь совсѣмъ ясно, что это — люди благонамѣренные нетокмо за страхъ, но и за совѣсть!

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, мы были удовольствованы, такъ сказать, по горло: самъ Иванъ Тимофеичъ посѣтилъ насъ въ моей квартирѣ.

Признаюсь, долгонько-таки заставилъ ждать почтенный сановникъ этого визита. Цѣлыхъ два мѣсяца прошло послѣ перваго раута въ кварталѣ, а онъ, повидимому, даже забылъ и думать, что существуютъ на свѣтѣ извѣстные законы приличія. Всѣ ужь по нѣскольку разъ перебывали у насъ: и письмоводители частныхъ приставовъ, и брантмейстеры, и помощники квартальныхъ, и старшіе городовые; всѣ пили водку, восхищались икрой и балыкомъ, спрашивали, нѣтъ-ли Поль-де-Кокца въ переводѣ почитать и проч. — одинъ Иванъ Тимофеичъ, съ какою-то необъяснимою загадочностью, воздерживался отъ окончательнаго сближенія. Не разъ видали мы изъ окна, какъ онъ распоряжался во дворѣ дома насчетъ уборки нечистотъ, и даже нарочно производили шумъ, чтобы обратить на себя его вниманіе, но онъ ограничивался тѣмъ, что дѣлалъ намъ ручкой и вновь погружался въ созерцаніе нечистотъ. Это отчасти обижало насъ, а отчасти заставляло пускаться въ догадки: неужели наше прошлое до того ужь отягчено преступленіями, что даже волны теперешней благонамѣренности не могутъ обмыть его?

— А порядочно-таки накуралесили мы въ жизни своей! объяснялъ я Глумову мои сомнѣнья.

— Да, братъ, эти дѣла не такъ-то скоро забываются! соглашался онъ со мной.

И вотъ, стали мы разбирать свое прошлое — и чуть не захлебнулись отъ ужаса. Господи, чего только тамъ не было! И восторгъ по поводу упраздненія крѣпостно-

го права, и признательность сердца по случаю введенія земскихъ учрежденій, и свѣтлыя надежды, возбужденныя опубликованіемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, и торжество, вызванное упраздненіемъ предварительной цензуры, съ оставленіемъ ея лишь для тѣхъ, кто, по человѣческой немощи, не можетъ безцензурности вмѣстить. Однимъ словомъ, всѣ опасности, всѣ неблагонадежности и неблагонамѣренности, всѣ угрозы, все, что̀ подрываетъ, потрясаетъ, разрушаетъ — все тутъ было! И ничего такого, что̀ созидаетъ, укрѣпляетъ и утверждаетъ, наполняя трепетною радостью сердца всѣхъ истинно любящихъ свое отечество квартальныхъ надзирателей!

— Да вѣдь этакъ мы, хоть тресни, не обѣлимся! въ отчаяніи восклицалъ я.

— Похоже на то! какъ эхо вторилъ мнѣ Глумовъ.

— Послушай! кто же, однакожь, могъ это знать! вѣдь въ то время казалось, что *это* и есть то самое, что̀ созидаетъ, укрѣпляетъ и утверждаетъ! И вдругъ — какой, съ Божьею помощью, переворотъ!

— Мало-ли что̀ казалось! надо было въ даль смотрѣть.

— Но вѣдь тогда даже чины за *это* давали!

— И все-таки. И чины получать, и даже о сочувствіи заявлять — все можно, да съ оговорочкой, любезный другъ, съ оговорочкой! Умные-то люди ка̀къ поступаютъ? Сочувствовать, молъ, сочувствуемъ, но при семъ присовокупляемъ, что ежели приказано будетъ образъ мыслей по сему предмету измѣнить, то мы и отъ этого не отказываемся! Вотъ какъ настоящіе умные люди изъясняются, тѣ, которые и за сочувствіе, и за несочувствіе — всегда получать чины готовы!

И вотъ, въ ту самую минуту, когда Глумовъ договаривалъ эти безнадежные слова, въ передней какъ-то особенно звукнулъ звонокъ. Объятые сладкимъ предчув-

ствіемъ, мы бросились къ двери... о, радость! Иванъ Тимофеичъ самъ своей персоной стоялъ передъ нами!

— Иванъ Тимофеичъ... ваше благородіе... вы?!

— Самолично. А что̀? заждались?.. ха-ха!

— Да̀, начинали ужъ, знаете... сомнѣнія разныя...

— Задумались... ха-ха! Ну, ничего! Я вѣдь, друзья, тоже не сразу... выглядываю напередъ! Иногда хоть и замѣчаю, что человѣкъ исправляется, а коли въ немъ еще мало-мальски есть — ну, я и тово... попридержусь! Приласкать-приласкаю, а до короткости не дойду. А вотъ коли по времени увѣрюсь, что въ человѣкѣ ужъ совсѣмъ ничего не осталось — ну, и я на встрѣчу иду. Будьте здоровы, друзья!

Онъ произнесъ послѣднія слова съ горячностью, очень рѣдкою въ лицѣ, обязанномъ наблюдать за своевременною сколкой на улицахъ льда, и затѣмъ, пожавъ намъ обоимъ руки, вошелъ въ квартиру.

— Хорошенькая у васъ квартирка... очень, очень даже удобненькая! похвалилъ онъ: — вмѣстѣ, что̀-ли, живете?

— Нѣтъ, я въ Рождественской части... пробормоталъ Глумовъ такимъ голосомъ, какъ будто все сердце у него изболѣло отъ того, что онъ лишенъ счастія жить подъ руководствомъ Ивана Тимофеича.

— Ну, Богъ милостивъ! и вы современемъ ко мнѣ переѣдете! обнадежилъ его Иванъ Тимофеичъ и, обратившись ко мнѣ, весело прибавилъ: — а что̀, государь мой, водка-то у васъ водится?

— Иванъ Тимофеичъ! вина? Есть лафитъ, есть хересъ... Господи!

— Нѣтъ, рюмку водки и кусокъ черваго хлѣба съ солью—больше ничего! Признаться, я и самъ теперь на себя пеняю, что раньше посмотрѣть на ваше житье-бытье не собрался... Ну, да думалъ: пускай исправляют-

ся—надъ нами не каплетъ! Чистенько у васъ тутъ, хорошо!

Онъ сѣлъ на диванъ и свѣтлымъ взоромъ оглядѣлъ комнату. Но, вдругъ, лицо его омрачилось: гдѣ-то въ дальнемъ углу онъ заприметилъ книгу...

— Это «Всеобщій Календарь»! поспѣшилъ я разувѣрить его и тотчасъ же побѣжалъ, чтобъ принести поличное.

— А... да? а я, признаться, книгу было заподозрилъ.

— Нѣтъ, Иванъ Тимофеичъ, мы ужь давно... Давно ужь у насъ насчетъ этого...

— И прекрасно дѣлаете. Книги—что въ нихъ! Былъ бы человѣкъ здоровъ, да жилъ бы въ свое удовольствіе — чего лучше? Безграматные-то и никогда книгъ не читаютъ, а развѣ не живутъ?

— Да еще какъ живутъ-то! подтвердилъ Глумовъ. — А которые случайно выучатся, сейчасъ же подъ судъ попадаютъ!

— Ну, не всѣ! Бываютъ и изъ простыхъ, которые съ умомъ читаютъ! благосклонно допустилъ Иванъ Тимофеичъ.

— И, все-таки, попадаются. Ежели не въ качествѣ обвиняемыхъ, такъ въ качествѣ свидѣтелей. Помилуйте! развѣ сладко свидѣтелемъ-то быть?

— Какая сладость! Первое дѣло, за сто верстъ киселя ѣсть, а второе, какъ еще свидѣтельствовать будешь! Иной разъ такъ объ себѣ засвидѣтельствуешь, что и домой потомъ не попадешь... ахти-ахти! грѣхи наши, грѣхи!

Иванъ Тимофеичъ вздохнулъ, опрокинулъ въ ротъ рюмку водки и сказалъ:

— Ну, будьте здоровы, друзья! Понялъ я васъ теперь, даже очень хорошо понялъ!

Мы въ умиленіи стояли противъ него и ждали, что̀ будетъ дальше.

— Хочется мнѣ съ вами по душѣ поговорить, давно хочется! продолжалъ онъ. — Нутко, скажите мнѣ — вы люди умные! Завелась нынче эта пакость вездѣ... всѣмъ мало, всѣмъ хочется... Ну, чего? скажите на милость: чего?

Я было приложилъ ужь руку къ сердцу, чтобъ отвѣчать, что всего довольно и ни въ чемъ никакой надобности не ощущается; вотъ только посквернословить развѣ... Но, къ счастью, Иванъ Тимофеичъ сдѣлалъ знакъ рукой, что моя рѣчь впереди, а покамѣсть онъ желаетъ говорить одинъ.

— Право, иной разъ думаешь-думаешь: ну, чего? И то̀ переберешь, и другое припомнишь—все у насъ есть! Ну, вы—умные люди! сами теперь по себѣ знаете! Жили вы прежде... что̀ говорить, не хорошо жили! буйно! Одно слово—мерзко жили! Ну, и вамъ, разумѣется, не потакали, потому что кто же за нехорошую жизнь похвалитъ! А теперь вотъ исправились, живете смирно, мило, благородно — спрошу васъ, потревожилъ-ли васъ кто-нибудь? А? что̀? такъ-ли я говорю?

— Какъ передъ Богомъ, такъ и...

— Хорошо. А начальство между тѣмъ безпокоится. Туда-сюда—вездѣ мерзость. Даже тайные совѣтники—и тѣ нынче подъ сумнѣніемъ состоятъ! Ни днемъ, ни ночью минуты покоя нѣтъ никогда! Сравните теперича, ка̀къ прежде квартальный жилъ и ка̀къ онъ нынче живетъ! Прежде только одна у насъ и была болячка—пожары! да и тѣ какъ-нибудь... А нынче!

— Да, трудновато-таки вамъ!

— Мнѣ-то? Вы мнѣ скажите: знаете-ли вы, напримѣръ, что̀ такое внутренняя политика? ну? Такъ вотъ

эта самая внутренняя политика вся теперь на нашихъ плечахъ лежитъ!

— Тсс...

— На насъ, да на городовыхъ. А надняхъ у насъ въ кварталѣ такой случай былъ. Приходитъ въ третьемъ часу ночи одинъ человѣкъ (и прежде онъ у меня на замѣчаніи былъ) — «вяжите, говоритъ, меня, я образъ правленья перемѣнить хочу!» Ну, натурально, сейчасъ ему, рабу божьему, руки къ лопаткамъ, черкнули куда слѣдуетъ: такъ-молъ и такъ, злоумышленникъ проявился... Только съѣзжается на другой день цѣлая комиссія, призвали его, спрашиваютъ: ка̀къ? почему? кто сообщники?—а онъ—какъ бы вы думали, что̀ онъ, шельма, отвѣтилъ?—«Да, говоритъ, дѣйствительно, я желаю перемѣнить правленье... рыбинско-бологовской желѣзной дороги»!

— Однакожъ! насмѣшка какая!

— Да-съ. Захотѣлъ посмѣяться и посмѣялся. Въ три часа ночи меня для него разбудили, да часа съ два послѣ этого я во всѣ мѣста отношенія да рапорты писалъ. А послѣ того, только-что было сонъ заводить началъ, опять разбудили: въ домѣ терпимости демонстрація случилась! А потомъ извощикъ носъ себѣ отморозилъ — оттирали, а потомъ, смотрю, пора и съ рапортомъ? Та̀къ вся ночка и прошла.

— И это прошло ему... безнаказанно?

— А что̀ съ нимъ сдѣлаешь? Далъ ему двѣ плюхи, да послѣ самъ же на мировую долженъ былъ на полштофъ подарить!

— Тсс...

— Такъ вотъ вы и судите! Ну̀, да, положимъ, это—человѣкъ пьяненькій, а на пьяницу, по правдѣ сказать, и смотрѣть строго нельзя, потому онъ доходъ казнѣ

приноситъ. А вотъ другіе-то, трезвые-то, съ чего на стѣну лѣзутъ? ну, чего надо? а?

— Тоже, должно быть, въ родѣ опьяненія что̀-нибудь.

— Опьяненіе опьяненіемъ, а есть и другое кой-что. Зависть. Видитъ онъ, что другіе тихо да благородно живутъ—вотъ его и берутъ завидки! Самъ онъ благородно не можетъ жить — ну, и смущаетъ всѣхъ! А съ насъ, между прочимъ, спрашиваютъ! Почему, да ка̀къ, да отчего своевременно распоряженія не было сдѣлано? Вотъ хоть бы съ вами—вы думаете, мало я изъ-за васъ хлопотъ принялъ!

— Иванъ Тимофеичъ! неужто же мы могли...

— И даже очень могли. Теперь, разумѣется, дѣло прошлое—вижу я! даже очень хорошо вижу ваше твердое намѣреніе!—а было-таки времячко, было! Ахъ, да и хитрые же вы, господа! право, хитрые!

Иванъ Тимофеичъ улыбнулся и погрозилъ намъ пальцемъ.

— Наняли квартиру, сидятъ по угламъ, ни сами въ гости не ходятъ, ни къ себѣ не принимаютъ — и думаютъ, что такъ-таки никто ихъ и не отгадаетъ! Ахъ-ахъ-ахъ!

И онъ такъ мило покачалъ головой, что намъ самимъ сдѣлалось весело, какіе мы, въ самомъ дѣлѣ, хитрые! Въ гости не ходимъ, къ себѣ никого не принимаемъ, а между тѣмъ... поди-ка, попробуй зазѣваться съ этакими головорѣзами!

— А я, все-таки, васъ перехитрилъ! похвалился Иванъ Тимофеичъ:—и не то, что каждый вашъ шагъ, а каждое слово, каждую мысль — все зналъ! И знаете-ли вы, что еслибъ еще немножко... еще бы вотъ чуточку... шабашъ!

Хотя Иванъ Тимофеичъ говорилъ въ прошедшемъ времени, но сердце во мнѣ такъ и упало. Вотъ оно, то

ужасное квартальное всевѣдѣніе, которое всю жизнь парализировало всѣ мои дѣйствія. А я-то, ничего не подозрѣвая, жилъ да поживалъ, самъ въ гости не ходилъ, къ себѣ гостей не принималъ — а чему подвергался! Немножко, чуточку—и шабашъ! Представленіе объ этой опасности до того взбудоражило меня, что даже сонъ на яву привидѣлся: идутъ, берутъ... пожалуйте!

— Да неужели мы... воскликнулъ я съ тоской.

— Было, было—нѣчего стараго ворошить! И оправдываться не стоитъ.

— Да; но надѣемся, что послѣднія наши усилія будутъ приняты начальствомъ во вниманіе и хотя до нѣкоторой степени послужатъ искупленіемъ тѣхъ заблужденій, въ которыя мы могли быть вовлечены отчасти по неразумію, а отчасти и вслѣдствіе дурныхъ примѣровъ? вступился, съ своей стороны, Глумовъ.

— Теперь—о прошломъ и рѣчи нѣтъ! все забыто! Пардонъ — общій (говоря это, Иванъ Тимофеичъ даже руки простеръ на подобіе того, какъ дѣлывалъ когда-то въ «Ernani» Граціани, произнося знаменитое «perdono tutti»)! Теперь, вы все равно, что вновь родились—вотъ какой на васъ теперь взглядъ! А впрочемъ, заболтался я съ вами, друзья! Прощайте, и будьте безъ сумнѣнія! Коли я сказалъ: пардонъ! значитъ, можете смѣло надѣяться!

— Иванъ Тимофеичъ! куда же такъ скоро? а винца?

— Винца—это послѣ, на свободѣ когда-нибудь! Вотъ отъ водки и сію минуту — не откажусь!

Онъ опять опрокинулъ въ ротъ рюмку водки и пососалъ языкъ.

— Надо бы мнѣ, впрочемъ, обстоятельно объ одномъ дѣлѣ съ вами поговорить, сказалъ онъ послѣ минутнаго колебанія:—интересное дѣльце, а для меня такъ и очень даже важное... да нѣтъ, лучше ужь въ другой разъ!

— Да зачѣмъ же? Сдѣлайте милость! прикажите!

— Вотъ видите-ли, есть у меня тутъ...

Иванъ Тимофеичъ потоптался на мѣстѣ, словно бы его что̀ подмывало, и вдругъ совершенно неожиданно покраснѣлъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, заторопился онъ:—лучше ужь въ другой разъ! А вы, друзья, между тѣмъ, подумайте! чувства свои испытайте! рѣшимость провѣрьте! Можете-ли вы своему начальнику удовольствіе сдѣлать? Коли увидите, что въ силахъ — ну, тогда...

Послѣднія слова Иванъ Тимофеичъ сказалъ уже въ передней, и мы не успѣли опомниться, какъ онъ сдѣлалъ намъ ручкой и скрылся за дверью.

Мы въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга. Что̀ такое еще ожидаетъ насъ? какое еще новое «удовольствіе» отъ насъ потребуется? Не дальше, какъ минуту назадъ, мы были веселы и безпечны — и вдругъ какая-то новая загадка спустилась на наше существованіе и угрожала ему катастрофою...

III.

— А вѣдь онъ, братъ, насъ въ полицейскіе дипломаты прочитъ! первый опомнился Глумовъ.

Признаюсь, и въ моей головѣ блеснула та же мысль. Но мнѣ такъ горько было думать, что потребуется «сіе новое доказательство нашей благонадежности», что я съ удовольствіемъ остановился на другомъ предположеніи, которое тоже имѣло за себя шансы вѣроятности.

— А я такъ думаю, что онъ, просто, какъ чадолюбивый отецъ, хочетъ одному изъ насъ предложить руку и сердце своей дочери, сказалъ я.

— Гм... да... А ты этому будешь радъ?

— Не скажу, чтобы особенно радъ, но надо же и остепениться когда-нибудь. А ежели смотрѣть на бракъ съ точки зрѣнія самосохраненія, то вѣдь, пожалуй, лучшей партіи и желать не надо. Подумай! вѣдь все родство тутъ же, въ своемъ кварталѣ будетъ. Молодкинъ— кузенъ, Прудентовъ — дяденька, даже Дергуновъ, старшій городовой, и тотъ внучатнымъ братомъ доведется!

— Ну, такъ ужь ты и прочь себя въ женихи.

— А ты, небось, брезгуешь? Эхъ, Глумовъ, Глумовъ! много, братъ, невѣстъ въ полиціи и помимо этой! Вотъ у подчаска тоже дочь подростаетъ; теперь-то ты отво-

рачиваешься, да какъ бы послѣ не довелось подчаска папенькой величать!

Но Глумовъ сохранилъ мрачное молчаніе на это предположеніе. Очевидно, идея о родствѣ съ подчаскомъ не особенно улыбалась ему.

— Ну, а ежели онъ мѣста сыщиковъ предлагать будетъ? возвратился онъ къ своей первоначальной идеѣ.

— Но почему же ты это думаешь?

— Я не думаю, а, во-первыхъ, предусматривать никогда не лишнее, и, во-вторыхъ, Кшепшицюльскій надняхъ жаловался: непроченъ, говоритъ, я!

— Воля твоя, а я въ такомъ случаѣ притворюсь больнымъ! сказалъ я довольно рѣшительно.

— И это — не резонъ, потому что вѣкъ больнымъ быть нельзя. Не повѣрятъ, доктора освидѣтельствовать пришлютъ — хуже будетъ. Нѣтъ, я вотъ что̀ думаю: заграницу на время надо удрать. Выкупныя-то свидѣтельства у тебя еще есть?

— Да какъ тебѣ сказать? — на донышкѣ!

— И у меня дно видно. Плохо, братъ. Всю жизнь эстетиками занимались да цвѣты удовольствія срывали, а теперь, какъ стряслось чортъ знаетъ что̀ — и нѣтъ ничего!

— Есть у меня, мой другъ, недвижимость: называется Проплёванная. Усадьба не усадьба, деревня не деревня, пустошь не пустошь... та̀къ, земля. А все-таки, въ случаѣ чего, по боку пустить можно!

— Пустяки, братъ! Какому чорту твою Проплёванную нужно?

— Нѣтъ, голубчикъ, и до сихъ поръ находятся люди, которымъ нужно... Даже странно: кажется, зачѣмъ? ну, кому надобно? — анъ нѣтъ, выищется-таки кто-нибудь!

— Который тебѣ пятиалтынный дастъ. Слушай! го-

вори ты мнѣ рѣшительно: ежели онъ насъ по одиночкѣ будетъ склонять — ты какъ отвѣтишь?

Я дрогнулъ. Не то, чтобы я вдругъ получилъ вкусъ къ ремеслу сыщика, но испытаніе, которое неминуемо повлекъ бы за собой отказъ, было такъ томительно, что я невольно терялся. Притомъ же, страсть Глумова къ предположеніямъ казалась мнѣ просто неумѣстною. Конечно, въ жизни все слѣдуетъ предусматривать и на все разсчитывать, но есть вещи до того непредвидимыя, что, какъ хочешь ихъ предусматривай, хоть всю жизнь объ нихъ думай, онѣ и тогда не утратятъ характера непредвидимости. Стало быть, объ чемъ же тутъ толковать?

— Глумовъ! голубчикъ! не будемъ объ этомъ говорить! взмолился я.

— Ну, хорошо, не будемъ. А только я, все-таки, долженъ тебѣ сказать: призови на помощь всю изворотливость своего ума, скажи, что у тебя тетка умерла, что дѣла требуютъ твоего присутствія въ Проплёванной, но... отклони! Не хорошо быть сыщикомъ, другъ мой! Въ крайнемъ случаѣ, мы вѣдь и въ самомъ дѣлѣ можемъ уѣхать въ твою Проплёванную и тамъ ожидать, покуда объ насъ забудутъ. Только что̀ мы тамъ ѣсть будемъ?

— Помилуй, душа моя! цыплята, куры—это при домѣ; въ лѣсахъ — тетерева, въ рѣкахъ — рыбы! А молоко-то! а яйца! а лѣтомъ грибы, ягоды! Намеднись намъ рыжиковъ соленыхъ подавали — вѣдь они оттуда!

— Ну, какъ-нибудь устроимъ; лучше землю грызть, нежели... Помнишь, Кшепшицюльскій намѣднись разсказывалъ, какъ его за билліардомъ въ трактирѣ подчивали? Такъ-то! Впрочемъ, утро вечера мудренѣе, а покуда посмотри-ка въ «распредѣленіи занятій», гдѣ намъ сегодня увеселяться предстоитъ?

Мы съ новою страстью бросились въ вихрь удоволь-

ствій, чтобы только забыть о предстоящемъ свиданіи съ Иваномъ Тимофеичемъ. Но существованіе наше уже было подточено. Мысль, что вотъ-вотъ сейчасъ позовутъ и предложатъ что-то неслыханное, вслѣдствіе чего придется, пожалуй, закупориться въ Проплёванную — эта ужасная мысль слѣдила за каждымъ моимъ шагомъ и заставляла мѣшать въ кадриляхъ фигуры. Видя мою разсѣянность, дамы томно смотрѣли на меня, думая, что я влюбленъ.

— Какой цвѣтъ волосъ вамъ больше нравится, мсьё— блондинки или брюнетки? слышалъ я безпрестанно вопросъ.

Наконецъ, грозная минута наступила. Кшепшицюльскій, придя рано утромъ, объявилъ, что господинъ квартальный имѣетъ объясниться по весьма важному, лично до него касающемуся дѣлу... и именно со мной.

— Объ чемъ, не знаете? полюбопытствовалъ я.

Но Кшепшицюльскій понесъ въ отвѣтъ сущую околесицу, такъ что я только тутъ понялъ, какъ непріятно имѣть дѣло съ людьми, о которыхъ никогда нельзя сказать навѣрное, лгутъ они, или нѣтъ. Онъ началъ съ того, что его начальникъ получилъ въ наслѣдство въ Повѣнецкомъ уѣздѣ пустошь, которую предполагаетъ отдать въ приданое за дочерью («гм... вмѣсто одной, пожалуй, двѣ Проплёванныхъ будетъ!» мелькнуло у меня въ головѣ); потомъ перешелъ къ тому, что сегодня въ кварталѣ съ утра полы и образа чистили, а что вчера пани квартальная ѣздила къ портнихѣ на Слоновую Улицу, и заказала для дочери «монтò». При этомъ панъ Кшепшицюльскій хитро улыбался и искоса на меня поглядывалъ.

— Отчего же Глумова не зовутъ? спросилъ я.

— А якъ же-жь можно двохъ!

— Нужно говорить «двѣхъ», а не «двохъ», панъ

Кшепшицюльскій! наставительно произнесъ Глумовъ, и, обратясь ко мнѣ, пропѣлъ изъ «Руслана»:

М-и-и-и-лыя дѣ-тти! Не-бо устрро-итъ вамъ рад-дость!

— Ступай, братъ, съ миромъ, и Богъ да опредѣлитъ тебя къ мѣсту по желанію твоему!

Клянусь, я былъ за тысячу верстъ отъ того удивительнаго предложенія, которое ожидало меня!

Когда я пришелъ въ кварталъ, Иванъ Тимофеичъ, въ припадкѣ сильной ажитаціи, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Очевидно, онъ самъ понималъ, что испытаніе, которое онъ готовитъ для моей благонамѣренности, переходитъ за предѣлы всего, что̀ допускается уставомъ о пресѣченіи и предупрежденіи преступленій. Вѣроятно, въ видахъ смягченія предстоящихъ мѣропріятій, на столѣ была приготовлена очень приличная закуска и стояла бутылка «ренскаго» вина.

— Ну вотъ и слава Богу! воскликнулъ онъ, порывисто схватывая меня за обѣ руки, точно боялся, что я сейчасъ выскользну. — Балычка? сижка копченаго? Милости просимъ! Ахъ, да бѣлорыбицы-то, кажется, и забыли подать! Эй, кто тамъ? Бѣлорыбицу-то, бѣлорыбицу-то велите скорѣе нести!

— Благодарю васъ, я сейчасъ ѣлъ. Да и вы, конечно, заняты... дѣло какое-нибудь имѣете до меня?

— Да, дѣло, дѣло! заторопился онъ: — да еще дѣло-то какое! Услуги, мой другъ, прошу! такой услуги... что̀ называется, по гробъ жизни... вотъ какой услуги прошу!

Начало это нѣсколько смутило меня. Очевидно, меня ожидало что-нибудь непредвидѣнное.

— Да, да, да, продолжалъ онъ суетливо:—давно ужь это дѣло у меня на душѣ, давно сбираюсь... Еще въ то время, когда вы предосудительными дѣлами занимались, еще тогда... Давно ужь я подходящаго человѣка для этого дѣла подъискиваю!

Онъ оглянулъ меня съ головы до ногъ, какъ бы желая удостовѣриться, дѣйствительно-ли я тотъ самый «подходящій человѣкъ», объ которомъ онъ мечталъ.

— Обѣщайте, что вы мою просьбу выполните! молвилъ онъ, кончивъ осмотръ и взглядывая мнѣ въ глаза.

— Иванъ Тимофеичъ! послѣ всего, что̀ произошло, позволительны-ли съ вашей стороны какія-либо сомнѣнія?

— Да, да... довольно-таки вы поревновали... понимаю я васъ! Ну, такъ вотъ что̀, мой другъ! приступимте прямо къ дѣлу! Мнѣ же и недосугъ: въ Эртелевомъ ледъ скалываютъ, такъ присмотрѣть нужно... сенаторъ, голубчикъ, тамъ живетъ! нехорошо, какъ замѣчаніе сдѣлаетъ! Ну-съ, такъ изволите видѣть... Есть у меня тутъ пріятель одинъ... такой другъ! такой другъ!

Онъ запнулся и заискивающе взглянулъ на меня, точно ждалъ моей помощи.

— Ну-съ, такъ пріятель... что̀ же этотъ пріятель? поощрилъ я его.

— Такъ вотъ, есть у меня пріятель... словомъ сказать, Парамоновъ купецъ... И есть у него... Вы ка̀къ на счетъ фиктивнаго брака?.. одобряете? вдругъ выпалилъ онъ мнѣ въ упоръ.

— Помилуйте! даже очень одобряю, ежели... сконфузился я.

— Вотъ именно такъ: ежели! Самъ по себѣ, этотъ фиктивный бракъ—поруганіе, но «ежели»... По обстоятельствамъ, мой другъ, и закону премѣна бываетъ, какъ изволитъ выражаться нашъ господинъ частный приставъ! Вы что̀? сказать что̀-нибудь хотите?

— Нѣтъ, я ничего... я тоже говорю: по обстоятельствамъ и закону премѣна бываетъ — это вѣрно!

— Такъ вотъ я и говорю: есть у господина Парамонова штучка одна... и образованная! въ пансіонѣ училась...

Онъ опять запнулся и въ смущеніи опустилъ глаза.

— Не желаете-ли вы вступить съ этой особой въ фиктивный бракъ? быстро спросилъ онъ меня такимъ тономъ, словно бремя скатилось съ его души.

Къ сожалѣнію, я не могу сказать, что не понялъ его вопроса. Нѣтъ, я нетолько понялъ, но даже въ вискахъ у меня застучало. Но, въ то же время, я ощущалъ, что на мнѣ лежитъ какой-то гнётъ, который сковываетъ мои чувства, мѣшаетъ имъ перейти въ негодованіе и даже самымъ обиднымъ образомъ подчиняетъ ихъ инстинктамъ самосохраненія.

Иванъ Тимофеичъ очень тонко подмѣтилъ этотъ разладъ чувствъ. Съ одной стороны, въ вискахъ стучитъ, съ другой — сердце объемлетъ жажда выказать благонамѣренность... Такъ что, когда я, вмѣсто отвѣта, въ свою очередь предложилъ вопросъ:

— Но почему же именно я?

То онъ нетолько не увидѣлъ въ этомъ повода для прекращенія разговора, но еще съ бо̀льшею убѣдительностью приступилъ къ дальнѣйшимъ переговорамъ.

— Слушай, другъ! сказалъ онъ ласково, ободряя меня: — ежели ты насчетъ вознагражденія безпокоишься, такъ не опасайся! Онуфрій Петровичъ и теперь, и на будущее время не оставитъ!

Нервы мои окончательно упали. Я старался что-нибудь сообразить, отъискать что-нибудь — и не могъ. Я безпомощно смотрѣлъ на моего истязателя и бормоталъ:

— Позвольте... что̀ касается до брака... право, въ этомъ отношеніи, я даже не знаю, могу-ли назвать себя вполнѣ отвѣтственнымъ лицомъ...

Клянусь, будь на мѣстѣ Ивана Тимофеича самъ Шешковскій — и тотъ бы тронулся моимъ видомъ И тотъ сказалъ бы себѣ: вотъ человѣкъ, въ которомъ благонамѣренность уже достигла тѣхъ предѣловъ, за которыми дальнѣйшія испытанія становятся въ высшей степени рискованными. И, сознавши это, отпустилъ бы меня съ миромъ, предварительно обнадеживъ, что начальство очень хорошо понимаетъ мои колебанія и отнюдь не сочтетъ ихъ за противодѣйствіе властямъ. Но у Ивана Тимофеича, повидимому, совсѣмъ не было государственнаго смысла, а потому онъ счелъ возможнымъ идти дальше.

— Да вѣдь отъ васъ ничего такого и не потребуется, мой другъ, успокоивалъ онъ меня. — Съѣздите въ церковь (у портного Руча вамъ для этого случая «пару» изъ тонкаго сукна закажутъ), пройдете три раза вокругъ налоя, потомъ у кухмистера Завитаева поздравленіе примете — и дѣло съ концомъ. Вы — въ одну сторону, она — въ другую! Мило! благородно!

Нарисовавъ мнѣ эту картину, онъ, очевидно, ждалъ, что я сейчасъ же изъявлю согласіе, но я молчалъ.

— А что̀ касается до вознагражденія, которое вы для себя выговорите, продолжалъ онъ соблазнять меня:—то половину его вы *до*, а другую — *по* совершеніи брака получите. А чтобы васъ еще больше успокоить, то можно и такъ сдѣлать: разрѣжьте бумажки по поламъ, одну половину съ нумерами вы себѣ возьмете, другая половина съ нумерами у Онуфрія Петровича останется... А по окончаніи церемоніи обѣ половины и соединятся... у васъ!

Я слушалъ эти рѣчи и думалъ, что нахожусь подъ вліяніемъ безобразнаго сна. Какое-то ужасно сложное чувство угнетало меня. Я и благонамѣренность желалъ сохранить, и въ то же время говорилъ себѣ: ну, нѣтъ,

вокругъ налоя меня не поведутъ... нѣтъ, не поведутъ! Отсюда — цѣлый рядъ галлюцинацій, обѣщающихъ сверхъестественное и чудесное избавленіе. То думалось: вотъ-вотъ Ивана Тимофеича апоплексическій ударъ хватитъ — и вся эта исторія съ фиктивнымъ бракомъ разлетится, какъ дымъ. То представлялось: обрушивается потолокъ и повреждаетъ Ивана Тимофеича, а меня оставляетъ невредимымъ — и опять все исчезаетъ.

И вотъ, именно сверхъестественное и выручило меня. Въ ту самую минуту, какъ я искалъ спасенія въ галлюцинаціяхъ, въ комнату вошло новое лицо, при видѣ котораго я всею силою облегченной груди крикнулъ:

— Иванъ Тимофеичъ! — вотъ онъ!

Дà, это былъ онъ, то-есть избавитель то-есть «подходящій человѣкъ», по поводу котораго возможенъ былъ только одинъ вопросъ: сойдутся-ли въ цѣнѣ? Т. е., говоря другими словами, это былъ адвокатъ Балалайкинъ.

Я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на него, хотя онъ значительно измѣнился, и, притомъ, не въ свой авантажъ *). По прежнему, поступь его была тороплива и въ движеніяхъ сквозило легкомысліе, но изнурительныя занятія видимо подѣйствовали, и на лицо уже легли Расплюевскія тѣни. Я не скажу, чтобъ Балалайкинъ былъ немытъ или нечесанъ, или являлъ признаки внѣшнихъ поврежденій, но бываютъ такія физіономіи, которыя, какъ ни умывай, ни холь, а все кажется, что настоящее ихъ мѣсто не тутъ, гдѣ вы ихъ видите, а въ домѣ терпимости.

Самого Ивана Тимофеича словно свѣтъ озарилъ, когда вошелъ Балалайкинъ.

— Господинъ Балалайка! а я-то... а мы-то... а онъ— вотъ онъ-онъ! безпорядочно воскликнулъ онъ, раскрывая

*) См. «Эксурсіи въ область умѣренности и аккуратности».

широкія объятія: — господинъ Балалайка! ахъ ты, ахъ! закусить? рюмочку пропустить?

— Нѣтъ, mon cher, я на минуточку! спѣшу, мой ангелъ, спѣшу! отнѣкивался Балалайкинъ. — Вотъ что̀: есть тутъ индивидуй одинъ... взысканіе на него у меня, такъ нужно бы подстеречь...

— Съ удовольствіемъ! и даже съ превеликимъ... сейчасъ! сію минуту! Ахъ, ты ахъ! Да никакъ ты помолодѣлъ! Повернись, сдѣлай милость, дай на себя посмотрѣть!

— Не могу, душа моя, не могу! въ конкурсъ спѣшу! Вотъ записка, въ которой все дѣло объяснено. А теперь, прощай!

— Да нѣтъ же, стой! А мы только-что о тебѣ говорили, то-есть, не говорили, а чувствовали: кого бишь это недостаетъ? Анъ ты... вотъ онъ—онъ! Слушай же: вѣдь и у меня до тебя дѣло есть.

Балалайкинъ вынулъ изъ кармана хронометръ, взглянулъ на циферблатъ и сказалъ:

— У меня есть свободнаго времени... да, именно три минуты я могу удѣлить. Конкурсъ открывается въ три часа, теперь безъ пяти минутъ три, двѣ минуты нужно на проѣздъ... да, именно три минуты я имѣю впереди. Ну-съ, такъ въ чемъ же дѣло?

— Скажи: ты всякія порученія исполняешь?

— Всякія. Дальше.

— Жениться можешь?

— Это... зависитъ!

— Ну, конечно, не за свой счетъ, а по препорученію!

— Мо... могу!

— Такъ видишь-ли: есть у меня пріятель, а у него особа одна... въ родѣ, какъ подруга...

— Душенька, то-есть?

— Ну, какъ тамъ по твоему... И есть у него жела-

ніе, чтобы эта особа въ законѣ была... чтобы въ метрическихъ книгахъ и прочее... словомъ, все чтобы какъ слѣдуетъ... А она чтобы, между тѣмъ...

— Съ удовольствіемъ, мой другъ, съ удовольствіемъ!

— Ну-съ, такъ что̀ ты за это возьмешь? Она вѣдь, братъ, по французски знаетъ!

— Гм... Прежде, нежели отвѣтить на этотъ вопросъ, я, съ своей стороны, предлагаю другой: кто тотъ смертный, въ пользу котораго вся эта механика задумана?

— Ты прежде скажи...

— Нѣтъ, *ты* прежде скажи, а потомъ и я разговаривать буду. Потому что, ежели это дѣло затѣялъ, напримѣръ, хозяинъ твоей мелочной лавочки, такъ напрасно мы будемъ и время по пустому тратить. Я за сотенную ма̀рать себя не намѣренъ!

Иванъ Тимоѳеичъ замялся. Очевидно, онъ имѣлъ въ виду комиссіонный процентъ и боялся, чтобъ Балалайкинъ не обратился прямо къ Парамонову, *безъ посредства комиссіонеровъ*. Но послѣ минутнаго размышленія, онъ, однакожъ, рѣшился.

— Ежели я Парамонова Онуфрія Петровича назову— слыхалъ?

— Намеднись даже въ стуколку съ нимъ вмѣстѣ игралъ, солгалъ Балалайкинъ: — Фалелѣевъ Сидоръ Кондратьичъ, Бобковъ Герасимъ Ѳомичъ, Генераловъ Ѳедоръ Кузьмичъ, Парамоновъ и я.

— Ну, какъ же по твоему?

— А вотъ какъ. У насъ на практикѣ выработалось такое правило: ежели дѣло вѣрное, то брать десять процентовъ съ цѣны иска, а ежели дѣло рискованное — то по соглашенію.

— Чудакъ ты! какъ же ты бабу цѣнить будешь?

— Сейчасъ. Сколько господинъ Парамоновъ на эту самую «подругу» денегъ въ годъ тратитъ?

— Какъ сказать... Одѣваетъ — обуваетъ... ну, экипажъ, квартира... Хорошо содержитъ, прилично! Меньше, какъ двадцатью тысячами въ годъ, пожалуй, не обернется. Ахъ, да и штучка-то хороша!

— А принимая во вниманіе, что купецъ Парамоновъ — мѣняло, а съ такихъ господъ, за уродливость, берутъ вдвое, то предположимъ, что упомянутый выше расходъ, въ данномъ случаѣ, возростетъ до сорока тысячъ.

— Предполагай, пожалуй!

— Теперь, пойдемъ дальше. Имущества недвижимыя, какъ тебѣ извѣстно, оцѣниваются по десятилѣтней сложности дохода; имущества движимыя, какъ, напримѣръ: мебель, картины, произведенія искуствъ — подлежатъ оцѣнкѣ при содѣйствіи экспертовъ. Такъ-ли я говорю?

— Такъ-то такъ, да вѣдь тутъ...

— Позволь, объ этомъ будетъ дальше. «Штучка», о которой идетъ рѣчь, очевидно, представляетъ имущество движимое, но, притомъ, снабженное такими признаками, на которые въ законахъ прямыхъ указаній не имѣется. Поэтому, въ дѣлѣ оцѣнки подобнаго имущества необходимо прибѣгнуть къ нѣсколько иному методу, болѣе соотвѣтствующему характеру самой движимости. Такъ напримѣръ, если допустимъ способъ смѣшанный: то-есть, съ одной стороны, прибѣгнемъ къ экспертизѣ, а съ другой — не пренебрежемъ и принципомъ десятилѣтней сложности дохода, то, кажется, мы придемъ къ результату довольно удовлетворительному. А именно: въ смыслѣ экспертизы, самымъ лучшимъ судьей является самъ господинъ Парамоновъ, который тратитъ на ремонтъ означенной выше движимости сорокъ тысячъ рублей, и тѣмъ самымъ, такъ сказать, опредѣляетъ годовой доходъ съ нея...

— Не *съ нея*, а *ея*...

— *Съ нея* или *ея* — не будемъ спорить о словахъ.

Принявъ цифру сорокъ тысячъ, какъ базисъ для дальнѣйшихъ нашихъ операцій, и помноживъ ее на десять, мы тѣмъ самымъ опредѣлимъ и цѣнность движимости цифрою четыреста тысячъ рублей. Теперь идемъ дальше. Эта сумма въ четыреста тысячъ рублей могла бы быть признана правильною, ежели бы дѣло ограничивалось одною описью, но, какъ извѣстно, за описью необходимо слѣдуютъ торги. Какая цѣна состоится на торгахъ — этого мы, конечно, опредѣлить не можемъ, но едва-ли ошибемся, сказавъ, что она должна удвоиться. А затѣмъ цифра гонорара опредѣляется уже сама собою. То-есть: восемьдесятъ, а для круглаго счета — сто тысячъ рублей.

Я внималъ ему, затаивъ дыханіе; но когда онъ выговорилъ цифру сто тысячъ, то, признаюсь, у меня даже колѣнки затряслись.

— Берите пятьдесятъ! подсказалъ я ему, самъ, впрочемъ, не понимая, почему мнѣ пришла на умъ именно эта сумма, а не другая.

Но онъ даже не удостоилъ меня взглядомъ.

— Я уже опоздалъ на цѣлую минуту, сказалъ онъ, смотря на часы: — затѣмъ, прощайте! И буде условія мои будутъ признаны необременительными, то прошу имѣть въ виду!

Нѣсколько минутъ Иванъ Тимофеичъ стоялъ, какъ опаленный. Что̀ касается до меня, то я просто былъ близокъ къ отчаянію, ибо, за несообразностью рѣчей Балалайкина, дѣло, очевидно, должно было вновь обрушиться на меня. Но именно это отчаяніе удесятерило мои силы, сообщило моему языку краснорѣчіе почти адвокатское, а мысли — убѣдительность, которою она едва-ли когда-нибудь обладала.

— Иванъ Тимофеичъ! воскликнулъ я: — сообразите!

Вѣдь это дѣло... вѣдь это такое дѣло, что, право, дешевымъ образомъ обставить его нельзя!

Но онъ, повидимому, не слыхалъ меня и бормоталъ:

— Диви бы за дѣло, а то... другой бы даже за удовольствіе счелъ...

И вдругъ, обратившись ко мнѣ:

— Ну, а вы ка̀къ... какого вознагражденіе желали бы? спросилъ онъ и съ горькой усмѣшкой прибавилъ:— *для васъ*, можетъ быть, и двухсотъ тысячъ мало будетъ?

Но тутъ-то именно я и показалъ себя.

— Выслушайте меня, прошу васъ! сказалъ я. — Вы давно уже видите и знаете мое сердце. Вамъ извѣстно, интересанъ-ли я и страдаю-ли недостаткомъ готовности служить на пользу общую. Въ деньгахъ я не особенно нуждаюсь, потому что получилъ обезпеченное состояніе отъ родителей; что̀ же касается до моихъ чувствъ, то они могутъ быть выражены въ двухъ словахъ: я готовъ! Но будетъ-ли съ моей стороны добросовѣстно отбивать у Балалайкина кушъ, который можетъ обезпечить его на всю жизнь? Онъ — бѣдный человѣкъ, Иванъ Тимофеичъ! и хотя говоритъ, что адвокатура даетъ ему не меньше двадцати-пяти тысячъ въ годъ, но это онъ лжетъ! Помилуйте! развѣ можно ввѣрять какіе-нибудь серьёзные интересы... Балалайкину? И даже самый конкурсъ, на который онъ сейчасъ ссылался — развѣ есть возможность вѣрить въ его существованіе? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Вѣрьте, что, несмотря на свой шикъ, онъ съ каждой минутой все больше и больше погружается въ тотъ омутъ, на днѣ котораго лежитъ Тарасовка! И въ доказательство...

Я взялъ со стола записку, которую оставилъ Балалайкинъ, и прочиталъ:

«По дѣлу о взысканіи 100 рублей съ мѣщанина Лейбы Эзельсона»...

— Понимаете-ли вы теперь, *какія* у него дѣла? продолжалъ я: — и какъ ему нужно, до зарѣзу нужно, чтобъ на помощь ему явился какой-нибудь крупный гешефтъ, въ родѣ, напримѣръ, того, который представляетъ затѣя купца Парамонова?

Иванъ Тимофеичъ молчалъ, но для меня и то было уже выигрышемъ, что онъ *слушалъ* меня. Его взоръ, задумчиво на меня устремленный, казалось, говорилъ: продолжай! Понятно, съ какою радостью я послѣдовалъ этому молчаливому приглашенію.

— Съ другой стороны, говорилъ я: — вѣдь не вамъ придется платить деньги! Конечно, Балалайкинъ заломилъ цѣну уже совсѣмъ несообразную, но я убѣжденъ, что въ эту минуту онъ самъ раскаявается и горько клянетъ свою несчастную страсть къ хвастовству. Призовите его, обласкайте, скажите нѣсколько прочувствованныхъ словъ — и вы увидите, что онъ сейчасъ же съѣдетъ на десять тысячъ, а, можетъ быть, и на двѣ! Навѣрное, онъ ужь теперь позабылъ, что сто тысячъ слетѣли у него съ языка. Почему онъ сказалъ сто тысячъ, а не двѣсти, не мильйонъ? — не потому ли, что цифра *сто* значится въ запискѣ о взысканіи съ мѣщанина Эзельсона? Я, конечно, этого не утверждаю, но думаю, что это догадка не безосновательная. Завтра онъ принесетъ къ вамъ записку о взысканіи *двухъ* рублей и сообразно съ этимъ уменьшитъ и требованіе свое до *двухъ* тысячъ. Но, еслибы даже онъ и окончательно остановился, напримѣръ, на десяти тысячахъ, то, право, это немного! Вѣдь порученіе-то... ахъ, какое это порученіе! И что̀ вамъ, наконецъ? Неужели деньги купца Парамонова до такой степени дороги вашему сердцу, что вы лишите бѣднаго человѣка возможности поправить свои обстоятельства?

Я говорилъ долго и убѣдительно, и Иванъ Тимо-

феичъ былъ тѣмъ болѣе пораженъ справедливостью моихъ доводовъ, что никакъ не ожидалъ отъ меня такой смѣлой откровенности. Подобно всѣмъ сильнымъ міра, онъ былъ окруженъ плотною стѣной угодниковъ и льстецовъ, которые рѣдко позволяли слову истины достигнуть до ушей его.

— Вы правы! сказалъ онъ, наконецъ, съ какою-то особенною искренностью пожимая мнѣ руку: — и хотя мы не привыкли выслушивать правду, но я долженъ сознаться, что иногда она не безполезна и для насъ. Благодарю! Я давно не проводилъ время съ такой пользой, какъ сегодня утромъ!

Я летѣлъ домой, не чувствуя ногъ подъ собою, и какъ только вошелъ въ квартиру, такъ сейчасъ же упалъ въ объятія Глумова. Я разсказалъ ему все: и въ какомъ я былъ ужасномъ положеніи, и кàкъ на помощь мнѣ вдругъ явилось нѣчто неисповѣдимое...

— Повѣрь, что это за благонамѣренность нашу! сказалъ я въ заключеніе.

— Такъ-то такъ, да ты прежде подожди, возьметъ-ли еще Балалайкинъ десять-то тысячъ?

— Помилуй, душа моя, какъ ему не взять! вѣдь онъ...

Я съ жаромъ принялся доказывать, что нельзя Балалайкѣ десяти тысячъ не взять, что, въ противномъ случаѣ, онъ погибнуть долженъ, что десяти тысячъ на полу не поднимешь, и что съ десятью тысячами, при настоящемъ паденіи курсовъ, на цѣнныя бумаги... И вдругъ, въ самомъ разгарѣ моихъ доказательствъ, меня словно обожгло.

— Глумовъ! да вѣдь Балалайка женатъ и имѣетъ восемь человѣкъ дѣтей! крикнулъ я не своимъ голосомъ.

IV.

Немедлено приступили мы къ розъиску семейнаго положенія Балалайкина, и на другой же день, при содѣйствіи Кшепшицюльскаго, получили слѣдующую справку:

«Балалайкинъ (имя и отчество неизвѣстны), адвокатъ. Проживаетъ 2-й Адмиралтейской части, въ домѣ бывшемъ Зондермана, на углу Фонарнаго переулка и Екатерининскаго канала. Пишетъ прошенія, приноситъ кассаціонныя и апелляціонныя жалобы и вообще составляетъ всякаго рода бумаги, а въ томъ числѣ и неуказанныя въ законахъ. Какъ-то: поздравительные стихи для разносчиковъ афишъ и клубныхъ швейцаровъ, куплеты для театра Егарева, азбуки и христоматіи, а также любовныя письма (со стихами и безъ стиховъ) для лицъ, не кончившихъ курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ сего, отъискиваетъ, по порученіямъ, жениховъ и невѣстъ, слѣдитъ по газетамъ за объявленіями о пропавшихъ собакахъ и принимаетъ мѣры къ отъисканію потеряннаго, занимается устройствомъ предварительныхъ обстановокъ, необходимыхъ для удовлетворительнаго разрѣшенія бракоразводныхъ дѣлъ, и на сей конецъ содержитъ на жалованьи отъ 4-хъ до 5-ти лже-свидѣтелей. Въ пропагандахъ, прокламаціяхъ и во-

обще ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченъ. Ж е н а т ъ и и м ѣ е т ъ в о с е м ь д о ч е р е й. Жена никакихъ постоянныхъ средствъ къ пропитанію себя съ семействомъ (въ томъ числѣ восьмидесятилѣтняя старушка-бабушка) не имѣетъ, кромѣ бѣлошвейнаго мастерства, доставляющаго ничтожный доходъ. Живетъ это семейство въ величайшей бѣдности въ селѣ Кузьминѣ, близь Царскаго Села, получая отъ Балалайкина, въ видѣ вспособленія, не больше десяти рублей въ мѣсяцъ».

Можно себѣ представить, какъ поразила меня эта реляція!

— Воля твоя, сказалъ я Глумову: — а я ни подъ какимъ видомъ на «штучкѣ» купца Парамонова не женюсь. И, въ крайнемъ случаѣ, укажу на тебя, какъ на болѣе достойнаго.

— Да погоди же голову-то терять, возразилъ онъ мнѣ спокойно: — вѣдь это еще не послѣднее слово. Балалайкинъ женатъ — въ этомъ, конечно, сомнѣваться нельзя; но развѣ ты не чувствуешь, что тутъ сквозитъ какая-то тайна, которая, я увѣренъ, въ концѣ-концовъ, дастъ намъ возможность выйти съ честью изъ нашего положенія.

— Но это — тайна Балалайкина, раскрытіе которой даже вовсе не интересуетъ меня. Для меня въ этомъ дѣлѣ ясно одно: Балалайкинъ женатъ!

— Не горячись, сдѣлай милость. Во-первыхъ, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ жены Балалайкина, можно ее уговорить, за приличное вознагражденіе, на формальный разводъ; во-вторыхъ, ежели это не удастся, можно убѣдить Балалайку жениться и при живой женѣ. Однимъ словомъ, необходимо прежде всего твердо установить цѣль: во что бы ни стало женить Балалайку на «штучкѣ» купца Парамонова — и затѣмъ мужественно идти къ осуществленію этой цѣли.

Волей-неволей, но пришлось согласиться съ Глумовымъ. Немедленно начертали мы планъ кампаніи и на другой же день приступили къ его выполненію, то-есть отправились въ Кузьмино. Однакожь, и тутъ полученныя на первыхъ порахъ свѣдѣнія были такого рода, что никакого практическаго результата извлечь изъ нихъ было невозможно. А именно, оказалось:

1) Что Балалайкина жена по уши влюблена въ своего мужа и ни о какихъ предложеніяхъ (Глумовъ двадцать пять рублей давалъ) относительно устройства приличной «обстановки» въ видахъ расторженія брака — слышать не хочетъ.

2) Что Балалайкинъ сохраняетъ свой бракъ въ большой тайнѣ. Никто въ семьѣ не знаетъ, что онъ адвокатъ, получающій значительный доходъ отъ поздравительныхъ стиховъ, сочиняемыхъ клубнымъ швейцарамъ. И жена, и старая бабушка убѣждены, что онъ служитъ въ артели посыльныхъ.

3) Что Балалайкинъ наѣзжаетъ въ Кузьмино одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ, всегда въ полной парадной формѣ посыльнаго и непремѣнно на лихачѣ. Тогда въ семьѣ бываетъ ликованье, потому что Балалайкинъ привозитъ дочерямъ пряниковъ, женѣ—моченой груши, а старой бабушкѣ — штофъ померанцовой водки. Всѣ семейные твердо увѣрены, что это—гостинцы ворованные.

— Онъ-то говоритъ, что купцы даютъ, сказала намъ старуха-бабушка: — да ужь гдѣ, чай!

А дочка присовокупила:

— И то сказать, трудно въ ихнемъ сословіи безъ грѣха прожить! Цѣльный день по кухнямъ да по лавкамъ шляются, тò видятъ, другое видятъ — какъ тутъ себя уберечи!

Все это было далеко не поощрительно, однако, Глумовъ и тутъ надежды не терялъ.

*

— И прекрасно, сказалъ онъ: — пускай себѣ ломается, и безъ нея обойдемся! Теперь, по крайней мѣрѣ, путаться не станемъ, а прямо будемъ бить на двоеженство!

Словомъ сказать, опасность заставила насъ окончательно позабыть, что намъ предстояло только «годить», и по уши погрузила насъ въ самую гущу благонамѣренной дѣйствительности. Мы вполнѣ искренно принялись хлопотать, изворачиваться и вообще производить всѣ тѣ акты, съ которыми сопрягается безопасное плаванье по житейскому морю.

Черезъ нѣсколько дней, часу въ двѣнадцатомъ утра, мы отправились въ Фонарный переулокъ, и такъ какъ домъ Зондермана былъ намъ знакомъ съ юныхъ лѣтъ, то отыскать квартиру Балалайкина не составило никакого труда. Признаюсь, сердце мое сильно дрогнуло, когда мы подошли къ двери, на которой была прибита дощечка съ надписью: Balalaikine, avocat. Увы! въ былое время тутъ жила Дарья Семеновна Кубарева (въ просторѣчіи Кубариха) съ шестью молоденькими и прехорошенькими воспитанницами, которыя называли ее мамашей.

Дарья Семеновна была вдова учителя латинскаго языка, который, къ несчастію, смѣшивалъ герундіумъ съ супинумомъ, и за это былъ преданъ, по распоряженію начальства, суду. А такъ какъ онъ умеръ, не успѣвъ очистить себя отъ обвиненій, то постигшая его невзгода косвеннымъ образомъ отразилась и на его вдовѣ: ей было отказано въ пенсіи. Оставшись безъ всякихъ средствъ къ существованію, Дарья Семеновна понадѣялась-было, что ей удастся продать латинскую грамматику, которую издалъ ея мужъ и безчисленные экземпляры которой, въ ожиданіи судебнаго рѣшенія, украшали ея квартиру, но, увы! судьба и тутъ не оказалась къ ней благосклонною. Рѣшеніе суда не заставило себя долго ждать, но

въ немъ было сказано: «хотя учителя Кубарева, за распространеніе въ юношествѣ превратныхъ понятій о супинахъ и герундіяхъ, а равно и за потрясеніе основъ латинской грамматики, и слѣдовало бы сослать на жительство въ мѣста не столь отдаленныя, но такъ какъ онъ, состоя подъ судомъ, умре, то сужденіе о личности его прекратить, а сочиненную имъ латинскую грамматику сжечь въ присутствіи латинскихъ учителей обѣихъ столицъ». Погорѣвала-погорѣвала бѣдная вдова, посовѣтовалась съ добрыми людьми — и вдругъ нашлась. Открыла пансіонъ для дѣвицъ, но, разумѣется, безъ древнихъ языковъ.

Дарья Семеновна была женщина веселая и хлѣбосолка, а потому педагогическая часть въ ея пансіонѣ была нѣсколько слаба. Учили больше хорошимъ манерамъ и свѣтскому обращенію. Каждый вечеръ до позднихъ пѣтуховъ стоялъ въ ея квартирѣ, какъ говорится, дымъ коромысломъ. Игралъ тапёръ на старенькихъ клавикордахъ; молодые люди танцовали, курили папиросы, угощались пивомъ, водкой, а изрѣдка и шампанскимъ. По временамъ, случались и драки, но хозяйка обладала на этотъ счетъ такимъ тактомъ, что подравшіеся, при первомъ намекѣ на будочника, немедленно унимались и посылали за пивомъ. Только по субботамъ и наканунѣ большихъ праздниковъ дверь квартиры учительницы Кубаревой отпиралась лишь для самыхъ близкихъ знакомыхъ. Въ эти вечера въ комнатахъ зажигались лампадки, воспитанницы умилялись и вздыхали, а Дарья Семеновна набожно говорила:

— Весельемъ людскимъ живу... а Бога помню!

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, Дарья Семеновна умерла, отпраздновавъ двадцати-пятилѣтіе своей педагогической дѣятельности, хотя и безъ древнихъ языковъ. Скончалась старушка тихо, въ большомъ креслѣ на ко-

лесахъ, съ котораго въ послѣднее время не вставала; скончалась подъ звуки тапёра, проводившіе ее въ иной міръ. Я помню: мы безпечно танцовали, въ одномъ углу хлопнула пробка, въ другомъ — раздалась пощечина; смотримъ, а ея ужь и нѣтъ! Говорятъ, передъ смертью она получила даръ прозорливства и предсказала, что въ квартирѣ ея поселится Балалайкинъ.

Весьма естественно, что прежде, нежели позвонить, мы остановились передъ этою дверью, подавленные цѣлымъ роемъ воспоминаній.

— Тутъ... было? первый прервалъ молчаніе Глумовъ.

— Да, мой другъ... тутъ!

— Тапёра, Ивана Иваныча, помнишь?

— Какъ живой и теперь стоитъ передо мной!

— Представь себѣ! вѣдь онъ отецъ семейства былъ... Я у него дѣтей крестилъ, а Кессенихъ кумой была, и какъ сейчасъ помню, онъ насъ въ ту пору шмандкухеномъ угощалъ.

— А Стрекозу помнишь?

— Еще бы! первый мазуристъ на вечерахъ у Дарьи Семеновны былъ! здѣсь, въ этой квартирѣ, и воспитаніе получилъ! А теперь, подитко, тайный совѣтникъ, въ коммиссіяхъ засѣдаетъ — рукой до него не достать!

— Вообрази: встрѣчаю я его надняхъ на Невскомъ, и какъ разъ мнѣ Кубариха на память пришла: помните? говорю. А онъ мнѣ вдругъ стихами:

Вельможу должны украшать
Умъ здравый, сердце просвѣщенно...

И объ Кубарихѣ ни полслова — вотъ онъ нынче какъ объ себѣ полагаетъ!

— Да, братъ, многіе изъ школы Дарьи Семеновны вышли, которые теперь... Только вотъ мы съ тобой...

Я машинально протянулъ руку и подавилъ пуговку электрическаго звонка. Раздался какой-то унылый, дребезжащій звонъ, совсѣмъ не тотъ веселый, побѣдный, свѣтлый, который раздавался здѣсь когда-то. Одинъ изъ лжесвидѣтелей, о которыхъ упоминалось въ справкѣ, добытой изъ 2-й Адмиралтейской части, отперъ намъ дверь и сказалъ, что намъ придется подождать, потому что господинъ Балалайкинъ занятъ въ эту минуту съ кліентами.

Мы вошли въ пріемную комнату, и сердца наши тоскливо сжались. Дà, именно въ этой угловой комнатѣ, выходящей окнами и на Фонарный переулокъ, и на Екатериновку, она и скончалась, добрая, незабвенная Кубариха! Вотъ тутъ, у этой стѣны, стояли старыя, разбитыя клавикорды; вдоль прочихъ стѣнъ разставлены были стулья и диваны, обитые какой-то подлой, запятнанной матеріей; по угламъ помѣщались столики и établissements, за которыми лилось пиво; посрединѣ — мы танцовали. Картины изъ прошлаго, одна за другой, совершенно живыя, такъ и метались передъ моимъ умственнымъ òкомъ.

— Дарья Семеновна! тутъ-ли вы? воскликнулъ я, совсѣмъ забывшись подъ наплывомъ воспоминаній.

Увы! ни одинъ звукъ не отвѣтилъ на мой сердечный вопль. Просторная пріемная комната, въ которой мы находились, смотрѣла холодно и безучастно, и убранство ея отличалось строгою простотой, которая совсѣмъ не согласовалась съ профессіей устройства предварительныхъ обстановокъ по бракоразводнымъ дѣламъ. Признаюсь, приличность балалайкинской обстановки даже поразила меня. Я ожидалъ увидѣть нѣчто въ родѣ квартиры средней руки кокотки — и вдругъ очутился въ помѣщеніи скромнаго служителя Ѳемиды, понимающаго, что чѣмъ меньше будетъ въ его квартирѣ дракъ, тѣмъ

тверже установится его репутація, какъ серьёзнаго адвоката. Посрединѣ стоялъ дубовый столъ, на которомъ лежали, для увеселенія кліентовъ, избранныя сочиненія Беллó въ русскомъ переводѣ; вдоль трехъ стѣнъ разставлены были стулья изъ цѣльнаго дуба съ высокими рѣзными спинками; а четвертая была занята громаднымъ библіотечнымъ шкафомъ, въ которомъ, впрочемъ, не было иныхъ книгъ, кромѣ «Полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи». Очевидно, что Балалайкинъ импонировалъ этою комнатою, хотѣлъ поразить ею воображеніе кліента и въ то же время намекнуть, что всякое оскорбленіе дѣйствіемъ будетъ неуклонно преслѣдуемо на точномъ основаніи тѣхъ самыхъ законовъ, которые стоятъ вотъ въ этомъ шкафу. Ничего лишняго, мишурнаго, напоминающаго о прелюбодѣяніи и лжесвидѣтельствѣ, не бросалось въ глаза, только въ углу стоялъ довольно подержанный полурояль, отъ котораго нѣсколько отдавало Дарьей Семеновной. Рояль этотъ, какъ я узналъ послѣ, быть подаренъ Балалайкину однимъ несостоятельнымъ должникомъ, въ благодарность за содѣйствіе къ сокрытію имущества, и Балалайкинъ, въ свободное отъ лжесвидѣтельствъ время, подбиралъ на немъ музыку куплетовъ, сочиняемыхъ имъ для театра Егарева. Тѣмъ не менѣе, этотъ рояль такъ обрадовалъ меня, что я подбѣжалъ къ нему, и еслибъ не удержалъ меня Глумовъ, то навѣрное съигралъ бы первую фигуру кадрили на мотивъ «чижикъ! чижикъ! гдѣ ты былъ?», которая, въ дни моей молодости, такъ часто оглашала эти стѣны.

Глумовъ тоже, повидимому, не ожидалъ подобной обстановки, но онъ не былъ подавленъ ею, подобно мнѣ, а скорѣе какъ бы не вѣрилъ своимъ глазамъ. Чмокалъ губами, тянулъ носомъ воздухъ и вообще подъискивался. И, наконецъ отъискалъ.

— Пахнетъ! сказалъ онъ мнѣ шопотомъ.

Я тоже инстинктивно потянулъ носомъ воздухъ.

— Дарья Семеновна... она! Она эти самые духи употребляла, когда поджидала «гостей»!

Я началъ припоминать... и вдругъ до такой степени вспомнилъ, что даже краска бросилась мнѣ въ лицо.

— Глумовъ! голубчикъ! эти духи... да вѣдь она жива! она здѣсь! воскликнулъ я внѣ себя отъ восхищенія: — Дарья Семеновна! вы?

И только тогда опомнился, когда Глумовъ, толкнувъ меня подъ локоть, указалъ глазами на двухъ кліентовъ, которые сидѣли въ той же комнатѣ, въ ожиданіи Балалайкина.

По странной игрѣ судьбы, кліенты эти наружнымъ своимъ видомъ напоминали именно то самое прошлое, которое такъ тоскливо заставляло биться мое сердце. Одинъ былъ человѣкъ уже пожилой и имѣлъ физіономію благороднаго отца изъ дома терпимости. Чувство собственнаго достоинства несомнѣнно было господствующею чертою его лица, но въ то же время представлялось столь же несомнѣннымъ, что гдѣ-то, на этомъ самомъ лицѣ, повѣшена подробная такса (видимая, впрочемъ, только мысленному ȯку), объясняющая цифру вознагражденія за каждое наносимое увѣчье, начиная отъ самаго тяжкаго и кончая легкою оплеухой. Мнѣ показалось, что гдѣ-то, когда-то я видалъ этого человѣка, и чѣмъ болѣе я всматривался въ него, тѣмъ больше росла во мнѣ увѣренность, что видѣлъ я его именно въ этомъ самомъ домѣ.

Дà, это *онъ!* говорилъ я самъ себѣ: — но кто *онъ*? *Тотъ* былъ тщедушный, мизерный, на лицѣ его была написана загнанность, забитость, и фракъ у него... ахъ, какой это былъ фракъ! зеленый, съ потертыми локтями,

съ свѣтлыми пуговицами, очевидно, перешитый изъ вицмундира, оставшагося послѣ умершаго отъ геморроя титулярнаго совѣтника! А *этотъ* — вонъ онъ какой! Сытъ, одѣтъ, обутъ — чего еще нужно! И, все-таки, это — *онъ*, несомнѣнно *онъ*, несмотря на то, что смотритъ, какъ только сейчасъ отчеканенный мѣдный пятакъ!

Другой кліентъ былъ совсѣмъ юноша, красный, какъ ракъ, безъ всякаго признака капилярной растительности на лицѣ, отъ чего и казался какъ бы совершенно обнаженнымъ. Онъ напомнилъ мнѣ нѣкоего Жоржиньку (нынѣ статскій совѣтникъ и кавалеръ), который, въ былое время, хотя и не участвовалъ въ общихъ увеселеніяхъ, происходившихъ въ этой залѣ, но всегда въ опредѣленный часъ появлялся изъ внутреннихъ апартаментовъ и, запыхавшись, съ застѣнчивою торопливостью, перебѣгалъ черезъ залу, причемъ воспитанницы кричали ему: Жоржинька! Жоржинька! хорошо выдержали экзаменъ?

Черезъ четверть часа ожиданія, за дверью, ведущею въ кабинетъ Балалайкина, послышался шумъ, и вслѣдъ затѣмъ оттуда вышла, шурша платьемъ и грузно ступая ногами, старуха, очевидно, восточнаго происхожденія. Осунувшееся лицо ея было до такой степени раскрашено, что издали производило иллюзію маски, чему очень много способствовали большой и крючковатый грузинскій носъ и два черныхъ глàза, которые стекловидно высматривали изъ впадинъ. Эту женщину я тоже гдѣ-то и когда-то видѣлъ, да и она меня гдѣ-то и когда-то видѣла, но ни мнѣ, ни ей, конечно, и на мысль не пришло разъяснять, при какихъ обстоятельствахъ произошло наше знакомство. Поддерживаемая Балалайкинымъ подъ руку (онъ называлъ ее при этомъ княгинею, но я могъ дать руку на отсѣченіе, что она — сваха отъ Вознесенскаго моста), она медленно направилась къ выходной

двери, но, проходя мимо шкафа съ книгами, остановилась, какъ бы пораженная его величіемъ

— Всѣ читалъ? спросила она Балалайкина, указывая костлявымъ пальцемъ на корешки переплетовъ.

— Княгиня! воскликнулъ онъ, какъ бы удивленный, что ему можетъ быть предложенъ такой вопросъ.

— Ну, будь здоровъ!

Проводивши старуху, Балалайкинъ прежде всего обратился къ намъ. Онъ былъ необыкновенно милъ въ своемъ утреннемъ адвокатскомъ неглиже. Черная бархатная жакетка ловко обрисовывала его формы и отлично оттѣняла бѣлизну бѣлья; проборъ на головѣ былъ сдѣланъ такъ тщательно, что можно было думать, что онъ причесывается у ваятеля; лицо, отдохнувшее за ночь отъ вчерашнихъ поврежденій, дышало привѣтливостью и готовностью удовлетворить кліента, что̀ бы онъ ни попросилъ; штаны сидѣли почти идеально; но что̀ всего важнѣе: отъ каждой части его лица и даже тѣла разило духами, какъ будто онъ только-что выкупался въ водахъ Екатерининскаго канала. Онъ напомнилъ намъ, что знакомъ съ нами по Ивану Тимофеичу, и изъявилъ надежду, что мы сдѣлаемъ ему честь отзавтракать съ нимъ.

— Черезъ четверть часа я къ вашимъ услугамъ, messieurs, а теперь... вы позволите? прибавилъ онъ, указывая на ожидавшихъ кліентовъ.

— Ну-съ, началъ онъ, подходя къ юношѣ: — письмо наше возъимѣло дѣйствіе?

— Возъимѣло, господинъ Балалайкинъ, только нельзя сказать, чтобы вполнѣ благопріятное.

— Именно?

— Вотъ и отвѣтъ-съ.

Балалайкинъ взялъ поданное письмо и довольно громко прочиталъ: «а ежели ты, щенокъ, будешь еще ко мнѣ приставать»...

— Гм... да... Отвѣтъ, конечно, несовсѣмъ благопріятенъ, хотя, съ другой стороны, сердце женщины... Что жь! будемъ новое письмо сочинять, молодой человѣкъ — вотъ и все!

— Со стихами бы, господинъ Балалайкинъ!

— Можно. Изъ Виктора Гюго, напримѣръ:

O, ma charmante!
Ecoute ici!
L'amant qui chante
Et pleure aussi!

— Ладно будетъ?

— Хорошо-съ, но вѣдь она по-французски не знаетъ.

— Это ничего; вотъ и вы не знаете, да говорите же «хорошо». Неизвѣстность, знаете.. она на воображеніе дѣйствуетъ! У грековъ-язычниковъ даже капище особенное было съ надписью: «неизвѣстному богу...» Потребность, значитъ, такая въ человѣкѣ есть! А, впрочемъ, я и по-русски могу:

Кудри дѣвы чародѣйки,
Кудри — блескъ и ароматъ!
Кудри — кольца, кудри — змѣйки,
Кудри — бархатный каскадъ!

— Хорошо? приходите завтра—будетъ готово... Цѣна...
Балалайкинъ поднялъ правую руку и показалъ всѣ пять пальцевъ.

— Рублей, присовокупилъ онъ строго.

— Нельзя-ли сбавить, господинъ Балалайкинъ? взмолился молодой человѣкъ: — ей-Богу, мамаша всего десять рублей въ мѣсяцъ даетъ: тутъ и на папиросы, тутъ и на все-съ!

— Нельзя, молодой человѣкъ! желаете имѣть успѣхъ у женщинъ и жалѣете пяти рублей... фуй, фуй, фуй!

Ежели мамаша даетъ мало денегъ — добывайте сами! Трудитесь, давайте уроки, просвѣщайте юношество! И такъ, повторяю: завтра будетъ готово. До свиданія... побѣдитель!

Балалайкинъ, въ знакъ окончанія аудіенціи, подалъ юношѣ два пальца, которые тотъ принялъ съ благоговѣніемъ.

— Ну-съ, теперь ваша очередь! обратился онъ къ пожилому кліенту.

— Вотъ ужь пять лѣтъ, какъ жена моя вездѣ ищетъ удовлетворенія, началъ благородный отецъ и вдругъ остановился, какъ бы выжидая, не нанесетъ-ли ему Балалайкинъ какого-нибудь оскорбленія.

Балалайкинъ, однакожь, воздержался и только сквозь зубы процѣдилъ «гм»...

Но на меня этотъ голосъ подѣйствовалъ потрясающимъ образомъ. Я уже не вспоминалъ больше, я вспомнилъ. Да̀, это — онъ! твердилъ я себѣ, онъ, тотъ самый, во фракѣ съ умершаго титулярнаго совѣтника! Чтобы провѣрить мои чувства, я взглянулъ на Глумова и безъ труда убѣдился, что онъ взволнованъ не меньше моего.

— Онъ! шепнулъ онъ, слегка толкнувъ меня локтемъ въ бокъ.

— Жена моя содержитъ гласную кассу ссудъ, продолжалъ, между тѣмъ, благородный отецъ, убѣдившись, что никто изъ присутствующихъ не намѣренъ платить по таксѣ даже за самую легкую оплеуху: — я же состою редакторомъ по вольному найму при газетѣ «Краса Демидрона», служащей о̀рганомъ политическихъ и литературныхъ мнѣній Егарева и Малафѣева. Къ сожалѣнію, наша газета, не будучи изъята изъ вѣдомства общей цензуры, въ то же время, по спеціальности, находится въ вѣдѣніи комитета ассенизаціи столичнаго города С.-Петербурга. Не болѣе года, какъ я нахожусь въ дол-

жности редактора, и достигъ уже слѣдующихъ результатовъ. Во-первыхъ, отъ непрестанныхъ внушеній— два раза лишался разсудка; во-вторыхъ, отъ ежедневно повторяемаго трепета — получилъ трясеніе головы. Таковы обязанности редактора газеты, служащаго по вольному найму!

Онъ произнесъ эту вступительную рѣчь съ такимъ волненіемъ, что подъ конецъ голосъ его пресѣкся. Грустно понуривъ голову, высматривалъ онъ однимъ глазкомъ, не чешутся-ли у кого изъ присутствующихъ руки, дабы немедленно предъявить искъ о вознагражденіи по таксѣ. Но мы, хотя и сознавали, что теперь самое время для «нанесенія», однако, такъ были взволнованы разсказомъ о свойственныхъ вольно-наемному редактору бѣдствіяхъ, что отложили выполненіе этого подвига до болѣе благопріятнаго времени.

— Правда, что, взамѣнъ этихъ непріятностей, я пользуюсь и нѣкоторыми удовольствіями, а именно: 1) имѣю безплатный входъ лѣтомъ въ Демидовъ Садъ, а на масляницѣ и на Святой пользуюсь правомъ хоть цѣлый день проводить въ балаганахъ Егарева и Малафѣева; 2) въ семи трактирахъ, въ особенности рекомендуемыхъ нашею газетой вниманію почтеннѣйшей публики, за несоблюденіе въ кухняхъ чистоты и неимѣніе на посудѣ полуды, я по очереди имѣю право однажды въ недѣлю (въ каждомъ) воспользоваться двумя рюмками водки и порціей селянки; 3) ежедневно имѣю возможность даромъ ночевать въ любомъ изъ съѣзжихъ домовъ и, наконецъ, 4) могу безпрепятственно присутствовать въ любой изъ камеръ мировыхъ судей при судебномъ разбирательствѣ. Но предоставляю вамъ самимъ, милостивые государи, судить, что̀ значатъ всѣ эти прерогативы въ сравненіи съ исчисленными сейчасъ обязанностями?

Онъ опять поникъ головой, но все доселѣ высказан-

ное имъ дышало такою правдою, что нетолько намъ, но даже Балалайкину не приходило на мысль торопить его или перебивать какими-либо напоминаніями о скорѣйшемъ приступѣ къ дѣлу.

— Жалованья я получаю двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, продолжалъ онъ послѣ краткаго отдыха. — Не спорю: жалованье хорошее! но ежели принять во вниманіе: 1) что, по воспитанію моему, я получилъ потребности обширныя; 2) что съѣстные припасы съ каждымъ днемъ дѣлаются дороже и дороже, такъ что рюмка очищенной стоитъ нынѣ десять копѣекъ, вмѣсто прежнихъ пяти — то и выходитъ, что о бифштексахъ да объ котлеткахъ мнѣ и въ помышленіи держать невозможно!

— Позвольте, однако! не воздержался я: — вѣдь вы сами сейчасъ сказали, что имѣете право на безплатное полученіе ежедневно двухъ рюмокъ водки и порціи селянки! Мнѣ кажется, что въ вашемъ званіи...

— Вамъ кажется, господинъ? Но скажите по совѣсти: можетъ-ли быть человѣкъ сытъ и пьянъ, получая въ день одну порцію селянки, составленной изъ веществъ загадочныхъ и трудноваримыхъ, и двѣ рюмки водки, которыя буфетчикъ съ намѣреніемъ не доливаетъ до краевъ?

Въ голосѣ его звучала такая горькая искренность, что я невольно умолкнулъ.

— По моему воспитанію, мнѣ нетолько двухъ рюмокъ и одной селянки, а двадцати рюмокъ и десяти селянокъ — и того недостаточно! Ахъ, молодой человѣкъ! молодой человѣкъ! какъ вы, однако, опрометчивы въ вашихъ сужденіяхъ! говорилъ, между тѣмъ, благородный отецъ, строго и наставительно покачивая головой въ мою сторону: — и какъ это вы, милостивый государь, получивши такое образованіе...

— Возвратимтесь къ разсказу, прервалъ его Бала-

лайкинъ, обязательно поспѣшая мнѣ на выручку противъ дальнѣйшихъ репримандовъ старца, у котораго начала уже настолько явственно выступать на лицѣ такса, что я безъ всякихъ затрудненій прочиталъ:

«За словесное оскорбленіе укоризною въ недостаткѣ благовоспитанности, а равно и въ неимѣніи христіанскихъ правилъ... 20 коп.»

Но благородный отецъ унялся не сразу.

— Къ тому же, я сластолюбивъ, продолжалъ онъ.—Я люблю мармаладъ, черносливъ, изюмъ, и хотя входилъ въ переговоры съ купцомъ Елисѣевымъ, дабы разрѣшено было мнѣ безплатно входить въ его магазины и пробовать, но получилъ рѣшительный отказъ; купецъ же Смуровъ, вслѣдствіе подобныхъ же переговоровъ, разрѣшилъ выдавать мнѣ въ день по одному поврежденному яблоку. Стало быть, и этого, по вашему, милостивый государь, разумѣнію, для меня достаточно? вдругъ обратился онъ ко мнѣ.

Дѣлать было нѣчего. Я вынулъ изъ кармана двугривенный (по таксѣ) и положилъ на столъ, откуда онъ въ одно мгновеніе и исчезъ въ карманъ старца.

— Благодарю васъ, господинъ. Маловато, но я не притѣснителенъ... И такъ, я сластолюбивъ, и потому имѣю вкусъ къ лакомствамъ вообще и къ дѣвочкамъ въ особенности. Есть у нихъ, знаете...

Старикъ поперхнулся, и все нутро его вдругъ заколыхалось. Мы замерли въ ожиданіи одного изъ тѣхъ пароксизмовъ восторга, которые иногда овладѣваютъ старичками подъ наитіемъ сладостныхъ представленій, но онъ ограничился тѣмъ, что чихнулъ. Очевидно, это была единственная форма дѣятельнаго отношенія къ красотѣ, которая, при его преклонныхъ лѣтахъ, осталась для него доступною.

— Словомъ сказать, никакъ нельзя остеречься, что-

бы рубля или двухъ въ недѣлю не пожертвовать собственно на предметы сластолюбія. Затѣмъ, такъ какъ жена удерживаетъ у меня пятнадцать рублей въ мѣсяцъ за прокормъ и квартиру (и, притомъ, даже въ такомъ случаѣ, еслибъ я ни разу не обѣдалъ дома), то на такъ-называемыя издержки представительства остается никакъ не больше пяти рублей въ мѣсяцъ. Какъ вы полагаете, милостивый государь, можетъ-ли удовлетвориться этимъ благородный человѣкъ, особливо въ виду установившагося обычая, въ силу котораго всѣ вольнонаемные редакторы, разъ въ мѣсяцъ устроиваютъ въ трактирѣ «Старый Пекинъ» обѣдъ въ ознаменованіе чудеснаго избавленія отъ множества угрожавшихъ имъ въ теченіи мѣсяца опасностей?

— Конечно, нѣтъ; но вѣдь супруга ваша, какъ содержательница гласной кассы ссудъ, могла бы и не требовать съ васъ платы за содержаніе? возразилъ Балалайкинъ.

— Что̀ касается до того, куда жена моя употребляетъ свои средства—объ этомъ рѣчь впереди. Теперь же скажу, что супружество, въ томъ видѣ, въ какомъ я онымъ пользуюсь, налагаетъ на меня лишь очень нелегкія обязанности, а правъ не даетъ. Но этого мало, милостивые государи! Не имѣя никакого вліянія на направленіе редактируемой мною газеты, я, тѣмъ не менѣе, ощущаю на себѣ всѣ невзгоды, ее постигающія. Такъ, напримѣръ, когда, по настоянію г. Малафѣева, послѣдовало въ нашемъ изданіи изъясненіе турецкой конституціи и за сіе газета вынуждена была потерпѣть ущербъ, то и я былъ подвергнутъ вычету изъ жалованья въ размѣрѣ пятнадцати копѣекъ въ сутки. Можете судить сами, какое нравственное потрясеніе должна была произвести во мнѣ эта катастрофа, не говоря уже о неоплатномъ долгѣ въ три рубля пятьдесятъ копѣекъ, въ ко-

торый я съ тѣхъ поръ погрязъ и о возвратѣ котораго жена моя ежедневно настаиваетъ...

Но едва произнесъ онъ эти слова, какъ Глумовъ, движимый великодушіемъ, вынулъ изъ кармана три съ полтиной и положилъ ихъ на столъ.

— Благодарю васъ, достойный молодой человѣкъ! благодарю тѣмъ больше, что, имѣя право за эти деньги поступить со мною по таксѣ, вы великодушно не воспользовались этимъ правомъ! Но возвращаюсь къ разсказу. Изъ всего вышеизложеннаго вы, конечно, изволили убѣдиться, милостивые государи, что положеніе редактора газеты по вольному найму вовсе не таково, чтобы возбудить въ комъ-либо зависть. Поэтому, вы не удивитесь, если я, въ видахъ воспособленія, рѣшаюсь, даже съ опасностью жизни, прибѣгать къ нѣкоторымъ побочнымъ средствамъ, которыя помогаютъ мнѣ имѣть приличную редакторскому званію одежду и удовлетворять издержкамъ представительства. Эти побочныя средства — вотъ они.

Онъ хлопнулъ довольно грязной рукой по правой щекѣ, и — о чудо! — такса, которую мы до сихъ поръ видѣли лишь мысленными очами (только однажды я мелькомъ усмотрѣлъ одинъ параграфъ ея), вдругъ засвѣтилась, такъ что мы совершенно явственно прочитали:

Такса:

За словесное оскорбленіе укоризною въ недостаткѣ благовоспитанности и неимѣніи христіанскихъ правилъ	20 к.
Тоже, съ упоминовеніемъ о родителяхъ .	50 »
Тоже, съ поднятіемъ руки, но безъ нанесенія	75 »

За щелчокъ по носу или мазокъ по губамъ	1 р.	— к.
Простая оплеуха	1 »	50 »
Оплеуха, ежели при оной получается ощущеніе перстней	1 »	75 »
За нанесеніе по лицу удара рукой съ раскровяненіемъ или разсѣченіемъ какой-либо части онаго (носа, бровей, губъ и проч.)	3 »	— »
Тоже, сапогомъ	3 »	50 »
За вымазаніе лица дегтемъ, саломъ, тѣстомъ и т. п.	4 »	— »
Тоже, веществами, коихъ вывозъ въ дневное время воспрещается	5 »	— »
За окормленіе припасами, производящими тошноту	6 »	— »
За высѣченіе розгами, на единѣ, до 20-ти ударовъ и менѣе	10 »	— »
За каждый ударъ, сверхъ 20-ти, по	1 »	— »
Тоже, при благородныхъ свидѣтеляхъ	20 »	— »
За каждый ударъ, сверхъ 20-ти, по	2 »	— »
» переломъ ребра	30 »	— »
» ударъ по головѣ съ проломомъ оной	50 »	— »

Примѣчаніе 1-е. Оскорбленія кнутомъ, кошками, полѣномъ или подворотнею не допускаются вовсе.

Примѣчаніе 2-е. Равнымъ образомъ воспрещаются: выколотіе глаза, откушеніе носа, отсѣченіе руки или ноги, отнятіе головы и проч. За всѣ таковыя поврежденія вознагражденіе опредѣляется по суду, по произнесеніи обвинительныхъ и защитительныхъ рѣчей, послѣ чего присяжные засѣдатели удаляются въ совѣщательную комнату и выносятъ обвиняемому оправдательный приговоръ.

— Кажется, такса не обременительная? обратился онъ къ намъ, когда убѣдился, что мы имѣли время обдумать прочитанное.

*

— Нетолько не обременительная, поспѣшилъ я успокоить его: — но даже, если можно такъ выразиться, соблазнительно умѣренная. Помилуйте! выполненіе по всей таксѣ стоитъ всего сто тридцать семь рублей двадцать копѣекъ, а мало-ли на свѣтѣ богатыхъ людей, которымъ ничего не стоитъ бросить такія деньги, лишь бы доставить себѣ удовольствіе!

— И бывали такія особы! сказалъ онъ съ гордостью, и вслѣдъ затѣмъ съ горечью присовокупилъ: — бывали-съ... въ то время, когда нашъ рубль еще пользовался довѣріемъ на заграничныхъ рынкахъ!

— Но, вѣроятно, и такса ваша въ то время была соразмѣрно дешевле?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ, милостивый государь! Увы! готовность получать оскорбленія съ каждымъ днемъ все больше и больше увеличивается, а предложеніе оскорбленій, напротивъ того, въ такой же пропорціи уменьшается!

— Но, во всякомъ случаѣ, если вы позволите, я...

И я немедленно укорилъ его въ неимѣніи христіанскихъ правилъ и положилъ на столъ двугривенный.

— Что касается до меня, присовокупилъ Глумовъ, соревнуя мнѣ: — то я нахожу, что въ вашей таксѣ всего поразительнѣе — это строгая постепенность вознагражденій. А потому, хотя я и не желаю упоминать о вашихъ родителяхъ, но прошу васъ счесть, какъ бы я упомянулъ объ нихъ. При чемъ прилагаю полтинникъ.

Затѣмъ, Балалайкинъ, съ своей стороны, замахнулся (но безъ нанесенія), и отсчиталъ три четвертака. И такимъ образомъ, меньше чѣмъ въ минуту, безъ всякихъ безпокойствъ, добрый старикъ получилъ рубль сорокъ пять копѣекъ серебромъ, и вслѣдствіе этого совершенно воспрянулъ духомъ.

— Ну-съ! смотрите-ка теперь вотъ эту штучку! весело сказалъ онъ, очевидно, не желая оставаться у насъ въ долгу за причиненное одолженіе.

Онъ щелкнулъ себя по лѣвой щекѣ, и мы съ новымъ изумленіемъ увидѣли, что и на ней мгновенно начали выступать печатныя строки, такъ что черезъ минуту мы уже могли прочитать слѣдующее курьёзное объявленіе:

«Краса Демидрона».

«Газета ассенизаціонно-любострастная, выходящая въ дни публичныхъ дракъ.

«Давно уже чувствуется въ нашей публикѣ потребность въ обстоятельныхъ свѣдѣніяхъ о происходящихъ въ здѣшней столицѣ дракахъ, а между тѣмъ ȯргана, который удовлетворялъ бы таковому справедливому во всѣхъ отношеніяхъ желанію, или вȯвсе нѣтъ, или же существуютъ такіе, которые затемняютъ дѣло ненужными философическими размышленіями. Вознамѣрившись пополнить этотъ пробѣлъ, мы предприняли наше изданіе въ надеждѣ, что публика оцѣнитъ наши труды и не пожалѣетъ какихъ-нибудь трехъ рублей въ годъ, за которые получитъ чтеніе достаточно разнообразное и, притомъ, чуждое всякихъ посягательствъ на потрясеніе чего бы то ни было. Мы не исчисляемъ здѣсь именъ нашихъ сотрудниковъ, но объявляемъ съ понятною гордостью, что большинство нашихъ литературныхъ дѣятелей обѣщало намъ свое благосклонное содѣйствіе, а знаменитый г. Зетъ даже обязался исключительно помѣщать у насъ распутные труды свои. Равнымъ образомъ, мы не задаемся никакими широкими или утопическими задачами, а будемъ преслѣдовать одну цѣль: угобженіе читателевой утробы. Въ этихъ видахъ, газета наша доста-

витъ обильное и разнообразное чтеніе по нижеслѣдующимъ отдѣламъ:

«1) Свѣдѣнія о дракахъ въ публичныхъ мѣстахъ, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ перипетій отъ начала до окончательной развязки. На мѣста дракъ будутъ на счетъ газеты командируемы талантливѣйшіе изъ нашихъ репортеровъ.

«2) Литературно - лакейское обозрѣніе всего происходящаго въ Демидовомъ саду и въ балаганахъ Егарева и Малафѣева. Отдѣломъ этимъ будетъ завѣдывать г. Зетъ.

«3) Адресы наилучшихъ кокотокъ, съ краткими ихъ біографіями и съ изложеніемъ приличествующихъ свѣдѣній. Изложеніе сіе мы, конечно, будемъ дѣлать съ соблюденіемъ требуемой приличіями тайны, но такъ какъ контора редакціи открыта для желающихъ ежедневно отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ пополудни, то въ ней всѣ необходимыя разъясненія могутъ быть даны за самое умѣренное вознагражденіе.

«4) Прогулка по трактирнымъ заведеніямъ, съ изложеніемъ цѣнъ на кушанья и напитки, указаніемъ на особенно замѣчательные предметы гастрономіи и увѣковѣченіемъ именъ расторопнѣйшихъ половыхъ и гарсоновъ. Само собой разумѣется, что особенное вниманіе будетъ обращено на тѣ трактиры, содержатели коихъ обяжутся взносить за сіе въ редакцію опредѣленное вознагражденіе, хотя бы въ кухняхъ ихъ и не было соблюдаемо надлежащей опрятности.

«и 5) Разное. Анекдоты, острыя слова, афоризмы, куплеты, ложные слухи, употребительнѣйшія средства для излеченія отъ любострастныхъ болѣзней и проч.

«Сроками выхода мы себя не стѣсняемъ, но такъ какъ въ дракахъ недостатка не бываетъ, то читатели могутъ

быть увѣрены, что газета наша будетъ появляться чаще, нежели нужно.

«Редакторъ по найму: Иванъ Ивановъ Очищенный,

бывшій Пронскій помѣщикъ, преданный суду за злоупотребленіе помѣщичьей властью, а впослѣдствіи таперъ».

Я не успѣлъ еще дочитат объявленія до конца, какъ Глумовъ уже тискалъ благороднаго отца въ своихъ объятіяхъ.

— Иванъ Иванычъ! да вѣдь это ты! ты! ты! ты! восклицалъ онъ въ неописанномъ восхищеніи.

V.

И такъ, загадка разъяснилась: передъ нами стоялъ бывшій Кубарихинъ тапёръ, свидѣтель игръ нашей молодости! Мы долго не могли придти въ себя отъ восхищенія и въ радостномъ умиленіи поочередно мяли его въ своихъ объятіяхъ. Да и онъ пришелъ въ неописанное волненіе, когда мы неопровержимыми фактами доказали, что никакое alibi въ настоящемъ случаѣ немыслимо.

— «Чижикъ, чижикъ! гдѣ ты былъ?» — помнишь? допрашивалъ Глумовъ.

— Помню! отвѣтилъ онъ, тщетно усиливаясь сообщить твердость дрогнувшему голосу.

— А помнишь-ли, какъ я однажды поднесъ тебѣ рюмку водки, настоенную на воспламеняющихъ веществахъ, и какъ ты потомъ чуть съ ума не сошелъ! припомнилъ и я съ своей стороны.

— Помню!

— А помнишь-ли...

Словомъ сказать, припомнили такую массу забавныхъ и вполнѣ культурныхъ шутокъ, что у старика даже волосы дыбомъ встали.

— Тогда еще у меня таксы-то этой не было! сказалъ

онъ, но на этотъ разъ такъ благодушно, что не укоризна слышалась въ его голосѣ, а скорѣе благодарное воспоминаніе о шалостяхъ, свойственныхъ юношамъ, получившимъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Иванъ Иванычъ! какъ ты выросъ! похорошѣлъ! тормошилъ его Глумовъ.

— И какъ отлично одѣтъ! присовокупилъ я:—точно сбираешься въ первый разъ показать свою дочь на балѣ у Кессенихъ!

Но послѣднія слова словно обожгли его. Онъ грустно взглянулъ на насъ, и крупныя слезы полились изъ его глазъ, постепенно подмачивая объявленіе объ изданіи газеты «Краса Демидрона».

— Друзья! не растравляйте старыхъ, но не зажившихъ еще ранъ! обратился онъ къ намъ совершенно растроганный: — дочь, о которой вы говорите, дочь, которая была украшеніемъ баловъ Марцинкевича — ея уже нѣтъ! И моей милой, бѣленькой Амаліи, которая угощала васъ, господинъ Глумовъ, шмандкухеномъ — и ея уже нѣтъ! Всѣхъ, всѣхъ пережило это бѣдное, старое сердце... и не разбилось! О, это было хорошее, свѣтлое, счастливое время, несмотря на то, что я тогда носилъ фракъ, перешитый изъ вицмундира, оставшагося послѣ титулярнаго совѣтника Поприщина!

— Но теперь... развѣ ты несчастливъ?

— О, теперь!!! теперь — я только тѣнь того веселаго Ивана Иваныча, котораго вы когда-то знавали въ этой самой квартирѣ! Хотя же, по наружности, я и имѣю видъ благороднаго отца, но, въ сущности, я — тапёръ болѣе, нежели когда-либо!

— Но отчего же ты помолодѣлъ?

— Такова воля Провидѣнія, которое невидимо утучняетъ меня, дабы хотя отчасти вознаградить за претер-

пѣваемыя страданія. Ибо, спрашиваю я васъ по совѣсти, какое можетъ быть страданіе горше этого: жить въ постоянномъ соприкосновеніи съ гласною кассою ссудъ и, въ то же время, получать не болѣе двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ, уплачивая изъ нихъ же около двадцати на свое иждивеніе?

— Послушай, Ваня! да неужели же бѣленькая, маленькая Мальхенъ до того переродилась, что сдѣлалась содержательницей гласной кассы ссудъ?

— Мальхенъ — никогда! Мальхенъ смотритъ теперь съ небеси — и ничего не видитъ! А содержательница гласной кассы ссудъ — это Матрена Ивановна!

— Такъ ты, значитъ, женился въ другой разъ? Да разскажи же, братецъ, разскажи!

— Это тяжелая и скорбная исторія, которую я, впрочемъ, охотно разсказываю всякому, кто предлагаетъ мнѣ серьёзное угощеніе. И если вы желаете назначить мнѣ день и часъ въ «Старомъ Пекинѣ» или въ гостинницѣ «Москва», то я — готовъ!

— Но отчегожь не теперь? прервалъ Балалайкинъ, вдругъ проникшійся чувствомъ великодушія:—по счастливой случайности, я сегодня совершенно свободенъ отъ хожденія, а что касается до угощенія, то, навѣрное, я удовлетворю васъ несравненно лучше, нежели какой-нибудь «Пекинъ»!

И мы, и Очищенный охотно согласились. Балалайкинъ хлопнулъ въ ладоши, и по знаку его два лжесвидѣтеля втащили въ комнату громадный подносъ, уставленный водками и закусками, а два другихъ лжесвидѣтеля послѣдовали за первыми съ другимъ подносомъ, обремененнымъ разнообразнымъ холоднымъ мясомъ.

— Рекомендую! пригласилъ насъ Балалайкинъ:—вотъ эта икра презентована мнѣ Вьюшинымъ за поздравленіе его съ днемъ ангела, а этотъ балыкъ присланъ прямо

изъ Кокана бывшимъ мятежнымъ ханомъ Насръ-Эддиномъ за то, что я подъискалъ ему невѣсту. Хотите, я прочту вамъ его рескриптъ?

— Ахъ, сдѣлайте милость!

— Я всегда держу его въ карманѣ, какъ свидѣтельство, что всѣ порученія исполняются мною безъ обмана. Вотъ этотъ рескриптъ:

Копія.

«Достопочтенному, могущественному и милостивому господину аблакату Балалайкѣ, въ Питембурхи.

«Свѣтъ очей моихъ, господинъ аблакатъ Балалайка!

«Докладываю вамъ, что присланную при письмѣ дѣвицу Людмилу мы въ сохранности получили, и все, что̀, по описи, той дѣвицѣ принадлежитъ — все оное оказалось исправно. И пишете вы намъ, что оная Людмила есть дочь кіевскаго князя Свѣтозара, а въ плакатѣ значится: дочь фейерверкера. И для насъ это все единственно, а такъ только къ слову о семъ упоминаемъ, что обманули вы насъ. А, впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы, послѣ пораженія нашихъ войскъ подъ Махрамомъ, въ вѣрное подданство Россіи перешли и подъ власть капитанъ-исправника Сидора Кондратьича подведены, въ первый разъ, по милости оной дѣвицы Людмилы, восчувствовали, что и горесть не безъ утѣшенія бываетъ. И за все то ваше одолженіе и причиненную намъ радость жалуемъ вамъ тартунъ (приношеніе): одинъ глиняный кувшинъ воды и балыкъ вѣсомъ двадцать фунтовъ. Ахъ, отмѣнна балыкъ!

«За симъ, да спасетъ васъ Аллахъ, а я того желаю.

«Бывшій мятежный, а нынѣ вѣрный господина моего Сидора Кондратьича слуга Сеидъ-Махомедъ-Насръ-Эддинъ, лжеханъ».

— Зачѣмъ же онъ воды-то кувшинъ прислалъ? полюбопытствовалъ я.

— А у нихъ вода въ рѣдкость—вотъ онъ и вообразилъ, что и нивѣсть какъ мнѣ этимъ угодитъ. Хотите, я и кувшинъ покажу?

— Пожалуйста!

Принесли кувшинъ, осмотрѣли. Кувшинъ какъ кувшинъ, только сырой глиной воняетъ.

— Дà, господа, немало-таки было у меня возни съ этимъ ханомъ! сказалъ Балалайкинъ:—трехъ невѣстъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ ему переслалъ — и все мало! Теперь четвертую подъискиваю!

— Осмѣлюсь вамъ доложить, предложилъ Очищенный: — есть у меня на примѣтѣ дѣвица одна, которая въ отъѣздъ согласна... ахъ, хороша дѣвица!

— Прекрасно-съ, будемъ имѣть въ виду. Однако, признаюсь вамъ, и безъ того отбою мнѣ отъ этихъ невѣстъ нѣтъ. Каждое утро весь Фонарный переулокъ такъ и ломится въ дверь. Даже молодые люди приходятъ — право! звонокъ за звонкомъ.

— Странно, однакожь, что за всѣ эти хлопоты онъ васъ балыкомъ да кувшиномъ воды отблагодарилъ! удивился Глумовъ.

— Que voulez vous, mon cher! Эти ханы... нѣтъ въ мірѣ существъ неблагодарнѣе ихъ! Впрочемъ, онъ мнѣ еще пару шакаловъ прислалъ, да чорта-ли въ нихъ! Позабàвился нѣсколько дней, поѣздилъ на нихъ по Невскому, да и отдалъ Росту въ зоологическій садъ. Главное дѣло, завываютъ какъ-то — ну, и кучера искусали. И представьте себѣ, кромѣ бифштексовъ, ничего не ѣдятъ, канальи! И непремѣнно, чтобъ изъ кухмистерской Завитаева—извольте-ка отсюда на Пески три раза въ день посылать!

— Тсс...

— А вотъ эти кильки... это достопримѣчательность! Я ихъ самъ, собственными руками прошлымъ лѣтомъ ло-

вилъ. Вы знаете, вѣдь я было въ политикѣ попался... какъ же! да! Ну, и надобно было заграницу удирать. Нанялъ я, знаете, живымъ манеромъ, чухонца: айда, мина нуси, сколько, шельма бѣлоглазая, возьмешь Балтійское море переплыть? Взялъ онъ съ меня тысячу рублей денегъ да водки ведро, уложилъ меня на дно лодки, прикрылъ рогожкой — валяй по всѣмъ по тремъ! Только какъ къ острову Готланду стали подъѣзжать — тогда выпустилъ. Тутъ-то я и ловилъ кильку, покуда не обнаружилось, что вся эта исторія — одно недоразумѣніе. Дà, господа, испыталъ я въ то время! Какъ ни хорошо за границей, а, все-таки, съ милой родиной разставаться тяжело! Ѣхали мы, знаете, мимо Кронштадта — съ одной стороны Кронштадтъ, съ другой Свеаборгъ—а я лежу и думаю: вдругъ выпалитъ? Вѣдь броненосцевъ пробиваетъ— а мы... что̀ такое мы?!

— Не выпалилъ?

— Нѣтъ, зазѣвались. Помилуйте! броненосцевъ пропускаетъ, а наша лодка... представьте себѣ, орѣховая скорлупа — вотъ какая у насъ была лодка! И вдобавокъ, поминутно открывается течь! А впрочемъ, я тогда воспользовался, поѣздилъ-таки по Европѣ! Въ Женевѣ былъ—часы купилъ, а потомъ проѣхалъ въ Парижъ — такую, я вамъ скажу, коллекцію фотографическихъ карточекъ пріобрѣлъ — пальчики оближете!

При упоминовеніи о карточкахъ, Очищенный сладострастно зачавкалъ зубами.

— Мнѣ бы... промолвилъ онъ, собираясь чихнуть.

— Покажу-съ! я вамъ, господа, все покажу, всѣ мои коллекціи! Такія карточки есть, что даже постичь невозможно — parole d'honneur! Позвольте, что̀ тамъ еще такое? ба! кажется, сёмга? Обращаю ваше вниманіе на нее, messieurs! Эту самую сёмгу Немировичъ-Данченко собственными руками изловилъ! Мы съ нимъ вмѣстѣ въ

Соловкахъ были, пиво-медъ пили, по усамъ текло, въ ротъ не попало — такъ вотъ онъ, на память связывающихъ насъ узъ, изловилъ и прислалъ! Теперь отъ нея только хвостъ остался; но удивительный! Немировичъ предиковинные анекдоты объ этой сёмгѣ разсказываетъ. Уморительная, говоритъ, рыба! и умна... совсѣмъ, какъ человѣкъ! Сидишь этакъ на берегу моря, разложишь костеръ, вскипятишь въ котелкѣ воду, и кликнешь: исй! Ну, она видитъ, что ее-то именно и не достаетъ, чтобъ вышла уха — сейчасъ сама, живая, и приплыветъ! Клянусь! хотите, я васъ съ Немировичемъ познакомлю?

— Непремѣнно! Хотимъ! хотимъ!

— Надняхъ ваше желаніе будетъ выполнено. А вотъ эти фиги мнѣ Эюбъ-паша презентовалъ... Теперь, впрочемъ, не слѣдовало бы объ этомъ говорить—война!— ну, да вѣдь вы меня не выдадите! Да вы попробуйте-ка! ароматъ-то какой!

— Эюбъ-то за что̀ же вамъ подарки дѣлаетъ?

— А я тутъ ему одно свѣдѣньице въ дипломатическихъ сферахъ вывѣдалъ... та̀къ, пустячки!

— Балалайкинъ! пощадите! вѣдь вы себя въ измѣнѣ отечеству обличаете! воскликнули мы въ ужасѣ.

— Ah, mais entendons nous! Я, дѣйствительно, свѣдѣньице для него вывѣдалъ, но онъ черезъ это самое свѣдѣньице сраженье потерялъ—помните въ томъ ущеліи, какъ бишь его?.. Нѣтъ, господа! я вѣдь въ этихъ дѣлахъ остороженъ! А онъ мнѣ, между прочимъ, презентъ! Однако, я его и тогда предупреждалъ. Ну, куда ты, говорю лѣзешь, скажи на милость! вѣдь если ты проиграешь сраженіе—тебя турки судить будутъ, а если выиграешь—образованная Европа судить будетъ! Подавай-ка лучше въ отставку!

— Не послушался?

— Не послушался — и проигралъ! А жаль Эюба, до

слезъ жаль! Лихой малый и даже на турку совсѣмъ не похожъ! Я съ нимъ вмѣстѣ въ баню ходилъ—совсѣмъ, какъ есть, человѣкъ! только тѣло голубое, совершенно какъ наши жандармы въ прежней формѣ до преобразованія!

Балалайкинъ на минуту задумался, какъ бы захлебнувшись. Очевидно, лганье плыло на него съ такой быстротой, что онъ не успѣвалъ справиться съ массами безпрерывно выработывающагося матеріала.

— Да̀, господа, много-таки я въ своей жизни перипетій испыталъ! началъ онъ вновь: — въ Березовъ сосланъ былъ, пробовалъ картошку тамъ акклиматизировать—не выросла! Но за то много и радостей извѣдалъ! Напримѣръ, восходъ солнца на берегахъ Ледовитаго Океана — это что̀ же такое! Представьте себѣ, въ одно и то же время и восходитъ и заходитъ—гдѣ это увидите? Оттого тамъ никто и не спитъ. Зимой спятъ, а лѣтомъ тюленей ловятъ!

— Желалъ бы я знать, тюленье мясцо—пріятно оно на вкусъ? полюбопытствовалъ Очищенный.

— Мыломъ отдаетъ, а, впрочемъ, мы съ Немировичемъ ѣли. Немировичъ, Латкинъ и я. Тамъ, батюшка, лѣтомъ семьдесятъ-три градуса морозу бываетъ, а зимой — это что̀жь! Такъ тутъ и тюленинѣ будешь радъ. Я однажды тамъ носъ отморозилъ: высморкался—смотрю, анъ носъ въ рукѣ!

— Ахъ, чортъ побери!

— Да̀, батюшка. Къ счастью, я сейчасъ же нашелся: взялъ тёпленькаго тюленьяго маслица, помазалъ, приставилъ — и вотъ, какъ видите!

Онъ предложилъ намъ освидѣтельствовать свой носъ: дѣйствительно, нельзя было даже заподозрить, чтобъ тутъ когда-нибудь пустое мѣсто было.

— Всего я испыталъ! и на золотыхъ пріискахъ былъ;

такіе, я вамъ скажу, самородки находилъ, что за одинъ мнѣ разомъ пять лѣтъ каторги сбавили. Теперь онъ въ горномъ институтѣ, въ музеѣ, лежитъ.

— Гм... да̀? А скажите, пожалуйста, слыхивалъ я, что на пріискахъ рабочіе это самое золото очень искусно скрываютъ. Возьметъ, будто бы, иной золотничекъ или два песочку и такъ спрячетъ, что никакими, то-есть, средствами... Правда-ли это?

— Не по золотничку, а фунтовъ по пяти разомъ прячутъ — вотъ я вамъ какъ скажу! Я самъ... да что̀ тутъ! вы думаете, состояніе-то мы откуда? Обстановка эта и все?..

— Неужто?

— Все оттуда! тамъ всему начало положено, тамъ-съ! Отъискивая для мятежныхъ хановъ невѣстъ немного наживешь! Чорта съ два — наживешь тутъ! Тамъ все, и связи мои всѣ тамъ начались! Я теперь у всѣхъ золотопромышленниковъ по всѣмъ дѣламъ повѣреннымъ состою: женамъ шляпки покупаю, мужьямъ — причёски. Сочтите, сколько я за это одного жалованья получаю? А рябчики сибирскіе? а нельма? — это не въ счетъ! Мнѣ намеднись купецъ Трапезниковъ мамонтовъ зубъ изъ Иркутска въ подарокъ прислалъ—хотите, покажу?

— Ахъ, сдѣлайте ваше одолженіе!

— И покажу, если, впрочемъ, въ зоологическій садъ не отдалъ. У меня денегъ про̀пасть, на сто лѣтъ хватитъ. Въ прошломъ году я въ Ниццу ѣздилъ—смотрю, на горѣ у самаго въѣзда за̀мокъ Одиффрѐ стоитъ. Спрашиваю: что̀ сто̀итъ?—милліонъ двѣсти тысячъ! Дѣлать нѐчего, вынулъ изъ кармана деньги и отсчиталъ!

— Ахъ, Господи!

Очищенный не выдержалъ: всталъ съ кресла и перекрестился.

— Видалъ я, господинъ Балалайкинъ! даже очень часто видалъ! сказалъ онъ: — но, признаюсь...

— Я въ Ниццѣ двадцать лѣтъ жилъ, такъ всѣ даже удивлялись. Оркестръ у меня былъ, 'концерты по пятницамъ...

Балалайкинъ постепенно вошелъ въ такой экстазъ, что пѣна у него показалась у рта. Тяжело становилось.

— Скажите, Балалайкинъ, какъ вамъ приходится покойный Репетиловъ? спросилъ я, чтобы какъ-нибудь разрѣдить атмосферу лганья.

— Репетиловъ? мнѣ? Помилуйте! да онъ меня отъ купели воспринималъ! Но, кромѣ того, и еще чѣмъ-то приходится. Нашъ родъ очень древній! Мы—пронскіе — Прокопа Ляпунова помните? — ну, такъ мы всѣ по женской линіи отъ него. Молчалины, Репетиловы, Балалайкины, Фамусовы — всѣ! А Чацкій Александръ Андреичъ — тотъ на границѣ съ Скопинскимъ уѣздомъ!

— А знаете-ли, Балалайкинъ, что про васъ, пронскихъ, дурная слава идетъ?

— Это что лгуны-то мы, что̀-ли? Да, нѐчего сказать, любятъ-таки мои соотечественники поврать! Представьте себѣ, надняхъ какой случай былъ. Пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ компатріотъ: знаешь-ли, говоритъ, что твоя родительница опять къ Илюшкѣ Соколову въ таборъ сбѣжала? *) Натурально, сейчасъ же телеграмму въ триста тридцать словъ къ Загорѣцкому: такъ и такъ, нельзя-ли предотвратить? И что̀жъ! ровно черезъ годъ получаю

*) Для уразумѣнія этого, необходимо напомнить читателю, что Балалайкинъ — сынъ извѣстной когда-то въ Москвѣ цыганки Стёшки, бывшей, до выхода въ замужество за провинціальнаго секретаря Балалайкина, въ интимныхъ отношеніяхъ съ Репетиловымъ, вслѣдствіе чего, Балалайкинъ и говоритъ, что Репетиловъ ему, «кромѣ того, еще чѣмъ-то приходится». (См. «Экскурсіи въ область умѣренности и аккуратности»).

отвѣтъ: помилуй, сердечный другъ! твоя родительница вотъ уже третій годъ, какъ безъ ногъ въ Пронскѣ на постояломъ дворѣ лежитъ! Нѣтъ, вы мнѣ скажите, зачѣмъ онъ мнѣ солгалъ? Взбудоражилъ, заставилъ горячку пороть? а?

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы и не замѣтили, какъ съѣли и выпили все, что̀ находилось на подносахъ. Наконецъ, Глумовъ первый опомнился.

— А вѣдь мы сѣли совсѣмъ не съ тѣмъ, чтобы пронское вранье слушать, сказалъ онъ: — Иванъ Иванычъ! ты, кажется, намъ исторію своихъ превращеній обѣщалъ?

— Я — готовъ!

— Такъ вотъ что̀, Балалайкинъ! велите-ка вы намъ подать тѣхъ сигаръ, которыя вамъ гаванскій губернаторъ за лжесвидѣтельство прислалъ, да ликерцу того, который вамъ подарилъ Эрберъ за написаніе объявленія о распродажѣ винъ и ликёровъ! безъ церемоніи распорядился Глумовъ.

Мы перешли въ кабинетъ Балалайкина, и хотя онъ умолялъ насъ прежде всего просмотрѣть пріобрѣтенную имъ въ Парижѣ коллекцію фотографическихъ картинокъ, но мы переломили себя и отложили это благонамѣренное занятіе до болѣе благопріятнаго времени. Усѣвшись кругомъ стола, покуривая удивительнѣйшіе «non plus ultra» и имѣя передъ собой рюмки съ душистымъ ликёромъ des îles, мы были совершенно готовы къ воспріятію исповѣди вольнонаемнаго редактора газеты «Краса Демидрона».

— Разсказывай-ка, Иванъ Иванычъ, разсказывай, братъ! молвилъ Глумовъ, усаживаясь поудобнѣе въ кресло и зажмуривая глаза.

Очищенный началъ.

VI.

«Я отпрыскъ стариннаго дворянскаго рода, и настоящая, коренная моя фамилія — Гадюкъ. Очищенными же мы стали зваться недавно, по одному особенному случаю, о которомъ я упомяну въ своемъ мѣстѣ.

«На счетъ происхожденія моихъ предковъ существуютъ два сказанія: одно, мало достовѣрное, принадлежитъ маститому историку изъ Москвы, другое, еще менѣе достовѣрное, сложилось здѣсь, въ Петербургѣ.

«Маститый московскій историкъ производитъ нашъ родъ изъ доисторическаго Новгорода. Былъ-де новгородскій «благонамѣренный человѣкъ» (а по другимъ источникамъ, «воръ»), Добромыслъ Гадюкъ, который прежде другихъ возъимѣлъ мысль о призваніи варяговъ, о чемъ и сообщилъ на вѣчѣ прочимъ новгородскимъ обывателямъ. «Съ незапамятныхъ временъ, сказалъ онъ: — варяги учатъ насъ уму-разуму: жгутъ города и села, грабятъ имущества, мужей убиваютъ, женъ насилуютъ, но и за всѣмъ тѣмъ ни ума, ни разума у насъ нѣтъ. Кàкъ вы, други милые, полагаете отчего?» Но такъ какъ новгородцы, вмѣсто отвѣта, только почесали въ затылкахъ, то Гадюкъ продолжалъ: «А я такъ знаю, отъ чего. Отъ того, други милые, что хоть и учатъ насъ варяги

уму-разуму, но методы правильной у нихъ нѣтъ. Грабятъ — не чередомъ, убиваютъ — не ко времени, насилуютъ — не по закону. Ну, и выходитъ, что мы ихней науки не понимаемъ, а они растолковать ее намъ не могутъ, или не хотятъ. Такъ-ли я, братцы, говорю?» Дрогнули сердца новгородцевъ, однако, поняли вольные вѣчевые люди, что Гадюкъ говоритъ правду, и въ одинъ голосъ воскликнули: «Такъ!» «Такъ вотъ что̀ я надумалъ; пошлемте-ка мы къ варягамъ ходоковъ и велимъ сказать: господа варяги! чѣмъ набѣгомъ-то насъ раззорять, раззоряйте вплотную: грабьте имущество, жгите города, насилуйте женъ, но только, чтобъ дѣлалось у насъ все это на предбудущее время... по закону! Такъ-ли я говорю?» Опять дрогнули сердца новгородцевъ, но такъ какъ Гадюкова правда была всѣмъ видима, то и опять всѣ единогласно воскликнули: «такъ!» Тогда выступилъ впередъ старѣйшина Гостомыслъ и вопросилъ: «А почему ты, благонамѣренный человѣкъ Гадюкъ, полагаешь, что быть ограбленнымъ по закону лучше, нежели безъ закона?» На что̀ Гадюкъ отвѣтилъ кратко: «Ка̀къ же возможно! по закону или безъ закона! по закону, всѣмъ вѣдомо — лучше!» И подивились новгородцы Гадюковой мудрости и порѣшили: призвать варяговъ и предоставить имъ города жечь, имущества грабить, женъ насиловать — по закону!

«Сказано — сдѣлано. Прибыли изъ-за моря три князя: Рюрикъ — въ Новгородъ, Синеусъ — въ Ладогу, Труворъ — въ Изборскъ. Пріѣхали и легли съ дороги спать. Только спятъ они и видятъ во снѣ всѣ трое одинъ и тотъ же рядъ картинъ, прообразующихъ будущія судьбы ихъ новаго отечества. Сначала, удѣльный періодъ — князья жгутъ; потомъ татарскій періодъ — татары жгутъ; потомъ московскій періодъ — жгутъ, въ рѣкѣ топятъ и въ синодики записываютъ; потомъ самозванщина —

жгутъ, кресты цалуютъ, бороды другъ у дружки по волоску выщипываютъ; потомъ лейбъ-кампанскій періодъ— жгутъ, бьютъ кнутомъ, отрѣзываютъ языки, раздаютъ мужиковъ и пьютъ венгерское; потомъ, наказъ намѣстникамъ «како въ благопотребное время на законы наступать надлежитъ»; потомъ, учрежденіе губернскихъ правленій «како таковымъ благопотребнымъ на законъ наступаніямъ приличное въ законахъ же оправданіе находить», а, наконецъ, и появленіе прокуроровъ «како безъ надобности въ сѣти уловлять». Вскочили три брата въ смущеніи великомъ и не знаютъ, какъ быть. Думаютъ: а что̀, коли ежели изъ-за насъ вся эта программа да выполнится? И стали они тосковать. Первый затосковалъ Синеусъ въ Ладогѣ — и утопился въ озерѣ, второй затосковалъ Труворъ въ Изборскѣ — и повѣсился на возжахъ. Рюрикъ же, какъ имѣлъ умъ свободный, сразу принять напрасную смерть не пожелалъ. Созвалъ онъ вѣче и обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «Видѣлъ я, господа новгородцы, на новосельи у васъ нехорошій сонъ! Будто бы черезъ меня по всей Руси губернскія правленія пошли а, потомъ и палаты государственныхъ имуществъ. И такъ меня этотъ сонъ разстроилъ, что ужь и не знаю, какъ съ собой благороднѣе порѣшить: утопиться или повѣситься?» Но новгородцы, видя, что у князя ихняго умъ свободный, молчали, а про себя думали: неровёнъ случай, и съ петли сорвется, и изъ воды сухъ выйдетъ — ка̀къ тутъ совѣтовать! Гостомыслъ же произнесъ: гм! — и тутъ же испустилъ духъ. Тогда выступилъ впередъ благонамѣренный человѣкъ Гадюкъ и за всѣхъ отвѣтилъ: «А, по моему, ваше сіятельство, если вся эта программа и подлинно впослѣдствіи выполнится, такъ и тутъ ни топиться, ни вѣшаться резону нѣтъ!» Задумался Рюрикъ; по нраву пришлись ему Гадюковы слова; но, съ другой

стороны, думается: удѣльный періодъ, московскій періодъ, татарскій періодъ... нехорошо! Кàкъ бы такъ устроить, чтобы всю вину на самихъ новгородцевъ свалить? «Помилуй, братецъ», говоритъ, «вѣдь во всѣхъ учебникахъ будетъ записано: вотъ какія дѣла черезъ Рюрика пошли! школяры во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ будутъ долбить: обѣщался-де Рюрикъ по закону грабить, а вонъ чтò вышло!» — А наплевать! пускай ихъ долбятъ! настаивалъ благонамѣренный человѣкъ Гадюкъ: — вы, ваше сіятельство, только бразды покрѣпче держите, и будьте увѣрены, что черезъ тысячу лѣтъ на этомъ самомъ мѣстѣ... Тогда Рюрикъ совсѣмъ уже повеселѣлъ: «Видѣлъ я и это во снѣ», прервалъ онъ Гадюка, «даже художника Микѣшина видѣлъ, но, по скромности, о семъ умолчалъ. Такъ какъ же, господа новгородцы? По вашему, стало быть, наплевать?» — Наплевать! повторилъ. Гадюкъ. И опятьподивились новгородцы Гадюковой мудрости и въ одинъ голосъ воскликнули: «Такъ! наплевать!» Рюрикъ же, натянувъ бразды, сказалъ: инъ быть по вашему! и началъ дѣйствовать — по закону!»

— Такъ вотъ каковъ былъ мой первый достовѣрный предокъ! заключилъ Очищенный, оглядывая насъ торжествующимъ взглядомъ и на минуту прерывая разсказъ, дабы удостовѣриться, какое впечатлѣніе произвела на насъ его генеалогія.

Впечатлѣніе это было разнообразное. Балалайкинъ — повѣрилъ сразу, и былъ такъ польщенъ, что у него въ гостяхъ находится человѣкъ столь несомнѣнно-древней высокопоставленности, что, въ знакъ почтительной преданности, распорядился подать шампанскаго. Глумовъ, по обыкновенію своему, отнесся равнодушно и даже, пожалуй, скептически. Но я... я припоминалъ! Чтò-то такое было! говорилъ я себѣ. Гдѣ-то въ прошломъ, на школьной скамьѣ... было, именно было!

— Глумовъ! не помнишь-ли? обратился я къ моему другу.

Не успѣлъ я произнести эти слова... и вдругъ, вспомнилъ! Да̀, это оно, оно самое! Помилуйте! вѣдь еще въ школѣ меня и моихъ товарищей по классу сочиненіе заставляли писать на тэму: «Вѣщій сонъ Рюрика»... о, Господи!

— Глумовъ! да неужто же ты не помнишь? еще съ тобой соперничали: ты утверждалъ, что вѣче происходило при солнечномъ восходѣ, а я — что при солнечномъ закатѣ? А «крутые берега Волхова, медленно катившаго мутныя волны»... помнишь? А «золотой Рюриковъ шеломъ, на которомъ, играя, преломлялись лучи солнца»? Еще Аверкіевъ, изображая смерть Гостомысла, написалъ: «слезы тихо струились по челу его»... неужто не помнишь?

Въ виду столь ясныхъ указаній, Глумовъ мгновенно преобразился. Сладко намъ было, отрадно. Подъ вліяніемъ наплыва чувствъ, мы оба вскочили съ мѣстъ, и поцаловались.

— Помню! все помню! И «шеломъ Рюрика», и «слезы, струившіяся по челу Гостомысла»... помню! помню! помню! твердилъ Глумовъ въ восхищеніи.—Только, братъ, вотъ что̀: не изъ Мароы-ли это Посадницы было?

— Помилуй, душа моя! именно изъ «Рюрикова вѣщаго сна»! Мнѣ, впослѣдствіи, самъ маститый историкъ всю эту продѣлку разсказывалъ... онъ по источникамъ ее проштудировалъ! Онъ, братецъ, даже съ Оффенбахомъ списывался: нельзя-ли молъ на этотъ сюжетъ оперетку сочинить? И еслибы смерть не пресѣкла дней его въ самомъ разгарѣ подъятыхъ трудовъ...

— А что̀ ты думаешь! вѣдь сюжетъ для оперетки — хоть куда!

— Это, мой другъ, такой сюжетъ! такой сюжетъ!

Еслибъ только растолковать Оффенбаху какъ слѣдуетъ! Представь себѣ, напримѣръ, хоръ помпадуровъ, или хоръ капитанъ-исправниковъ! или хоръ судебныхъ слѣдователей по особенно важнымъ дѣламъ! Вѣдь это что̀ такое!

— Отлично — что̀ и говорить! Да, братъ, изумительный былъ человѣкъ этотъ маститый историкъ: и науку, и свистопляску—все понималъ! А исторію русскую какъ зналъ — даже повѣрить трудно! Начнетъ, бывало, разсказывать, какъ Мстиславы съ Ростиславами дрались — ну, точно самъ очевидцемъ былъ! И что̀ въ немъ особенно дорого было: ни на чью сторону не норовилъ! Мнѣ, говоритъ, все одно: Мстиславъ-ли Ростислава или Ростиславъ Мстислава побилъ, потому что для меня что исторіей заниматься, что бирюльки таскать — все единственно!

— Да вѣдь, въ сущности, оно...

Словомъ сказать, мы бы, навѣрное, увлеклись воспоминаніями, еслибъ Очищенный не напомнилъ, что ему предстоитъ еще многое разсказать. Исполнивши это, онъ продолжалъ:

«Другое сказаніе на счетъ происхожденія моихъ предковъ сложилось на лонѣ той сыскной исторической школы, которая хотя и имѣетъ своимъ родоначальникомъ Бартенева изъ Москвы, но развилась и настоящимъ образомъ возмужала здѣсь, въ Петербургѣ. Сказаніе это гласитъ кратко: первый Гадюкъ былъ выходецъ изъ Орды, который, по распоряженію начальства, позналъ Истиннаго Бога, при чемъ воспріемниками были: генералъ-маіоръ Отчаянный и княжна Вертихвостова. Впрочемъ, мемуары послѣдней уже предоставлены потомками ея въ распоряженіе «Русской Старины», и, безъ сомнѣнія, прольютъ свѣтъ на это замѣчательное происшествіе.

«Я не буду говорить о томъ, которое изъ этихъ двухъ сказаній болѣе лестно для моего самолюбія: и то, и другое не помѣшали мнѣ сдѣлаться вольнонаемнымъ редакторомъ «Красы Демидрона». Да и не затѣмъ я повелъ рѣчь о предкахъ, чтобы хвастаться передъ вами— у каждаго изъ васъ самихъ, навѣрное, сзади, по крайней мѣрѣ, по Редедѣ сидитъ — а только за тѣмъ, чтобы наглядно показать, къ какимъ полезнымъ и, въ то же время, неожиданнымъ результатамъ могутъ приводить достовѣрныя изслѣдованія о родопроисхожденіи Гадюковъ.

«Затѣмъ, относительно позднѣйшихъ моихъ предковъ, и Москва, и Петербургъ во всемъ между собой согласны. Однимъ изъ нихъ выщипывали бороды, другимъ—рвали ноздри, третьихъ — били кнутомъ нещадно. Нѣкоторые, однакожъ, уцѣлѣли и были жалованы деревнями, гдѣ, въ свою очередь, выщипывали бороды, рвали ноздри и били нещадно кнутомъ. Словомъ сказать, въ моемъ родѣ все шло обыкновеннымъ генеалогическимъ порядкомъ, какъ и у всѣхъ вообще Гадюковъ, «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды». Но въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе Елисаветы, случилось нѣчто особенное Прадѣдъ мой, штабсъ-капитанъ Прокофій Гадюкъ, будучи въ пьяномъ видѣ, измѣнныя рѣчи говорилъ, а сынъ его, Артамонъ, нетолько о семъ не умолчалъ, но съ представленіемъ ясныхъ отцовой измѣны доказательствъ, донесъ по начальству. Вслѣдствіе таковаго любезно-вѣрнаго поступка, Прокофій, по наказаніи кнутомъ и урѣзаніи языка, былъ сосланъ въ заточеніе въ Березовъ, Артамону же было предоставлено: упразднивъ прежнее прозвище «Гадюкъ», яко омраченное измѣною, впредь именоваться Очищеннымъ. Такъ вотъ откуда происходитъ фамилія Очищенныхъ, а совсѣмъ не отъ водки одного съ нею наименованія.

«Очищенные свили себѣ гнѣздо въ Лебедянскомъ Уѣздѣ, интеллигенція котораго изстари славилась гостепріимствомъ и наклонностью къ игрѣ крапленными картами, чему въ особенности содѣйствовали: существованіе въ городѣ Лебедяни ярмарки и близость Липецкихъ минеральныхъ водъ. Натурально, и отецъ мой не могъ противостоять общему настроенію умовъ. Фортуна благопріятствовала ему. Долгое время нашъ домъ стоялъ на такой высотѣ, что даже въ такихъ отдаленныхъ уголкахъ Тамбовской губерніи, каковы уѣзды Елатомскій и Шацкій—и тамъ гордились Очищенными. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что, въ 1830 году, мой отецъ скончался, получивъ ударъ подсвѣчникомъ въ високъ и проживъ предварительно все свое состояніе, за исключеніемъ 30-ти душъ, на долю которыхъ и выпала обязанность лелѣять мою молодость.

«Мнѣ было тогда двадцать лѣтъ и я служилъ юнкеромъ въ бѣлобородовскомъ гусарскомъ полку...»

Очищенный поникъ головою и умолкъ. Мысль, что онъ въ 1830 году остался сиротой, видимо подавляла его. Слезъ, правда, не было видно, но въ губахъ замѣчалось нервное подергиванье, какъ у человѣка, которому инстинктъ подсказываетъ, что въ такихъ обстоятельствахъ только рюмка горькой англійской можетъ принести облегченіе. И дѣйствительно, какъ только желаніе его было удовлетворено, такъ тотчасъ же почтенный старикъ успокоился и продолжалъ:

«Воспитаніе я получилъ классическое, но безъ древнихъ языковъ. Въ то время взглядъ на классицизмъ былъ особенный; всякій, кто обнаруживалъ вкусъ къ женскому полу и, притомъ, зналъ, что Венера индѣ называется Афродитою, тѣмъ самымъ уже пріобрѣталъ право на наименованіе классика. Все же прочее, болѣе серьёзное, какъ-то: «o tempora, o mores!», «sapitienti sat»,

«caveant consules» и т. д., которыми такъ часто нынѣ украшаются столбцы «Красы Демидрона»—все это я почерпалъ уже впослѣдствіи изъ «Московскихъ Вѣдомостей».

«Вслѣдъ за отцомъ послѣдовала въ могилу и матушка. Существовать въ полку было нѣчѣмъ, и я рѣшился выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ. Но тридцать душъ, даже и въ то время, представляли собой только обезпеченный хлѣбъ и квасъ, а я былъ настолько избалованъ классическимъ воспитаніемъ, что ужь не могъ управлять своими страстями. Не успѣлъ я прожить въ имѣніи и пяти лѣтъ, какъ началось слѣдствіе, потомъ судъ, а, наконецъ, послѣдовало и рѣшеніе, въ силу котораго я отданъ былъ подъ опеку и въѣздъ въ имѣніе былъ мнѣ воспрещенъ. Впрочемъ, это послѣднее распоряженіе оказалось ужь лишнимъ, потому что, во время этихъ передрягъ, имѣніе мое было продано съ аукціона за долги.

«Какъ сейчасъ помню: у меня оставалось въ рукахъ только пятьсотъ рублей ассигнаціями. Я вспомнилъ объ отцѣ и поѣхалъ въ Болховъ на ярмарку за тѣмъ, чтобъ пустить мой капиталъ въ оборотъ. Но, увы! долговременное нахожденіе подъ слѣдствіемъ и судомъ уже подточило мое существованіе! Мой умъ не выказывалъ изобрѣтательности, а робкое сердце парализировало проворство рукъ. Деньги мои исчезли, а самъ я приведенъ былъ моими партнерами въ такое состояніе, что цѣлыхъ полгода долженъ былъ пролежать въ городской больницѣ...

«За что?!

«Послѣ этого, я нѣсколько лѣтъ существовалъ исключительно тѣлесными поврежденіями. Не скажу, чтобъ я терпѣлъ нужду—потребность повреждать ближняго существовала тогда въ большихъ размѣрахъ и за удовле-

твореніе ея платили хорошія деньги — но постояннаго, настоящаго, все-таки, не было. Одинъ только разъ улыбнулась мнѣ надежда на что-то осѣдлое — это когда я былъ опредѣленъ на должность учителя танцованія въ кадетскій корпусъ, но и тутъ я долженъ былъ сдѣлать подлогъ, то-есть, скрыть отъ начальства свою прошлую судимость. Разумѣется, подлогъ обнаружился...

«Васъ, конечно, удивитъ это, господа. Въ настоящее время, когда разрѣшено множество вопросовъ первостепенной важности, вмѣстѣ съ ними рѣшенъ и вопросъ о нравственныхъ качествахъ танцовальныхъ учителей. Наша свободная печать съ полною ясностью доказала, что никакая судимость не можетъ препятствовать исполненію тѣхъ спеціальныхъ обязанностей, которыя возлагаются на танцмейстеровъ и тапёровъ, и съ тѣхъ поръ эта истина вошла въ общественное сознаніе. Но въ то время смотрѣли на это строже, и отъ танцовальныхъ учителей требовали такой же нравственной безупречности, какой нынѣ требуютъ только отъ содержателей кабаковъ.

«Итакъ, подлогъ обнаружился, и я долженъ былъ оставить государственную службу навсегда. Не будь этого—кто знаетъ, какая перспектива ожидала меня въ будущемъ! Ломоносовъ былъ простой рыбакъ, а умеръ статскимъ совѣтникомъ! Но такъ какъ судьба не допустила меня до высшихъ должностей, то я рѣшился сдѣлаться тапёромъ. Въ этомъ званіи я узналъ мою Мальхенъ, я узналъ васъ, господа, и это одно услаждаетъ горечь моихъ воспоминаній. Вотъ въ этомъ самомъ залѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ рояль господина Балалайкина...

— Иванъ Иванычъ, голубчикъ! съиграй кадриль изъ «Чижика»! не утерпѣлъ Глумовъ:—да, смотри, настоящимъ манеромъ играй... по тогдашнему!

— Съ удовольствіемъ, согласился добрый старикъ.

Онъ сѣлъ за фортепьяно и дрожащими руками извлекъ изъ клавишей забытый, но все еще дорогой мотивъ «Чижика». Игралъ онъ «по тогдашнему», безъ претензій на таперную виртуозность, а такъ, какъ обыкновенно играютъ въ благородныхъ семейныхъ домахъ, гдѣ собирается много веселой молодёжи, то-есть: откинувшись корпусомъ на спинку кресла и склонивши голову немножко на бокъ. Онъ и «тогда» именно такъ игралъ, очевидно, желая показать «гостямъ», что хотя онъ таперъ, но, въ то же время и благородный человѣкъ. Мы съ Глумовымъ тоже вспомнили старину, и немножко потанцовали.

Выполнивши это, онъ продолжалъ:

«Съ Мальхенъ я познакомился здѣсь, у Дарьи Семеновны. Она была скромная дѣвушка, бѣленькая, но не очень красивая, и потому никто не хотѣлъ съ нею танцовать. Но я видѣлъ, что ей очень хочется танцовать, и однажды, когда гости ужь разошлись, подошелъ къ ней и сказалъ: «Мальхенъ! будемте танцовать вмѣстѣ!» И она отвѣтила: «я согласна».

«Это было самое счастливое время моей жизни, потому что у Мальхенъ оказалось накопленныхъ сто рублей, да, кромѣ того, Дарья Семеновна подарила ей двѣ серебряныя ложки. Нашлись и другіе добрые люди: нѣкоторые изъ гостей — а въ этомъ числѣ и вы, господинъ Глумовъ!—сложились и купили мнѣ готовую пару платья. Мы не роскошествовали, но жили въ такомъ согласіи, что черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы у насъ родилась дочь.

«Однакожь, вскорѣ случилось событіе, которое омрачило наше счастіе: скончалась добрая Дарья Семеновна. Вы, конечно, помните, господа, какое потрясающее дѣйствіе произвела эта безвременная утрата на всѣхъ «го-

стей», но для меня она была вдвойнѣ чувствительна. Я разомъ потерялъ и друга, и единственную доходную статью. Однако, Провидѣніе и на этотъ разъ помогло мнѣ.

«Во-первыхъ, у Мальхенъ опять оказалось накопленныхъ сто рублей; во-вторыхъ, репутація моя, какъ тапёра, установилась уже на столько прочно, что изъ всѣхъ домовъ Фонарнаго переулка посыпались на меня приглашенія. И въ то же время я былъ почтенъ отъ квартала секретнымъ порученіемъ по части внутренней политики.

«То было время всеобщей экзальтаціи, и начальство квартала было сильно озабочено потрясеніемъ основъ, происшедшимъ по случаю февральской революціи. Но гдѣ же было удобнѣе наблюдать за настроеніемъ умовъ, какъ не въ танцклассахъ? И кто же могъ быть въ этомъ дѣлѣ болѣе компетентнымъ судьей, какъ не тапёръ?

«Я знаю, что нынѣ тапёрами пренебрегаютъ, предпочитая имъ, въ дѣлахъ внутренней политики, лицъ инородческаго происхожденія. Но, по моему мнѣнію, это неправильно. Тапёръ, прежде всего, довольствуется малымъ вознагражденіемъ (я, напримѣръ, получалъ всего десять рублей въ мѣсяцъ и былъ предоволенъ); во-вторыхъ, онъ не имѣетъ чувства инородческой остервенѣлости, и, въ-третьихъ, онъ на столько робокъ, что лишь въ крайнемъ случаѣ рѣшается на выдумку, и, стало быть, не вводитъ начальство въ заблужденіе. По крайней мѣрѣ, я, въ теченіи пяти лѣтъ, заявилъ лишь о двухъ пропагандахъ, да и то потому только, что письмоводитель квартальнаго непремѣнно этого требовалъ. Напротивъ того, инородецъ, получая почти фельдмаршальское содержаніе, старается показать, что онъ пользуется онымъ не даромъ, и, вслѣдствіе этого, ежеминутно угрожаетъ начальству злоумышленіями.

«По моему — это не благородно!

«Повторяю: я не роскошествовалъ, но былъ доволенъ. Но на двѣнадцатомъ году моей счастливой супружеской жизни солнце моей жизни вновь омрачилось, и на этотъ разъ — надолго. Сначала бѣжала Мальхенъ съ шарманщикомъ, предварительно похитивъ всѣ мои сбереженія, а черезъ годъ послѣ этого умерла моя дочь. Все рухнуло разомъ: и привязанности, и надежда на дружескую опору въ старости, и сладости любви! Я остался одинъ на одинъ съ тапёрствомъ! Правда, у меня еще оставалось утѣшеніе: кварталъ, по прежнему, не переставалъ удостоивать меня своимъ довѣріемъ; но, пять лѣтъ тому назадъ, и внутренняя политика отошла отъ меня. Меня нашли недостаточно прозорливымъ, мало проворнымъ и вообще не отвѣчающимъ требованіямъ времени, и мое мѣсто отдали инородцу Кшепшицюльскому...»

— Кшепшицюльскому! но вѣдь это нашъ другъ! нашъ карточный партнеръ! это, наконецъ, нашъ руководитель на стезѣ благонамѣренности! воскликнули мы съ Глумовымъ въ одинъ голосъ.

— Дà, это онъ, отвѣтилъ Очищенный: — и онъ всегда такъ поступаетъ. Сначала предложитъ себя въ руководители, потомъ объиграетъ по маленькой, и подъ конецъ — предастъ! Ахъ, господа, господа! мало васъ, должно быть, учили, не знаете вы, какъ осторожно слѣдуетъ въ такихъ дѣлахъ поступать!

— Чудакъ! да чего же намъ остерегаться, коли у насъ сердца чисты!

— И съ чистымъ сердцемъ можно иногда неподлежательно возроптать! Доложу вамъ, однажды, при мнѣ въ банѣ такой случай былъ. Мылся, между прочими, одинъ молодой человѣкъ, а тутъ же, неподалеку, и господинъ квартальный парился. Ну, въ банѣ, знаете, должностей-то этихъ не различишь, только молодой-то человѣкъ — горячей воды, чтò-ли, недостало — и не воздержись!

Такъ да и перетакъ; что̀, молъ, это за государство такое, въ которомъ даже вымыться порядкомъ нельзя! Словомъ сказать, такую пропаганду пустилъ, что небу стало жарко! И что̀ же! только-что онъ это самое слово вымолвилъ, смотритъ, анъ господинъ квартальный ужь и мундиромъ обросъ! Въ полномъ паратѣ, какъ есть, при шпагѣ и шляпѣ: извольте, говоритъ, милостивый государь, повторить! Такъ какъ бы вы думали! года съ четыре послѣ этого молодой-то человѣкъ по судамъ колотился, все чистоту свою доказывалъ.

— Фу ты!

— Оттого-то я и говорю: не всякому знакомству радоваться надлежитъ. Особливо нынче. Прежде, когда внутренней политикой тапёры завѣдывали, безопаснѣе было. Потому, тапёръ — ему что̀! Ежели ему теперича бутылку пива поставить — онъ и забылъ! А ежели и не забылъ, такъ даже того лучше: самъ по душѣ въ разговоръ вступитъ. Правду, молъ, вы, господинъ, говорите! и то у насъ нехорошо, и другое неладно... словомъ сказать, скверно! да съ начальствомъ-то состязаться намъ не приходится! Почему не приходится?—а потому, сударь, что начальство средства имѣетъ, и ежели, напримѣръ... Ну, словомъ сказать, тихо, да смирно — смотришь, анъ онъ и смягчился! Былъ заблуждающій, а выпилъ бутылку-другую — и самъ въ лоно истинныхъ чувствъ поступилъ. И всѣмъ пріятно: и ему пріятно, и начальству, и мнѣ, тапёру, хорошо.

— Да вѣдь и мы, братецъ, его, Кшепшицюльскаго-то, который ужь мѣсяцъ поимъ - кормимъ, да и въ табельку малую толику... Долженъ же онъ это понимать!

Но Очищенный только скептически покачалъ головой въ отвѣтъ.

— Нѣтъ у него въ сердцѣ признательности, сказалъ онъ: — нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! И самый лучшій, относи-

тельно его, образъ дѣйствій — это съ лѣстницы его спустить.

— А за это, ты думаешь, похвалятъ?

— Ежели протекцію имѣете—ничего. Съ протекціей, я вамъ доложу, въ 1836 году, одинъ молодой человѣкъ въ женскую купальню вплылъ — и тутъ сошло съ рукъ! Только извиняться на другой день къ дамамъ ѣздилъ.

Та̀къ мы и порѣшили: при первомъ удобномъ случаѣ спустить Кшепшицюльскаго съ лѣстницы и потомъ извиниться передъ нимъ. Затѣмъ, Очищенный продолжалъ:

«Быть можетъ, я навсегда остался бы исключительно тапёромъ, еслибъ судьба не готовила мнѣ новыхъ испытаній. Объявили волю книгопечатанію. Потребовались вольнонаемные редакторы, а между прочимъ, и содержатель того увеселительнаго заведенія, въ которомъ я имѣлъ постоянныя вечернія занятія, задумалъ основать ӧрганъ для защиты интересовъ любострастія. Узнавши, что я получилъ классическое воспитаніе, онъ, натурально, обратился ко мнѣ. И, къ сожалѣнію, я нетолько принялъ его предложеніе, но и связалъ себя контрактомъ.

«Но этимъ мои злоключенія не ограничились. Вскорѣ послѣ того на меня обратила вниманіе Матрена Ивановна. Я зналъ ее очень давно—она въ свое время была соперницей Дарьи Семеновны по педагогической части—зналъ за женщину почтенную, удалившуюся отъ дѣлъ съ хорошимъ капиталомъ и съ твердымъ намѣреніемъ открыть гласную кассу ссудъ. И вдругъ, эта самая женщина начинаетъ заговаривать... скажите, кто же своему благополучію не радъ!

«И вотъ, сижу я, однажды, въ «Эльдорадо», въ сторонкѣ, пью пиво, а, между прочимъ, и матеріалъ для предбудущаго нумера газеты сбираю — смотрю, присаживается она ко мнѣ. Такъ и такъ, говоритъ, гласную кассу ссудъ открыть желаю—одобрите вы меня?—Коли

капиталъ, говорю, имѣете, такъ съ Богомъ!—Капиталъ, говоритъ, я имѣю, только вотъ у мировыхъ придется разговоръ вести, а я, какъ женщина, ничего чередомъ разсказать не могу! — Такъ для этого вамъ, сударыня, необходимо мужчину имѣть! — Да̀, говоритъ, мужчину!

«Только всего промежъ насъ и было. Осмотрѣла она меня — кажется, довольна осталась; и я ее осмотрѣлъ: вижу, хоть и въ лѣтахъ особа, однако, важныхъ изъяновъ нѣтъ. Глазъ у ней правый вытекъ — педагогическій случай съ однимъ «гостемъ» вышелъ — такъ вѣдь для меня не глаза нужны! Пришелъ я домой, и думаю: не чаялъ, не гадалъ, а какой, можно сказать, оборотъ!

«Обвѣнчались, пріѣзжаемъ изъ церкви домой, и вдругъ встрѣчаетъ насъ... «молодой человѣкъ!» Въ халатѣ, какъ былъ, одна щека выбрита, другая — въ мылѣ; словомъ сказать, даже прибрать себя, подлецъ, не захотѣлъ!

«Съ тѣхъ поръ «молодой человѣкъ» неотлучно раздѣляетъ наше супружеское счастіе. Онъ проводитъ время въ праздности и обнаруживаетъ склонность къ галантерейнымъ вещамъ. Покуда онъ сидитъ дома, Матрена Ивановна обходится со мной хорошо и снисходитъ къ закладчикамъ. Но, по временамъ, онъ пропадаетъ недѣли на двѣ и на три и непремѣнно уноситъ при этомъ енотовую шубу. Тогда Матрена Ивановна выгоняетъ меня на розыски и не впускаетъ въ квартиру до тѣхъ поръ, пока «молодого человѣка» не приведутъ изъ участка... конечно, безъ шубы.

«Теперь я именно переживаю одинъ изъ такихъ тяжелыхъ моментовъ. Сегодня утромъ «молодой человѣкъ» скрылся и унесъ ужь не одну, а двѣ шубы. И я, вслѣдствіе этого, вижу себя на неопредѣленное время лишеннымъ крова...

«Такова правда моей жизни».

VII.

Глумовъ, который всегда дѣйствовалъ порывами, не воздержался и тутъ. Не успѣлъ Очищенный кончить повѣсть своей жизни, какъ онъ уже восклицалъ:

— Иванъ Иванычъ да поселись у насъ! Тебѣ что̀ нужно? Щей тарелку? — есть! водки рюмку? — найдется.

— А ежели, по обстоятельствамъ вашихъ дѣлъ, потребуются для васъ лжесвидѣтели, то вы, во всякое время, найдете ихъ здѣсь... и безвозмездно! съ своей стороны свеликодушничалъ Балалайкинъ.

— Господа! заключимте четверной союзъ! въ восторгѣ отозвался и я, едва поспѣвая слѣдить за общимъ потокомъ великодушныхъ порывовъ.

Ка̀къ ни крѣпился добрый старикъ, но, въ виду столь единодушнаго выраженія симпатій, не удержался и заплакалъ. Мы взяли другъ друга за руки и поклялись неизмѣнно идти рука въ руку, поддерживая и укрѣпляя другъ друга на стезѣ благонамѣренности. И клятва наша была столь искренняя, что когда послѣднее слово ея было произнесено, то комната немедленно наполнилась запахомъ скотопригоннаго двора.

— Надобно тебѣ сказать, голубчикъ Иванъ Иванычъ, счелъ долгомъ объясниться Глумовъ за себя и за ме-

*

ня: — что намъ твоя поддержка въ особенности драгоцѣнна. Либералы, братецъ, мы. Вёдрышко на дворѣ — мы радуемся, дождичекъ на дворѣ — мы и въ немъ милость Божію усматриваемъ. И всякій предметъ непремѣнно со всѣхъ сторонъ разсматриваемъ. И съ одной стороны — хорошо, и съ другой — превосходно, а ежели при этомъ принять во вниманіе, что языкъ безъ костей, то лучшаго и желать нельзя! Радуемся, надѣемся, торжествуемъ, славословимъ — и вся недолгà. Даже прохожіе удивляются: съ чего молъ люди сбѣсились? Вотъ, братъ, какіе грѣхи! Понялъ?

Однако, Очищенный недоумѣвалъ.

— Позвольте вамъ доложить, резонно разсудилъ онъ: — въ чемъ же тутъ грѣхъ состоитъ? Радоваться — вѣдь это, кажется, не воспрещено? И ежели бы, напримѣръ, въ то время, когда я, будучи тапёромъ, занимался внутренней политикой...

— То-то вотъ и есть, что въ то время умѣючи радовались: порадуются благороднымъ манеромъ — и перестанутъ! А вѣдь мы кàкъ радуемся! и день и ночь! и день и ночь, и дома, и въ гостяхъ, и въ трактирахъ, и словесно и печатно! только и словъ: слава Богу! дожили! Ну, и нагнали своими радостями страху на весь кварталъ!

— А, главное, радость наша приняла столь несносный видъ, что многіе сочли ее за вмѣшательство, въ свою очередь, пояснилъ я.

— Понимаю. То самое, значитъ, чтò еще покойный Ѳаддѣй Венедиктовичъ выражалъ: ни одобреній, ни порицаній! Ѣшь, пей и веселись!

— Вотъ, оно самое и есть. Хорошо, что мы спохватились скоро. Увидѣли, что не выгорѣли наши радости, и не долго думая, вступили на стезю благонамѣренности. Начали гулять, въ ѣду ударились, папироски

стали набивать, а разсужденіе оставили. Потихоньку да полегоньку — смотримъ, польза вышла. Въ короткое время такъ себя усовершенствовали, что теперь только сидимъ, да глазами хлопаемъ. Кажется, на чтò лучше! а? кàкъ ты объ этомъ полагаешь?

— Чего еще требовать! Глазами хлопаете — ужь это въ самую, значитъ, центру попали!

— А оказывается, что этого мало, да и сами мы, признаться, ужь видимъ, что мало. Хорошо-то оно хорошо, а загвоздочка, все-таки, есть. Дикости, видишь ты, въ насъ еще много; сидимъ дома, никого не видимъ, папироски набиваемъ: развѣ настоящіе благонамѣренные люди такъ дѣлаютъ? Нѣтъ, истинно благонамѣренный человѣкъ глазами хлопаетъ — это само по себѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя дѣятельныя черты проявляетъ... Вотъ мы подумали-подумали, да и рѣшились одно предпріятіе къ благополучному концу привести, чтобы нетолько словомъ и помышленіемъ, но и самимъ дѣломъ заявить...

Глумовъ вдругъ оборвалъ и, обратившись къ Балалайкину, сразу огорошилъ его вопросомъ:

— Балалайкинъ! не лги, а отвѣчай прямо: ты женатъ?

Балалайкинъ на минуту потерялся, такъ что даже солгать не успѣлъ.

— Женатъ, отвѣтилъ онъ увядшимъ голосомъ и въ то же время недоумѣвающе взглянулъ на Глумова.

— А какъ ты на счетъ двоеженства полагаешь?

Балалайкинъ сейчасъ же опять расцвѣлъ.

— Вообще говоря — могу! воскликнулъ онъ весело, но тутъ же, не теряя присутствія духа, присовокупилъ: — но въ частности это, разумѣется, зависитъ...

— Давай же кончать. Въ два слова... тысячу рублей?

Балалайкинъ встрепенулся.

— Голубчикъ! да вѣдь вы... по парамоновскому дѣлу?

— Да.

— Помилуйте! мнѣ Иванъ Тимофеичъ, безъ всякаго разговора, ужь три тысячи надавалъ!

— То была цѣна, а теперь — другая. Въ то время охотниковъ мало было, а теперь ими хоть прудъ пруди. И все охотники холостые, безпрепятственные. Только намъ непремѣнно хочется, чтобъ двоеженство было. На романъ похожѣе.

Балалайкинъ раза три или четыре прошелся по комнатѣ. Цифра застала его врасплохъ, и онъ, очевидно, боролся съ самимъ собою и разсчитывалъ.

— Меньше двухъ тысячъ — нельзя! сказалъ онъ, наконецъ, рѣшительно: — помилуйте, господа! тысяча рублей! развѣ это деньги?

— Да ты пойми, за какое дѣло тебѣ ихъ даютъ! убѣждалъ его Глумовъ: — развѣ труды какіе-нибудь отъ тебя потребуются! Съѣздишь до свадьбы раза два-три въ гости — развѣ это трудъ? тебя же напоятъ-накормятъ, да еще двѣ-три золотушки за визитъ дадутъ — это не въ счетъ! Свадьба, что̀-ли, тебя пугаетъ? такъ вѣдь и тутъ — развѣ настоящая свадьба будетъ?

— А потомъ-то... вы забываете?

— Что̀ же «потомъ»?

— А судъ?

— Чудакъ, братецъ, ты! самъ адвокатъ, а суда боится!

Но тутъ ужь и я счелъ долгомъ вступиться.

— Балалайкинъ! сказалъ я: — ничего не видя, вы уже заговариваете о судѣ! Извините меня, но это чисто адвокатская манера. Во-первыхъ, дѣло можетъ обойтись и безъ суда, а во-вторыхъ, еслибъ даже и возникло впослѣдствіи какое-нибудь недоразумѣніе, то можно собственно на этотъ случай выговорить... ну, напримѣръ, пятьсотъ рублей.

— Пятьсотъ! Ни одинъ лжесвидѣтель не пойдетъ показывать въ судъ меньше, чѣмъ за двѣсти-пятьдесятъ рублей... Это вамъ *я* говорю! А, по обстоятельствамъ дѣла, ихъ потребуется, по малой мѣрѣ, два!

— Но вѣдь это же пятьсотъ рублей и есть?

— Позвольте... а что̀ же мнѣ... за труды?

— А тысяча рублей, которую вы получите немедленно по совершеніи обряда!

— Тысяча... тысяча! а моральное безпокойство! а трата времени! а репутація человѣка, который за тысячу рублей... Тысяча! смѣшно, право! вѣдь мнѣ свои собратья проходу за эту тысячу не дадутъ!

И Балалайкинъ опять въ волненіи зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, безпрестанно и не безъ горечи повторяя: тысяча! тысяча!

— Да накинь же ему пять сотенныхъ! шепнулъ я на ухо Глумову.

Но не успѣлъ онъ послѣдовать моему совѣту, какъ дѣло приняло совершенно неожиданный оборотъ. На помощь намъ явился Очищенный.

— Позвольте — мнѣ! скромно напомнилъ онъ намъ объ себѣ: — я за пятьсотъ...

Эта благотворная диверсія разомъ рѣшила дѣло въ нашу пользу; Балалайкинъ сейчасъ же сдался на капитуляцію, выговоривъ, впрочемъ, въ свою пользу шестьсотъ рублей, которые противная сторона обязывалась выдать въ томъ случаѣ, ежели возникнетъ судебное разбирательство. Затѣмъ, подали шампанскаго и условились, что мы съ Глумовымъ будемъ участвовать въ двоеженствѣ въ качествѣ шаферовъ, а Очищенный въ качествѣ посаженнаго отца. Причемъ послѣдній, безъ труда выпросилъ, чтобъ ему было выдано десять рублей въ видѣ личнаго вознагражденія и столько же за прокатъ платья.

Когда всѣ эти подробности были окончательно регламентированы, Глумовъ предложилъ на обсужденіе слѣдующій вопросъ:

— А теперь вотъ что̀, господа! Предположимъ, что предпріятіе наше будетъ благополучно доведено до конца... Балалайкинъ — получитъ условленную тысячу рублей, мы — попируемъ у него на свадьбѣ и разъѣдемся по домамъ. Послужитъ-ли все это, въ глазахъ Ивана Тимофеича, достаточнымъ доказательствомъ, что прежняго либерализма не осталось въ насъ ни зерна?

Мнѣнія раздѣлились. Очищенный, на основаніи прежней тапёрской практики, утверждалъ, что никакихъ другихъ доказательствъ не нужно; напротивъ того, Балалайкинъ, какъ адвокатъ, настаивалъ, что, по малой мѣрѣ, необходимо совершить еще подлогъ. Что̀ касается до меня, то хотя я и опасался, что одного двоеженства будетъ недостаточно, но, признаюсь, мысль о подлогѣ пугала меня.

— Собственно говоря, вѣдь двоеженство само по себѣ подлогъ, скромно замѣтилъ я: — не будетъ-ли, стало быть, ужь черезчуръ однообразно — non bis in idem — ежели мы, совершивъ одинъ подлогъ, сейчасъ же приступимъ къ совершенію еще другого, и, притомъ, простѣйшаго?

— Теоретически, вы приблизительно правы, возразилъ мнѣ Балалайкинъ: — двоеженство, дѣйствительно, есть не что̀ иное, какъ особый видъ подлога; однакожъ, наше законодательство отличаетъ...

И вдругъ меня словно осѣнило

— Господа! да о чемъ же мы говоримъ! воскликнулъ я: — жида! жида окрестить! — вотъ что̀ намъ надобно!

Эта мысль рѣшительно всѣхъ привела въ умиленіе, а у Очищеннаго даже слезы на глазахъ показались.

— Знаешь-ли что! сказалъ Глумовъ, съ чувствомъ пожимая мою руку: — эта мысль... зачтется она, братъ, тебѣ!

И немного погодя присовокупилъ:

— Подлогъ, однакожь, дѣло нелишнее: какъ ни какъ, а безъ фальшивыхъ векселей намъ на нашей новой стезѣ не обойтись! Но жидъ... Это такая мысль! такая мысль! И знаете-ли что: мы выберемъ жида бѣлаго, крупнаго, жирнаго; такого жида, у котораго, вмѣсто требухи — все ассигнаціи! только однѣ ассигнаціи!

— У меня даже сейчасъ одинъ такой на примѣтѣ есть! заявилъ Очищенный: — и очень даже охотится.

— И мы подвигнемъ его на дѣла благотворительности, продолжалъ фантазировать Глумовъ: — фуфайки, напримѣлъ, карпетки, носки...

— Но не забывай, мой другъ, и интересовъ просвѣщенія! напомнилъ я.

— Еще бы! Это — на первомъ планѣ. Вотъ, говорятъ, въ Сибири университетъ учреждаютъ — непремѣнно надобно, чтобъ онъ хоть одну каѳедру на свой счетъ принялъ. Какую бы, напримѣръ?

— Я полагалъ бы каѳедру сравнительной митирогнозіи — для Сибири даже очень прилично! предложилъ я.

— Чего лучше! Именно каѳедру сравнительной митирогнозіи — давно ужь потребность-то эта чувствуется. Ну, и еще: чтобы экспедицію какую-нибудь ученую на свой счетъ снарядилъ... непремѣнно, непремѣнно! Сколько есть насѣкомыхъ, гадовъ различныхъ, которые только того и ждутъ, чтобы на нихъ пролился свѣтъ науки! Помилуйте! нынче даже въ вагонахъ на желѣзныхъ дорогахъ вездѣ клопы развелись!

— Позвольте вамъ доложить, вступился Очищенный: — есть у насъ при редакціи человѣкъ одинъ; съ малолѣт-

ства сочиненіе «о Полярномъ Клопѣ» пишетъ, а публиковать не осмѣливается...

— Почему не осмѣливается?

— Да наблюденія, говоритъ, недостаточно точны. Вотъ еслибы ему по Россіи съ научною цѣлью, поѣздить, онъ бы, можетъ, и иностранцевъ многихъ затмилъ.

— Отлично. А какъ ты полагаешь, пріятелю твоему десяти тысячъ на экспедицію достаточно будетъ?

— Помилуйте! да съ этакими деньгами онъ даже къ родственникамъ въ Пермскую Губернію съѣздитъ!

— Пускай ѣдетъ. Для пользы науки намъ чужихъ денегъ не жалко. Нѣтъ-ли еще какихъ нуждъ? Проси!

— Осмѣлюсь... Вотъ вы изволили сейчасъ на счетъ этой науки выразиться... Митирогнозія, значитъ... Самая эта наука мнѣ знакомая... Такъ нельзя-ли каѳедру-то мнѣ предоставить!

— Будемъ имѣть въ виду.

Затѣмъ, Очищенный предъявилъ еще нѣсколько ходатайствъ и на всѣ получилъ отъ Глумова благопріятный отвѣтъ. Наконецъ, нашъ ordre du jour исчерпался, и Глумовъ, закрывая засѣданіе, счелъ долгомъ произнести краткое резюмѐ.

— Итакъ, господа, сказалъ онъ: — всѣ вопросы, подлежавшіе нашему обсужденію, благополучно рѣшены. Вотъ занятія, которыя предстоятъ намъ въ ближайшемъ будущемъ. Во-первыхъ, мы обязываемся женить Балалайкина, при живой женѣ, на «штучкѣ» купца Парамонова (*одобреніе на всѣхъ скамьяхъ*). Во-вторыхъ, мы имѣемъ окрестить жида; въ-третьихъ, какъ это ни прискорбно, но безъ подлога намъ обойтись нельзя...

Онъ остановился на минуту и вдругъ, какъ бы подъ наитіемъ внезапнаго вдохновенія, продолжалъ:

— Позвольте, господа! ужь если подлогъ необходимъ,

то, мнѣ кажется, самое лучшее — это пустить тысячъ на тридцать векселей отъ имени Матрены Ивановны въ пользу нашего общаго друга, Ивана Иваныча? Вѣдь это нашъ долгъ, господа! наша нравственная, такъ сказать, обязанность передъ добрымъ товарищемъ и союзникомъ... Согласны?

Вмѣсто отвѣта, послѣдовалъ взрывъ рукоплесканій. Очищенный кланялся и благодарилъ.

— Это даже и для Матрены Ивановны не безъ пользы будетъ! говорилъ онъ со слезами на глазахъ: — потому, заставитъ ее придти въ себя!

— Прекрасно. Стало быть, и еще одинъ пунктъ рѣшенъ. Объявляю засѣданіе закрытымъ.

VIII.

Мы возвращались отъ Балалайкина уже втроемъ и, притомъ въ самомъ радостномъ расположеніи духа. Мысль, что ежели подвигъ благонамѣренности еще не вполнѣ нами совершенъ, то, во всякомъ случаѣ, мы находимся на прямомъ и вѣрномъ пути къ нему, наполняла наши сердца восхищеніемъ. «Да̀, теперь ужь насъ съ этой позиціи не вышибешь!» твердилъ я себѣ и улыбался такой широкой, сіяющей улыбкой, что стоявшій на углу Большой Мѣщанской будочникъ, завидѣвъ меня, на̀скоро прислонилъ алебарду къ стѣнѣ, досталъ изъ кармана тавлинку и предложилъ мнѣ понюхать табачку.

Такъ шли мы отъ Фонарнаго переулка вплоть до Литейной, и на всемъ пути будочники дѣлали алебардами «на кра-улъ!», какъ бы привѣтствуя насъ: «Здравствуйте, вступившіе на истинный путь!» Придя на квартиру, мы сдали Очищеннаго съ рукъ на руки дворнику и, приказавъ сводить его въ баню, поспѣшили съ радостными вѣстями къ Ивану Тимофеичу.

Дежурный подчасокъ сказалъ намъ, что Иванъ Тимофеичъ занятъ въ «комиссіи», которая въ эту минуту засѣдала у него въ кабинетѣ. Но такъ какъ мы были люди

свои, то нетолько были немедленно приняты, но даже получили приглашеніе участвовать въ трудахъ.

Комиссія состояла изъ трехъ членовъ: Ивана Тимофеича (онъ же презусъ), письмоводителя Прудентова и брантмейстера Молодкина. Предметъ ея занятій заключался въ разработкѣ новаго устава «о благопристойномъ обывателей въ своей жизни поведеніи», такъ какъ прежнія по сему предмету «временныя правила» оказывались преисполненными всякаго рода неясностями и каламбурами, вслѣдствіе чего неблагопристойность возростала не по днямъ, а по часамъ.

— Прекрасно сдѣлали, что зашли; я и то ужь думалъ за вами посылать, привѣтствовалъ насъ Иванъ Тимофеичъ: — вотъ комиссію на плеча взвалили, презусомъ назначили... Уставъ теперича писать нужно, да писатели-то мы, признаться, горевые!

— А можно полюбопытствовать, въ чемъ состоитъ предметъ занятій комиссіи?

— Благопристойность зводить хотятъ. Это, конечно... много нынче этого невѣжества завелось, въ особенности на улицахъ... Одни направо, другіе—налѣво, одни—идутъ, другіе—невѣдомо зачѣмъ на мѣстѣ стоятъ... Не сообразишь. Ну, и хотятъ это урегулировать...

— Чтобы, значитъ, ежели налѣво идти — такъ всѣ бы налѣво шли, а ежели останавливаться, такъ всѣмъ чтобы разомъ? выразилъ Глумовъ догадку.

— То, да не то. Въ сущности-то оно, конечно, такъ, да ка̀къ ты прямо-то это выскажешь? Нельзя, мой другъ, прямо сказать—передъ иностранцами не хорошо будетъ—обстановочку надо придумать. Кругленько эту мысль выразить. Чтобы и ослушникъ зналъ, что его по головѣ не погладятъ, да и принужденія чтобы замѣтно не было. Чтобы, значитъ, безъ приказовъ, а та̀къ, будто всякій самъ отъ себя благопристойность соблюдаетъ.

— Трудная эта задача. Любопытно, какъ-то вы справляетесь съ нею?

— Да вотъ вчера «общія положенія» набросали, а сегодня и «улицу» прикончили. Написали довольно, только, признаться, не очень-то нравится мнѣ!

— Помилуйте, Иванъ Тимофеичъ, чего лучше! обидѣлся Прудентовъ, который, повидимому, былъ душою и воротилой въ комиссіи.

— Порядку, братецъ, нѣтъ. Мысли хорошія, да въ разбивку онѣ. Вотъ я давича газету читалъ, такъ тамъ все чередомъ сказано: съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой—надо признаться, а въ то же время не слѣдуетъ упускать изъ вида... Вотъ это — хорошо!

Иванъ Тимофеичъ уныло покачалъ головой и задумался.

— Да̀, нѣтъ у насъ этого... продолжалъ онъ: — пера̀ у насъ вольнаго нѣтъ! Ужь, кажется, на что̀ знакомый предметъ—всю жизнь благопристойностью занимался, а пришлось эту самую благопристойность на бумагѣ изобразить — шабашъ!

— Да вы какъ къ предмету-то приступили? историческій-то обзоръ, напримѣръ, сдѣлали? полюбопытствовалъ Глумовъ.

— Какой такой историческій обзоръ?

— Какъ же! нельзя безъ этого. Сперва надобно историческій обзоръ, какія въ древности на счетъ благопристойнаго поведенія правила были, потомъ обзоръ современныхъ иностранныхъ по сему предмету законодательствъ, потомъ—сводъ мнѣній будочниковъ и подчасковъ, потомъ — объяснительная записка, а, наконецъ, ужь и «правила» или уставъ.

— Такъ вотъ оно какъ?

— Непремѣнно. Нынче ужь эта мода прошла: при-

сѣлъ, да и написалъ. Нѣтъ, нынче на всякую штуку оправдательный документъ представь!

— То-то я вижу, какъ будто не тово... Невѣдомо-будто, съ чего мы вдругъ эту матерію затѣяли...

— Позвольте вамъ доложить, вступился Прудентовъ:— что въ нашемъ случаѣ ваша манера едва-ли пригодна будетъ.

— Но почему же?

— Да возьмемъ хоша «Современныя законодательства». Хорошо какъ онѣ удобныя, а коли ежели начальство стѣсненіе въ нихъ встрѣтитъ...

— Голубчикъ! такъ вѣдь объ такихъ законодательствахъ можно и не упоминать! Просто: нѣтъ, молъ, въ такой-то странѣ благопристойности — и дѣло съ концомъ.

— Нельзя-съ; какъ бы потомъ не вышло чего: за справку-то вѣдь мы же отвѣчаемъ. Да и вообще скажу: врядъ-ли иностранная благопристойность для насъ обязательнымъ примѣромъ служить можетъ. Россія, по обширности своей, и сама другимъ урокъ преподать можетъ. И преподаетъ-съ.

— Ахъ, да развѣ я говорю объ этомъ? Но вѣдь для вида... поймите вы меня: нужно же видъ показать!

— А для вида — и совсѣмъ нехорошо выйдетъ. Помилуйте, какой тутъ можетъ быть видъ! Надняхъ у насъ обыватель одинъ съ теплыхъ водъ вернулся, такъ сказывалъ: тàкъ тамъ чисто живутъ, тàкъ чисто, что плюнуть боишься: совѣстно! А у насъ развѣ такъ возможно? У насъ, сударь, доложу вамъ, на этотъ счетъ полный просторъ долженъ быть данъ!

Возникъ споръ, и я долженъ сказать правду, что Глумовъ вскорѣ вынужденъ былъ уступить. Прудентовъ, цѣлымъ рядомъ неопровержимыхъ фактовъ, доказалъ, что наша благопристойность такъ близко гра-

ничитъ съ неблагопристойностью, что изъ этого созидается нѣчто совершенно своеобразное и намъ однимъ свойственное. А кромѣ того: заграничная благопристойность имѣетъ характеръ исключительно внѣшній (не сквернословь! не буйствуй! и т. п.), тогда какъ наша благопристойность состоитъ не столько въ наружныхъ проявленіяхъ благоповеденія, но въ томъ, главнѣйше, чтобы обыватель памятовалъ, что жизнь сія есть временная и что самъ онъ — скудельный сосудъ. Такъ, напримѣръ: плевать у насъ — можно, а «имѣть дерзкій видъ» — нельзя; митирологіей заниматься — можно, а касаться внутренней политики или разсуждать о происхожденіи міровъ — нельзя.

— А вѣдь онъ, друзья, правду говоритъ! обратился къ намъ Иванъ Тимофеичъ: — точно, что у насъ благопристойность своя, особливая...

— А еще и на слѣдующее могу указать, продолжалъ побѣдоносный Прудентовъ: — требуется теперича, чтобы мы, между прочимъ, и правила благопристойнаго поведенія въ собственныхъ квартирахъ начертали — гдѣ, спрошу васъ, въ какихъ странахъ вы соотвѣтствующія по сему предмету указанія найдете? А у насъ — безъ этого нельзя.

— Правда! торжественно подтвердилъ Иванъ Тимофеичъ.

— Правда! откликнулись и мы.

— Иностранецъ — онъ наглый! развивалъ свою мысль Прудентовъ: — онъ забрался къ себѣ въ квартиру и думаетъ, что въ неприступную крѣпость засѣлъ. А почему, позвольте спросить? — а потому, сударь, что начальство у нихъ противъ нашего много къ службѣ равнодушнѣе: само ни во что̀ не входитъ и имъ повадку даетъ!

— Правда! подтвердилъ Иванъ Тимофеичъ.

— Правда! откликнулись мы.

— Ужь такъ они тамъ набалованы, такъ набалованы — совсѣмъ даже какъ оглашенные! присовокупилъ Иванъ Тимофеичъ:—и къ намъ-то пріѣдутъ — сколько времени, сколько труда нужно, чтобъ ихъ вразумить! Есть у меня въ районѣ французъ-перчаточникъ, только надняхъ я ему и говорю: «смотри, Альфонсъ Иванычъ, я къ тебѣ съ визитомъ собираюсь!» — Въ магазинъ? спрашиваетъ. «Нѣтъ, говорю, не въ магазинъ, а туда, въ заднюю каморку къ тебѣ хочу взглянуть, ка̀къ ты тамъ, каково поживаешь, каково прижимаешь... републи̍къ и все такое... Такъ онъ, можете себѣ представить, даже на меня глаза вытаращилъ: «не можетъ это быть!» говоритъ. Вотъ это какой закоснѣлый народъ!

— И вы... да неужто же вы такъ и оставили это? возмутились мы съ Глумовымъ до глубины души.

— Чтò жь... я!? Повертѣлся, повертѣлся—вздохнулъ и пошелъ въ овошенную... тамъ ужь свою обязанность выполнилъ... Ахъ, друзья, друзья! наше вѣдь положеніе... очень даже щекотливое у насъ на счетъ этихъ иностранцевъ положеніе! Разумѣется, предостерегъ-таки я его: смотри, говорю, однако, Альфонсъ Иванычъ, мурлыкай свою републи̍къ, только ежели, паче чаянія, со двора или съ улицы услышу... оборони Богъ!

— Чтò жь онъ?

— Смѣется — чтò съ нимъ подѣлаешь!

— Однакожь, какую власть взяли!

— Вольница — одно слово.

— Такъ вотъ по этому образцу и извольте судить, какихъ примѣровъ намъ слѣдуетъ ожидать, вновь повелъ рѣчь Прудентовъ: — теперича въ нашемъ районѣ этого торгующаго народа — на каждомъ шагу, такъ ежели всякій понятіе это будетъ имѣть, да глаза таращить

станетъ—какъ тутъ поступать? А съ насъ, между прочимъ, спрашиваютъ!

— Чтобы нигдѣ, ни-ни... упаси Богъ!

— Намъ нужно, чтобъ онъ, яко обыватель, во всякое время всю свою обстановку предоставилъ, а онъ, вмѣсто того: «не можетъ это быть!»

— Правда! подтвердилъ Иванъ Тимофеичъ.

— Правда! откликнулись мы.

Точно также не выгорѣлъ и вопросъ объ исторической благопристойности, хотя Глумовъ и энергически отстаивалъ ого.

— Позвольте вамъ доложить, возразилъ Прудентовъ:— зачѣмъ намъ исторія? Гдѣ, въ какихъ исторіяхъ мы полезныхъ для себя указаній искать будемъ? Ежели теперича взять римскую или греческую исторію, такъ у насъ ключъ отъ тогдашней благопристойности потерянъ, и подлинно-ли была тамъ благопристойность—ничего мы этого не знаемъ. Судя же по тому, что̀ въ учебникахъ объ тогдашнихъ временахъ повѣствуется, такъ всѣ эти греки да римляне больше безначаліемъ, нежели благопристойностью занимались.

— А у насъ этого нельзя! да̀-съ, нельзя-съ! подтвердилъ Иванъ Тимофеичъ и при этомъ взглянулъ на насъ такъ внушительно, что я, признаться, даже попенялъ на Глумова, зачѣмъ онъ эту матерію шевельнулъ.

— Кто говоритъ, что можно! оборонился Глумовъ: — но ежели древніе греческіе и римскіе образцы непригодны, такъ вѣдь у насъ и своя исторія была.

— А на счетъ отечественныхъ историческихъ образцовъ могу возразить слѣдующее: бо́льшая часть имѣвшихся по сему предмету документовъ, въ бывшіе въ разное время пожары, сгорѣла, а то, что̀ осталось, содержитъ лишь указанія краткія и недостаточныя, какъ, напримѣръ: однимъ—выщипывали бороды по волоску, дру-

гимъ — ноздри рвали. Судите, поэтому, сами, какова у насъ въ древности благопристойность была!

— Голубчикъ! да вѣдь не всѣмъ же... Вѣдь мы съ вами... происходимъ же мы отъ кого-нибудь! Въ Россіи-то семьдесятъ милліоновъ жителей считается, и у всѣхъ были отцы... Уцѣлѣли же, стало быть, они!

— По снисхожденію-съ.

Словомъ сказать, и на исторической почвѣ Прудентовъ оказался неуязвимымъ. И что̀ всего досаднѣе: нетолько Иванъ Тимофеичъ явно склонился на сторону дѣльца-письмоводителя, но и Молодкинъ самодовольно и глупо хихикалъ, радуясь нашему пораженію.

Оставалось послѣднее убѣжище: устныя преданія, народная мудрость, пословицы, поговорки. Но и тутъ Прудентовъ безъ труда восторжествовалъ.

— На счетъ народной мудрости можно та̀къ сказать, возразилъ онъ: — для черняди она полезна, а для высокопоставленныхъ лицъ едва-ли руководствомъ служить можетъ. Устное-то преданіе у насъ и доселѣ одно: сколько влѣзетъ! — такъ вѣдь это преданіе и безъ того куда слѣдуетъ, въ качествѣ матеріала, занесено. Что̀ же касается до поговорокъ, то иногда онѣ и совсѣмъ въ нашемъ дѣлѣ непригодны. Возьмемъ, для примѣра, хоть слѣдующее. Народъ говоритъ: по Сенькѣ — шапка, а по обстоятельствамъ дѣла выходитъ, что эту поговорку наоборотъ надо понимать.

— Почему же такъ?

— А потому, что потому-съ. Начальство — вотъ въ чемъ причина! Сѐнекъ-то много-съ, такъ коли ежели каждый для себя особливой шапки потребуетъ... А у насъ на-этотъ счетъ та̀къ принято: для сокращенія переписки, всѣмъ чтобы одна мѣра была! Вотъ мы и пригоняемъ-съ. И правильно это, доложу вамъ, потому что̀ народъ — онъ глупъ-съ.

*

— Да еще какъ глупъ-то! воскликнулъ Иванъ Тимофеичъ: — то-есть, такъ глупъ, такъ глупъ!

Напоминаніе о народной глупости внесло веселую и легкую струю въ нашъ разговоръ. Сначала говорили на эту тэму члены комиссіи, а потомъ незамѣтно разразились и мы, и минутъ съ десять всѣ хоромъ повторяли: ахъ, какъ глупъ! ахъ, какъ глупъ! Молодкинъ же, воспользовавшись симъ случаемъ, разсказалъ нѣсколько сценъ изъ народнаго быта, право, ничуть не уступавшихъ тѣмъ, которыми утѣшается публика въ Александринскомъ театрѣ.

— А вы еще объ народной мудрости изволите говорить! укоризненно заключилъ Прудентовъ, обращаясь къ Глумову.

— И, все-таки, извините меня, а я этого понять не могу! не унимался Глумовъ: — ка̀къ же это такъ? ни исторіи, ни современныхъ законодательствъ, ни народныхъ обычаевъ — такъ-таки ничего? Стало быть, что̀ вамъ придетъ въ голову, то̀ вы и пишете?

— Прямо отъ себя-съ. Имѣемъ въ виду одно обстоятельство: чтобы для начальства какъ возможно меньше безпокойства было — къ тому и пригоняемъ.

Теорія эта хотя и давно намъ была знакома, но на этотъ разъ она была высказана такъ безъискусственно, прямо и рѣшительно, что мы на минуту умолкли, какъ бы подъ вліяніемъ пріятной неожиданности.

— Любопытно! произнесъ, наконецъ, Глумовъ, первый стряхнувъ въ себя гнетъ очарованія.

— А коли любопытно, такъ не угодно-ли съ трудами нашими ознакомиться? предложилъ Прудентовъ. — Намъ даже очень пріятно, что образованные люди прожектами нашими интересуются. Иванъ Тимофеичъ, дозволите?

Разумѣется, Иванъ Тимофеичъ охотно согласился, и Прудентовъ прочёлъ:

УСТАВЪ

О БЛАГОПРИСТОЙНОМЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ ВЪ СВОЕЙ ЖИЗНИ ПОВЕДЕНІИ.

Общія начала.

«Ст. 1-я. Всякій обыватель да памятуетъ, что двѣ главнѣйшихъ цѣли предъ нимъ къ непремѣнному достиженію предстоятъ: въ сей жизни — благопристойное во всѣхъ мѣстахъ нахожденія поведеніе; въ будущей—вѣчное блаженство.

«Ст. 2-я. Обѣ сіи цѣли, составляя начало и конецъ одной и той же, отъ вѣковъ предустановленной и начальствомъ одобренной, цѣли, состоятъ, однакоже, въ завѣдываніи двухъ совершенно отличныхъ вѣдомствъ. А именно: первая вѣдается обыкновенными отъ гражданскаго начальства учрежденными властями, вторая же подлежитъ разсмотрѣнію религіи.

«Ст. 3-я. Благопристойность, составляющая предметъ настоящаго устава, по существу своему, раздѣляется на внѣшнюю и внутреннюю. По мѣсту же нахожденія обывателя, на благопристойность, обнаруживаемую: а) на улицахъ и площадяхъ; б) въ публичныхъ мѣстахъ и в) въ собственныхъ обывателей квартирахъ.

«Ст. 4-я. Внѣшняя благопристойность выражается въ дѣйствіяхъ и тѣлодвиженіяхъ обывателя; внутренняя — создаетъ себѣ храмъ въ сердцѣ его. А посему, наиболѣе приличными мѣстами наблюденія за первою признаются: улицы, площади и публичныя мѣста; послѣднюю же всего удобнѣе наблюдать въ собственныхъ квартирахъ обывателей.

«Ст. 5-я. Сіи общія начала, взятыя въ нераздѣльной ихъ совокупности, составляютъ краеугольный камень, на которомъ зиждется все послѣдующее зданіе благопристойности. А равнымъ образомъ и изрѣченіе: началь-

ству да повинуются, ибо всуе приказанія отдавать, ежели оныя не исполнять».

— Это — общія начала, сказалъ Прудентовъ, прерывая чтеніе и самодовольно поглядывая на насъ:—имѣете сдѣлать какое-либо замѣчаніе?

Вмѣсто отвѣта, мы взяли Прудентова за руку и долго и съ чувствомъ жали ее.

— Нетолько ничего не имѣемъ, сказалъ Глумовъ взволнованнымъ голосомъ: — но даже... удивительно это, голубчикъ, какъ вы въ нѣсколькихъ штрихахъ всѣ истинныя потребности времени обрисовали! Именно, именно такъ: «собственныя квартиры!»—вотъ гдѣ настоящая нить завязки романа гнѣздится! Само Провидѣніе вамъ, другъ мой, внушило эту мысль!

— Итакъ, будемъ продолжать-съ.

§ 1-й.

О благопристойномъ поведенiи на улицахъ и площадяхъ.

«Ст. 1-я. Въ отношеніи благопристойнаго поведенія на улицахъ и площадяхъ, городъ раздѣляется на три района. Первый обнимаетъ собой набережную рѣки Невы отъ крайнихъ предѣловъ Англійской набережной и оканчивая Литейнымъ дворомъ; затѣмъ, идя по Литейной улицѣ до конца оной, поворотить по Невскому проспекту до Большой Морской, а оттуда идти по Конногвардейскому бульвару и вновь вступить на Англійскую набережную. Второй районъ составляютъ остальныя части города по сю сторону Невы, за исключеніемъ Рождественской и Нарвской частей, а равно и Васильевскій Островъ по 14-ю линію включительно. Въ третій районъ входятъ прочія мѣстности, а также Сѣнная площадь.

«Ст. 2-я. Внутренняя благопристойность во всѣхъ сихъ районахъ требуется одинаковая. Чтò же касается до благопристойности внѣшней, то дабы предоставить обыва-

телямъ возможныя по сему предмету облегченія, только въ первомъ районѣ предписывается благопристойность безусловная; затѣмъ, во второмъ районѣ допускается благопристойность меньшая противъ перваго района; въ третьемъ же районѣ разрѣшаются и прямыя отъ внѣшней благопристойности уклоненія.

«Ст. 3-я. Всѣ вообще площади, улицы и переулки предоставляются въ распоряженіе публики; а посему обывателямъ не возбраняется посѣщеніе ихъ, какъ для прогулокъ, такъ и для прочихъ надобностей, кромѣ, впрочемъ, вводящихъ въ соблазнъ.

«Ст. 4-я. Всякій приходящій на улицу или площадь имѣетъ право обращаться на оныхъ свободно, не стѣсняя себя одною стороною или однимъ направленіемъ, но переходя, по надобности, и на другую сторону, а равнымъ образомъ заходя и въ ближайшіе переулки. Но безъ надобности, а тѣмъ паче съ явнымъ намѣреніемъ затруднить надзоръ, соваться взадъ и впередъ воспрещается.

«Ст. 5-я. Однообразной формы одежды для пребыванія на улицахъ и площадяхъ не полагается. Всякій да будетъ одѣтъ, какъ самъ пожелаетъ и какъ состоянію его приличествуетъ. Но, само собой разумѣется, что выраженіе «одежда» должно быть принимаемо въ настоящемъ его значеніи и что никакой игры словъ по сему поводу не допускается.

«Ст. 6-я. Разрѣшается, при встрѣчѣ съ знакомыми, остановившись, или, по желанію, и продолжая совмѣстно путь, вступать въ приличный разговоръ. При семъ подъ выраженіемъ «приличный разговоръ» слѣдуетъ разумѣть: а) воспоминанія о пріятно проведенномъ времени; б) предположенія о возможности такого же времяпровожденія въ ближайшемъ будущемъ; в) разспросы о здоровьи начальствующихъ лицъ, а равно родныхъ и

близкихъ, не опороченныхъ по суду; г) воспоминанія о слышанномъ и видѣнномъ на экономическихъ обѣдахъ; д) анекдоты изъ жизни цензоровъ Красовскаго и Бирукова; е) разсказы изъ народнаго быта и ж) вообще всякія легкія изрѣченія, кои не могутъ подать повода для превратныхъ толкованій. Но «критика» безусловно возбраняется.

«Ст. 7-я. Поговоривъ между собою, обыватели, ежели они при этомъ не сдѣлали другого какого-либо противузаконнаго проступка, могутъ разойтись и не докончивъ начатой матеріи, за что̀ никакому взысканію не подвергаются.

«Ст. 8-я. Воровать, грабить и, тѣмъ паче, убивать не дозволяется вовсе. Лица, учинившія таковые поступки, немедленно отводятся въ ближайшую будку, оттуда въ подлежащій кварталъ, а затѣмъ и въ часть.

«Ст. 9-я. Тѣмъ не менѣе, ежели кто замѣтитъ со стороны проходящаго явное покушеніе на его собственность или жизнь, то не долженъ о семъ заявлять неистовымъ голосомъ, а обязывается, ухвативъ покушающагося за руку, держать крѣпко, дабы не вырвался.

«Ст. 10-я Ежели бы, паче чаянія, случилось, что потерпѣвшее лицо, не будучи въ состояніи удержать обидчика, выпуститъ его, то таковой случай надлежитъ считать неосуществившимся отъ независящихъ обстоятельствъ.

«Ст. 11-я. При встрѣчахъ съ знакомыми дамами, предоставляется, отдавъ учтивый поклонъ, разспрашивать о здоровьи. Буде же встрѣтится дама незнакомая, то таковой поклона не отдавать, а продолжать путь въ молчаніи, не дозволяя себѣ никакихъ аллегорическихъ тѣлодвиженій.

«Ст. 12-я. Вообще, да вѣдомо будетъ всѣмъ и каждому, что особа женскаго пола есть существо слабое и

снисхожденія заслуживающее. Посему не тотъ достоинъ похвалы, кто оную съ праваго пути на погибельный совратитъ, а тотъ, кто и заблудшую въ лоно цѣломудрія водворитъ.

«Ст. 13-я. Относительно образа мыслей, яко дара сокровеннаго, никакихъ правилъ, въ какой силѣ оный содержать, не полагается. Тѣмъ не менѣе, дабы не оставить желающихъ безъ надлежащаго въ семъ случаѣ наставленія, предписывается будочникамъ, при проходѣ мимо нихъ обывателей, дѣлать соотвѣтствующія духу времени предостереженія.

«Ст. 14-я. Но ежели бы въ выраженіи лица обывателя была замѣчена столь явная злоумышленность, что и сомнѣваться въ оной нельзя, то таковый, безъ потери времени, приводится въ съѣзжій домъ для изслѣдованія.

«Ст. 15-я. При наймѣ извощиковъ, ежели надобность сія возникнетъ въ первомъ районѣ—слѣдуетъ безусловно воздерживаться отъ сквернословія; во второмъ районѣ—воздерживаться лишь помѣрѣ возможности; въ третьемъ же районѣ—воздержаніе или невоздержаніе оставляется на волю каждаго, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, дабы сквернословіе прилагалось не по произволу сквернословящаго, но по заслугамъ сквернословимаго.

«Ст. 16-я. Лица дворянскаго происхожденія да памятуютъ, что ношеніе бородъ имъ несвойственно, а право ношенія усовъ присвоено лишь лицамъ военнаго званія. Равнымъ образомъ, и о прическѣ сказать надлежитъ, что оная не должна быть ни слишкомъ длинною, ни слишкомъ короткою. Лучшая прическа — средняя.

«Ст. 17-я. Пѣть и свистать (но не громогласно) не возбраняется, ибо сіе означаетъ удовольствіе. Для начальства же ничто столь не пріятно, какъ ежели подчиненные, безъ унылости и во всемъ расположась на волю онаго, время проводятъ.

«Ст. 18-я. Проходя мимо памятниковъ, надлежитъ, замедливъ шаги, изобразить на лицѣ восторженность. Если же, по причинѣ охлажденія лѣтъ или вслѣдствіе долговременной и тяжелой болѣзни, восторженность представляется трудно достижимою, то замѣнить оную простою задумчивостью. Какъ восторженность, такъ и задумчивость будутъ въ семъ случаѣ служить доказательствомъ твердаго намѣренія обывателя уподобиться симъ героямъ, дабы впредь проводить время такъ, какъ оные при жизни своей проводили, за что̀ и удостоены отъ начальства монументовъ.

«Ст. 19-я. Когда таковыхъ вознамѣрившихся подражать монументамъ обывателей наберется достаточно, то всѣмъ имъ составляется подробный списокъ, который и препровождается въ особую монументную комиссію. Сія же послѣдняя, при разсмотрѣніи списковъ, руководится тою мыслію, что чѣмъ болѣе будетъ воздвигнуто монументовъ (хотя бы и среднихъ размѣровъ), тѣмъ охотнѣе всякій будетъ содержать въ своемъ сердцѣ ожиданіе столь отличной награды и въ семъ ожиданіи почерпать поводъ для добродѣтельной жизни.

«Ст. 20-я. При входѣ въ баню, воспрещается снимать съ себя одежду прежде, нежели обыватель войдетъ въ притворъ.

«Ст. 21-я. При встрѣчѣ съ лицами высшими предоставляется выражать вѣжливое изумленіе и несомнѣнную готовность претерпѣть; при встрѣчѣ съ равными— гостепріимство и желаніе оказать услугу; при встрѣчѣ съ низшими — снисходительность, но безъ послабленія.

«Ст. 22-я. Подавать нищимъ не возбраняется, но полезно при семъ напоминать имъ, что только тотъ хлѣбъ сладокъ, который добывается трудомъ.

«Ст. 23-я. Ибо только то отечество процвѣтаетъ, которое, давая труду исходъ и направленіе, въ то же вре-

мя оплодотворяетъ его соотвѣтствующимъ капиталомъ, а въ случаѣ отсутствія таковаго—кредитомъ, съ обязанностью взятое своевременно съ надлежащими процентами уплатить. Что̀ вполнѣ подтверждается и собесѣдованіями, производимыми на экономическихъ обѣдахъ.

«Ст. 24-я. Равнымъ образомъ и о монетной единицѣ не лишне здѣсь упомянуть. Тщетно будемъ мы употреблять выраженіе «рубль», коль скоро онъ полтину сто̀итъ; однако, ежели начальство находитъ сіе правильнымъ, то желаніе его надлежитъ выполнить безпрекословно. Такъ точно и въ прочихъ человѣческихъ дѣлахъ.

«Ст. 25-я. Все, что̀ въ сихъ правилахъ не указано, яко не возбраняемое, тѣмъ самымъ уже ставится въ разрядъ возбраненнаго. Въ случаѣ же сомнѣнія, лучше всего, не продолжая прогулки, возвратиться домой и тамъ размыслить».

Голосъ Прудентова смолкъ.

— Все? спросилъ Глумовъ.

— Покуда — все-съ. А тамъ пойдутъ правила о благопристойномъ поведеніи въ баняхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ и, наконецъ, о благопристойности въ собственныхъ квартирахъ.

— Голубчикъ! Флегонтъ Васильичъ (такъ звали Прудентова)! позволь мнѣ часика на два твой уставъ! Я тебѣ въ «общія начала» — чуточку «злой и порочной воли» подпущу! Нельзя безъ этого, другъ мой! Голо̀!

Предложеніе это было сдѣлано такъ искренно и, притомъ, съ такимъ горячимъ участіемъ, что Прудентовъ нетолько не обидѣлся, но, вмѣсто отвѣта, простеръ къ Глумову обѣ руки, вооруженныя проектомъ устава. И мы вдругъ, совершенно незамѣтно, начали съ этой минуты говорить другъ другу «ты».

— Вотъ и прекрасно! продолжалъ Глумовъ:—кстати, позволь ужь и параграфъ объ улицахъ просмотрѣть.

Шероховатости мѣстами попадаются; сейчасъ: «при входѣ въ баню», и тутъ же слѣдомъ: «при встрѣчѣ съ лицами высшими» — нехорошо, братецъ!

— Да̀, ужь поправь! сдѣлай милость, поправь! присовокупилъ свою просьбу и Иванъ Тимофеичъ:—я вѣдь и самъ... Вижу, что не тово... напримѣръ: «равнымъ образомъ и о монетной единицѣ»... а почему «равнымъ образомъ», и точно-ли «равнымъ образомъ» — сказать не могу!

— Поправлю! все поправлю! А главное—«злой и порочной воли» подпустить надо! Непремѣнно подпустить. Потому что безъ этого, понимаешь ты, вѣдь и въ «квартиры» войти неловко! А коли «злая и порочная воля» есть, такъ вездѣ тебѣ входъ открытъ!

Глумовъ сложилъ уставъ вчетверо и бережно положилъ его въ карманъ. Потомъ, съ свойственнымъ ему любезно-вызывающимъ видомъ, взглянулъ на Ивана Тимофеича и продолжалъ:

— Иванъ Тимофеичъ! а вѣдь мы... нѣтъ, угадай, съ чѣмъ мы къ тебѣ пришли?

— Водки, что̀-ли, велѣть подать? натурально прежде всего догадался Иванъ Тимофеичъ.

— Анъ вотъ и не отгадалъ! Водка — само собой, а помнишь объ парамоновской «штучкѣ» ты насъ просилъ? Вѣдь Балалайкинъ-то... со-гла-сил-ся!

— Ну, слава Богу!

— И денегъ, знаешь-ли, сколько выпросилъ?.. ты-сячу шесть-сотъ! Совсѣмъ! и съ будущимъ судебнымъ разбирательствомъ, ежели таковое возникнетъ!

— Слава Богу! слава Богу! вотъ это... ну, слава Богу! Ссслава Богу! повторялъ Иванъ Тимофеичъ, захлебываясь и пожимая намъ руки:—ну, надо теперь бѣжать, обрадовать старика надо! А къ вечеру и вамъ вѣсточку дамъ, что̀ и ка̀къ... дру-з-з-з-ья!

Мы повеселѣли окончательно, такъ что Глумовъ позволилъ даже себѣ пошутить съ Молодкинымъ, обратившись къ нему съ вопросомъ:

— Ну, а ты, Аѳанасій Семенычъ! что̀ ты молчишь, пріунылъ? какъ будто благопристойность-то эта несовсѣмъ тебѣ понутру?

На что Молодкинъ очень мило отвѣтилъ:

— У меня своя часть — пожары-съ! А благопристойности этой... признаюсь, я даже совсѣмъ не понимаю!

IX.

Придя домой, мы нашли Очищеннаго уже возвратившимся изъ бани. Онъ прохаживался въ довольно близкомъ разстояніи отъ шкапа, въ которомъ хранился графинъ съ водкой, но, къ чести нашего друга, мы должны были сознаться, что, въ отсутствіе наше, ничего въ квартирѣ у насъ не пропало.

— Вотъ, братъ, могли-ли мы думать, выходя сегодня утромъ, что все такъ прекрасно устроится! сказалъ мнѣ Глумовъ: — и съ Балалайкинымъ покончили, и заблудшаго друга обрѣли, а вдобавокъ еще и на «Уставъ» наскочили! Вѣдь этакъ, пожалуй, и мы съ тобой косвеннымъ образомъ любезному отечеству въ кошель накласть сподобимся!

Слова эти настроили насъ на благодушный ладъ. А такъ какъ празднаго времени у насъ было пропасть, то мы рѣшились посвятить его благопотребно-философическимъ размышленіямъ. Наше случайное привлеченіе къ участію въ работахъ комиссіи по составленію «Устава благопристойности» представило для такихъ размышленій обильный и вполнѣ подходящій матерьялъ. Въ самомъ дѣлѣ, не предопредѣленіе-ли это? Стоитъ только подпустить въ «Уставъ» съ воробьиную погадку «злой

и порочной воли» (а это вполнѣ теперь отъ насъ зависитъ) и доступъ въ квартиры сдѣлается свободнымъ на всегда! Не то, чтобы доступъ этотъ не былъ свободенъ и прежде—нѣтъ, въ этомъ отношеніи мы новаторами назваться не можемъ!—но прежде этотъ необходимый актъ общественной безопасности производился какъ-то грубо, а потому казался неестественнымъ. Охочій человѣкъ молча приходилъ въ квартиру, молча же отмыкалъ помѣщенія, и на вопросъ: чего вы ищете? не могъ даже отвѣтить порядкомъ, какая вещь изъ квартирной обстановки ему приглянулась. Развѣ такая форма огражденія домашняго очага можетъ быть названа удовлетворительною? Напротивъ того, теперь, благодаря нашему просвѣщенному содѣйствію, тотъ же охочій человѣкъ совершитъ то же самое, но при этомъ скажетъ: по слухамъ, въ этой квартирѣ скрывается злая и порочная воля — извольте представить ключи! Кто же позволитъ себѣ найти это требованіе ненатуральнымъ?

— Да̀, господа, сказалъ Глумовъ: — нерѣдко и малые источники даютъ начало рѣкамъ, оплодотворяющимъ неизмѣримыя пространства. Такъ-то и мы. Пусть эта мысль сопутствуетъ намъ въ трудахъ нашихъ, и да дастъ она намъ силу совершить предпринятое не къ стыду, но къ славѣ нашего отечества!

Разумѣется, я ничего не имѣлъ возразить противъ такого напутствія, а Очищенный даже перекрестился при этомъ извѣстіи и произнесъ: дай Богъ счастлѝво! Вообще, этотъ добрый и опытный старикъ былъ до крайности намъ полезенъ при нашихъ философическихъ собесѣдованіяхъ. Стоя на одной съ нами благопотребнофилософической высотѣ, онъ обладалъ тѣмъ преимуществомъ, что, благодаря многолѣтней тапёрской практикѣ, имѣлъ въ запасѣ множество приличествующихъ слу-

чаю фактовъ, которые поощряли насъ къ дальнѣйшей игрѣ ума.

— Къ стыду отечества совершить очень легко, сказалъ онъ: — къ славѣ же совершить, напротивъ того, столь затруднительно, что многіе даже изъ силъ выбиваются и, все-таки, успѣха не достигаютъ. Когда я въ Проломновской губерніи жилъ, то былъ тамъ одинъ начальствующій — такъ онъ всегда все къ стыду совершалъ. Даже посторонніе дивились; спросятъ, бывало: зачѣмъ это вы, вашество, все къ стыду да къ стыду? А онъ: не могу, говоритъ: — радъ бы радостью къ славѣ что̀-нибудь совершить, а выходитъ къ стыду!

— Ахъ, чортъ возьми!

— И даже ка̀къ я вамъ доложу! перешелъ онъ послѣ того въ другое вѣдомство, думаетъ: хоть тамъ не выйдетъ-ли чего къ славѣ — и хоть ты что̀ хошь! Такъ въ стыдѣ и отошелъ въ вѣчность!

— Однако!

— И когда, при отпѣваніи, отецъ протопопъ сказалъ: «вотъ человѣкъ, который всю жизнь свою, всеусердно тщась нѣчто къ славѣ любезнѣйшаго отечества совершить, ничего, кромѣ дѣйствій, клонящихся къ несомнѣнному онаго стыду не совершилъ», то весь народъ, всѣ, кто тутъ были, всѣ такъ и залились слезами!

— Еще бы! разумѣется, жалко!

— И многіе изъ предстоявшихъ начальствующихъ лицъ въ то время на усъ себѣ это намотали!

— Намотали-то намотали, да проку отъ этого мало вышло!

— Это ужь само собой. — А вотъ, что вы изволили на счетъ малыхъ источниковъ сказать, что они нерѣдко начало большимъ рѣкамъ даютъ, такъ и это совершенная истина. Источнику, даже самому малому, очень

нетрудно хорошей рѣкой сдѣлаться, только одно условіе требуется: понравиться нужно.

— Отчего же ты самъ...

— Удачи мнѣ не было — вотъ почему. Это вѣдь, сударь, тоже какъ кому. Иной, кажется, и не слишкомъ уменъ, а только взглянетъ на лицо начальничье, сейчасъ истинную потребность видитъ; другой же и долго глядитъ, а ничего различить не можетъ. Я тоже однажды «понравиться» хотѣлъ, анъ, замѣсто того, совсѣмъ для меня другой оборотъ вышелъ.

— Бѣдный ты, бѣдный!

— Да, сударь. Состоялъ я въ то время подъ слѣдствіемъ, по дѣлу о злоупотребленіи помѣщичьей власти, и пріѣхалъ въ губернію хлопотать. Туда-сюда, только и говоритъ мнѣ одинъ человѣкъ: дѣло твое, говоритъ, даже очень хорошо направить можно, только постарайся *ему* понравиться. И научилъ онъ меня, знаете, нàсмѣхъ: съѣзди, говоритъ, къ обѣдни, вынь за здравіе просвирку и свези *ему*: страсть, какъ онъ это любитъ! Тàкъ я и сдѣлалъ. Пріѣзжаю это къ нему, прошу доложить, а самъ просвирку въ рукѣ держу. Выходитъ. Взялъ мою просвирку, повертѣлъ въ рукахъ, разломилъ пополамъ, потомъ на четверо... И вдругъ: такъ ты, говоритъ, боговдухновенную взятку мнѣ хотѣлъ всучить... вонъ!!

— Не понравился, значитъ?

— То-то, что я совѣтъ-то того человѣка не въ надлежащей силѣ понялъ. Просвирки-то *онъ* дѣйствительно любилъ, да съ начинкою.

— Стало быть, еслибъ ты въ ту пору истинную потребность угадалъ, такъ, можетъ, и теперь бы теченіе имѣлъ, да выкупными свидѣтельствами поигрывалъ.

— Безпремѣнно-съ. «Понравиться» — въ этомъ вся наша здѣшняя жизнь состоитъ. Вотъ, напримѣръ, съ

однимъ моимъ знакомымъ какой случай былъ. Начальникъ у него былъ въ родѣ какъ омраченный. Всѣ дѣла департаментскія на цифры переложилъ, на всякій предметъ свою особую форму вѣдомости преподалъ и строго-престрого слѣдилъ, чтобы ни въ одной, значитъ, графѣ ни одного пустого мѣста не оставалось. Только однажды подали ему вѣдомость — онъ ее и такъ и этакъ, и сверху внизъ, и снизу вверхъ, и поперёкъ — недостаетъ четь копѣйки да и шабашъ! Взбунтовалъ весь департаментъ, ищутъ, шарятъ — нѣтъ четь копѣйки! А онъ, знакомый-то мой, зналъ. Пришелъ это прямо къ начальнику предъ лицо, и говоритъ: вотъ она! И точно, стали это, по указанью его, провѣрять — тутъ какъ тутъ! Сейчасъ это его въ баню сводили, на счетъ канцелярскихъ остатковъ вымыли, одѣли, обули — и первымъ человѣкомъ сдѣлали!

Примѣръ этотъ навелъ насъ на мысль, что, независимо отъ умѣнья «понравиться», въ жизни русскаго человѣка играетъ немаловажную роль и волшебство.

— Загляните въ любую книжку «Русской Старины», «Русскаго Архива» — что̀ найдете вы тамъ, кромѣ фактовъ самаго поразительнаго волшебства? выразилъ свое мнѣніе Глумовъ.

— Да что̀, сударь, въ «Русскую Старину» заглядывать — и нынче этого волшебства даже очень достаточно, подтвердилъ Очищенной: — такъ довольно, что иногда человѣкъ даже не мыслитъ ни о чемъ — анъ съ нимъ переворотъ. На моей еще памяти случай-то этотъ былъ, что мылись два человѣка въ банѣ: одинъ — постарше, а другой — молодой. Только постарше-то который и спрашиваетъ молодого: какіе, по твоему мнѣнію, молодой человѣкъ, необходимѣйшіе законы, въ настоящее время, къ изданію потребны? Тотъ взялъ да и назвалъ. И что̀жъ! на другой день за нимъ—курьеръ!

Посадили раба божьяго въ тележку, привозятъ: «извольте, говоритъ, тѣ самые законы написать, о которыхъ вчера въ извѣстномъ вамъ мѣстѣ сужденіе имѣли!» Ну, онъ сѣлъ и написалъ. Да какъ еще написалъ-то: въ трехъ строкахъ всю, что̀ ни на есть подноготную изобразилъ! А теперь у него, сударь, тысяча душъ въ Саратовской губерніи, да домъ у Харламова моста, да дочь свою онъ за камеръ-юнкера отдалъ... И все черезъ то, что настоящую минуту изобралъ, когда въ баню идти! Ка̀къ вы скажете: отъ себя ему эта мысль пришла, или отъ предопредѣленія?

— Вотъ кабы и намъ... началъ-было я, увлеченный перспективами волшебства, но Глумовъ не далъ мнѣ кончить.

— Не желай, сказалъ онъ: — во-первыхъ, только тотъ человѣкъ истинно счастливъ, который умѣетъ довольствоваться скромною участью, предоставленною ему Провидѣніемъ, а во-вторыхъ, нелегко, мой другъ, изъ золотарей вышедши, на высотахъ балансировать! Хорошо, какъ у тебя настолько характера есть, чтобъ не возгордиться и не превознестись, но горе, ежели ты хотя на минуту позабудешь о своемъ недавнемъ золотарствѣ! Волшебство, которое тебя вознесло,—оно же и низвергнетъ тебя! Иванъ Иванычъ, правду я говорю?

— Правду, сударь, потому все въ мірѣ волшебство отъ начальства происходитъ. А начальство, доложу вамъ, это такой предметъ: сегодня онъ дастъ, а завтра опять обратно возьметъ. Получать-то пріятно, а отдавать-то ужъ и горьконько. Поэтому, я такъ думаю: тотъ только человѣкъ счастливымъ почесться можетъ, который на пути своемъ совсѣмъ начальства избѣжать изловчится.

— Чудакъ! да ка̀къ же ты его избѣгнешь, коли оно всегда тутъ, передъ тобой?

— Коли совсѣмъ нельзя избѣгнуть, тогда, конечно,

дѣлать нѣчего: значитъ, на роду такъ написано. Но коли мало-мальски возможность есть — избѣгай! всѣ силы-мѣры употреби, а избѣгай!

— Трудно, голубчикъ, вотъ что̀!

— И труда большого нѣтъ, ежели политику какъ слѣдуетъ вести. Придетъ, напримѣръ, начальство въ департаментъ — встань и поклонись; къ докладу тебя потребуютъ—явись; вопросъ предложитъ — отвѣть что̀ нужно, а разговоровъ не затѣвай. Вышелъ изъ департамента — позабудь. Коли видишь, что начальникъ по улицѣ встрѣчу идетъ — зайди въ кондитерскую или на другую сторону перебѣги. Коли столкнешься съ начальникомъ въ жиломъ помѣщеніи—отвернись, скоси глаза...

— Однако, братъ—это наука!

— Вся наша жизнь есть наука, сударь, съ тою лишь разницей, что обыкновенныя, настоящія науки проникать учатъ, а жизнь, напротивъ того, устраняться отъ проникновенія внушаетъ. И только тогда, когда человѣкъ вотъ эту, жизненную-то, науку себѣ усвоитъ, только тогда онъ и можетъ съ нѣкоторою увѣренностью воскликнуть: да, быть можетъ, и мнѣ Господь Богъ пошлетъ собственною смертью умереть!

Очищенный на мгновеніе потупился. Быть можетъ, его осѣнила въ эту минуту мысль, достаточно-ли онъ самъ жизненную науку проникъ, чтобы съ увѣренностью надѣяться на «собственную» смерть? Однако, такъ какъ печальныя мысли вообще не задерживались долго у него въ головѣ, то, немного погодя, онъ встряхнулся и продолжалъ:

— Даже въ любви къ начальству — и тутъ отъ неумѣренныхъ выраженій воздерживаться надлежитъ. Вотъ какъ жизненная-то наука намъ приказываетъ!

— Примѣръ, голубчикъ! примѣръ!

— Разскажу я вамъ, сударь, повѣсть объ одномъ стат-

скомъ совѣтникѣ, который любовью своей двухъ начальниковъ въ гробъ вколотилъ, а отъ третьяго и самъ, наконецъ, возмездіе принялъ. Жилъ-былъ статскій совѣтникъ, и такъ онъ своего начальника возлюбилъ, что даже мнилъ его безсмертнымъ. Куда, бывало, ни пойдетъ начальникъ—всюду статскій совѣтникъ на цыпочкахъ за нимъ слѣдуетъ; куда, бывало, ни взглянетъ начальникъ, на всякомъ мѣстѣ статскій совѣтникъ противъ него очутится: сидитъ, скрестивши на груди руки, и на него глядитъ. Ну, поначалу, генералу эта преданность нравилась, однако, съ теченіемъ времени, сталъ онъ, мало-по-малу, задумываться: что̀-молъ такое это значитъ? и нѣтъ-ли тутъ покушенія какого-нибудь? Потому что вѣдь съ этими статскими совѣтниками—бѣда! какъ разъ приворотнаго зѣлья подсыплетъ — только и видѣли! И началъ онъ его отъ этой любви отъучать. Всячески отъучалъ: и наградами обходилъ, и на цѣпь сажалъ, и даже подъ судъ однажды отдалъ. Неймется, да и шабашъ! Чѣмъ больше наказываютъ, тѣмъ шибче да шибче въ статскомъ совѣтникѣ сердце разгорается. И вдругъ, отъ этой-ли причины, или отъ чего другого, только началъ начальникъ хирѣть. Хирѣлъ-хирѣлъ да и померъ. Возропталъ тогда статскій совѣтникъ, не токмо департаментъ, но и сторожевскую, стонами огласилъ. «Когда-то еще, говоритъ, намъ новаго начальника дадутъ, а до тѣхъ поръ кто съ нами по всей строгости поступать будетъ!» Однако, послалъ Богъ ему милость: не успѣлъ онъ глаза просушить, какъ ужь назначили имъ новаго начальника. Прибылъ въ департаментъ новый генералъ, и какъ былъ на счетъ статскаго совѣтника предупрежденъ, то призвалъ его предъ лицо свое и сказалъ: предмѣстникъ мой далъ тебѣ раны, азъ же дамъ ти скорпіоны. Что̀ же, однако, вы думаете! даже и этимъ статскій совѣтникъ не унялся. Скорпіоны, такъ скор-

піоны! сказалъ онъ въ сердцѣ своемъ, и возлюбилъ новаго начальника пуще, нежели прежняго. И доканалъ-таки его! Пришелъ однажды скорпіонщикъ въ департаментъ, да на любовь статскаго совѣтника такое вдругъ встрѣчу слово пустилъ, что тутъ же имъ и подавился. И опять возроптал статскій совѣтникъ; идетъ это за гробомъ и прямо народъ бунтуетъ. «Вотъ, говоритъ, велятъ на Провидѣніе надѣяться, а гдѣ оно?» Увидѣли тогда, что дѣло-то выходитъ серьёзное и безъ потери времени прислали въ тотъ департаментъ третьяго начальника. Прибылъ онъ къ мѣсту служенія, свѣжій да свѣтлый — весь, словно новый мѣдный пятакъ, горитъ! Призвалъ-это статскаго совѣтника предъ лицо свое и повелъ къ нему такую рѣчь: одинъ мой предмѣстникъ далъ тебѣ раны, другой—скорпіоны, азъ же, дабы строптитвый твой нравъ навсегда упразднить, истолку тебя въ ступѣ!» И истолокъ-съ.

— Браво! какъ-то невольно сорвалось у насъ. Но, разумѣется, мы сейчасъ же поняли, что восклицаніе это неумѣстно и даже жестоко.

— Слушай, другъ! поспѣшилъ поправиться Глумовъ:— вѣдь это такой сюжетъ, что изъ него цѣлый романъ выкроить можно. Я и заглавіе придумалъ: «Плоды подчиненнаго распутства, или Смерть двухъ начальниковъ и вызванное оною мѣропріятіе со стороны третьяго». Написать да фельётонцемъ въ «Красѣ Демидрона» и пустить... а? кàкъ ты думаешь, хозяева твои примутъ?

— Помилуйте! съ удовольствіемъ-съ!

— А я такъ, напротивъ, полагаю, что сюжетъ этотъ не романомъ, а трагедіей пахнетъ, возразилъ я. — Помилуйте! съ одной стороны такая сила беззавѣтной любви, а съ другой — раны, скорпіоны, и, наконецъ, толкачъ! Вѣдь его чинами обходили, на цѣпь сажали,

подъ судъ отдали, а онъ все продолжалъ любить! Это-ли не трагедія?

Завязался эстетическій споръ. Глумовъ, главнѣйшимъ образомъ, основывалъ свое мнѣніе на томъ, что романъ можно изо всего сдѣлать, даже если и нѣтъ у автора данныхъ для дѣйствительнаго содержанія. Возьми четыре-пять главныхъ дѣйствующихъ лицъ (статскій совѣтникъ, два убіенные начальника, одинъ начальникъ карающій и экзекуторъ, онъ же и казначей), прибавь къ нимъ, въ качествѣ второстепенныхъ лицъ, нѣсколько канцелярскихъ чиновниковъ, курьеровъ и сторожей, для любовнаго элемента введи парочку просительницъ, скомпонуй рядъ любовныхъ сценъ (между статскимъ совѣтникомъ и начальствомъ съ одной стороны, и начальствомъ и просительницами — съ другой), присовокупи нѣсколько упражненій въ описательномъ родѣ, смочи все это психологическимъ анализомъ, поставь въ вольный духъ и жди, покуда не зарумянится. Напротивъ того, трагедія никакихъ околичностей не терпитъ, а прямо требуетъ дѣла. Чтобъ и начало, и середина, и конецъ—все чтобы на лицо было, а не то, чтобы такъ: гдѣ надоѣло, тамъ и бросилъ.

— Ну, какую ты, напримѣръ, трагедію изъ этого статскаго совѣтника выжмешь? пояснилъ онъ свою мысль:— любовь его однообразная, почти безпричинная, слѣдовательно, никакихъ данныхъ ни для драматической экспозиціи, ни для дальнѣйшей разработки не представляетъ; прекращается она—тоже какъ-то черезчуръ ужь просто и нелѣпо: толкачемъ! Вѣдь изъ этого матеріала, хоть тресни, больше одного акта не выкроишь!

— Но вѣдь вся наша жизнь, мой другъ, такова! постарался я возразить: — неужтожь, по твоему, изъ всей нашей жизни ничего путнаго сдѣлать нельзя?

— И жизнь у насъ — одноактная. Экспозицій у

насъ и само по себѣ не существуетъ, да, къ тому же, и начальство въ оба смотритъ! Чуть что затѣялось — сейчасъ распоряженіе, и «занавѣсъ опускается».

— Глумовъ! да ты вспомни только! Идетъ человѣкъ по улицѣ и вдругъ — фюить! Ужели это не трагедія?

— Я и не говорю, что это не трагедія, да представлять-то нѣчего. Явленіе первое и послѣднее—и шабашъ.

— Это такъ точно, согласился съ Глумовымъ и Очищенный: — хотя у насъ трагедій и довольно бываетъ, но такъ какъ онѣ, по большой части, скоропостижный характеръ имѣютъ, оттого и на акты дѣлить ихъ затруднительно. А, притомъ, позвольте еще доложить: какъ мы, можно сказать, съ малолѣтства промежду скоропостижныхъ трагедіевъ ходимъ, то современемъ такъ привыкаемъ къ нимъ, что хоть и видимъ трагедію, а въ мысляхъ думаемъ, что это просто «такая жизнь».

Замѣчаніе это вывело на сцену новую тэму: «привычка къ трагедіямъ». Какого рода вліяніе оказываетъ на жизнь «привычка къ трагедіямъ»? Облегчаетъ-ли она жизненный процессъ, или же, напротивъ того, сообщаетъ ему новую трагическую окраску, и, притомъ, еще болѣе горькую и удручающую? Я былъ на сторонѣ послѣдняго мнѣнія, но Глумовъ и Очищенный, напротивъ, утверждали, что только тому и живется легко, кто до того принюхался къ трагическимъ запахамъ, что ничего ужъ и различить не можетъ.

— Да вѣдь это именно настоящая трагедія и есть! горячился я: — подумайте! развѣ не ужасно видѣть эти легіоны людей, которые всю жизнь ходятъ «промежду трагедіевъ» — и даже не понимаютъ этого! Воля ваша, а это такая трагедія—и, притомъ, не въ одномъ, а въ безчисленномъ множествѣ актовъ — объ которой даже помыслить безъ содроганія трудно!

— То-то, что по нашему мѣсту не мыслить надобно,

а почаще вспоминать, что выше лба уши не ростутъ! возразилъ Очищенный: — тогда и жизнь своимъ чередомъ пойдетъ, и даже сами не замѣтите, какъ время постепенно пролетитъ!

— Правильно! поддержалъ его Глумовъ.

— Зналъ я, сударь, одного человѣка, такъ онъ, покуда не понималъ—благоденствовалъ; а понялъ — удавился!

— Вѣрно! А знаешь-ли, Иванъ Иванычъ, вѣдь ты — преумный! Только вотъ словно протухъ немного...

Очищенный пріосанился.

— Или вотъ хоть бы про запой, продолжалъ онъ: — вы думаете, отчего онъ бываетъ? Конечно, и тутъ неглижеровка ролю играетъ, однакожъ, который человѣкъ не «понимаетъ» — тотъ не запьетъ.

— А вы когда-нибудь запивали, Иванъ Иванычъ? полюбопытствовалъ я.

— Было время — ужасти, какъ тосковалъ! Ну, а теперь Богъ хранитъ. Постепенно я во всякое время выпить могу, но чтобы тàкъ: три недѣли не пить, а недѣлю чертить — этого нѣтъ! Живу я смирно, вникать не желаю; чтò и вижу, такъ стараюсь не видѣть — оттого и скриплю. Помилуйте! при моихъ обстоятельствахъ, да ежели бы еще вникать — развѣ я былъ бы живъ! А я себя такъ обшлифовалъ, что хоть на куски меня рѣжь, мнѣ и горюшка мало!

Это было высказано съ такою беззавѣтною искренностью, что Глумовъ не выдержалъ и поцаловалъ старика въ лобъ.

— Ни гордости, ни притязательности во мнѣ нѣтъ, а отъ кляузъ да сутяжничества я и подавно убѣгаю, продолжалъ Очищенный, очевидно, поощренный лаской Глумова. — Ежели оскорбленіе мнѣ нанесутъ—отъ вознагражденія не откажусь, а въ судъ не пойду. Отто-

го всѣ меня и любятъ. И у Дарьи Семеновны любили, и у Марцинкевича любили. Даже теперь: приду въ кварталъ—сейчасъ дежурный помощникъ табакомъ подчуетъ!

— Вотъ и насъ тоже... машинально произнесъ я.

— И васъ тоже. Покуда вы вникали — никто васъ не любилъ, а перестали вникать — всѣ къ вамъ съ довѣріемъ! Вотъ хоть бы, напримѣръ, уставъ о благопристойности...

— Гм... да, уставъ! какъ-то загадочно пробормоталъ Глумовъ.

Я взглянулъ на моего друга, и, къ великому огорченію, замѣтилъ въ немъ большую перемѣну. Онъ, который еще такъ недавно принималъ живое участіе въ нашихъ благонамѣренныхъ преніяхъ, въ настоящую минуту казался утомленнымъ, почти раздраженнымъ. Мало того: онъ угрюмо ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, чт̀о, по моему наблюденію, означало, что его начинаетъ мутить отъ разговоровъ. Но Очищенный ничего этого не замѣчалъ и продолжалъ:

— И вообще скажу: чѣмъ болѣе мы стараемся проникать, тѣмъ больше получаемъ щелчковъ. Умъ-то, знаете, у насъ выспрь бѣжитъ, а оттуда ему — щелкъ да щелкъ! И резонно. Не чета намъ люди бываютъ, да и тѣ, ежели по сторонамъ засматриваются, такъ въ канаву попадаютъ. По моему, т̀акъ: сытъ, обутъ, одѣтъ—ну, и молчи. Коли ты ведешь себя благородно — и съ тобой всякій благородно. Коли ты никого не трогаешь — и тебя никто не тронетъ; коли ты ко всѣмъ съ удовольствіемъ — и къ тебѣ всѣ съ удовольствіемъ! Полегоньку да потихоньку — анъ жизнь-то и прошла! Такъ-ли я, сударь, говорю?

— Прррравильно! воскликнулъ Глумовъ, очевидно, уже ожесточаясь.

— Покойная Дарья Семеновна говаривала: жизнь на-

ша здѣшняя подобна селянкѣ, которую въ Малоярославскомъ трактирѣ подаютъ. Коли ѣшь ее смаху, ложка за ложкой — ничего, словно какъ и ѣда; а коли начнешь ворошить да разглядывать — стошнитъ!

— Прррравильно! вновь воскликнулъ Глумовъ и при этомъ остановился прямо противъ Очищеннаго, выпучилъ глаза и зубы стиснулъ. Однако, Очищенный и тутъ не понялъ.

— Былъ у меня, доложу вамъ, знакомый дѣйствительный статскій совѣтникъ, который къ Дарьѣ Семеновнѣ по утрамъ хаживалъ, такъ онъ мнѣ разсказывалъ, почему онъ именно утромъ, а не вечеромъ ходитъ. Утромъ, говоритъ, я всталъ, умылся...

— Воняетъ! шабашъ! вдругъ крикнулъ Глумовъ, но на этотъ разъ уже такимъ громовымъ голосомъ, что Очищенный инстинктивно вытянулъ впередъ шею, какъ бы готовясь къ принятію удара.

X.

Къ чести Глумова должно сказать, что онъ, по первому моему слову, нетолько протянулъ руку Очищенному, но даже извинился, что не можетъ сейчасъ же уплатить что̀ слѣдуетъ по таксѣ о вознагражденіи за оскорбленіе словомъ, потому что мелкихъ денегъ нѣтъ.

— Все равно-съ, послѣ разомъ за все отдадите! отозвался добродушный старикъ, которому, повидимому, было даже пріятнѣе получить сразу болѣе или менѣе крупный кушъ, нежели въ нѣсколько пріемовъ по двугривенному.

Такимъ образомъ, миръ былъ заключенъ, и мы въ самомъ пріятномъ расположеніи духа сѣли за обѣдъ. Но что̀ еще пріятнѣе: несмотря на обильный завтракъ у Балалайкина, Очищенный ѣлъ и пилъ совершенно такъ, какъ будто все происходившее утромъ было не болѣе, какъ пріятный сонъ. Каждое кушанье онъ смаковалъ и по поводу каждаго подавалъ драгоцѣнные совѣты, перемѣшивая ихъ съ размышленіями и афоризмами изъ области высшей морали.

— Провизію надо покупать умѣючи, говорилъ онъ:— какъ во всякомъ дѣлѣ вообще необходимо съ твердыми

познаніями приступать, такъ и тутъ. Знающій — выигрываетъ, а незнающій — проигрываетъ. Вотъ, напримѣръ, ветчину, языки и вообще копченье — надо въ Мучномъ переулкѣ пріобрѣтать; рыбу — на Мытномъ; живность, коли у кого времени достаточно есть — на заставахъ у мужичковъ подстерегать. Многіе у мужичковъ даже задаромъ отнимаютъ, но я этого не одобряю.

— Не одобряешь?

— Нѣтъ, не одобряю, потому что такого закона нѣтъ. А на тотъ предметъ, чтобы безъ ущерба для ближняго экономію всякій въ своей жизни наблюдалъ — такой законъ есть. А затѣмъ, я вамъ и еще доложу: даже иностранное вино, ежели оно ворованное, очень недорого купить можно.

— Ахъ, голубчикъ! нельзя-ли намъ бутылочекъ съ пятокъ на пробу предоставить?

— Съ удовольствіемъ. Вино, позвольте вамъ сказать, и краденное покупать не грѣхъ, потому что оно отъ избытка. Въ которомъ домѣ избытокъ — служитель отложитъ, что̀ противъ препорціи, къ сторонкѣ, и продастъ. Многіе даже мясо потаенное покупаютъ...

— Неужто и мясо?

— Очень даже легко-съ. Сто̀итъ только съ поварами знакомство свесть — и мясо, и дичь, все будетъ. Вообще, коли кто съ умомъ живетъ, тотъ и въ Петербургѣ можетъ на свои средства обернуться.

— Примѣръ можешь представить?

— Могу-съ. Зналъ я одного отставного ротмистра, который, отъ рожденья, самое среднее состояніе имѣлъ, а между тѣмъ, каждонедѣльно банкеты задавалъ, и, между прочимъ, даже одного румынскаго полководца у себя за столомъ принималъ. А отъ чего? — отъ того, сударь, что съ клубными поварами былъ знакомъ! Въ клубѣ-то по субботамъ обѣдъ, ну, остатки, то да сё,

ночью все это къ ротмистру сволокутъ, а на завтра у него полководецъ пищу принимаетъ.

— Да ты и клубскаго-то повара не знаешь-ли?

— Помилуйте, даже очень близко. Вы только спросите, кого я не знаю... всѣхъ знаю! Мнѣ каждый торговецъ, противъ обыкновеннаго покупателя, двадцать-тридцать процентовъ уступитъ — вотъ я вамъ какъ доложу! Пришелъ я сейчасъ въ лавку, спросилъ фунтъ икры — мнѣ фунтъ съ четвертью отвѣшиваютъ! спросилъ фунтъ миндалю — мнѣ изюму четверку на придачу завертываютъ! Въ трактиръ пришелъ, спросилъ три рюмки водки—мнѣ четвертую наливаютъ. За три плачу, четвертая — въ знакъ уваженія!

— Послушай! да вѣдь это волшебство!

Но Очищенный не слышалъ восклицанія. Представленіе о закускахъ, повидимому, ожесточало его, потому что на губахъ у него показалась пѣна и глаза слегка помутились.

— Или опять, приду я, примѣрно, къ Доминику, продолжалъ онъ:—народу пропасть, ходятъ, бродятъ, одинъ вошелъ, другой вышелъ; служителя тоже въ разбродѣ — кому тутъ за тобой услѣдить! Съѣшь три куска кулебяки, а говоришь: одинъ!

— И всегда это тебѣ сходило съ рукъ?

— Однажды только недоразумѣніе вышло. Ну, съ мѣсяцъ послѣ того не ходилъ, а потомъ поправился — и опять сталъ ходить!

— Слушай-ка! да ты не служилъ-ли въ Взаимномъ Кредитѣ, что коммерческія-то операціи такъ хорошо знаешь?

— Служить не служилъ, а издали точно-что присматривался. Только тамъ, знаете, колесо большое, а у меня — маленькое. А кабы у меня побольше колесцо...

Очищенный на минуту задумался, не то ропща на Про-

видѣніе, не то соображая, что̀ бы вышло, еслибъ ему выпало на долю большое колесо.

— Помилуйте! сказалъ онъ, наконецъ: — кругомъ, можно сказать, тетерева сидятъ — какъ тутъ пользы не получить! Вотъ хоть бы господинъ Юханцевъ...

— Да, но вѣдь и по владимірке-то съ бубновымъ тузомъ тоже не лестно понтировать!

— За то онъ программу свою въ совершенствѣ выполнилъ. А тузы, я вамъ доложу, всѣ одинаковы. По мнѣ, хоть всѣ четыре разомъ наклеи, да только удовольствіе мнѣ предоставь!

Словомъ сказать, постепенно обмѣниваясь мыслями, мы очень пріятно пообѣдали. Послѣ обѣда вздумали-было въ табельку съиграть, но почтенный старикъ отказакался наотрѣзъ.

— Въ молодости я тоже былъ охотникъ поиграть, сказалъ онъ: — да однажды мнѣ въ Лебедяни ребро за игру переломили, такъ я съ тѣхъ поръ и далъ обѣщаніе не прикасаться къ этимъ проклятымъ картамъ. И что̀ такое со мною въ ту пору они сдѣлали — такъ это даже разсказать словами нельзя! Въ больницѣ два мѣсяца при смерти вылежалъ!

Отказъ этотъ былъ, впрочемъ, очень кстати, потому что мы вспомнили, что намъ предстоитъ еще поработать надъ уставомъ о благопристойности.

Прежде всего, намъ необходимо было уяснить себѣ цѣль, къ которой должны клониться наши труды. Не имѣя подъ руками ни историческаго обзора благопристойности, ни обозрѣнія современныхъ законодательствъ по этому предмету, ни даже свода мнѣній будочниковъ, мы поняли, что намъ остается одинъ рессурсъ—это выдумать какую-нибудь «идею», которая остерегла бы насъ отъ разбросанности и дала бы возможность сообщить нашему труду необходимое единство. Уставъ, проекти-

рованный Прудентовымъ, довольно прозрачно указывалъ на существованіе такой «идеи». Онъ говорилъ: «внутреннюю же благопристойность всего удобнѣе наблюдать въ собственныхъ квартирахъ обывателей». И такъ, подъ знаменемъ внутренней благопристойности, входъ въ квартиры — вотъ цѣль, къ которой надлежало стремиться.

— Имѣя въ виду эту цѣль, формулировалъ общую мысль Глумовъ:—я прежде всего полагалъ бы: статью четвертую «Общихъ началъ» изложить въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, приблизительно такъ: «Внѣшняя благопристойность выражается въ дѣйствіяхъ и тѣлодвиженіяхъ обывателя; внутренняя—созидаетъ себѣ храмъ въ сердцѣ его, *гдѣ, на ряду съ нею, свиваетъ себѣ гнѣздо и внутренняя неблагопристойность, то-есть злая и порочная человѣческая воля.* На семъ основаніи, наиболѣе приличными мѣстами для наблюденія за первою признаются: улицы, площади и публичныя мѣста; послѣднюю же всего удобнѣе наблюдать въ собственныхъ квартирахъ обывателей, *такъ какъ въ нихъ злая и порочная воля преимущественно находитъ себѣ убѣжище, или въ видѣ простого попустительства или же, чаще всего, въ видѣ прямого пособничества»*. Согласны?

— Согласны! отвѣтили мы въ одинъ голосъ.

— Ну, а теперь нужно отвѣтить на вопросъ: что̀ такое входъ въ квартиру? Иванъ Иванычъ! сказывай свое мнѣніе!

— По моему, входъ въ квартиру — это означаетъ вступленіе въ оную...

— А вступленіе въ квартиру означаетъ входъ въ оную? Ахъ, голова! голова! развѣ законы такъ пишутъ? Это, братецъ, не водевиль, гдѣ допускаются каламбуры въ родѣ: «начальникъ отдѣленія—отдѣльная статья»! Это—уставъ! Ты ка̀къ? обратился Глумовъ ко мнѣ.

— По моему мнѣнію, входъ въ квартиру есть такое дѣйствіе, которое, будучи вызвано всегда присущею о нравственномъ положеніи обывателей благопопечительностью, требуетъ необходимыхъ, для достиженія его, осмотровъ и изслѣдованій.

— И отмычекъ-съ! скромно присовокупилъ Очищенный.

— И отмычекъ — именно такъ! прекрасно! даже въ университетѣ съ каѳедры лучше не сказать. Одно бы я прибавилъ: «Сіи послѣднія (то-есть, отмычки) затѣмъ преимущественно потребны, дабы злую и порочную волю въ послѣднихъ ея убѣжищахъ безъ труда обрѣтать». Позволите?

— Голубчикъ! да развѣ съ нашей стороны бывало когда-нибудь препятствіе?

— Итакъ, опредѣленіе найдено. Теперь необходимо только такимъ образомъ этотъ входъ обставить, чтобы никто ничего ненатуральнаго въ немъ не могъ найти. И знаете-ли, объ чемъ я мечтаю? нельзя-ли намъ, друзья, такъ наше дѣло устроить, чтобы обывателю даже пріятно было? Чтобы онъ, такъ сказать, всѣмъ сердцемъ? чтобы для него это посѣщеніе...

Глумовъ затруднился; Очищенный подсказалъ:

— Все равно, что гость пришелъ...

— Вотъ-вотъ-вотъ! Да и гость-то, чтобъ дорогой, желанный. Женихъ.

— Но ежели дѣйствіе происходитъ ночью? рискнулъ я возразить.

— Такъ чтòжъ, что ночью! Проснется, докажетъ свою благопристойность—и опять уснетъ! Да еще какъ уснетъ-то! слаще прежняго въ тысячу разъ!

— Именно, сударь, такъ! подтвердилъ и Очищенный: — меня, когда я подъ слѣдствіемъ по дѣлу объ убійствѣ Зона прикосновеннымъ былъ, не разъ этакъ

буживали. Встанешь, бывало, сейчасъ-это водки, закуски на столъ поставишь, покажешь свою совѣсть — и опять заснулъ! Однажды даже меня въ острогъ послѣ этого повели — я и тамъ крѣпко-прекрѣпко заснулъ!

— Такъ ты и въ острогѣ былъ?

— Вы меня только спросите, сударь, гдѣ я не бывалъ!

— Вотъ видишь, какъ оно легко, коли внутренняя-то благопристойность у человѣка въ исправности! А ежели въ тебѣ этого нѣтъ—значитъ ты самъ виноватъ. Тутъ, братъ, ежели и не придется тебѣ уснуть—на себя пеняй! Знаете-ли, что̀ я придумалъ, друзья? зачѣмъ намъ квартиры наши на ключи запирать? Давайте-ка безъ ключей... мило, благородно!

— А на случай воровъ ка̀къ?

— Гм... на случай воровъ! Ну, въ такомъ разѣ мы вотъ что̀ сдѣлаемъ: чтобы у всякой квартиры два ключа было, одинъ у жильца, а другой — въ кварталѣ!

Однако, предложеніе это возбудило споръ. Мы возражали оба, но въ моихъ возраженіяхъ играло главную роль просто инстинктивное безпокойство, тогда какъ возраженія Очищеннаго покоились на данныхъ несомнѣнно реальнаго свойства.

— А ежели, позволю васъ спросить, въ квартирѣ-то касса находится? протестовалъ онъ.

— Такъ что̀жь, что касса! Мы — божьи, и касса наша — божья!

— Ну, нѣтъ, съ этимъ позвольте не согласиться! Мы—это такъ! Но касса!!

Признаться, и я, вспомнивъ объ оставшихся у меня выкупныхъ свидѣтельствахъ, струхнулъ.

— Мы—это такъ! повторялъ я:—что̀ такое мы? Но... касса!!

И, подобно Очищенному, я поднималъ вверхъ указательный перстъ, въ знакъ неопровержимости довода.

Споръ завязался не шуточный; мы до того разгорячились, что подняли гвалтъ, а за гвалтомъ и не слыхали, какъ кто-то позвонилъ и вошелъ въ переднюю. Каково же было наше восхищеніе, когда передъ нами, словно изъ подъ земли, выросли... Прудентовъ и Молодкинъ!

— О чемъ, друзья, диспутъ держите? привѣтствовалъ насъ Прудентовъ, подавая мнѣ и Глумову руку. — А! и ты, старая корга, здѣсь? продолжалъ онъ, благосклонно обращаясь къ Очищенному.

— Знакомы? обрадовался я.

— Съ нимъ-то! да онъ у насъ завсегда въ понятыхъ ходитъ! Полтину въ зубы — и маршъ! А вѣдь мы къ вамъ, друзья, вечерокъ провести собрались! добавилъ онъ, вновь пожимая намъ руки.

— Флегонтъ Васильичъ! Аѳанасій Семенычъ! голубчики! Чѣмъ подчивать! водки, что̀-ли, подать?

— Водки своимъ чередомъ, а вотъ еще что̀: Иванъ Тимофеичъ самолично къ вамъ будетъ. Онъ теперь къ Парамонову уѣхалъ, а оттуда—къ вамъ. На счетъ церемоніалу свадебнаго условиться. Мы и за Балалайкинымъ пожарнаго послали, чтобъ черезъ часъ безпремѣнно здѣсь былъ!

— Господи! а мы-то! вѣдь мы даже не изготовились!

— Ничего, Иванъ Тимофеичъ проститъ. Онъ — парень простой, простыня человѣкъ. Рюмка водки, кусочекъ чернаго хлѣба на закуску, а главное, чтобъ превратныхъ идей не было — вотъ и все!

— А мы только-что было за уставъ принялись! Господи! да не нужно-ли чего-нибудь? Вина? блюдо какое-нибудь особенное, чтобы по вкусу Ивану Тимофеичу? Говорите! приказывайте! Можетъ быть, онъ разсказы изъ русскаго или изъ еврейскаго быта любитъ, такъ и за разсказщикомъ спосылать можно!

— Ничего не надо, не обременяйте себя, друзья! Коли есть что̀ въ домѣ — прикажите подать, мы не откажемся. А что̀ касается до разскащикивъ, такъ не трудитесь и посылать. Сегодня у нашего подчаска жена имянинница, такъ по этому случаю къ нимъ въ квартиру всѣ разскащики на померанцевый настой слетѣлись.

XI.

Разумѣется, несмотря на оговорки Прудентова, мы немедленно сдѣлали всѣ распоряженія, чтобы на славу отпраздновать посѣщеніе дорогихъ гостей. Затѣмъ, мы сообщили Прудентову тѣ соображенія, вслѣдствіе которыхъ мы нашли полезнымъ ввести нѣкоторыя измѣненія въ «Общія начала» устава о благопристойности, и встрѣтили съ его стороны полное одобреніе нашей законодательной дѣятельности.

Этотъ дружескій обмѣнъ мыслей привелъ насъ въ самое пріятное расположеніе духа, а дабы скрѣпить нашъ союзъ прочно и навсегда, Прудентовъ и Молодкинъ сообщили намъ краткія біографическія о себѣ свѣдѣнія, чѣмъ, разумѣется, и насъ вызвали на взаимность.

— Я — вятчанинъ, повѣдалъ намъ Прудентовъ: — отецъ мой былъ первоначально протодіакономъ, но, впослѣдствіи, за совершенное преступленіе, былъ лишенъ сана и приговоренъ къ ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Сибири. Пожелавши, однако, остаться на родинѣ, онъ изъявилъ готовность принять должность ката, въ каковой и былъ губернскимъ правленіемъ утвержденъ. Я былъ въ то время малолѣтнимъ, но уже и тогда поло-

жилъ въ сердцѣ своемъ нигдѣ не служить, кромѣ какъ по полиціи. А потому, образовавши свой умъ и сердце лишь настолько, насколько это потребно для занятія должности паспортиста—сродственникъ у меня въ этой должности въ Петербургѣ состоялъ, такъ отъ него я объ ней слышалъ—отправился, по достиженіи совершеннаго возраста, въ Петербургъ. Здѣсь моя біографія уже прекращается и начинается формулярный о службѣ списокъ. Пять лѣтъ въ ожиданіи мѣста паспортиста, я прослужилъ писцомъ; послѣ того, въ теченіи восьми лѣтъ состоялъ паспортистомъ, а, наконецъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, опредѣленъ въ кварталъ письмоводителемъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, произведенъ въ первый чинъ коллежскаго регистратора, а затѣмъ, будучи постепенно повышаемъ, нынѣ состою въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

— И ничего — живешь?

— Какъ видите, друзья! Живу и не ропщу, хотя, съ другой стороны, не могу не сказать, что нынче противъ прежняго — куда сдѣлалось труднѣе.

— Что̀ такъ?

— Да почесть, что однимъ засвидѣтельствованіемъ рукъ и пробавляемся. Прежде, бывало, выйдешь на улицу — куда ни обернешься, вездѣ источники видишь, а нынче у насъ въ вѣдѣніи только сколка льду на улицахъ да бунты остались, прочее же все по разнымъ вѣдомствамъ разбрелось. А я, между прочимъ, твердо въ своемъ сердцѣ положилъ: какова пора ни мѣра, а во всякомъ случаѣ, десять тысячъ накопить и на родину вернуться. Теперь судите сами: скоро-ли по копѣйкамъ экую уйму денегъ сколотишь?

— А ты приналягъ!

— То-то что...

Прудентовъ на минуту задумался, но потомъ вдругъ

зашевелилъ носомъ и сталъ къ чему-то принюхиваться. А такъ какъ именно въ этой самой комнатѣ хранились послѣднія мои выкупныя свидѣтельства, то я не на шутку испугался, и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Ну, а ты, Аѳанасій Семенычъ? обратился я къ Молодкину.

— А я-съ—во время пожара на дворѣ въ корзинкѣ найденъ былъ. И такъ какъ пожаръ произошелъ 2-го мая, въ день Аѳанасія Великаго, то покойный частный приставъ, Семенъ Иванычъ, и назвалъ меня, въ честь святого—Аѳанасіемъ, а въ свою честь — Семенычемъ. Обо мнѣ даже дѣло въ консисторіи было: слѣдуетъ-ли, значитъ, меня крестить? однако, рѣшили: не слѣдуетъ. Такъ что я доподлинно и не знаю, крещеный-ли я.

— Ахъ, бѣда какая!

— И вообще у меня жизнь необыкновенная. Имянины, напримѣръ, я праздную, а день рожденія — нѣтъ.

— Такъ что по правдѣ-то даже сказать не можешь, родился ты-ли настоящимъ образомъ или такъ какъ-нибудь? пошутилъ Глумовъ.

— Дѣйствительно-съ. Знаю только, что при пожарной командѣ въ третьей Адмиралтейской части воспитаніе получилъ. Покойный Семенъ Иванычъ велѣлъ это меня на пожарную трубу положить и сказалъ при этомъ: Богъ дастъ, брантмейстеръ выйдетъ! И вышелъ-съ.

— А деньги копишь?

— Нѣтъ, мнѣ нѣзачѣмъ. Я на пожарѣ свѣтъ увидѣлъ, на пожарѣ же и жизнь кончу. Для кого мнѣ копить!

— Чудакъ! да ты бы женился!

— И жениться не вижу надобности, да и вообще склонности ни къ чему, кромѣ пожаровъ, не имѣю.

— Врешь, братъ! Вы, друзья, его про барышню расспросите! отозвался Прудентовъ.

— Было разъ—это точно. Спасъ я, однажды, барыш-

ню, изъ огня вытащилъ, только, должно быть, не остерегся при этомъ. Прихожу-это на другой день къ нимъ въ домъ, приказываю доложить, что, молъ, тотъ самый человѣкъ явился,—и что̀ же-съ! онѣ мнѣ съ прислугой десять рублей выслали. Тѣмъ мой романъ и кончился.

Мы съ участіемъ выслушали этотъ разсказъ и искренно пожалѣли о горькой судьбѣ Молодкина, который, изъ-за пожаровъ, поставленъ въ невозможность пользоваться семейными радостями, а слѣдовательно, не можетъ плодиться и множиться.

— Ну, а вы, обратился къ намъ Прудентовъ: — скажите же и о себѣ что̀-нибудь, друзья!

— Что — мы! Заблудшіе — вотъ мы что̀! отвѣчалъ за насъ обоихъ Глумовъ. — Дворяне... и при семъ безъ выкупныхъ свидѣтельствъ! Вотъ какова наша біографія.

— Ужь будто и совсѣмъ безъ выкупныхъ свидѣтельствъ?

Прудентовъ, очевидно, шутилъ, но я вспомнилъ, какъ онъ, нѣсколько минутъ тому назадъ, шевелилъ носомъ, и опять струхнулъ. Къ счастію, насъ избавилъ отъ отвѣта Балалайкинъ, который въ эту минуту какъ разъ подошелъ къ намъ на выручку.

Онъ явился во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и, по какому-то инстинктивному заблужденію—въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ. Словомъ сказать, хоть сейчасъ бери въ руки блюдо и ступай служить у Палкина. При этомъ отъ него такъ разило духами, что Глумовъ невольно воскликнулъ:

— И что̀ это у тебя за гнусная привычка, Балалайкинъ, всякій разъ въ Екатерининскомъ каналѣ купаться передъ тѣмъ, какъ въ гости идти!

— Это?—Violettes de Parme — вотъ какіе это духи! солгалъ Балалайкинъ и такъ неожиданно поднесъ об-

шлагъ рукава къ носу Очищеннаго, что тотъ три раза сряду чихнулъ.

Очевидно, Балалайкинъ разодѣлся на томъ основаніи, что разсчитывалъ, что его сейчасъ же припустятъ къ двоеженству, и потому, когда узналъ, что рѣчь идетъ только о предварительныхъ дѣйствіяхъ, то немедленно снялъ нитяныя перчатки и началъ лгать.

— Помилуйте! жаловался онъ:—ничего толкомъ разсказать не умѣютъ, заставляютъ надѣвать бѣлыя перчатки, скакать сломя голову... Да вы знаете-ли, что я одной кліенткѣ въ консультаціи долженъ былъ отказать, чтобъ не опоздать къ вамъ... Кто мнѣ за убытки заплатитъ?

— Ну, что̀ еще! Сложимся по двугривенному въ брата — вотъ и убытки твои! утѣшалъ его Глумовъ.

— Нѣтъ-съ, тутъ не двугривеннымъ пахнетъ-съ. Во-первыхъ, я вообще меньше ста рублей за консультацію не беру, а во-вторыхъ, эта кліентка... Это такая кліентка, я вамъ скажу, что ей самой сто рублей дать мало!

— Стало быть, изъ Фонарнаго переулка? полюбопытствовалъ Молодкинъ.

— Тамъ ужь откуда бы ни была, а есть такая кліентка. А кромѣ того, у меня сегодня третейскій судъ... какъ я рѣшу, такъ и будетъ?

— Соломонъ!

— Соломонъ не Соломонъ, а тысячу рублей за рѣшеніе пожалуйте!

Очень возможно, что Балалайкинъ пролгалъ бы такимъ образомъ до утра, но Глумовъ, съ свойственною ему откровенностью, прекратилъ его изліянія въ самомъ началѣ, крикнувъ:

— Балалайка! надоѣлъ!

Въ ожиданіи Ивана Тимофеича, мы усѣлись за чай и принялись благопотребно сквернословить. Что̀ лучше:

снисходительность-ли, но безъ послабленія, или же строгость, сопряженная съ невзираніемъ? — вотъ вопросъ, который въ то время волновалъ всѣ умы и который естественно послужилъ тэмою и для насъ. Прудентовъ былъ на сторонѣ снисходительности, и доказывалъ, что только та внутренняя политика преуспѣваетъ, которая умѣетъ привлекать къ себѣ сердца.

— Я, друзья, и съ заблуждающими, и съ незаблуждающими на своемъ вѣку не мало дѣла имѣлъ, говорилъ онъ: — и могу сказать одно: каждый въ своемъ родѣ. Заблуждающій хорошъ, ежели кто любитъ бесѣдовать; незаблуждающій — ежели кто любитъ выпить или, напримѣръ, на тройкѣ въ пикникъ проѣхаться!

— Ты говоришь: бесѣдовать? То-то вотъ, по нынѣшнему времени, это не лишнее-ли?

— Почему же-съ? Ежели о предметахъ, достойныхъ вниманія, и, притомъ, знаючи напередъ, что ничего изъ этого не выйдетъ — отчего же не побесѣдовать? Бесѣда бесѣдѣ тоже розь, друзья! Иная бесѣда такая бываетъ, что отъ нея никакого вреда, кромѣ какъ воняетъ. Какой же, значитъ, отъ этого вредъ? Купцы, напримѣръ, даже превосходно въ этомъ смыслѣ разговариваютъ.

— Да вѣдь заблуждающаго-то не прельстишь такой бесѣдой!

— А ежели онъ отказывается, такъ и пригрозить ему можно. Вообще, эта система самая настоящая: сперва снизойти, а потомъ помаленьку мѣры принимать. Точно также, доложу вамъ, и на счетъ издаваемыхъ въ разное время правилъ и руководствъ. Всегда надо такъ дѣло вести: чтобы съ первоначалу къ вольному обращенію направлять, а потомъ постепенно отъ онаго опступать...

. . . .

Наконецъ, въ одиннадцать часовъ, сильный звонокъ возвѣстилъ намъ о появленіи Ивана Тимофеича.

Онъ явился къ намъ весь сіяющій, въ мундирѣ съ коротенькими фалдочками, держа подъ мышками по бутылкѣ горскаго, которыя и поставилъ на столъ, сказавъ:

— Это вотъ вамъ отъ невѣсты... друзья! А завтра въ четыре часа просимъ хлѣба откушать!

Затѣмъ, вынулъ изъ кармана вязанный голубымъ бисеромъ кошелекъ и подалъ его Балалайкину.

— А вотъ это жениху — тебѣ! Ты посмотри, бисеръ-то какой... голубенькой! Сама невѣста вязала... бутончикъ! Ну, друзья! теперь я въ вашемъ распоряженіи! дѣлайте со мной что̀ хотите!

По этому слову мы, съ крикомъ «ура!», разомъ овладѣли туловищемъ дорогого гостя и начали его раскачивать.

Что̀ происходило потомъ, я помню до крайности смутно. Помню, что я напился почти мгновенно что Иванъ Тимофеичъ плясалъ, что Прудентовъ декламировалъ: «О ты, что въ горести напрасно», а Молодкинъ показывалъ руками, какъ выкидываютъ на каланчѣ шары во время пожаровъ.

Было совсѣмъ свѣтло, когда дорогіе гости собрались по домамъ. Но что̀ всего замѣчательнѣе, Иванъ Тимофеичъ, котораго въ полночь я видѣлъ уже совсѣмъ готовымъ и который и послѣ того ни на минуту не оставлялъ собесѣдованія съ графиномъ, подъ утро началъ постепенно трезвѣть, а къ семи часамъ вытрезвился окончательно.

— А теперь пора и къ рапорту! сказалъ онъ, надѣвая на голову трехуголку, и совершенно твердыми стопами прослѣдовалъ внизъ, въ сопровожденіи Прудентова и Молодкина.

XII.

На окраинахъ Петербурга, въ Нарвской и Каретной частяхъ и теперь встрѣчаются небольшіе каменные дома-особнячки, возбуждающіе въ проѣзжемъ людѣ зависть своею уютностью и хозяйственнымъ характеромъ обстановки. Обыкновенно, дома эти снабжены по улицѣ небольшими палисадниками, обсаженными липами и акаціями, а внутри — просторными дворами, гдѣ, помимо конюшень, амбаровъ и погребовъ, не въ рѣдкость найти и небольшое огороженное пространство, въ которомъ насажено нѣсколько кустовъ сирени и гдѣ-нибудь въ углу ютится плетеная бесѣдка, увитая бобовникомъ, осыпаннымъ краснымъ цвѣтомъ. Видъ этихъ жилищъ напоминаетъ провинцію, а въ особенности Замоскворѣчье, откуда, въ большинствѣ случаевъ, и появились первоначальные заселители этихъ мѣстъ. Проѣзжему человѣку сдается, что тутъ пожирается несмѣтное количество пироговъ съ начинкой и другого серьёзнаго харча, что въ хлѣвахъ отпаиваются бѣлоснѣжные поросята и откармливаются къ розговинамъ неподвижныя отъ жира свиньи, что на дворѣ гуляютъ стада куръ, а гдѣ-нибудь, въ наполненной водой ямѣ, полощутся утки. Все въ этихъ злачныхъ мѣстахъ поперекъ себя тол-

ще, и люди, и животныя. Хозяева — съ трудомъ могутъ продышать скопившіеся внутри храпы; кучеръ — отъ сытости не отличаетъ правую руку отъ лѣвой; дворникъ — стоитъ съ метлой у воротъ и брюхо объ косякъ чешетъ, кухарка — то и дѣло робятъ родитъ, а лошади, раскормленныя словно доменныя печи, какъ угорѣлыя выскакиваютъ изъ каретнаго сарая съ полною готовностью вонзитѣ дышло въ любую крѣпостную стѣну.

Именно въ одномъ изъ такихъ особнячковъ обитала Фаинушка, «штучка» купца Парамонова. Солидно и приземисто выглядывалъ ея домъ своими двумя этажами изъ-за ряда подстриженныхъ липъ и акацій, словно приглашая прохожаго наѣсться и выспаться, но, въ то же время, угрожая ему заливистымъ лаемъ двухъ псовъ, злобно скакавшихъ на цѣпяхъ по обѣимъ сторонамъ каменныхъ службъ. Верхній этажъ, о семи окнахъ на улицу, занимала сама хозяйка, въ нижнемъ помѣщался странствующій полководецъ, Полканъ Самсонычъ Редедя, года полтора тому назадъ возвратившійся изъ земли зулусовъ, гдѣ онъ командовалъ войсками короля Сетивайо противъ англичанъ, а теперь, въ свободное отъ междоусобій время, служившій по найму метрдотелемъ у Фаинушки, которая съ великими усиліями переманила его отъ купца Полякова.

Фаинушка происходила отъ благочестиваго корня. Отецъ ея былъ церковнымъ сторожемъ въ селѣ Зяблицынѣ, Моршанскаго уѣзда, мать — пекла просвиры. Но зяблицынская церковь посѣщалась прихожанами не усердно. Самые сильные и зажиточные изъ прихожанъ открыто принадлежали къ мѣняльной сектѣ, а оставшаяся вѣрною мелюзга была настолько забита и угнетена бѣдностью, что даже въ своихъ естественныхъ передъ мѣнялами преимуществахъ находила мало утѣ-

шенія. Парамоновъ тоже былъ уроженцемъ этого села, и хотя давно перенесъ свою торговую дѣятельность въ Петербургъ, но отъ времени до времени посѣщалъ родное мѣсто и числился главнымъ ревнителемъ тамошняго «корабля». Благодаря связямъ, заведеннымъ въ Петербургѣ, а также преступному попустительству мѣстныхъ полицейскихъ властей, мѣняльная пропаганда высоко держала свое знамя въ Зяблицынѣ, такъ что была минута, когда главный ересіархъ, Гузновъ, не безъ нахальства утверждалъ, что скоро совсѣмъ прекращеніе роду человѣческому будетъ за исключеніемъ лицъ, на заставахъ команду имѣющихъ, которымъ онъ, страха ради іудейска, предоставлялъ плодиться и множиться на законномъ основаніи. Пріѣзды Онуфрія Парамонова въ Зяблицыно имѣли совершенный видъ торжествъ. Онъ разсыпàлся надъ селомъ золотымъ дождемъ; въ честь его назначались особенныя радѣнія, на которыхъ Гузновъ гремѣлъ и прорицалъ, а «голуби» кружились и скакали, выкрикивая: «накатилъ, сударь, накатилъ»! Жертвы мѣняльнаго фанатизма вербовались десятками, а становой приставъ, получивъ мзду, ходилъ по улицѣ и дѣлалъ видъ, что все обстоитъ благополучно.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, Онуфрій Петровичъ доглядѣлъ Фаинушку. Дѣвушка она была шустрая и, несмотря на свои четырнадцать лѣтъ, представляла такіе задатки въ будущемъ, что старый голубь даже языкомъ защелкалъ, когда хорошенько вглядѣлся въ нее. И вотъ, когда старому сторожу и просвирнѣ сдѣланы были, по ея поводу, предложенія, они не устояли. Сразу же приняли большую печать и затѣмъ объявили третью гильдію по городу Моршанску, гдѣ и поселились въ купленномъ для нихъ Парамоновымъ домѣ. А Фаинушку увезъ Парамоновъ въ Петербургъ, обѣщавъ родителямъ научить ее по-французскому и потомъ выдать за-

мужъ за офицера корпуса путей сообщенія, нынѣ, впрочемъ, не существующаго.

Повидимому, первоначальное намѣреніе Онуфрія Петровича заключалось въ томъ, чтобы сдѣлать изъ Фаинушки мѣняльную богиню, которая предсѣдательствовала бы на радѣніяхъ, а самому назваться ея сыномъ *), но когда онъ разсмотрѣлъ дѣвочку ближе, то имъ овладѣлъ духъ лакомства, и онъ рѣшилъ поступить съ нею иначе. Отдалъ въ обученіе къ мадамѣ, содержавшей на Забалканскомъ проспектѣ пансіонъ для дѣвицъ, и когда Фаинушка выучилась говорить бонжуръ и танцовать па-де-шаль, купилъ на ея имя описанный выше домъ и устроилъ ее въ качествѣ «штучки».

Фаинушка была умна, и потому взглянула на свое положеніе серьёзно. Расцвѣтши полнымъ цвѣтомъ, она не увлекалась ни офицерами, ни чиновниками, ни молодыми апраксинцами, стадами сновавшими мимо ея оконъ, а пользовалась своею молодостью степенно и безъ оказательствъ. Не пренебрегая радостями любви, она удостоивала довѣріемъ не перваго встрѣчнаго вертопраха, но лишь такого мужчину, который основательностью сужденій и добрымъ поведеніемъ вполнѣ того заслуживалъ, хотя бы былъ и не первой молодости. И затѣмъ, съ согласія Парамонова, помѣщала избраннаго въ нижній этажъ, въ качествѣ метрдотеля, и всѣмъ служащимъ въ домѣ выдавала въ этотъ день по чаркѣ водки. Стараго «голубя» она не называла ни пакостникомъ, ни мѣнялой, а, напротивъ, снисходила къ его калѣчеству, кормила лакомыми блюдами и всегда собственноручно подвязывала ему подъ голый подбородокъ салфетку, такъ какъ старикъ ѣлъ неопрятно и могъ

*) Считаю нелишнимъ оговориться: я недостаточно знакомъ съ обрядами и догматами мѣняльной секты и потому могу впасть въ ошибку. *Авт.*

замарать свое полушелковое полукафтанье. Съ своей стороны, и Парамоновъ снисходилъ къ ея женской слабости и не заявилъ ни малѣйшей претензіи, когда она въ первый разъ завела себѣ метродотеля. Сначала Онуфрій Петровичъ не рѣшался давать ей по многу денегъ, опасаясь, что она дастъ стречка, но, мало-по-малу, убѣдился въ ея благонадежности и пролилъ на нее такія щедроты, что въ настоящее время она уже самостоятельно объявляла первую гильдію. Впрочемъ, лично она торговли не производила, а имѣла на всякій случай на Калашниковской пристани кладовую, на которой красовалась вывывѣска съ надписью: «Оптовая торговля первой гильдіи купчихи Фаины Егоровой Стёгнушкиной». По временамъ, Парамоновъ отъ имени ея производилъ болѣе или менѣе значительную операцію, и, разумѣется, подносилъ ей хорошій кушъ.

Поведеніе столь основательное несомнѣнно заслуживало достойнаго увѣнчанія. Достигнувъ двадцатипятилѣтняго возраста, Фаинушка пожелала прикрыться, и начала мечтать о законномъ бракѣ. Но и тутъ, какъ дѣвица умная, поставила непремѣннымъ условіемъ, чтобъ предполагаемый союзъ, ни въ какомъ случаѣ, не стѣснилъ ни ее, ни стараго голубя. Претендентовъ явилось множество, и съ оружіемъ, и безъ онаго, но покамѣсть она еще ни на комъ окончательно не остановила своего вниманія. Однажды, правда, она чуть-было не увлеклась, и именно когда къ ней привели на показъ графа Ломпопò, который отрекомендовалъ себя камергеромъ Дона-Карлоса, состоящимъ, въ ожиданіи торжества своего повелителя, на службѣ распорядителемъ танцевъ въ Палè-де-Кристаль (рюмка водки 5 к., бутылка пива 8 к.); но Ломпопò съ перваго же раза выказалъ алчность, попросивъ заплатить за него извощику, такъ что Фаинушка заплатить заплатила, но отъ дальнѣй-

шихъ переговоровъ отказалась. Въ сей крайности, за устройство брака взялся Иванъ Тимофеичъ, и, какъ мы видѣли, съискалъ адвоката Балалайкина, который, хотя и не вполнѣ подходилъ къ этой цѣли, но за то у него въ гербѣ былъ изображенъ римскій огурецъ, обвитый лентой, на которой читался девизъ рода Балалайкиныхъ: *Прасковья мнѣ тётка, а правда мнѣ мать.*

Мы пріѣхали съ Глумовымъ какъ разъ въ четыре часа, хотя у подъѣзда уже стояла двухмѣстная извощичья карета, въ которой, какъ объяснилъ намъ извощикъ, пріѣхали посажоные отцы. Внутреннее расположеніе дома Фаинушки тоже напоминало Замоскворѣчье и провинцію. Деревянная, выкрашенная желтой краской лѣстница съ деревянными же перилами и съ узенькимъ коврикомъ по срединѣ, вела во второй этажъ и заканчивалась небольшою площадкой, въ глубинѣ которой былъ устроенъ чуланъ, отдававшій запахомъ вчерашняго съѣстного, а съ боку виднѣлась дверь въ прихожую. И дверь была старинная, замоскворѣцкая: одностворчатая, массивная, обитая дешевой клеенкой и запиравшаяся старинными замкомъ съ подвижною ручкой. Въ прихожей пахло отчасти ягодами, которыя здѣсь, повидимому, недавно чистили для варенья, отчасти сапожнымъ товаромъ, потому что, обыкновенно, тутъ пребывалъ старый Родивонычъ, исправлявшій должность комнатнаго лакея, и въ свободное время занимавшійся сапожнымъ мастерствомъ, о чемъ и свидѣтельствовала забытая на окнѣ сапожная колодка. Встрѣтилъ насъ именно этотъ самый Родивонычъ, сѣдой, но еще бравый старикъ, въ синемъ суконномъ сюртукѣ, въ бѣломъ галстухѣ и съ очками, въ мѣдной оправѣ, на носу.

— Невѣсту пропивать пріѣхали? весело спросилъ онъ насъ: — а у насъ тутъ заминочка вышла: молодецъ-то нашъ заартачился.

— Какъ заартачился?

— Обнаковенно какъ женихи артачатся. Выложи, говоритъ, сначала деньги на столъ, а потомъ и веди хоть въ треисподнюю.

— Однако, какъ это непріятно!

— Ничего, обойдется! Молодкинъ ужь поѣхалъ... Деньгами двѣсти рублей повезъ, да платокъ шелковый на шею. Это ужь сверхо̀въ, значитъ. Пріѣдетъ! только вотъ развѣ, что аблакаты они, такъ званіемъ своимъ подорожиться захотятъ, еще рубликовъ сто запросятъ. А мы ужь и посаже̇нныхъ отцовъ припасли. Пообѣдаемъ, а потомъ и окрутимъ...

Мы вошли въ залу. Это была длинная и узкая комната, три окна которой выходили на улицу, а два—въ сѣни на лѣстницу, по которой мы только-что вошли. Посрединѣ залы былъ накрытъ старинный раздвижной столъ съ множествомъ колеблющихся ножекъ. Около стола, молча и безшумно ступая ногами, хлопотали двое молодыхъ мѣнялъ, очевидно, прихваченныхъ изъ лавки, съ испитыми, блѣдными и безбородыми лицами. Въ сторонѣ, у стола, обремененнаго всевозможными закусками, суетился мужчина въ бѣломъ пикейномъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами. Это-то именно и былъ странствующій полководецъ. При нашемъ появленіи, онъ, проворно переваливаясь и ловко виляя круглымъ брюшкомъ, направился къ намъ на встрѣчу.

Это былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, чрезвычайно подвижной и совершенно овальный. Точно весь онъ былъ составленъ изъ разныхъ оваловъ, связанныхъ между собой ниткой, приводимой въ движеніе скрытымъ механизмомъ. Въ срединѣ находился основно̀й овалъ — животъ, и когда онъ начиналъ колыхаться, то и всѣ прочіе овалы и овалики приходили въ движеніе. Выраженіе его лица было любезное и добродушное, такъ что

съ перваго взгляда казалось, что на васъ смотритъ сычугъ изъ колбасной Шписа, получившій способность улыбаться. Хотя же и ходили слухи, будто на полѣ брани онъ умѣлъ сообщать этому сычугу суровые и даже кровожадные тоны, но въ настоящее время, благодаря двухлѣтнему глубокому миру, едва-ли онъ не утратилъ эту способность навсегда. Губы его припухли и покрылись масломъ, вслѣдствіе безпрерывнаго закусыванья, которое, впрочемъ, нетолько не умаляло его аппетита, а, напротивъ, какъ бы ожесточало. Глаза были небольшіе, слегка подернутые влагой, что̀ придавало имъ грустно-сентиментальный характеръ. Носъ—мягкій, которому можно было двумя пальцами сообщить какую угодно форму; голосъ — звонкій, чрезвычайно удобный для произнесенія сквернословій, необходимыхъ для побужденія ямщиковъ при передвиженіяхъ къ полямъ брани. Сюртучекъ на немъ былъ снѣжной бѣлизны, а на свѣтло вычищенныхъ пуговицахъ красовался геральдическій знакъ страны зулусовъ: на золотомъ полѣ взвившійся на дыбы змѣй-боа, и по бокамъ его: скорпіонъ и тарантулъ. По толкованію Редеди, аллегорія эта означала самого владыку зулусовъ (змѣй) и двухъ его главныхъ министровъ: министра оздоровленія корней (скорпіонъ) и министра умиротвореній посредствомъ въ отдаленныя мѣста водвореній (тарантулъ).

— Рекомендуюсь! привѣтствовалъ онъ насъ: — Полканъ Самсоновъ Редедя. Былъ нѣкогда печенѣгъ, а нынѣ всѣ подъ одной державой благоденствуемъ!

Это было высказано съ такою неподдѣльною покорностью передъ совершившимся фактомъ, что когда Глумовъ высказалъ догадку, что, кажется, древніе печенѣги обитали на низовьяхъ Днѣпра и Дона, то Редедя только рукой махнулъ, какъ бы говоря: обитали!! мало-ли кто

обиталъ! Сегодня ты обитаешь, а завтра — гдѣ ты, человѣкъ!

— Вотъ и балыкъ, сказалъ онъ вслухъ: — въ первоначальномъ видѣ въ низовьяхъ Дона плавалъ, тоже, чай, думалъ: я-ста, да мы-ста! а теперь онъ у насъ на столѣ-съ и мы имъ закусывать будемъ. Янтарь-съ. Только у мѣнялъ и можно встрѣтиться съ подобнымъ сюжетомъ!

Въ гостинной, между тѣмъ, гости были ужь въ сборѣ, но отсутствіе жениха, видимо, на всѣхъ производило тяжелое впечатлѣніе. На диванѣ, передъ круглымъ столомъ, сидѣла сама Фаинушка, въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, въ брилліантахъ и съ флёръ-доранжемъ въ великолѣпныхъ черныхъ волосахъ. Это была замѣчательно красивая женщина, прозрачно-смуглая (такъ что бѣлое платье, въ сущности, не шло къ ней), высокая, съ большими темными глазами, опушенными густыми и длинными рѣсницами, съ алымъ румянцемъ на щекахъ и съ алыми же и сочными губами, надъ которыми трепеталъ темноватый пушокъ. Сложена она была, какъ богиня; бюстъ не представлялъ ни безъ толку наваленныхъ грудъ, ни той удручающей скатертью дороги, которая благопріятна только для скорой ѣзды на почтовыхъ. Все было на своемъ мѣстѣ, въ препорцію и настолько пріятно для глазъ, что когда я мелькомъ взглянулъ на себя въ зеркало, то увидѣлъ, что губы мои сами собой сложились сердечкомъ. Повидимому, она тоже замѣтила это «сердечко», и оно было ей не непріятно.

Возлѣ нея, на томъ же диванѣ, сидѣлъ безполезный мѣняло, въ длинномъ черномъ полушелковомъ сюртукѣ, отливавшемъ глянцемъ при всякомъ его движеніи, и не отрывая, по-собачьи, глазъ отъ собесѣдниковъ, тоненькимъ голосомъ велъ пустопорожнюю бесѣду. Лицо у него было отекшее, точно у младенца, страдающаго во-

дянкой въ головѣ; глаза мутные, слезящіеся; на бородѣ, въ видѣ запятыхъ, торчали четыре бѣлые волоска, по два съ каждой стороны; надъ верхнею губой висѣлъ рыжеватый пухъ. Въ довершеніе всего, волосы на головѣ, желто саврасаго цвѣта, были заботливою рукой Фаинушки напомажены и зачесаны, черезъ весь обнаженный черепъ, съ уха на ухо.

По обѣимъ сторонамъ стола, на креслахъ, сидѣли посажѐные отцы, тайные совѣтники Перекусихинъ 1-й и Перекусихинъ 2-й, уволенные отъ службы въ воздаяніе отличныхъ заслугъ. Оба были грустны. Одинъ потому, что получилъ уфимскую землю и потомъ ее возвратилъ, другой — потому, что не получилъ уфимской земли и потому ничего не могъ возвратить. Сверхъ того, оба съ утра ничего не ѣли, въ ожиданіи мѣняльной кулебяки, и вслѣдствіе этого, когда разговоръ на минуту перемежался, изъ животовъ ихъ слышалось тихое урчаніе. Вообще, это были люди очень несчастные, потому что газеты каждодневно называли ихъ «хищниками», несмотря на то, что Перекусихинъ 1-й полностью возвратилъ похищенное, а Перекусихинъ 2-й даже совершенно ничего не получилъ. Такъ что и несомнѣнная невинность Перекусихина 2-го не принималась во вниманіе, потому что всякій говорилъ: а кто ихъ, Перекусихиныхъ, разберетъ!

У нихъ у однихъ Фаинушкины красы не заставляли складываться губы сердечкомъ, такъ что, въ этомъ смыслѣ, они казались даже гораздо мѣняльнѣе самого Парамонова.

У стѣны, по обѣ стороны ломбернаго стола, сидѣли Иванъ Тимофеичъ и Прудентовъ, а у окна — Очищенный, приведшій съ собой изъ редакціи «Краса Демидрона» *нашего собственнаго корреспондента*, совсѣмъ бе-

зумнаго малаго, который сидѣлъ вытараща глаза и жевалъ фіалковый корень.

Отрекомендовалъ насъ Иванъ Тимофеичъ.

— Сотрудники наши! сказалъ онъ кратко: — были заблудшіе, а теперь полезными гражданами сдѣлались.

— Вотъ какъ! пріятно изумился Перекусихинъ 1-й.

— Ахъ, голуби, голуби! вздохнулъ Парамоновъ.

— Гдѣжь это вы заблудились? любезно спросила Фаинушка и такъ пріятно при этомъ улыбнулась, что Глумовъ стиснулъ зубы и всѣмъ существомъ (очень, впрочемъ, прилично) устремился впередъ.

— Нельзя сказать, чтобъ въ хорошемъ мѣстѣ, объяснилъ Иванъ Тимофеичъ: — такую чепуху городили, что вспомнить совѣстно. А теперь — такъ поправились, какъ дай Богъ всякому!

Мы были еще въ нерѣшимости, какія выразить чувства по поводу этой аттестаціи, какъ у воротъ раздался стукъ экипажа и черезъ минуту въ дверяхъ показался Редедя и поманилъ пальцемъ Ивана Тимофеича.

Всѣ смолкли, такъ что изъ залы явственно доносился до насъ шопотъ. Еще минута и Иванъ Тимофеичъ, въ свою очередь, поманилъ меня и Глумова.

— Мерзавецъ-то не ѣдетъ! сообщилъ онъ намъ вполголоса.

— Что̀ же случилось?

— Да такъ вотъ, объяснилъ Молодкинъ: — пріѣхалъ я, а онъ сидитъ во фракѣ, въ перчаткахъ и въ бѣломъ галстухѣ—хоть сейчасъ подъ вѣнецъ! «Деньги!» Отдалъ я ему двѣсти рублей, онъ пересчиталъ, положилъ въ ящикъ, щелкнулъ замкомъ: «остальные восемьсотъ!» Я туда-сюда — слышать не хочетъ! И галстухъ снялъ, а ежели, говоритъ, черезъ полчаса остальныя деньги не будутъ на столѣ, такъ я совсѣмъ раздѣнусь, въ баню уѣду.

— Да ты бы, голубчикъ, ему пригрозилъ: по данной, молъ, власти—въ мѣста не столь отдаленныя! предложилъ Глумовъ.

— Говорилъ-съ. Не дѣйствуетъ.

— Вотъ вѣдь сквернавецъ какой! негодовалъ Иванъ Тимофеичъ.—А здѣсь, между тѣмъ, расходъ. Кушанья сколько наготовили, посажòнымъ отцамъ по четвертной заплатили, за прокатъ платья для Очищеннаго отдали, отмѣтчика изъ газеты подрядили, ему самому, невѣжѣ, карету на невѣстинъ счетъ наняли—и по сейчасъ тамъ у крыльца стоитъ...

И вдругъ свѣтлая мысль осѣнила его голову.

— Друзья, да чтòжь мы! воскликнулъ онъ, простирая къ намъ руки:—да вы... ну, чтòжь такое! Чтò на него, на невѣжу, смотрѣть! изъ васъ кто-нибудь... разъ-два-три... Господи благослови! Ягодка-то вѣдь какая... видѣли?

Я такъ и обомлѣлъ при этихъ словахъ, но, по счастію, Глумовъ не потерялъ присутствія духа.

— Не дѣло ты говоришь, Иванъ Тимофеичъ, сказалъ онъ резонно:—во-первыхъ, Балалайкѣ ужь двѣсти рублей зàдано, à во-вторыхъ, у насъ впередъ такъ условлено, чтобъ непремѣнно быть двоеженству. А я вотъ чтò сдѣлаю: сейчасъ къ нему самъ поѣду, и не я буду, если черезъ двадцать минутъ на трензелѣ его сюда не приведу.

Глумовъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Молодкинымъ, а я, въ видѣ аманата, остался у Фаинушки. Разговоръ не вязался, хотя Иванъ Тимофеичъ и старался оживить его, объявивъ, что «такъ нынче ягода дешева, такъ дешева—кому и вредно, и тѣ ѣдятъ! а вотъ грибовъ совсѣмъ не видать!» Но только-что было мѣняло началъ въ отвѣтъ: «грибки, да ежели въ сметанѣ», какъ внутри у Перекусихина 2-го произошелъ такой переполохъ, что

всѣмъ показалось, что въ сосѣдней комнатѣ заводятъ органъ. А невѣста до того перепугалась, что инстинктивно поднялась съ мѣста, сказавъ:

— Ваши превосходительства! водочки! милости просимъ закусить, господа! не взыщите!

Это разомъ всѣхъ привело въ нормальное настроеніе. Тайные совѣтники забыли объ уфимскихъ земляхъ и, плавно откидывая ногами, двинулись за хозяйкой; Иванъ Тимофеичъ бросился впередъ расчищать гостямъ дорогу; Очищенный вытянулъ шею, какъ боевой конь, и щелкнулъ себя по галстуху; даже «нашъ собственный корреспондентъ» — и тотъ сдѣлалъ движеніе языкомъ, какъ будто собрался его пососать. Въ тылу, неслышно ступая ногами, шелъ злополучный мѣняло.

У закусочнаго стола насъ встрѣтилъ Редедя, но не сразу допустилъ до водки, а сначала самъ посмаковалъ понемногу отъ каждаго сорта (при этомъ онъ одинъ глазъ зажмуривалъ, а другимъ стрѣлялъ въ пространство, точно провидѣлъ вдали богъ вѣсть какія перспективы) и, наконецъ, остановившись на зорной, сдѣлалъ капельмейстерскій жестъ руками:

— Можете смѣло!

То же самое продѣлалъ онъ и надъ закусками; всякаго сорта пожевалъ, объясняя при каждомъ кускѣ, въ чемъ заключаются его достоинства и какіе могутъ быть недостатки. Какая должна быть селедка, ежели она селедка, и какой долженъ быть балыкъ, ежели онъ балыкъ. А такъ какъ замѣчанія свои онъ, сверхъ того, скрашивалъ разсказами изъ жизни достопримѣчательныхъ русскихъ людей, то закусываніе получало разумно-историческій характеръ, и не прошло десяти минутъ, какъ уже мы отлично знали всю русскую исторію осьмнадцатаго столѣтія, а благодаря новымъ закусочнымъ

подкрѣпленіямъ, надѣялись узнать, что̀ происходило и дальше.

— И гдѣ вы, Фаина Егоровна, такое сокровище отъискали? спросилъ восхищенный Перекусихинъ 1-й, указывая на Редедю.

— Самъ пришелъ, очень мило нашлась невѣста.

— Онъ у насъ, вашество, Аника-воинъ, долго на одномъ мѣстѣ не усидитъ! отозвался старый мѣняло: — изъ похода, да и опять въ походъ... Вотъ и теперь фараоны зовутъ...

— Скажите! и выгодно это? обратился Перекусихинъ 2-й къ Редедѣ.

— Какъ вамъ сказать... Намеднись, какъ ѣздилъ къ зулусамъ, одних прогоновъ на сто тысячъ верстъ, взадъ и впередъ, получилъ. На осьмнадцать лошадей по три копейки на каждую—сочтите, сколько денегъ-то будетъ? На станціяхъ, между тѣмъ, ямщики и прогоновъ не хотятъ получать, а только «ура» кричатъ... А потомъ еще суточныя по положенію, да подъемныя, да къ родственникамъ по дорогѣ заѣхать...

— Одного военачальника я зналъ, такъ тотъ, кромѣ прогоновъ, еще на «милую» тысячъ сто выпросилъ, сказалъ свое слово Очищенный.

— И это бываетъ, согласился Редедя.

— Тсс... А хорошая это сторона... Зулусія?

— Такая, вашество, сторона! такая это сторона! Отдай все, да и мало!

— И все тамъ есть? икра, напримѣръ, балыкъ, селедка... все какъ слѣдуетъ?

— Всего вдоволь. И все втунѣ, все равно, какъ у насъ богатства въ нѣдрахъ земли. И много, да приступиться не знаемъ. Такъ и они. Осетрины не ѣдятъ, сардинокъ не ѣдятъ, а вотъ змѣи, скорпіоны, летучія мыши — это у нихъ первое лакомство!

— Ахъ-ахъ-ахъ!

Покуда шелъ этотъ разговоръ, Фаинушка отвела меня въ сторону и вполголоса допрашивала:

— Это пріятель вашъ... вотъ который сейчасъ за Балалайкинымъ уѣхалъ?

— Да̀, пріятель.

— Какой онъ смѣшной!

— Что̀ такъ?

— Давича я всего два слова сказала, а онъ ужь и размокъ: глаза зажмурилъ, чуть не свалился... хоть бы людей постыдился!

Она стояла передо мной, держа двумя пальчиками кусокъ балыка и отщипывая отъ него микроскопическіе кусочки своими ровными, бѣлыми зубами. Очевидно, что поступокъ Глумова нетолько не возмущалъ ея, а скорѣе даже нравился; но съ какой цѣлью она завела этотъ разговоръ? Были-ли слова ея фразой, случайно брошенной, чтобъ занять гостя, или же они предвѣщали перемѣну въ судьбѣ моего друга?

— А у насъ сегодня Полканъ Самсонычъ къ фараонамъ уѣзжаетъ, продолжала она, не глядя на меня.

— Сегодня?

— Да̀; отпразднуемъ свадьбу у Завитаева, а оттуда поѣдемъ на машину проводить.

— А жалко вамъ его?

— Мнѣ-то? закусываетъ онъ слишкомъ ужь часто... Надоѣлъ.

— А вамъ нужно...

— Ничего мнѣ не нужно, а вотъ скажите вашему пріятелю, чтобъ онъ за обѣдомъ подлѣ меня сѣлъ. Я хочу ему на ушко одно слово...

Она подняла глаза и не договорила. Перекусихинъ 1-й отдѣлился отъ закусывающихъ и, меланхолически склонивъ на бокъ голову, обстрѣливалъ ее взорами.

Произошла нѣмая сцена.

— Вотъ кабы мнѣ полководцеву-то квартирку!.. безъ словъ ходатайствовалъ тайный совѣтникъ.

— Отдана! тоже безъ словъ, но твердо и отчетливо отвѣтила Фаинушка.

Тутъ только я понялъ, какое великое будущее открывается передъ Глумовымъ.

XIII.

Боевая репутація Редеди была въ значительной мѣрѣ преувеличена. Товарищи его по дворянскому полку, правда, утверждали, что онъ считалъ за собой нѣсколько лихихъ стычекъ въ Ташкентѣ, но при этомъ какъ-то никогда достаточно не разъяснялось, въ географическомъ - ли Ташкентѣ происходили эти стычки, или въ трактирѣ Ташкентъ, что̀ за Нарвскою заставой. Начальство, однакожь, не особенно цѣнило подвиги Редеди и довольно медленно производило его въ чины, такъ что сорока пяти лѣтъ отъ роду онъ имѣлъ только полковничій чинъ. Наскучивъ начальственнымъ равнодушіемъ, онъ перемѣнилъ родъ дѣятельности и направился, въ качествѣ обрусителя, въ западный край. Тутъ онъ сразу ознаменовалъ себя тѣмъ, что произвелъ сильную рекогносцировку между жидами, и, сбивъ ихъ съ позицій, возвратился восвояси, обремененный добычей. Но и этотъ подвигъ не былъ оцѣненъ. Тогда онъ вышелъ въ «чистую» и напечаталъ во всѣхъ газетахъ слѣдующее объявленіе:

«ПОЛКОВОДЕЦЪ!!!

«Дѣлаетъ рекогносцировки, беретъ хитростью и приступомъ большія и малыя укрѣпленія, выигрываетъ большія и малыя сраженія, устраиваетъ засады, преслѣдуетъ непріятеля по пятамъ, но, въ случаѣ надобности, и отступаетъ. Въ особенности, можетъ быть полезенъ во время междоусобій. Въ мирное время можетъ быть и редакторомъ газеты. Трезваго поведенія. Спросить Полкана Редедю, Забалканскій проспектъ, домъ № 4—105, на дворѣ, въ палаткѣ. Комиссіонерамъ не приходить.»

Втайнѣ Редедя разсчитывалъ на Дона-Карлоса, который въ это время поддерживалъ спасительное междоусобіе на сѣверѣ Испаніи. Онъ даже завязалъ съ графомъ Ломпопò (о немъ зри выше) переговоры на счетъ суточныхъ и прогонныхъ денегъ, но Ломпопò заломилъ за комиссію пять рублей, а Редедя могъ дать только три. Такъ это дѣло и не состоялось.

За то въ Африкѣ Редедѣ посчастливилось: онъ получилъ нѣсколько ангажементовъ сряду. Прежде всего его пригласилъ эѳіопскій царь Амонасрò (изъ «Аиды»), который возложилъ на него орденъ Аллигатора, и вслѣдъ затѣмъ былъ взятъ въ плѣнъ. Изъ Эѳіопіи Редедя проѣхалъ въ страну зулусовъ, владыка которой, Сетивайо (нынѣ обучающійся въ Лондонѣ парламентскимъ порядкамъ), повѣсилъ ему на шею яйцо строфокамила, и тоже былъ взятъ въ плѣнъ. По пути, Редедя не дремалъ и помогалъ экваторіальнымъ державцамъ въ ихъ взаимныхъ пререканіяхъ, причемъ аккуратно сдалъ ихъ другъ другу въ плѣнъ, и вездѣ получилъ прогоны и суточныя по разсчету отъ Петербурга. А теперь къ нему обратился за помощью Араби-паша, который, по словамъ Редеди, былъ его однокашникомъ по Дворянскому полку.

Несмотря на то, что Редедя не выигралъ ни одного настоящаго сраженія, слава его, какъ полководца, установилась очень прочно. Московскіе купцы были отъ него въ восхищеніи, а глядя на нихъ, постепенно воспламенялись и петербургскіе патріоты-концессіонеры. Въ особенности, плѣнялъ Редедя купеческія сердца тѣмъ, что задачу Россіи на востокѣ отожествлялъ съ тѣми блестящими преспективами, которыя, при ея осуществленіи, должны открыться для плисовъ и миткалей первѣйшихъ россійскихъ фирмъ. Когда онъ развивалъ эту идею, рисуя при этомъ безконечную цѣпь каравановъ, тянущихся отъ Иверскихъ воротъ до Мадраса, всѣ мануфактуръ-совѣтники кричали «ура», онъ же, подъ шумокъ, истреблялъ такое количество снѣдей и питій, что этого одного было достаточно, чтобъ навсегда закрѣпить за нимъ кличку витязя и богатыря. Цѣлыхъ два года онъ пилъ и закусывалъ отчасти на счетъ потребителей плисовъ и миткалей, отчасти на счетъ пассажировъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, такъ что, быть можетъ, принялъ косвенное участіе и въ кукуевской катастрофѣ, потому что нужныя на ремонтъ насыпи деньги были употреблены на чествованіе Редеди. Въ эти два года онъ изнѣжилъ себя до того, что курилъ сигары не иначе, какъ съ золотыми концами, и при этомъ, вмѣсто иностранныхъ, давалъ имъ собственнаго изобрѣтенія названія, патріотическія и военныя. Напримѣръ, одному сорту онъ далъ кличку «Забалканскія» въ честь Забалканскаго проспекта, гдѣ онъ первоначально квартировалъ, другому—«Синопъ», въ честь гостинницы Синопъ, въ которой онъ однажды такъ успѣшно маневрировалъ, что ни одного стакана и ни одной тарелки не оставилъ не разбитыми.

Въ этотъ же періодъ привольнаго житья наружность его пріобрѣла ту овальность, которая такъ пріятно пора-

жала всѣхъ, посѣщавшихъ Фаинушкину обитель. Но нужно сказать правду, овальность эта болѣе приличествовала метрдотелю, нежели полководцу, потому что послѣднiй, какъ тамъ ни говори, все-таки, долженъ быть готовъ во всякое время проливать кровь. Поэтому, люди, даже искренно расположенные къ Редедѣ, когда узнали о полученномъ имъ отъ Араби-паши приглашенiи — и тѣ сомнительно покачивали головами, не ожидая въ будущемъ ни побѣдъ, ни одолѣнiй.

— Разъѣлся, старикъ, лѣнивъ сталъ! говорили они между собой:—посмотрите, вся грудь у него въ складкахъ, точно у стараго раскормленнаго тирольскаго быка!

Нѣкоторые даже пытались уговорить его отъ поѣздки, объясняя, что если англичане теперь его возьмутъ въ плѣнъ, то ужь не выпустятъ, а продадутъ съ аукцiона какому-нибудь выжигѣ, который станетъ его возить по ярмаркамъ, а тамъ мальчишки будутъ его дразнить; но перспектива полученiя прогонныхъ денегъ до Каира и обратно была такъ соблазнительна, что отяжелѣвшiй печенѣгъ остался глухъ ко всѣмъ убѣжденiямъ. Къ тому же, и Фаинушка явно погрѣшила въ этомъ случаѣ, нетолько не отговаривая его отъ поѣздки, но, напротивъ, всемѣрно разжигая въ немъ жажду военныхъ подвиговъ.

Отношенiя Фаинушки къ странствующему полководцу были очень сбивчивы. Наравнѣ съ другими купеческифи фирмами, она увлеклась его боевою репутацiей, и какъ уже сказано было выше, не пожалѣла расходовъ, чтобы переманить его отъ Полякова къ себѣ. Но, сошедшись съ нимъ ближе, она скоро убѣдилась, что изъ всѣхъ прежнихъ доблестей въ немъ осталась неприкосновенною только страсть къ закусыванiю. Было бы, однакожь, несправедливо думать, что Редедя сознательно обманулъ ее. Вѣроятнѣе всего, что, постепенно закусы-

вая и изыскивая способы для легчайшаго сбыта московскихъ плисовъ и миткалей, онъ и самъ утратилъ привычку критически относиться къ своимъ собственнымъ силамъ. Какъ бы то ни было, но онъ сразу до того вошелъ исключительно въ роль метрдотеля, что Фаинушка даже нѣсколько смутилась. Нѣкоторое время она надѣялась, что вопросъ о выходѣ замужъ за Балалайкина разбудитъ въ немъ инстинктъ полководца, но, къ удивленію, при этомъ извѣстіи онъ только языкомъ щелкнулъ и спросилъ, на сколько персонъ слѣдуетъ готовить свадебный обѣдъ. Тогда она окончательно растерялась. Стала нюхать спиртъ и ходитъ къ ворожеямъ. Съ ужасомъ видѣла она себя навсегда осужденною на безрадостную жизнь въ обществѣ мѣнялъ, и воображеніе ея все чаще и чаще началъ смущать образъ черноокаго Ломпопò... Не разъ она рѣшалась бросить все и бѣжать въ Пале-де-Кристаль, но невидимая рука удерживала ее на стезѣ благоразумія. И не вотще. Въ самую критическую минуту къ ней неожиданно явился на помощь Араби-паша, вызывавшій Редедю на поле брани. Въ одинъ присѣстъ она связала два кошелька: одинъ для Балалайкина, другой, съ надписью золотымъ бисеромъ «отъ русскихъ дамъ» — отдала Редедѣ для передачи знаменитому египетскому патріоту.

Но возвратимся къ разсказу.

Балалайкина, наконецъ, привезли, и мы могли приступить къ обѣду. Женихъ и невѣста, по обычаю, сѣли рядомъ, Глумовъ помѣстился подлѣ невѣсты (онъ даже изумленія не выказалъ, когда я ему сообщилъ о желаніи Фаинушки), я — подлѣ жениха. Противъ насъ сѣлъ злополучный мѣняло, имѣя по бокамъ посажòныхъ отцовъ. Прочіе гости размѣстились какъ попало, только Редедя отвелъ себѣ мѣсто на самомъ концѣ стола и почти не сидѣлъ, а стоялъ, и, распростерши руки,

командовалъ арміей мѣнялъ, прислуживавшихъ за столомъ.

Балалайкинъ былъ одѣтъ щегольски и смотрѣлъ почти прилично. Даже Иванъ Тимофеичъ его похвалилъ, сказавши: ну вотъ, ты теперь себя оправдалъ! А невѣста, прежде чѣмъ сѣсть за обѣдъ, повела его въ будуаръ и показала шелковый голубой халатъ и расшитыя золотомъ торжковскія туфли, сказавъ: это — вамъ! Понятно, что послѣ этого веселое выраженіе не сходило съ лица Балалайкина.

Но даже въ эти торжественныя минуты Фаинушка не покинула своего «голубя». Какъ и всегда, она усадила его на мѣсто, завѣсила салфеткой и потрепала по щекѣ, шепнувъ на ухо (но такъ, что всѣ слышали):

— Сиди тутъ, папаша, и не скучай безъ меня! а я на тебя, своего голубка, смотрѣть буду.

За обѣдомъ всѣ гости оживились, и это было въ особенности лестно для насъ съ Глумовымъ, потому что преимущественно мы были предметомъ общихъ разговоровъ и похвалъ. Иванъ Тимофеичъ соловьемъ разливался, разсказывая подробности нашего чудеснаго обращенія на стезю благонамѣренности.

— Вижу я, повѣствовалъ онъ: — что на Литейной неладное что̀-то затѣвается; сидятъ молодые люди въ квартирѣ — ни сами никуда, ни къ себѣ никого... какая есть тому причина? Однакожь, думаю: грѣхъ будетъ, ежели сразу молодыхъ людей въ отчаянность привести — подослалъ, знаете, дипломата нашего, говорю: смотри, ежели что̀ — ты въ отвѣтѣ! И что̀ же! не прошло двухъ недѣль, какъ слышу: помилуйте! да они хоть сейчасъ на какую угодно стезю готовы! Ну, я немножко подождалъ-таки, поиспыталъ, а потомъ вижу, что медлить нѣчего — и самъ открылся: будьте знакомы, друзья!

— А теперь они намъ въ письменныхъ дѣлахъ по кварталу помогаютъ, подтвердилъ Прудентовъ.

— И мнѣ по пожарной части отозвался Молодкинъ.

— А сколько тайныхъ благодѣяніевъ дѣлаютъ! воскликнулъ отъ полноты сердца Очищенный: — одна рука даетъ, другая — не вѣдаетъ.

— Ахъ, голуби, голуби! воскликнулъ старый мѣняло.

Потокъ похвалъ былъ на минуту прерванъ созерцаніемъ громадной кулебяки, которая оказалась вполнѣ соотвѣтствующею только-что съѣденной ухѣ. Но когда были проглочены послѣдніе куски, Иванъ Тимофеичъ вновь и еще съ бо̀льшимъ рвеніемъ возвратился къ прерванному разговору.

— Надняхъ-это, начали мы, по требованію, въ кварталѣ «Уставъ о благопристойномъ во всѣхъ отношеніяхъ поведеніи» сочинять, сказалъ онъ:—бились-бились— ни взадъ, ни впередъ! И вдругъ... они! Сейчасъ же сообразили, вникли, промежду себя поговорили—откуда что взялось! Статья за статьей! статья за статьей!

— Такъ вы и законодательными работами занимаетесь? привѣтливо обратился ко мнѣ Перекусихинъ 1-й.

— Я всѣмъ занимаюсь-съ. И сочинить законъ могу, и упразднить могу. Смотря по тому, что̀ въ сферахъ требуется.

— И представьте, вашество, какую они, въ видахъ благопристойности, штуку придумали! продолжалъ рекомендовать насъ Иванъ Тимофеичъ:—чтобы при каждой квартирѣ безпремѣнно имѣть два ключа, и одинъ изъ нихъ хранить въ кварталѣ!

При этомъ извѣстіи даже Перекусихины рты разинули, несмотря на то, что оба достаточно-таки понаторѣли въ законодательныхъ трудахъ.

— Чтобъ, значитъ, во всякое время: пришелъ гость, что̀ надобно взялъ, и ушелъ! пояснилъ Очищенный.

— Гм... это..Это, я вамъ доложу... Это все равно, что безъ мыла въ душу влѣзть! молвилъ Перекусихинъ 1-й.

— Позвольте, однакожь! обезпокоился Перекусихинъ 2-й: — а ежели у кого... напримѣръ, деньги?

Опять всѣ разинули рты, ибо слово Перекусихина 2-го было вѣское и на всѣхъ нагнало тоску. Но тутъ ужь Иванъ Тимофеичъ вступился.

— Ахъ, вашество! сказалъ онъ съ чувствомъ: — чтò же такое деньги? Деньги — наживное дѣло! У васъ есть деньги, а вотъ у меня или у нихъ (онъ указалъ на Прудентова и Молодкина) и совсѣмъ ихъ нѣтъ! Да и чтò за сласть въ этихъ деньгахъ — только соблазнъ одинъ!

— Однако!

— Нѣтъ, я вамъ доложу, отозвался Перекусихинъ 1-й: — у насъ, какъ я на службѣ состоялъ, одинъ отставной фельдъегерь такой проектъ подалъ: чтобы весь городъ на отряды раздѣлить. Чтò ни домъ, то отрядъ, со старшимъ дворникомъ во главѣ. А кромѣ того, еще летучіе отряды... въ родѣ какъ воспособленіе!

— Вотъ это безподобно! откликнулись со всѣхъ сторонъ.

— А я такъ иначе бы распорядился, сказалъ Редедя:—двойные ключи, отряды — это все прекрасно; а я бы по пушечкѣ противъ каждаго дома поставилъ. Въ случаѣ чего: дворникъ! выполняй свою обязанность!

— Безподобно! безподобно!

— И на случай войны не безъ пользы, согласился Перекусихинъ 1-й:—тамъ, какова пора ни мѣра, а мы—готовы! Милости просимъ въ гости, честные господа!

Словомъ сказать, въ какія-нибудь полчаса выплыло наружу столько оздоровительныхъ проектовъ, что злополучный мѣняло слушалъ-слушалъ, да и пришелъ въ умиленіе.

*

— Ахъ, голуби, голуби! вздохнулъ онъ: — все-то вы отягощаетесь! все-то придумываете, какъ бы для насъ лучше, да какъ бы удобнѣе... Лёгко-ли дѣло изъ пушекъ палить, а вы и того не страшитесь, лишь бы польза была!

Но упоминовеніе о пушкахъ и возможности войны не могло и на разговоръ не повліять соотвѣтствующимъ образомъ. На сцену выступилъ вопросъ о боевой готовности.

— А какъ вы полагаете, Полканъ Самсонычъ, спросилъ Перекусихинъ 1-й:—ежели теперича нѣмецъ или турокъ... готова-ли была бы Россія дать отпоръ?

— То-есть, ежели сейчасъ... сію минуту.. пиши пропало! отчеканилъ Редедя.

— Что̀ ужь это такъ... очень ужь какъ будто рѣшительно! испугался Перекусихинъ 1-й.

— Да какъ вамъ сказать... Что боевая сила у насъ въ исправности—это вѣрно; и оружіе есть... средственное, но есть—допустимъ и это; и даже порохъ найдется, коли поискать... Но чего нѣтъ, такъ нѣтъ — это полководцевъ-съ! нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Ужь будто...

— Несомнѣнно-съ. И нетолько у насъ — нигдѣ полководцевъ нѣтъ! И не будетъ-съ.

— Однакоже, если есть потребность въ полководцахъ, то должны же отъискаться и средства для удовлетворенія этой потребности?

— И средства есть. И предлагали-съ.

Редедя видимо ожесточился и началъ съ такою быстротой посылать ножомъ въ ротъ соусъ съ тарелки, что тарелка скрежетала, а сталь ножа, сверкая, отражалась на стѣнѣ въ видѣ мелкихъ зайчиковъ.

— И штука совсѣмъ простая, продолжалъ Редедя:— учредите международную корпорацію странствующихъ

полководцевъ—и дѣло въ шляпѣ. Ограничьте число — человѣкъ пять-шесть не больше — но только чтобъ они всегда были готовы. Понадобился кому полководецъ — выбирай любого. А не выбралъ, понадѣялся на своего доморощеннаго — не прогнѣвайся!

— Но кого же въ эту корпорацію назначать будутъ? и кто будетъ назначать?

— Охотники найдутся-съ. Ужь ежели кто въ себѣ эту силу чувствуетъ, тотъ зѣвать не будетъ. Самъ придетъ и самъ себя объявитъ...

— Гм...

Проектъ былъ удивительно странный, а съ перваго взгляда даже глупый. Но когда стали обсуждать и разсматривать, то и онъ оказался не безъ пользы. Главное, что̀ соблазняло — это легкость добыванія полководцевъ. Понадобилось воевать: господинъ полководецъ Непобѣдимый! вотъ вамъ войско, а сухари «вѣрный человѣкъ» поставитъ — извольте вести къ побѣдамъ! И поведетъ. Идея эта до того увлекла Перекусихина 2-го, что онъ сейчасъ же началъ фантазировать и отъискивать для нея примѣненія въ другихъ вѣдомствахъ. Оказалось, что точь-въ-точь такія же корпораціи было бы вполнѣ удобно устроить по вѣдомствамъ: финансовъ, путей сообщенія, почтъ и телеграфовъ и проч. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и Очищенный.

— Теперича ежели денегъ нѣтъ, если баланецъ у кого не въ исправности, разсуждалъ онъ:—сейчасъ опустилъ руку въ мѣшокъ: господинъ финансистъ Грызуновъ! извольте деньги съискать!

Мѣняло же, съ своей стороны, такъ разоткровенничался, что чуть-было не обнаружилъ своей коммерческой тайны.

— Ахъ, голуби, голуби! сказалъ онъ:—и какъ это вы говорите: денегъ нѣтъ—развѣ можно этому быть! Есть

онѣ, деньги, только ищутъ ихъ не тамъ, гдѣ онѣ спрятаны!

Тогда начали разсуждать о томъ, гдѣ деньги спрятаны и ка̀къ ихъ оттуда достать. Надѣялись, что Парамоновъ пойдетъ дальше по пути откровенности, но онъ ужь спохватился и скорчилъ такую мину, какъ будто и знать не знаетъ, чье мясо кошка съѣла. Тогда возложили упованіе на Бога и перешли къ изобрѣтеніямъ девятнадцатаго вѣка. Говорили про пароходы и паровозы, про телеграфы и телефоны, про стеаринъ, парафинъ, олеинъ и керосинъ, и во всемъ видѣли руку Провидѣнія, явно Россіи благодѣющаго.

— Давно-ли я самъ въ Москву въ дилижансѣ на четвертыя сутки поспѣвалъ? дивился Перекусихинъ 2-й: — а нынче сѣлъ, поѣхалъ и пріѣхалъ!

А Очищенный къ сему присовокупилъ:

— Прежде, вашество, письма-то на почтѣ шпильками изъ конвертовъ вылущивали — какая это времени трата была! А нынче взялъ, надъ паромъ секундучку подержалъ — читай да почитывай!

Опять подивились, но только-что хотѣли разсмотрѣть, слѣдуетъ-ли тутъ видѣть руку Провидѣнія, явно Россіи благодѣющаго, какъ Перекусихинъ 1-й далъ разговору нѣсколько иной оборотъ:

— А что̀, въ этой Зулусіи... финансы есть? обратился онъ къ Редедѣ.

— Настоящихъ финансовъ нѣтъ, а въ родѣ финансовъ — какъ не быть!

— И деньги, стало быть, чеканятъ?

— Чеканить не чеканятъ, а та̀къ дѣлаютъ. Ѣстъ, напримѣръ Сетивайо крокодила, маленькую косточку выплюнетъ — рубль серебра! побольше косточку — пять, десять рублей, а ежели кость этакъ вершковъ въ десять выдастся — прямо сто рублей. А министры тѣмъ

временемъ такимъ же порядкомъ размѣнную монету дѣлаютъ. Иной разъ, какъ присядутъ, такъ въ одинъ день милліончикъ и подарятъ.

— Что̀ городъ, то норовъ, что̀ деревня, то обычай. Вотъ вѣдь какую лёгость придумали!

— А внутренняя политика у нихъ есть?

— И внутренней политики настоящей нѣтъ, а есть оздоровленіе корней. Тутъ и полиція, и юстиція, и народное просвѣщеніе — все! Возьмутъ этакъ «голубчика» гдѣ почувствительнѣе, да и не выпускаютъ, покуда всѣхъ не оговоритъ.

— И это лёгость большая.

— А пути сообщенія есть?

— Настоящихъ тоже нѣтъ. Но недавно устроено министерство кукуевскихъ катастрофъ. Стало быть, теперь только строить..дороги поспѣвай.

Слово за слово, и житье-бытье зулусовъ открылось передъ нами, какъ на ладони. И финансы, и полиція, и юстиція, и пути сообщенія, и народное просвѣщеніе — все у нихъ есть въ изобиліи, но только все не настоящее, а лучше, чѣмъ настоящее. Оставалось, стало быть, разрѣшить вопросъ: какимъ же образомъ страна, столь благоустроенная и цвѣтущая и, притомъ, имѣя такого полководца, какъ Редедя, такъ легко поддалась горсти англичанъ? Но и на этотъ вопросъ Редедя отвѣтилъ вполнѣ удовлетворительно.

— Оттого и поддалась, что команды нашей они не понимаютъ, объяснилъ онъ: — я имъ командую: впередъ, ребята! — а они назадъ прутъ! Туда-сюда: стойте, подлецы!—а ихъ ужь и слѣдъ простылъ! Я-то койкакъ въ ту пору улепетнулъ, а Сетивайо такъ и остался на тронѣ середь поля!

Пожалѣли. Выпили по бокалу за жениха и невѣсту, потомъ за посажёныхъ отцовъ, потомъ за Парамонова

и, наконецъ... за Сетивайо, такъ какъ, по словамъ Редеди, онъ могъ бы быть полезнымъ для Россіи подспорьемъ. Хотѣли еще о чемъ-то поговорить, но отяжелѣли. Наконецъ, разнесли фрукты, и обѣдъ кончился. Натурально, я сейчасъ же бросился къ Глумову.

Изъ словъ его я узналъ, что̀ онъ предположилъ завтра же переѣхать на квартиру Редеди. И что̀ всего удивительнѣе, передавая мнѣ о своемъ рѣшеніи, онъ нетолько не смутился, но даже смотрѣлъ на меня съ бо̀льшимъ достоинствомъ, нежели обыкновенно. Признаюсь, я не ожидалъ, что все произойдетъ такъ легко, безъ борьбы, и потому рискнулъ сказать ему, что во всякомъ мало-мальски уважающемъ себя романѣ, человѣкъ, задумавшій поступить на содержаніе къ женщинѣ, которая, вдобавокъ, и сама находится на содержаніи, вестаки, сколько-нибудь да покобенится. Но и на это онъ возразилъ кратко, что, однажды рѣшившись вступить на стезю благонамѣренности, онъ уже не считаетъ себя въ правѣ кобениться, а идетъ прямо туда, куда никакія подозрѣнія на счетъ чистоты его намѣреній за нимъ не послѣдуютъ. И въ заключеніе назвалъ меня маловѣромъ.

Покуда мы такимъ образомъ полемизоривали, Фаинушка, счастливая и вся сіющая, выдерживала новую нѣмую сцену со стороны Перекусихина 1-го.

— Такъ не будетъ квартиры? спрашивалъ взорами тайный совѣтникъ

— Не будетъ! взорами же отвѣчала Фаинушка.

— Но, въ такомъ случаѣ, надѣюсь, что хотя квартирныя деньги...

— И квартирыхъ денегъ не будетъ!

— Однако! ха-ха-ха!

Онъ залился горькимъ смѣхомъ, а счастливый Глумовъ толкнулъ меня въ бокъ и шепнулъ на ухо:

— Ты посмотри на нее, бабочка-то какая! А ты еще разговариваешь... чудакъ! Ишь вѣдь она... ахъ!

. . . .

Я не стану описывать дальнѣйшія перипетіи торжества; скажу только, что все произошло въ порядкѣ, и бàликъ въ кухмистерской Завитаева прошелъ такъ весело, что танцы кончились только къ утру. Всѣ квартальныя дамы Литейной и Нарвской частей тутъ присутствовали, кавалерами же были, по преимуществу, «червонные валеты», которыхъ набралось до двадцати пяти штукъ, потому что и приставъ Нарвской части уступилъ на этотъ вечеръ свой «хоръ». Но больше и искреннѣе всѣхъ веселился Глумовъ, который совсѣмъ неожиданно получилъ даръ танцовать *мелкіе* танцы. Правда, онъ выполнялъ эту задачу не вполнѣ правильно: то замедлялъ темпъ, то топтался на одномъ мѣстѣ, то вдругъ впадалъ въ бѣшенство и какъ ураганъ мчался по залѣ; но Фаинушку даже неправильности его приводили въ восхищеніе. Она не сводила съ него глазъ и потомъ всѣмъ и каждому говорила: видали ли вы чтò-нибудь уморительнѣе и... милѣе? Такъ что, когда я, удивленный и встревоженный этою внезапностью, потребовалъ у Глумова объясненія, то она не дала ему слова сказать, а молча подала мнѣ съ конфетки билетикъ, на которомъ я прочиталъ:

Любовь сладка, всему научитъ (.)
Коль кровь кипитъ (,) а сердце пучитъ (.)
Напрасно будемъ мы стеречься (,)
Но прелестьми должны увлечься (.)

Alea jacta est...

Удивительно, кàкъ странны дѣлаются люди, когда ихъ вдругъ охватитъ желаніе нравиться! думалось мнѣ, покуда Глумовъ выдѣлывалъ ногами какіе-то массонскіе

знаки около печки. Никакъ онъ не могъ оторваться отъ этой печки, словно невидимая сила приколдовала его къ ней. Лицо его исказилось, брови сдвинулись, зубы скрипѣли. Казалось, онъ даже позабылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ происходитъ, а помнилъ только, что у него въ рукахъ находится предметъ, который предстоитъ истрепать... А Фаинушка нетолько не сердилась, но весело и добродушно хохотала, видя, что всѣ ея усилія сорвать его съ мѣста остаются напрасными. Наконецъ, послышался треекъ, посыпалась штукатурка, и Глумовъ понесся въ пространство...

Мысль, что еще сегодня утромъ я имѣлъ друга, а къ вечеру уже утратилъ его, терзала меня. Сколько лѣтъ мы были неразлучны! Вмѣстѣ «пущали революціи», вмѣстѣ ощутили сладкія волненія шкурнаго самосохраненія и вмѣстѣ же рѣшили вступить на стезю благонамѣренности. И вотъ, теперь я одинъ долженъ идти по стезѣ, кишащей гадюками.

Я не обманывалъ себя: предстоящій путь усѣянъ опасностями, изъ коихъ многіи даже прямо могутъ быть названы подлостями. Но есть подлости, согласныя съ обстоятельствами дѣла, и есть подлости, которыя, кромѣ подлости, ничего въ результатѣ не даютъ. Сдѣлать подлость съ тѣмъ, чтобы при помощи ея превознестись— полезно; но сдѣлать подлость для того, чтобы прослыть *только* подлецомъ — просто обидно. Но какимъ тонкимъ чутьемъ нужно обладать, чтобы, совершая полезныя подлости, не обременять себя совершеніемъ подлостей глупыхъ и ненужныхъ!

Въ сихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ въ особенности важны помощь и присутствіе *друга*. У друга во всѣхъ подобнаго рода вопросахъ имѣется въ запасѣ и совѣтъ, и слово утѣшенія. Возьмите, напримѣръ, такой случай: вы идете по улицѣ и замѣчаете, что впереди

предстоитъ встрѣча, которая можетъ васъ скомпрометировать. Вы колеблетесь, спрашиваете себя: слѣдуетъ ли перебѣжать на другую сторону или положиться на волю Божію и принять идущій на встрѣчу ударъ? Вотъ тутъ-то именно и приходитъ на помощь другъ. Ежели возможность убѣжать еще не исчезла, онъ скажетъ: улепетывай скорѣе! Если же время ушло, онъ предостережетъ: не бѣгай, ибо тебя ужь замѣтили и, слѣдовательно, бѣгство можетъ только безъ пользы опакостить тебя! И, наконецъ, ежели и за всѣми предосторожностями, безъ опакощенія обойтись нельзя — онъ утѣшитъ, сказавъ: ничего! въ другой разъ мы въ подворотню шмыгнемъ!

Таковы друзья... конечно, ежели они не шпіоны.

Не скрою, однакожь, что въ моихъ сѣтованіяхъ на Глумова скрывалась и нѣкоторая доля зависти. Оба мы одновременно препоясались на одинъ и тотъ же подвигъ, и вотъ я стою еще въ самомъ началѣ пути, а онъ нетолько дошелъ до конца, но даже получилъ квартиру съ отопленіемъ. Ему не предстоитъ ни жида окрестить, ни подложные векселя писать. Поступивъ на содержаніе къ содержанкѣ, онъ сразу такъ украсилъ свой обывательскій формуляръ, что упразднилъ всѣ промежуточныя подробности. Теперь онъ хоть Маратомъ сдѣлайся — и тутъ Иванъ Тимофеичъ скажетъ: не можетъ этого быть! А я долженъ весь процессъ мучительнаго оподленія продѣлать сначала и по порядку; я долженъ на всякій свой шагъ представить доказательство и оправдательный документъ, и все это для того, чтобы получить въ результатѣ даже не усыновленіе, а только снисходительно брошеное разрѣшеніе: живи!

Дà, не хорошо, когда старые друзья оставляютъ; даже въ томъ случаѣ не хорошо, когда, по справкѣ, оказывается, что другъ-дезертиръ всегда былъ, въ сущности,

прохвостомъ. Ежели хорошій другъ оставляетъ—горько за будущее; если оставляетъ объяснившійся прохвостъ—обидно за прошедшее. Ну, какъ-таки пятнадцать-двадцать лѣтъ прожить, и не замѣтить, что въ двухъ шагахъ отъ тебя—воняетъ. И что, несмотря на эту вонь, ты и душевные чертоги свои и душевное свое гноище—все открывалъ настежъ—кому?.. прохвосту! Но, кромѣ того, какъ хотите, а и квартира съ отопленіемъ свою прелесть имѣетъ. Перекусихинъ 1-й—тайный совѣтникъ!—какъ ни хлопоталъ, а Фаинушка и вниманія не обратила на его мольбы. А Глумовъ, въ чинѣ коллежскаго ассесора, сразу все получилъ безъ словъ, безъ просьбъ, безъ малѣйшихъ усилій. А потомъ, пойдутъ пироги, закуски, да еще мѣняло, пожалуй, въ часть по банкирскимъ операціямъ возьметъ! И все это досталось не мнѣ, добросовѣстному труженику литературы и публицистики (отъ 10 до 15 копѣекъ за строку), а ему... «гулякѣ праздному»!

. . . .

О Балалайкинѣ, между тѣмъ, совсѣмъ забыли. Какъ только пріѣхали къ Завитаеву, Иванъ Тимофеичъ, при двухъ благородныхъ свидѣтеляхъ, отдалъ ему остальныя деньги, а съ него взялъ росписку: «Условленную за бракъ сумму сполна получилъ». Затѣмъ, онъ словно въ воду канулъ; впослѣдствіи же, какъ ни добивались отъ него, куда онъ пропалъ, онъ городилъ, въ отвѣтъ, какую-то неслыханную чепуху:

— Я-то? Я, mon cher, сѣлъ въ шарабанъ и въ Озерки поѣхалъ. Только ѣхалъ-ѣхалъ—чтò за чудеса!—въ Мустамяки пріѣхалъ! Дѣлать нечего, выкупался въ озерѣ, съѣлъ порцію ухи, купилъ у начальника станціи табакерку съ музыкой—вонъ она, въ прошломъ году мнѣ ее кліентъ приподнесъ—и назадъ! Пріѣзжаю домой—глядь, апелляціонный срокъ пропустилъ... Сейчасъ—въ палату.

Что̀, говорятъ, испугался?—Ну, ужь Богъ съ тобой, мы для тебя заднимъ числомъ...

Такъ что Иванъ Тимофеичъ слушалъ-слушалъ и, наконецъ, не вытерпѣлъ и крикнулъ:

— Экой вѣдь ты.. ахъ ты, ахъ!

Наконецъ, въ шестомъ часу утра, когда солнце ужъ наводнило улицу тепломъ и лучами, мы всей гурьбой отправились на Николаевскую желѣзную дорогу проводить нашего безцѣннаго полководца. Экстренный поѣздъ, заказанный Араби-пашой, былъ совсѣмъ готовъ, а на платформѣ Редедю ожидала свита, состоявшая изъ двухъ египтянъ, Хлѣбодара и Виночерпія, и одного арапа, котораго, какъ мнѣ показалось, я когда-то видалъ въ художественномъ клубѣ прислуживающимъ за столомъ. При нашемъ появленіи, за неимѣніемъ египетскаго народнаго гимна, присланные московскими миткалевыми фабрикантами пѣвчіе грянули: «Идѣ домувъ муй».

Редедя молодецкимъ аллюромъ подкатилъ къ свитѣ и скомандовалъ:

— Налѣво круг-го̀мъ!

Послышался звукъ холоднаго оружія; по направленію къ вагонамъ раздались удаляющіеся шаги.

Когда все смолкло, Редедя обратился къ намъ, и видя, что братья Перекусихины плачутъ, взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— Успокойтесь, старики. Съѣзжу въ Каиръ, получу прогонныя деньги, сдамъ Араби-пашу въ плѣнъ—жаль однокашника, а дѣлать нѣчего! — и возвращусь.

Сказавши это, онъ прослѣдовалъ въ вагонъ, а за нимъ размѣстились по вагонамъ и пѣвчіе.

Поѣздъ помчался.

Мы долго стояли на опустѣвшей платформѣ и махали платками, желая египтянамъ побѣды и одолѣнія.

— Вотъ увидите, сказалъ пророческимъ голосомъ Глу-

мовъ: — если Редедя предоставитъ нашимъ миткалямъ путь въ Индію—не миновать ему монумента въ Вознесенскомъ посадѣ!

— А быть можетъ, и въ Москвѣ, въ Ножòвой линіи, отозвался чей-то голосъ.

Тогда Очищенный не выдержалъ и торжественно, отъ лица редакціи «Красы Демидрона», провозгласилъ:

— Sapienti sat!

. . . .

Когда я проснулся, на столѣ у меня лежалъ только-что отпечатанный нумеръ «Красы Демидрона», въ которомъ «нашъ собственный корреспондентъ» отдавалъ подробный отчетъ о вчерашнемъ празднествѣ. Привожу этотъ отчетъ дословно.

«Вчера, на одной изъ невидныхъ окраинъ нашей столицы произошло скромное, но знаменательное торжество. Одно изъ свѣтилъ нашего юридическаго міра, безпроигрышный адвокатъ Балалайкинъ, вступилъ въ бракъ съ сироткой-воспитанницей извѣстнаго банкира Парамонова, Фаиной Егоровной Стёгнушкиной, которая, впрочемъ, уже нѣсколько лѣтъ самостоятельно производитъ оптовую торговлю на Калашниковской пристани. Смотря на молодыхъ, можно было только радоваться: оба одинаково согрѣты пламенемъ любви, и оба одинаково молоды и могучи! И вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно было подумать, какой страстной драмѣ предстояло, черезъ нѣсколько часовъ, разъиграться среди стѣнъ дома Стёгнушкиной, который еще утромъ такъ цѣломудренно смотрѣлся въ волны Обводнаго канала! И сладко, и жутко...

«Всѣмъ извѣстная привѣтливость и любезное обращеніе г. Балалайкина (кто изъ кліентовъ уходилъ отъ него безъ папиросы?) въ значительной степени скрашивала его тѣлесные недостатки; что̀ же касается до невѣсты,

то красотою своею она напоминала знойную дочь юга-испанку. Дайте ей въ руки кастаньеты — и вотъ вамъ качуча! И зной и холодъ, и страстность и гордое равнодушіе, и движеніе и покой — все здѣсь соединилось въ одномъ гармоническомъ цѣломъ и образовало нѣчто загадочное, отвратительно-плѣнительное...

«Изъ числа присутствующихъ въ особенности выдавались два маститыхъ сановника, изъ коихъ одинъ, получивъ въ Уфимской губерніи землю, съ благодарностью ее возвратилъ, другой же не возвратилъ, ибо не получилъ. Не менѣе видную роль игралъ и нашъ знаменитый странствующій витязь-богатырь, Полканъ Самсоновичъ Редедя, который прямо съ праздника умчался въ далекую страну фараоновъ, куда призываетъ его мятежный Араби-паша.

«Балъ въ кухмистерской Завитаева отличался простодушнымъ увлеченіемъ. Танцовали какъ попало, ибо, благодаря изобильному угощенію, большинство гостей сбросило съ себя оковы свѣтской условности и замѣнило ихъ плѣнительною нестѣснительностью. Однакожь, и затѣмъ, нестерпимыхъ невѣжествъ не произошло. Веселье кончилось въ пять часовъ утра, но весьма вѣроятно, оно продолжалось бы и до настоящей минуты, еслибъ новобрачный не обнаружилъ знаковъ нетерпѣнія (очень естественныхъ въ его положеніи), которые дали понять гостямъ, что молодымъ не до нихъ. Послѣ сего всѣ разъѣхались, а молодые отправились въ свой домъ, на порогѣ котораго ихъ ожидалъ малютка-купидонъ, и, навѣрное, взялъ съ счастливцевъ установленную пошлину, прежде нежели допустилъ ихъ забыться въ объятіяхъ Морфея.

«Не можемъ умолчать при этомъ и еще объ одномъ достопримѣчательномъ фактѣ, вызванномъ тѣмъ же торжествомъ. Двое изъ самыхъ вредныхъ нашихъ нигили

стовь, снисходя къ просьбамъ новобрачныхъ, согласились навсегда оставить скользкій путь либерализма, и тутъ же, при всѣхъ, твердою стопой вступили на стезю благонамѣренности.

«Богъ да поможетъ имъ соблюсти себя въ чистотѣ!»

А еще черезъ часъ я получилъ отъ Глумова депешу:

«Я въ эмпиреяхъ. Съ недѣлю повремени приходить».

XIV.

Оставшись въ одиночествѣ, я разомъ почувствовалъ свою безпомощность. Зная себя, какъ человѣка слабохарактернаго, я не безъ основанія опасался сдѣлаться игралищемъ страстей со стороны всякаго встрѣчнаго, которому вздумалось бы предъявить на меня права. Я мысленно уже видѣлъ устремленныя на меня очи крамолы, я ощущалъ ея тлетворное дыханіе, слышалъ ея льстивыя рѣчи, предвкушалъ свое грѣхопаденіе, и не могъ опредѣлить только одного: какой сортъ крамолы скорѣе пристигнетъ меня. Странные, совершенно невѣроятные слухи ходили въ то время по городу. Одни разсказывали, будто два старые крамольника, Зачинщиковъ и Запѣваловъ, которые еще при Аннѣ Леопольдовнѣ способствовали вступленію Елисаветы Петровны на прародительскій престолъ, ходятъ по квартирамъ и заставляютъ беззащитныхъ обывателей пѣть, вмѣстѣ съ ними, тріо изъ «Карла Смѣлаго», котораго они измѣнически называютъ «Вильгельмомъ Теллемъ». Другіе, напротивъ, утверждали, что по квартирамъ ходятъ не Зачинщиковъ и Запѣваловъ, а Выжлятниковъ и Борзятниковъ, внучатные племянники Шешковскаго, которые самовольно вынырнули неизвѣстко откуда и требуютъ

отъ обывателей, кромѣ паспортовъ, предъявленія образа мыслей и заставляютъ ихъ пѣть «Звонъ побѣды раздавайся».

Говорили объ этомъ и на конкахъ, и въ мелочныхъ лавочкахъ, и въ дворницкихъ, словомъ, вездѣ, гдѣ современная внутренняя политика почерпаетъ свои вдохновенія. И странное дѣло!—хотя я, какъ человѣкъ, кончившій курсъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, не вѣрилъ этимъ разсказамъ, но, все-таки, инстинктивно чего-то ждалъ. Думалъ: придутъ, заставятъ пѣть... съумѣю-ли?

Вообще, нынче какъ-то совсѣмъ разучились жить покойно. Всякій (не исключая и несомнѣнныхъ гороховыхъ шутовъ) пристраиваетъ себя къ внутренней политикѣ, и, смотря по количеству ожидаемыхъ пироговъ, объявляетъ себя или благонамѣреннымъ или *нене*благонамѣреннымъ (особенный политическій терминъ, народившійся въ послѣднее время, нѣчто среднее между благовременною благонамѣренностью и благонамѣренностью неблаговременною). Разница тутъ самая пустая, а между тѣмъ, люди подсиживаютъ и калѣчатъ другъ друга, утруждаютъ начальство, а въ жизнь вносятъ безтолковѣйшую изъ смутъ. И все изъ-за того, чтобы захватить въ свою пользу безраздѣльную торговлю благонамѣренностью распивочно и на выносъ.

Коли хотите, въ этомъ не мало виновато и само начальство. Оно слишкомъ серьёзно отнеслось къ этимъ пререканіямъ и, повидимому, даже повѣрило, что на свѣтѣ существуетъ партія благонамѣренныхъ, отличная отъ партіи *нене*благонамѣренныхъ. И вмѣсто того, чтобы сказать и той, и другой:

Спите! Богъ не спитъ за васъ!

впуталось въ ихъ взаимныя пререканія, поощряло, прижимало, соболѣзновало, предостерегало. А «партіи», видя это косвенное признаніе ихъ существованія, ожесточались все больше и больше, и теперь дѣло дошло до того, что угроза каторгой есть самое обыкновенное мѣрило, съ помощью котораго одна «партія» оцѣниваетъ мнѣнія и дѣйствія другой.

Къ сожалѣнію, всего болѣе страдаютъ отъ этого междоусобія невинные обыватели. Будучи поставлены между враждебныхъ партій, изъ которыхъ каждая угрожаетъ каторгой, и, не понимая, что̀ собственно въ данномъ случаѣ отъ нихъ требуется, эти люди отрываются отъ своихъ обычныхъ занятій и всецѣло посвящаютъ себя отгадыванію нелѣпыхъ загадокъ. Переживая процессъ этого отгадыванія, одни мечутся изъ угла въ уголъ, а другіе (въ томъ числѣ Глумовъ и я) даже дѣлаются участниками преступленій, въ надеждѣ, что общій уголовный кодексъ защититъ ихъ отъ притязаній кодекса уголовно-политическаго. Въ самомъ дѣлѣ, видѣть на каждомъ шагу испытывающія и угрожающія лица, слышать вопросы, implicite заключающіе въ себѣ обѣщаніе каторги, вращаться среди полемики, въ основаніи которой положены обвиненія въ измѣнѣ, пособничествѣ, укрывательствѣ и т. п. — право, это хоть кого можетъ озадачить. А коль скоро произошло озадаченіе, то слѣдомъ за нимъ непремѣнно начинаются метанія, перебѣганія, предательства, позоръ...

Все это я совершенно ясно сознавалъ теперь, въ своемъ одиночествѣ.

Я никакъ не предполагалъ, чтобъ дезертирство Глумова могло произвести такую пустоту въ моемъ жизненномъ обиходѣ. А между тѣмъ, случайно или не случайно, съ его исчезновеніемъ, всѣ мои новые друзья словно сгинули. Три дня сряду я не слышалъ никакихъ словъ,

кромѣ краткаго приглашенія: кушать подано! Даже паспорта ни разу не спросили, что̀ уже ясно свидѣтельствовало, что я нахожусь на самомъ днѣ рѣки забвенія.

Ни Иванъ Тимофеичъ, ни Кшепшицюльскій, ни Очищенный — никто не поинтересовался мною. Да признаться, безъ пособія Глумова я врядъ-ли и съумѣлъ бы что̀-нибудь сказать имъ. Есть люди, съ которыми можно бесѣдовать только сообща, чтобъ товарищъ товарищу помогалъ. Одинъ одно слово броситъ, другой это слово на лету подхватитъ и другое подкинетъ — смотришь, анъ разговоръ. Все равно, какъ бумажки на полу одна бумажка — просто только бумажка, а много бумажекъ — соръ. Раза два я видѣлъ, какъ Молодкинъ проскакалъ на пожарной трубѣ мимо нашего дома и всякій разъ заглядывалъ въ мои окна и даже посылалъ мнѣ воздушный поцалуй. Но ка̀къ я ни заманивалъ его — однажды даже подстерегъ со штофомъ въ одной рукѣ и съ рюмкой въ другой — онъ только головой въ отвѣтъ моталъ. Такъ я и остался нипричемъ.

Я чувствовалъ, что надо мной что̀-то виситъ: или трагедія, или шутовство. Въ сущности, впрочемъ, это одно и то же, потому что бываютъ такія жестокія шутовства, которыя далеко оставляютъ за собой коллизіи самыя трагическія. Помнится, Очищенный какъ-то обмолвился, сказавъ, что мы всю жизнь между трагедій ходимъ, и только потому не замѣчаемъ этого, что трагедіи наши черезъ чуръ ужь коротенькія и внезапныя. Очевидно, онъ не договорилъ. Трагедіи у насъ, дѣйствительно, одноактныя (взвился занавѣсъ и тотчасъ же опустился надъ убіенными), но трагедія растянулась на такое безчисленное множество актовъ, какъ нигдѣ. И, притомъ, осложнилась шутовствомъ. Не обращаемъ же мы на нихъ вниманія совсѣмъ не потому, чтобъ внезапность упраздняла боль, а потому, что дѣваться отъ

трагедій нѣкуда, и слѣдовательно, хоть жалуйся, хоть нѣтъ — все равно, терпѣть надо.

Понятно, что, поджидая съ часа на часъ вторженія въ мою жизнь шутовской трагедіи, я не могъ не волноваться сомнѣніями самаго неопрятнаго свойства. А что̀, если она застигнетъ меня врасплохъ? что̀, если она прижметъ меня къ стѣнѣ и скажетъ: выкладывай все, что̀ у тебя есть! не виляй хвостомъ, не путайся въ словахъ, не ссылайся, не оговаривайся, а отвѣчай прямо, точно, опредѣленно!

Ка̀къ я поступлю въ виду этихъ настояній? стану-ли просить объ отсрочкѣ? Но вѣдь это именно и будетъ «виляніе хвостомъ». Скажу-ли прямо, что не могу примкнуть къ суматохѣ, потому что считаю ее самою несостоятельною формою общежитія? Но вѣдь суматоха никогда не признаётъ себя таковою, а присвоиваетъ себѣ наименованіе «порядка»... Кто говоритъ вамъ о суматохѣ? отвѣтятъ мнѣ: — ему о порядкѣ напоминаютъ, къ защитѣ порядка его призываютъ, а онъ «суматоху» приплелъ... хорошъ гусь!

Ахъ, этотъ шкурный вопросъ! всякую минуту, на всякомъ мѣстѣ онъ такъ и мелькаетъ, такъ и вгрызается въ жизнь!

Нѣтъ ничего капризнѣе недомыслія, когда оно взбудоражено и, вдобавокъ, чувствуетъ, что въ его распоряженіи находится людское малодушіе и людское искательство. Оно не уступитъ ни пяди, не задумается ни передъ силой убѣжденій, ни передъ логикой, а будетъ все напирать да напирать. Оно у всѣхъ предполагаетъ отвѣтъ готовымъ (начертаннымъ въ сердцахъ), и потому требуетъ его немедленно, сейчасъ: да̀ или нѣтъ?

. . . .

Наконецъ, выдалось утро, впродолженіи котораго предчувствія мои осуществились вполнѣ.

Я сидѣлъ, углубившись въ чтеніе календаря, какъ вдругъ передо мной, словно изъ подъ земли, выросъ неизвѣстный мужина (надо сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ произошло мое вступленіе на путь благонамѣренности, я держу двери своей квартиры открытыми, чтобъ «гость» прямо могъ войти въ мой кабинетъ и убѣдиться въ моей невинности).

— За календарь взялись? привѣтствовалъ онъ меня: — отлично... ха-ха!

Я взглянулъ. Мужчина стоялъ высокій, дородный и, повидимому, веселый. Большая волосатая голова съ плоскимъ лицомъ, на которомъ природа рѣзко, но безъ малѣйшаго признака тщательности, вырубила полагающіяся по штату выпуклости и углубленія, плотно сидѣла на короткой шеѣ, среди широкихъ плечъ. Весь онъ былъ сколоченъ прочно и могуче, словно всею фигурой говорилъ: мучить понапрасну не стану, а убить — могу. Ноги—какъ у носорога, руки фельдъегерскія, голосъ — валитъ какъ изъ пропасти. Но не было въ этой фигурѣ кляузы, и это производило до извѣстной степени примиряющее впечатлѣніе. Казалось, что если ужь нельзя обойтись безъ «гостя», то лучше пусть будетъ этотъ, наглый, но не кляузный, нежели другой, который, пользуясь безнаказанностью, яко даромъ небесъ, въ то же время вонзаетъ въ васъ жало кляузы. Весьма вѣроятно, что это неуклюжее тѣло когда-то знавало лучшія времена. Сначала жилъ-былъ enfant de bonne maison, потомъ жилъ-былъ лихой корнетъ, потомъ — блестящій виверъ, потомъ — виверъ прогорѣвшій, потомъ — ташкентецъ или обруситель, и, наконецъ — благонамѣренный крамольникъ. И дѣйствительно, когда я всмотрѣлся въ него попристальнѣе, въ головѣ моей что-то мелькнуло, какой-то отрывокъ прошлаго...

— На путь благонамѣренности вступили?.. ха-ха! продолжалъ онъ, безъ церемоній усаживаясь въ кресло.

Но я все еще вглядывался и припоминалъ. Положительно, что̀-то было!

— Что̀ глядите — онъ самый и есть... ха-ха!

— Выжлятниковъ! да вѣдь вы находитесь подъ судомъ! невольно вырвалось у меня.

Я вспомнилъ окончательно. Дѣйствительно, передо мной находился прогорѣвшій виверъ, котораго я когда-то зналъ полиціймейстеромъ въ Т.

— Экъ, батюшка, хватились! Я послѣ того еще два раза подъ судомъ былъ. Хотите, я вамъ, въ краткихъ словахъ, весь свой формуляръ разскажу? Отчегожъ! съ удовольствіемъ! Въ Ташкентѣ — былъ, обрусителемъ — былъ, подъ судомъ — былъ. Купца — билъ, мѣщанина — билъ, мужика — билъ. Водку — пилъ. Ха-ха!

Каждую фразу онъ подчеркивалъ хохотомъ, въ которомъ слышался цинизмъ, страннымъ образомъ перемѣшанный съ добродушіемъ.

— Я, сударь, скептикъ, продолжалъ онъ: — а можетъ быть, и киникъ. Въ суды не вѣрю и рѣшеній не признаю. Кабы я вѣрилъ, меня бы давно ужь засудили, а я, какъ видите, живъ. Но къ дѣлу. Такъ вы на путь благонамѣренности вступили... ха-ха!

— Но мнѣ кажется, что я и прежде... оговорился я.

— И прежде, и послѣ, и теперь... не въ томъ дѣло! Я и про себя не знаю, точно-ли я благонамѣренный или только такъ... А вы вотъ что̀: не хотите-ли «къ намъ» поступить?

— А вы при какой крамолѣ состоите? при потрясательно-злонамѣренной или при потрясательно-благонамѣренной?

— Угадайте!

— Зачѣмъ угадывать? не имѣю надобности.

— Ежели я вамъ назову... ну, хоть «кружокъ любителей статистики»... ха-ха!

— Уставъ утвержденъ?

— Чудакъ вы!

— Въ такомъ случаѣ, извините. Хоть я и люблю статистику, но не чувствую ни малѣйшей потребности прибѣгать къ тайнѣ, коль скоро могу явно...

— А явно — это особо! И явно, и тайно — милости просимъ всячески! А ну-ка, благослови Господи... по рукамъ!

— Ей-Богу, не могу.

— Да вы подумайте, что̀ такое есть ваша жизнь? — вѣдь это кукуевская катастрофа—только и можно сказать про нее! Развѣ вы живете хоть одну минуту такъ, ка̀къ бы вамъ хотѣлось? — никогда, ни минуты! читать вы любите — вмѣсто книгъ, календарь перечитываете; общество любите — вмѣсто людей, съ Кшепшицюльскимъ компанію водите; писать любите — стараетесь не буквы, а каракули выводить! Словомъ сказать, постоянно по кукуевской насыпи ѣдете. И все это только для того, чтобъ въ кварталѣ объ васъ сказали: «какой же это опасный человѣкъ! это самый обыкновенный шалопай!» Ну, сообразно-ли это съ чѣмъ-нибудь?

Разумѣется, я и самъ понималъ, что ни съ чѣмъ не сообразно, но, все-таки, повторилъ: не могу.

— Надняхъ, для этой цѣли, вы двоеженство устроили, продолжалъ онъ: — а въ будущемъ, можетъ быть, понадобится и подлогъ...

При этихъ словахъ у меня даже волосы на головѣ зашевелились.

— Да, и подлогъ, повторилъ онъ: — потому что требованія все повышаются и повышаются, а сообразно съ этимъ, должна повышаться и температура вашей готовности... Ну, хорошо, допустимъ. Допустимъ, что вы вы-

полнили свою программу до конца — развѣ это результатъ? Развѣ вамъ повѣрятъ? Развѣ не скажутъ: это въ немъ шкура заговорила, а настоящей искренности въ его поступкахъ, все-таки, нѣтъ.

Я продолжалъ упорствовать.

— Вотъ еслибы вамъ повѣрили, что вы дѣйствительно... тово... это былъ бы результатъ! А вѣдь, въ сущности, вы можете достигнуть этого результата, не дѣлая никакихъ усилій. Ни разговоровъ съ Кшепшицюльскимъ, отъ васъ не потребуется, ни подлоговъ — ничего. Придите прямо, просто, откровенно: вотъ молъ я! И все для васъ сдѣлается яснымъ. И вы всѣмъ повѣрите, и вамъ всѣ повѣрятъ. Скажутъ: это человѣкъ искренній, настоящій; ему можно вѣрить, потому что онъ не о спасеніи шкуры думаетъ, а объ ея украшеніи... ха-ха!

— Но этого - то именно я и не хочу... украшеній этихъ! возмутился я.

— То-то вотъ вы, либералы! И шкуру сберечь хотите, да еще претендуете, чтобы она вамъ даромъ досталась! А вѣдь, по настоящему, надо ее заслужить!

— Послушайте! вѣдь кажется, что шкура и отъ природы даромъ полагается?

— Это смотря. Объ этомъ еще диспутъ идетъ. Нонѣ такъ разсуждаютъ: ты говоришь, что коль скоро ты ничего не сдѣлалъ, такъ, стало быть, шкура — твоя? Анъ это неправильно. Ничего-то не дѣлать всякій можетъ, а ты дѣлать дѣлай, да такъ, чтобъ тебя похвалили!

— Какъ хотите, а это, въ сущности, только кляузно, но не умно!

— И я говорю, что глупо, да вѣдь развѣ я это отъ себя выдумалъ? Мнѣ наплевать — только и всего. Ну, да довольно объ этомъ. Такъ вы объ украшеніи шкуры не думаете? Безкорыстіе, значитъ, въ предметѣ имѣете?

Прекрасно. И безкорыстіе — полезная штука. Потому что изъ-подъ безкорыстія-то, смотрите, какія иногда перспективы выскакиваютъ!.. Такъ по рукамъ, чтò-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Тогда онъ сталъ убѣждать меня вплотнỳю. Говорилъ, что никакого особливаго оказательства съ моей стороны не потребуется, что все ограничивается одними научными наблюденіями по части основъ и краеугольныхъ камней, и только изрѣдка провѣркою паспортовъ... ха-ха! Что теперь время дачное и поле для наблюденій самое удобное, потому что на дачахъ живутъ на распашку и оставляютъ окна и двери балконовъ открытыми. Что, собственно говоря, тутъ нѣтъ даже подсиживанія, а именно только статистика, которая, безъ сомнѣнія, не останется безъ пользы и для будущаго историка. И, наконецъ, что мнѣ, какъ изслѣдователю признаковъ современности, нетолько полезно, но и необходимо освѣжить запасъ наблюденій новыми данными, взятыми изъ сферъ, доселѣ мнѣ недоступныхъ.

Словомъ сказать, такъ меня заговорилъ, что я-таки не выдержалъ и заинтересовался.

— Какую же вы статистику собираете? спросилъ я: — черезъ кого? кàкъ?

— Статистика наша имѣетъ въ виду приведеніе въ ясность современное настроеніе умовъ. Кто объ чемъ думаетъ, кто съ кѣмъ и объ чемъ говоритъ, чего желаетъ. Вотъ.

— Чудесно. Стало быть, у васъ для статистическихъ развѣдокъ и довѣренные люди есть?

— Производство развѣдокъ поручается опытнымъ статистикамъ (непремѣнное условіе, чтобъ не меньше двухъ разъ подъ судомъ былъ... ха-ха!), которые устроиваютъ ихъ, согласуясь съ обстоятельствами. Напримѣръ, лѣто нынче стоитъ жаркое и, слѣдовательно, много купаль-

щиковъ. Сейчасъ нашъ статистикъ бултыхъ въ воду! и начинаетъ нырять.

— Ахъ, Боже! то-то я, купаючись, всякій разъ вижу, что какой-то незнакомецъ около меня круги дѣлаетъ!

— Это онъ самый и есть. А вотъ и другой примѣръ: приспѣло время для фруктовъ — сейчасъ нашъ статистикъ лотокъ на голову, и пошелъ статистику собирать.

— Но послушайте! вѣдь этакъ ваши «статистики» такихъ чудесъ насоберутъ, что житья отъ нихъ никому не будетъ.

— А я про чтòжь говорю! я про то и говорю, что никому не будетъ житья!

— Но вѣдь это... междоусобіе?

— И я говорю: междоусобіе.

Я удивленно взглянулъ на него во всѣ глаза.

— А вамъ-то чтò! воскликнулъ онъ, разражаясь раскатистымъ хохотомъ.

— Какъ чтò! заторопился я:—да вѣдь я... вѣдь вы... вѣдь у насъ... есть отечество, родина... вѣдь мы должны... мы не имѣемъ права смущать...

— Чудакъ! шкуру бережетъ, подлоги сбирается дѣлать, а объ отечествѣ плачется!

. . . .

Выжлятниковъ пробылъ у меня еще съ часъ и все соблазнялъ. Разсказывалъ, кàкъ у нихъ хорошо: всѣ подъ нумерами и всѣ переодѣтые — точь въ точь, какъ въ водевилѣ «Актеръ, какихъ мало». Руководители имѣютъ въ виду благо общества, и потому дѣйствуютъ безвозмездно, исполнители же блага общества въ виду не имѣютъ, и, взамѣнъ того, пользуются соотвѣтствующимъ вознагражденіемъ.

— И странное дѣло! заключилъ онъ: — сколько бы разъ ни былъ человѣкъ подъ судомъ, а къ намъ посту-

питъ — всѣ судимости разомъ какъ рукой съ него сниметъ!

Къ чести своей, однакожъ, я долженъ сказать, что устоялъ. Одно время чуть-было у меня не сползло съ языка нѣчто въ родѣ обѣщанія подумать и посмотрѣть, но на этотъ разъ, слава Богу, Выжлятниковъ самъ сплошалъ. Снялся съ кресла и оставилъ меня, обѣщавши въ непродолжительномъ времени зайти опять и возобновить разговоръ.

Но въ этотъ день мнѣ особенно посчастливилось: «гости» слѣдовали одинъ за другимъ. Не успѣлъ я проводить Выжлятникова, какъ появилась особа женскаго пола. Молоденькая, маленькая, не безъ пріятностей, но какъ будто слегка растерянная. Вѣроятно, она не сама собой въ крамолу попала, а сначала братцы или кузены воспламенились статистикой, а потомъ ужъ и ее воспламенили. Очевидно, она позабыла, зачѣмъ пришла, потому что сѣла противъ меня и долго молча на меня смотрѣла. Мнѣ показалось даже, что у нея на глазкахъ навернулись слезки, оттого-ли, что ей жалко меня стало, или оттого, что «ахъ, какая я несчастная!». Наконецъ, я самъ рѣшился ей помочь въ ея миссіи.

— Вы отъ крамолы, чтò-ли? спросилъ я.

Тогда она вспомнила и произнесла:

— Ахъ, да... Голубчикъ! переходите къ намъ!

Это было сказано такъ мило, какъ будто она приглашала меня перейти изъ кабинета въ гостинную. Очень даже возможно, что она именно такъ и смотрѣла на свою миссію, потому что когда я высказалъ ей это предположеніе, она ни мало не удивилась и сказала:

— Ну, такъ чтòжъ! и перейдите!

Тогда я, взявъ ее за ручки, сказалъ: «Ахъ, Боже мой!» — и обѣщалъ...

Потомъ пришелъ преклонныхъ лѣтъ старецъ и отре-

комендовался: «вашъ искренній доброжелатель». Этотъ началъ безъ обиняковъ:

— Нельзя такъ, государь мой, нельзя-съ!

— Въ чемъ же я, вашество, провинился?

— Во всемъ-съ. Скверно у насъ, гадко, ни нà что не похоже — не спорю! Но тàкъ... нельзя-съ!

Онъ волновался и безпокоился, хотя не могъ сказать объ чемъ. Повидимому, чтò-то было для него ясно, только онъ не понималъ, чтò именно. Оттого онъ и повторялъ такъ настойчиво: нельзя-съ! Еще родители его это слово повторяли, и такъ какъ для нихъ, дѣйствительно, было все ясно, то онъ думалъ, что и ему, если онъ будетъ одно и то же слово долбить, когда-нибудь будетъ ясно. Но когда онъ увидѣлъ, что и онъ ничего не понимаетъ, и я ничего не понимаю, то рѣшился, какъ говорится, «положить мнѣ въ ротъ».

— Цѣли не вижу-съ! произнесъ онъ: — не вижу цѣли-съ! Все можно-съ: и критиковать, и указывать, и предъявлять... но тàкъ... нельзя-съ!

— Ахъ, вашество!

— Цѣли нѣтъ-съ—это главное. Гадко у насъ, мерзко-съ—это знаетъ всякій! Но надобно имѣть въ виду цѣль, а ея-то я и не вижу-съ!

— Вашество! да кто же нынче какія-нибудь цѣли имѣетъ! Живутъ, какъ Богъ пошлетъ. Прошелъ день, прошла ночь, а потомъ опять день да ночь...

— Вы говорите: какъ Богъ пошлетъ?—прекрасно-съ! вотъ вамъ и цѣль-съ! Благополучно прошелъ день, спокойно — и слава Богу! И завтра будетъ день, и послѣ завтра будетъ день, а вы — живите! И за-границей не лучше живутъ! Но тамъ — довольны, а мы — недовольны!

Говоря это, старикъ волновался-волновался и, нако-

нецъ, такъ закашлялся, что я инстинктивно бросился къ нему и сталъ растирать ему грудь.

— Вотъ видите! сказалъ онъ, успокоиваясь: — нача̀ла-то въ васъ положены добрыя! Вы и ближнему помочь готовы и къ старости уваженіе имѣете... отчего же вы не во всемъ такъ? Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! дайте мнѣ слово, что вы исправитесь!

— Но что̀ же я такое...

— Ничего «такого», а просто: такъ нельзя! загвоздилъ онъ опять:—нельзя такъ, цѣли нѣтъ! И за-границей живутъ, и у насъ живутъ; тамъ не ропщутъ, а у насъ — ропщутъ! Почему тамъ не ропщутъ — потому что роптать нѐ на что! почему у насъ ропщутъ? — потому что нельзя не роптать! Постойте! кажется, я что̀-то такое сказалъ?

— Ничего, вашество, все слава Богу!

— Прекрасно. Обѣщайте же мнѣ...

Но тутъ опять его пристигъ пароксизмъ кашля. Взрывы слѣдовали за взрывами, а въ промежуткахъ онъ говорилъ:

— Тридцать лѣтъ... кашляю... все вотъ такъ... Въ губернаторахъ двадцать лѣтъ кашлялъ... теперь въ званіи сенатора... десять лѣтъ кашляю... что̀, по вашему это значитъ? А то, мой другъ, что я и еще тридцать лѣтъ прокашлять могу!

— Дай-то Богъ! отозвался я.

— И даже мѣръ особливыхъ не принимаю, потому что — цѣль вижу! увѣренно продолжалъ онъ. — Вижу цѣль, и знаю, что созидаемое мною зданіе — прочно! А вы цѣли не видите и строите на песцѣ!.. Не хорошо-съ! нельзя-съ!

Онъ всталъ и долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза, отечески-укоризненно покачивая головой.

— Утѣшь, мой другъ, старика! воскликнулъ онъ, простирая ко мнѣ объятія.

Я не выдержалъ и устремился. Я не понималъ, что̀ именно обѣщаю, но обѣщалъ. Онъ же гладилъ меня по головѣ и говорилъ:

— Всегда я утверждалъ, что лаской можно изъ него сдѣлать... все!

Послѣ всѣхъ пришелъ дальній родственникъ (въ родѣ внучатнаго племянника) и объявилъ, что онъ все лѣто ходилъ съ бабами въ лѣсъ по ягоды, и этимъ способомъ успѣлъ прослѣдить два важныя потрясенія. За это онъ, сверхъ жалованья, получилъ сдѣльно 99 р. 3 к., да черники продалъ въ Рамбовѣ на 3 руб. 87 коп. Да, сверхъ того, общество поощренія художествъ обѣщало устроить въ его пользу подписку.

— Не хотите-ли, дяденька, поступить?

Но на этотъ разъ я разсердился.

XV.

Весь день я раздумывалъ, какимъ образомъ я выполню принятыя обязательства, или, лучше сказать, какимъ способомъ уклонюсь отъ ихъ выполненія. Еще недавно, мы съ Глумовымъ провели день въ окрестностяхъ Петербурга, встрѣтили въ лѣсу статистика, который, подъ видомъ собиранія грибовъ, производилъ развѣдки. И та̀къ онъ мнѣ показался нехорошъ изъ себя, что при одной мысли о возможности очутиться въ роли купальщика или собирателя грибовъ меня тошнило. Но спрашивается: что̀ же предстоитъ предпринять, ежели вопросъ будетъ поставленъ такъ: или собирай статистику, или навсегда оставайся въ спискѣ неблагонамѣренныхъ и ѣзди по кукуевской насыпи?

Понятно, ка̀къ я обрадовался, когда на другой день утромъ пришелъ ко мнѣ Глумовъ. Онъ былъ веселъ и весь сіялъ, хотя лицо его нѣсколько поблѣднѣло и носъ обострился. Очевидно, онъ прибѣжалъ съ намѣреніемъ разсказать мнѣ эпопею своей любви, но я на первыхъ же словахъ прервалъ его. Не нынче-завтра, Выжлятниковъ могъ дать мнѣ второе предостереженіе, а старикъ и дѣвушка, навѣрное, уже сію минуту поджидаютъ меня. Что̀ же касается до племянника, то онъ, конечно,

ужь доставилъ куда слѣдуетъ статистическій матеріалъ. Какъ теперь быть?

— Бѣжать надо! сразу рѣшилъ Глумовъ.

— А ты?

— И я заодно. И Фаинушку съ собой возьмемъ... бабочка-то какая! золото!

— Куда же мы побѣжимъ?

— А будемъ постепенно подвигаться впередъ. Сначала по желѣзной дорогѣ поѣдемъ, потомъ на пароходъ пересядемъ, потомъ на тройкѣ поѣдемъ или опять по желѣзной дорогѣ. Надоѣстъ ѣхать, остановимся. Провизіи съ собой возьмемъ, въ деревню этнографическую экскурсію сдѣлаемъ, молока, чернаго хлѣба купимъ, станемъ пѣсни, былины записывать; если найдемъ слѣпенькаго кобзаря — въ Петербургъ на показъ привеземъ.

— Чудакъ! это прежде былины-то по деревнямъ собирали, а нынче за такое дѣло руки къ лопаткамъ и маршъ въ холодную!

— А ежели всѣхъ постигаетъ такая участь, такъ и мы отъ міру не прочь. Я ужь Фаинушку спрашивалъ: пойдешь ты за мною въ народъ? — Хоть на край свѣта! говоритъ. Для науки, любезный другъ, и въ холодной посидѣть можно!

— Вотъ, Глумовъ, тебѣ объ дѣлѣ говорятъ, а ты все шутки шутишь!

— Ни мало не шучу. Говорю тебѣ: бѣжать надо — и бѣжимъ. Ждать здѣсь нечего. Спасать шкуру я согласенъ, но украшать или приспосабливать ее — слуга покорный! А я же кстати и вѣсточку тебѣ такую принесъ, что какъ разъ къ нашему побѣгу подходитъ. Представь себѣ, вѣдь Онуфрій-то цѣлыхъ полмилліона на университетъ отвалилъ.

— На сибирскій?

— Нѣтъ, новый хочетъ взбодрить, въ новыхъ земляхъ. Въ Самаркандѣ, или въ Маргеланѣ — еще не рѣшили.

— А про каѳедру митирогнозіи для Очищеннаго не забылъ?

— Помилуй, Онуфрій самъ именно ее и имѣлъ въ виду. При сношеніяхъ съ инородцами нѣтъ, говоритъ, этой науки полезнѣе.

— То-то будетъ радъ почтенный старичекъ!

— Мы, любезный другъ, и объ Редедѣ вспомнили. Такъ какъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, потребности въ политической экономіи не предвидится, то онъ науку о распространеніи московскихъ плисовъ и миткалей будетъ въ новомъ университетѣ читать.

— И безподобно! Для Маргелана и этихъ двухъ наукъ за глаза довольно!

— Вотъ мы въ ту сторону и направимся среднимъ ходомъ. Сначала къ тебѣ, въ Проплёванную, заѣдемъ— можетъ, домъ-то еще не совсѣмъ изнылъ; потомъ въ Моршу, къ Фаинушкинымъ сродственникамъ махнемъ, оттуда — въ Нижній-Ломовъ, гдѣ Фаинушкина тётенька у богатаго скопца въ кухаркахъ живетъ, а по дорогѣ гдѣ-нибудь и жида окрестимъ. Ужь Онуфрій объ этомъ и переговоры какіе-то втайнѣ ведетъ. Надѣется онъ, современемъ, изъ жида мѣнялу сдѣлать.

— Но если мы уѣдемъ, кто же объ университетѣ хлопотать будетъ?

— А мы Балалайкину полную довѣренность выдадимъ. Онъ, братъ, что̀ угодно выхлопочетъ!

— Глумовъ! такъ пошлемъ же поскорѣй за Очищеннымъ!

— И за нимъ, и за Балалайкинымъ. Переговоримъ что̀ слѣдуетъ, а потомъ, всѣ вмѣстѣ — обѣдать къ Фаинушкѣ.

Черезъ часъ, Очищенный и Балалайкинъ были уже съ нами. Почтенный старикъ, услыхавъ объ ожидающей его на востокѣ просвѣтительной миссіи, хотѣлъ-было, въ видѣ обращика, произнести нѣсколько съ ногъ сшибательныхъ выраженій, но отъ слезъ ни слова не могъ выговорить. Когда же успокоился, то просилъ объ одномъ: чтобы предположенное по штату жалованье начать производить ему, не дожидаясь открытія университета, а теперь же, со дня объявленія ему радости. Что̀ же касается до Балалайкина, то и онъ очень серьёзно отнесся къ предстоящей обязанности, такъ что когда Глумовъ предостерегъ его:

— Ты смотри, Балалайка! въ одно ухо влѣзь, а въ другое вылѣзь!

То онъ пріосанился и увѣреннымъ тономъ отвѣтилъ:

— За меня, господа, не безпокойтесь! Я одно такое средство знаю, что самый «что̀ называется» — и тотъ не рѣшится его употребить! А я рѣшусь.

Тогда мы убѣдились, что дѣло просвѣщенія русскаго востока находится въ хорошихъ рукахъ, и уже совсѣмъ-было собрались къ Фаинушкѣ, какъ Очищенный остановилъ насъ.

— Ужь коли на то пошло, сказалъ онъ: — такъ и я свой секретъ открою. Выдумалъ я штуку одну. Не то, чтобы особливую, но пользительную. Ка̀къ вы думаете, господа, ежели теперича по всей Россіи обязательное страхованіе жизни ввести — выйдетъ изъ этого польза или нѣтъ?

Вопросъ этотъ на столько озадачилъ насъ, что мы смотрѣли на Очищеннаго, вытаращивъ глаза. Но Глумовъ уже что̀-то схватилъ налету. Онъ одинъ глазъ зажмурилъ, а другимъ вглядывался: это всегда съ нимъ бывало, когда онъ соображалъ или вычислялъ.

*

— По новѣйшимъ извѣстіямъ, сколько имѣется въ Россіи жителей? продолжалъ Очищенный.

— По послѣднему календарю Суворина, въ 1879 году числилось 98,516,398 душъ, отвѣтилъ я.

— Значитъ, если обложить по рублю съ души — будетъ 98,516,398 рублей. Хорошо. Это — доходъ. Теперича, при ежегодномъ взносѣ по рублю съ души, ка̀къ вы думаете, какую, на случай смерти, премію можно назначить? Та̀къ, круглымъ числомъ?

Бросились къ Суворинскому календарю, стали искать, нѣтъ-ли статьи о движеніи народонаселенія, но таковой не оказалось. Тогда начали припоминать, что̀ говорилось по этому поводу въ старинныхъ статистикахъ, и припомнили, что, *кажется* средній человѣческій возрастъ опредѣлялся тридцатью однимъ годомъ.

— Тридцать одинъ рубль, предложилъ Глумовъ.

— А я назначаю тридцать пять! воскликнулъ Очищенный ъ порывѣ великодушія.

— Что̀ ты! набросились мы на него: — ты пойми, кто воспользуется твоимъ страхованіемъ! вѣдь мужикъ воспользуется! ему и тридцати одного рубля за глаза довольно!

Но Очищенный убѣдительно просилъ удержать цифру 35, такъ какъ, въ виду народной политики, эта надбавка можетъ послужить хорошей рекомендаціей.

— Теперича, какое, по вашему мнѣнію, ежегодно число смертей можетъ быть? продолжалъ онъ.

Опять бросились къ календарю и опять ничего не нашли. Но приблизительно вывели, что съ 1870 года по 1879-й средній ежегодный приростъ населенія простирался до 1,500,000 душъ. Но сколько ежегодно было родившихся и сколько умершихъ? — Это взялся опредѣлить уже самъ Очищенный при пособіи кокоревскаго глазомѣра.

— Изъ 98,516,398 душъ предположимъ на половину бабъ, сказалъ онъ: — получится круглымъ числомъ 49 милліоновъ бабъ. Изъ нихъ на половину откинемъ старыхъ и малыхъ—останется двадцать четыре съ половиной милліона способныхъ къ дѣторожденію. Изъ этой половины откинемъ хоть тоже половину безплодныхъ и могущихъ вмѣстить дѣвство—останется съ небольшимъ двѣнадцать милліоновъ. Каждая изъ этихъ плодущихъ бабъ пущай разъ въ три года родитъ — кажется, довольно?— получатся четыре милліона рожденій. Выключите отсюда приростъ въ полтора милліона—опредѣлится смертность въ два съ половиной милліона душъ. По тридцати пяти рублей на каждую умирающую душу — сколько это денегъ будетъ?

— Восемьдесятъ семь милліоновъ съ половиной! бойко отвѣтили мы.

— А ежели вычесть этотъ расходъ изъ дохода (въ 98 съ половиной милліоновъ), сколько въ пользу страхового общества останется прибыли?

— Один-над-цать мил-лі-о-новъ!!

— Только и всего-съ.

Очищенный торжественно умолкъ. На насъ слова «страховое общество» тоже подѣйствовали подавляющимъ образомъ. Никакъ мы этого не ожидали. Мы думали, что старикъ просто, отъ нѣчего дѣлать, статистикой балуется, а онъ, подитко, какую штуку удралъ!

— Это, братецъ, такъ хорошо, первый опомнился Глумовъ: — что я предлагаю изъ прибылей жертвовать по рублю серебромъ въ пользу новорожденныхъ... въ родѣ какъ на обзаведеніе!

— А я—половину акцій аставляю за собой! прибавилъ Балалайкинъ, но Очищенный такъ на него зарычалъ, что онъ сейчасъ же согласился на одну четверть.

— Позвольте, господа! съ своей стороны отозвался

я: — все это отлично, но мы упустили изъ вида одно: недоимщиковъ. Извѣстно, что русскій крестьянинъ...

Я уже совсѣмъ-было собрался прочитать лекцію о свойствахъ русскаго крестьянина, но Очищенный на первыхъ же словахъ прервалъ меня.

— А для насъ тѣмъ и лучше-съ, сказалъ онъ просто.

— Ка̀къ такъ?

— А вотъ какъ-съ. Всякій, кто хоть разъ не взнесъ своевременно рубля серебромъ, тѣмъ самымъ навсегда лишается права на страховую премію — это правило-съ. Теперь возьмите: сколько найдется такихъ, которые много лѣтъ платятъ и вдругъ потомъ перестаютъ? — вѣдь прежнія-то уплаты, стало быть, полностью въ пользу общества пойдутъ! А, во-вторыхъ, и еще: предположимъ, что число недоимщиковъ возрастетъ до одной трети; стало быть, доходъ общества, приблизительно, уменьшится на тридцать-три милліона рублей. Но вѣдь одновременно съ этимъ уменьшится и количество выдаваемыхъ премій, да не на треть уменьшится, а на половину и даже болѣе. Почему на половину? — а по той простой причинѣ, что смертность между недоимщиками всегда бываетъ больше, нежели между исправными плательщиками. И такимъ образомъ, ежели это предположеніе осуществится, мы будемъ имѣть дохода шестьдесятъ-пять милліоновъ, а расхода на уплату одного милліона трехсотъ тысячъ премій потребуется сорокъ милліоновъ пятьсотъ тысячъ. Въ остаткѣ — четырнадцать милліоновъ.

— Браво, Иванъ Иванычъ, браво! воскликнули мы.

— Но скажи мнѣ, голубчикъ, какими судьбами ты до такой изумительной комбинаціи дошелъ? полюбопытствовалъ Глумовъ.

— Богъ меня большими дарованіями не наградилъ, отвѣтилъ почтенный старикъ скромно: — но я и изъ

маленькихъ стараюсь извлечь, что̀ могу. Похаживаю между людьми, прислушиваюсь. Намеднись слышу, одинъ умный господинъ предлагаетъ проектъ: учредить страховое общество на случай крушенія желѣзнодорожныхъ поѣздовъ. Чтобъ съ каждаго, значитъ, пассажира не обременительный, но обязательный сборъ былъ, а потомъ, въ случаѣ крушенія, чтобы премія—хорошо-съ? Ну, слушалъ я, слушалъ — и вдругъ мнѣ блеснуло: а что̀, ежели эту самую мысль да въ обширныхъ размѣрахъ осуществить? И придумалъ.

— И ка̀къ еще придумалъ! похвалилъ Глумовъ: — и дѣточекъ не забылъ! Добрый ты — вотъ что̀ въ тебѣ дорого! Теперича, возьмемъ хоть такой случай: умираетъ какой-нибудь одномѣсячный пузырь... Прежде — ка̀къ было? И гробикъ ему отецъ съ матерью сдѣлай, и попу за погребенье отдай — смотришь, пять-то рублей между рукъ ушли! Изъ какихъ доходовъ? гдѣ бѣдняку мужичку эти пять рублей достать?—А на будущее время: умеръ пузырь — сейчасъ семейству тридцать-пять рублей... вотъ вамъ! Тридцать рублей, какъ копѣечка, чистаго барыша! а въ крестьянскомъ быту на тридцать-то рублей корову купить можно! Шутка!

— И даже прекраснѣйшую-съ, подтвердилъ Очищенный.

Затѣмъ, оставалось только приступить къ развитію дальнѣйшихъ способовъ осуществленія выдумки Очищеннаго, но я, будучи въ этотъ день настроенъ особенно придирчиво, счелъ нужнымъ предложить собранію еще одинъ, послѣдній, вопросъ.

— Прекрасно, сказалъ я: — но меня смущаетъ одно. Упомянули вы про народную политику. Допустимъ, что при ней вамъ легко будетъ исходатайствовать разрѣшеніе на осуществленіе предпріятія, польза коего для народа несомнѣнна. Но представьте себѣ такой случай:

завтра народная политика выходитъ изъ употребленія, а на ея мѣсто вступаетъ политика *не*народная. Ка̀къ въ семъ разѣ поступить? Не предвидите ли вы, что данное ва̀мъ разрѣшеніе будетъ немедленно отмѣнено? И въ такомъ случаѣ, какую будутъ имѣть цѣнность ваши акціи или паи?

Но тутъ уже самъ Глумовъ взялъ на себя разъяснить мнѣ неосновательность моего возраженія.

— Чудакъ! сказалъ онъ: —да развѣ мы на акціи-то любоваться будемъ? Сейчасъ мы ихъ на биржу — небось, разберутъ! А продавши, мы и къ сторонкѣ. Развѣ что̀ для близиру оставимъ штучекъ по пяти. Иванъ Иванычъ! та̀къ-ли я говорю?

— Точно такъ-съ.

Такимъ образомъ, всѣ недоумѣнія были устранены, и ничто уже не мѣшало намъ приступить къ дальнѣйшей разработкѣ. Три главные вопроса представлялись: 1) что̀ удобнѣе въ подобномъ предпріятіи: компанія-ли на акціяхъ, или товарищество на вѣрѣ? 2) Сколько въ томъ и другомъ случаѣ слѣдуетъ выпустить акцій или паёвъ? и 3) какую номинальную цѣну назначить для тѣхъ или другихъ?

Всѣ три вопроса были рѣшены единогласно. По первому вопросу отдано предпочтеніе компаніи на акціяхъ, такъ какъ компаніи эти безъименныя, да, сверхъ того, съ акціями и на биржу пролѣзть легче, нежели съ тяжеловѣсными товарищескими паями (сравни: легкую кавалерію и тяжелую). По второму вопросу найдено возможнымъ выпустить милліонъ акцій съ купонами, на манеръ акцій Новоторжской желѣзной дороги (дожидайся!). причемъ на каждой акціи написать: «выпускъ первый», чтобы публика была обнадежена, что будетъ и второй выпускъ, и что, слѣдовательно, предпріятіе затѣяно солидное. По третьему вопросу, хотя эгоистическій ин-

стинктъ и нашептывалъ намъ назначить цѣну акціи возможно бо̀льшую, но, къ чести нашей, чувство благоволенія къ нуждающемуся человѣчеству одержало верхъ. Имѣя въ виду, что акціи не будутъ стоить намъ ни пѣйки и что, въ видахъ успѣшнаго сбыта ихъ въ публику, необходимо, чтобъ онѣ были доступны преимущественно для маленькихъ кошельковъ, мы остановились на двадцати-пяти рубляхъ, справедливо разсуждая, что и за-тѣмъ въ раздѣлъ между учредителями поступятъ двадцать-пять милліоновъ рублей.

Но металлическихъ или ассигнаціонныхъ?

По этому вопросу послѣдовало разногласіе. Балалайкинъ говорилъ прямо: металлическія лучше, потому что съ ними дѣло чище. Я говорилъ: хорошо, кабы металлическія, но не худо, ежели и ассигнаціонныя. Глумовъ и Очищенный стояли на сторонѣ ассигнаціоннаго рубля, прося принять во вниманіе, что наша «большая» публика утратила даже представленіе о металлическомъ рублѣ.

— До металлическихъ-ли намъ! говорилъ Глумовъ:— вотъ французъ Бонту́—тотъ металлическими украл ...

Но, произнеся слово «укралъ», онъ инстинктивно обернулся, точно хотѣлъ удостовѣриться, не посторонній-ли кто-нибудь вошелъ и выразился такъ рѣзко?

— Кто сказалъ «укралъ»? спрашивалъ онъ, не вѣря, что онъ самъ, собственнымъ языкомъ, произнесъ это слово. И видя, что никого постороннихъ нѣтъ, пришелъ къ заключенію, что ему только померещилось.

Тѣмъ не менѣе, эпизодъ этотъ случился весьма кстати, потому что сразу рѣшилъ дѣло въ пользу ассигнаціоннаго рубля.

Но когда дѣло дошло до раздѣла акцій, мы постепенно до того ожесточились, что всѣ вопросы опять всплыли наружу. Прежде всего, Глумовъ настаивалъ,

чтобъ Фаинушка была признана учредительницей. Это значительно уменьшало долю каждаго; но такъ какъ Глумовъ пригрозилъ перерывомъ сношеній, то пришлось согласиться, съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ при первомъ выпускѣ негласно припечатать лишнихъ сто тысячъ акцій, которыя и отдать Фаинушкѣ. Затѣмъ, тотъ же Глумовъ возбудилъ вопросъ объ участіи Парамонова, но тутъ ужъ безъ разговоровъ рѣшили: напечатать еще сто тысячъ запасныхъ акцій и передать ихъ Парамонову по 25 рублей за каждую, а имѣющіеся получиться черезъ таковую продажу два милліона пятьсотъ тысячъ рублей обратить въ запасный капиталъ. Когда, такимъ образомъ, основной акціонерный капиталъ оказался нетронутымъ, мы подѣлили его между собой на четыре части поровну каждому. Но тутъ какъ-то вдругъ всѣмъ показалось мало. Всѣ и всѣхъ начали укорять по очереди. Очищеннаго укоряли за то, что онъ бросаетъ чужія деньги, назначая премію въ количествѣ 35 рублей, вмѣсто 31-го; Глумова — за то, что онъ бросилъ четыре милліона въ пользу новорожденныхъ; меня — за то, что я своимъ двоедушіемъ способствовалъ устраненію металлическаго рубля. Больше всѣхъ волновался Балалайкинъ, у котораго даже глаза налились кровью.

— За что̀ я страдаю? я-то за что̀ страдаю? кричалъ онъ до тѣхъ поръ, покуда Глумовъ не схватилъ его въ охапку и не вынесъ на лѣстницу.

Но когда это было выполнено и между нами понемногу водворился миръ, мы вдругъ вспомнили, что безъ Балалайкина намъ, все-таки, никакъ нельзя обойтись. Всѣ мы уѣзжаемъ — кто же будетъ хлопотать объ утвержденіи предпріятія? Очевидно, что только одинъ Балалайкинъ и можетъ въ такомъ дѣлѣ получить успѣхъ. Но счастіе и тутъ благопріятствовало намъ, потому что въ ту самую минуту, когда Глумовъ уже рѣшался отпра-

виться на розыски за Балалайкинымъ, послѣдній обѣжалъ черезъ дворъ и по черной лѣстницѣ опять очутился между нами.

— Я вамъ это дѣло такъ обдѣлаю, говорилъ онъ, совершенно забывъ о случившемся: — я такую одну штуку знаю, что просто ни одинъ, ну, самый «что̀ называется», и тотъ не рѣшится... а я рѣшусь!

Такимъ образомъ, все кончилось благополучно и мы могли съ облегченнымъ сердцемъ отправиться обѣдать къ Фаинушкѣ. Два блестящихъ дѣла получили начало въ этотъ достопамятный день: во-первыхъ, основанъ заравшанско-ферганскій университетъ и, во-вторыхъ, русскому крестьянству оказано существенное воспособленіе. Все это прекрасно выразилъ Глумовъ, который, указывая на Очищеннаго, сказалъ:

— Вотъ вамъ, господа, и примѣръ, и поученіе! Почтеннѣйшій Иванъ Иванычъ есть, такъ сказать, первообразъ всѣхъ нашихъ финансистовъ. Онъ не засматривается по сторонамъ, не хитритъ, не играетъ статистикой, не знаетъ извилистыхъ путей, а говоритъ прямо: по рублику съ души! Или, говоря другими словами: съ голаго по ниткѣ — проворному рубашка! А дураку — шишъ! Такъ-ли я говорю?

XVI.

Мы выѣхали изъ Петербурга впятеромъ: мѣняло, Фаинушка, Очищенный, Глумовъ и я. Сверхъ того, мы рѣшились взять съ собой благонадежнаго человѣка, который, въ пути, долженъ былъ вести журналъ всѣмъ нашимъ дѣйствіямъ, разговорамъ и помышленіямъ. Предосторожность эта казалась намъ не лишнею, потому что, въ случаѣ, еслибъ насъ застигъ «гость», то журналъ представлялъ для насъ оправдательный документъ: читай! Сначала, мы думали воспользоваться для этой цѣли Кшепшицюльскимъ, но онъ оказался неграмотнымъ, да, сверхъ того, очень ужь счастливо игралъ въ преферансъ. Тогда, съ одобренія Ивана Тимофеича, мы остановили свой выборъ на «нашемъ собственномъ корреспондентѣ», и, какъ будетъ видно ниже, не ошиблись въ этомъ предпочтеніи.

Маршрутъ нашъ лежалъ прямо на Моршу, гдѣ ожидали насъ «сродственники» Фаинушки. Но на пути Глумовъ передумалъ и уговорилъ насъ высадиться въ Твери, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать на пароходѣ экскурсію по Волгѣ до Рыбинска.

— Во-первыхъ, Волга произведетъ въ насъ подъемъ чувствъ, сказалъ онъ: — а во-вторыхъ, задавшись просвѣтительными цѣлями, мы не должны забывать, что, рано или поздно, намъ, все-таки, придется отсидѣть свой срокъ въ холодной, а быть можетъ, и совершить прогулку съ связанными назадъ руками. По моему мнѣнію, съ этимъ дѣломъ нужно покончить какъ можно скорѣе: отстрадать сколько слѣдуетъ и затѣмъ, заручившись свидѣтельствомъ, что всѣ просвѣтительные обряды выполнены нами сполна, благополучно слѣдовать дальше. Свидѣтельство это мы будемъ предъявлять на всѣхъ заставахъ, и такъ какъ изъ него будетъ явствовать, что мы свое получили, то мы хоть сто университетовъ открывай, никто насъ не тронетъ. Стало быть, вся задача состоитъ въ томъ, чтобъ пострадать, по возможности, удобнѣе. И я имѣю всѣ основанія думать, что отбыть эту повинность въ Тверской губерніи выгоднѣе. Тверская губернія изстари славится своимъ либерализмомъ. Этого одного достаточно, чтобы съ упованіемъ вступить подъ сѣнь тамошняго института урядниковъ. Господа! я предлагаю прокричать «ура!» за процвѣтаніе и благоденствіе Тверской губерніи вообще и тверскихъ урядниковъ въ особенности!

Рѣчь эта, заключавшая въ себѣ цѣлую политическую программу, была принята нами очень сочувственно. Мы прокричали троекратное «ура», а на другой день, въ шесть часовъ утра, уже устроивались въ Твери на пароходѣ, который отчаливалъ въ Рыбинскъ.

Не успѣли мы умыться и напиться чаю, какъ «нашъ собственный корреспондентъ» принесъ, на общее одобреніе, тетрадку, на заглавномъ листѣ которой было изображено:

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛЪ

экспедиціи, снаряженной 1-ой гильдіи купцомъ Парамоновымъ на предметъ открытія заравшанскаго университета.

День 1-й.

«Отъѣздъ изъ Петербурга: Августа « » дня, въ $3^1/_2$ часа пополудни, съ почтовымъ поѣздомъ.

«Дѣйствія. По вступленіи въ вагонъ, занимались усаживаніемъ, послѣ чего вынули коробокъ съ провизіей и почерпали въ ономъ, покуда не стемнѣло. Въ надлежащихъ мѣстахъ выходили на станціи для обѣда, чая и ужина. Ночью — спали.

«Разговоры происходили, по преимуществу, о пользѣ просвѣщенія, а также о томъ, кто истинно счастливый человѣкъ. По сему послѣднему поводу Онуфрій Петровичъ Парамоновъ сообщилъ, что Перекусихинъ 1-й открылся ему въ намѣреніи принять малую печать. На что̀ ему было отвѣтствовано: съ живѣйшимъ удовольствіемъ могу вашему превосходительству радость сію предоставить. Но такъ какъ г. Перекусихинъ 1-й назначилъ за отчужденіе цѣну десять тысячъ рублей, а г. Парамоновъ, въ виду преклонныхъ его лѣтъ, предложилъ лишь пятьсотъ рублей, то дѣло, до времени, разошлось. Кромѣ того, къ числу разговоровъ можетъ быть отнесено и то, что г. Глумовъ, обращаясь къ Фаинѣ Егоровнѣ Стёгнушкиной, назвалъ ее королевой. Но при семъ оговорился, что выраженіе это употреблено имъ не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ мечталъ возвести Фаину Егоровну на румынскій или сербскій престолъ, но въ смыслѣ владычицы его, Глумова, сердца. Каковымъ разъясненіемъ всѣ остались довольны, а въ томъ числѣ и невидимо присутствовавшій при разговорѣ штабъ-офицеръ.

«Помышленій въ сей день никто не имѣлъ.

«На другой день, въ пять часовъ утра, прибытіе въ Тверь и пересадка на пароходъ».

Всѣ признали эту редакцію вполнѣ удовлетворительною и поспѣшили скрѣпить журналъ своими подписями.

Погода, однакожь, не благопріятствовала намъ. Небо кругомъ обложило свинцовыми облаками, изъ которыхъ сѣялся тонкій и совершенно осенній дождь. Словно сѣтью застилалъ онъ передъ нашими глазами и даль, въ которую Волга катила свои волны, и плоскіе берега рѣки, на которыхъ, по мѣстамъ, чернѣли сиротливыя, точно оголенныя избушки. Благодаря этому, подъёмъ чувствъ, на который мы разсчитывали, не состоялся. Народу на палубѣ было не больше двадцати человѣкъ, да и тѣ молчаливо ютились подъ тентомъ, раздирая руками вяленую воблу. Исключеніе составлялъ молодой дьяконъ съ бѣлесымъ лицомъ, бѣлесыми волосами и бѣлесыми же глазами, въ выцвѣтшемъ шалоновомъ подрясникѣ. Онъ шагалъ взадъ и впередъ по палубѣ, а по временамъ прислонялся къ борту (преимущественно въ нашемъ сосѣдствѣ) и смотрѣлъ въ даль, пошевеливая намокшими плечами и какъ бы подсчитывая встрѣчавшіяся на пути церкви. Но мнѣ ужь и тогда показалось, что онъ «собираетъ статистику». Въ каютахъ совсѣмъ никого не было. Поваръ, въ курткѣ, до такой степени замазанной, что, казалось, ею вытирали полъ, въ бездѣйствіи стоялъ въ дверяхъ кухни, не ожидая ничего хорошаго. Лакей, заспанный, съ распухшимъ лицомъ, въ запятнанномъ сюртукѣ, плевалъ направо и растиралъ лѣвою ногой. Пароходъ былъ колесный, старой конструкціи, пыхтѣлъ, громыхалъ, скрипѣлъ, видимо доживая свой вѣкъ. Въ ушахъ отчетливо отдавалось мѣрное хлопанье колесныхъ лопастей, сопровождаемое выкриками лоцмана, вымѣрявшаго фарватеръ. «Четыре! пять! пять!

четыре! три!» словно сквозь сонъ голосилъ онъ, поглядывая на капитана. Какую-то тоскливую грусть навѣвали и эти звуки, и весь этотъ плоскій пейзажъ.

Наконецъ, дождь загналъ насъ въ каюту; но тутъ стало еще скучнѣе. Главное, не знали мы, что̀ предпринять. Хотѣли спросить какой-нибудь ѣды, но вспомнили поварову куртку и забоялись. Предметовъ для разговора тоже не отъискивалось, а между тѣмъ, разговаривать было необходимо, потому что, въ противномъ случаѣ, могли появиться «помышленія». И тогда нашъ журналъ будетъ испорченъ навсегда. Попробовалъ-было Глумовъ предложить вопросъ: отъ какихъ причинъ происходитъ скука? — но тотчасъ же взялъ свой вопросъ назадъ, какъ могущій дать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ. Съ своей стороны, и я предложилъ вопросъ: гдѣ обитаетъ истинное счастье, въ палатахъ или въ хижинахъ?—но тоже поспѣшилъ взять его назадъ, потому что и здѣсь представлялся поводъ для превратныхъ толкованій. И хорошо мы сдѣлали, потому что «нашъ собственный корреспондентъ» уже впился въ насъ глазами и, казалось, только и ждалъ, что̀ будетъ дальше.

Тогда Глумовъ началъ говорить о Корчевѣ. Новое (1-я пароходная станція) мы ужь проѣхали, за нимъ слѣдовала Корчева. Оказалось, что мы знали только одно: что Корчева есть Корчева. Но существуютъ-ли въ ней кожевенные и мыловаренные заводы—доподлинно никому не было извѣстно. Правда, Очищенный сообщилъ, что однажды въ редакціи «Красы Демидрона» была получена корреспонденція, удостовѣрявшая, что въ Корчевѣ живетъ булочникъ, который *каждый день* печетъ свѣжія французскія булки, но редакція напечатать эту корреспонденцію не рѣшилась, опасаясь, нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь иносказанія. Однакожь, этого было достаточно, чтобы у всѣхъ разгорѣлись аппетиты и явилось

желаніе остановиться въ Корчевѣ. Напрасно убѣждалъ я, что несравненно цѣлесообразнѣе остановиться въ Угличѣ, гдѣ дѣлаютъ знаменитую углицкую колбасу — никто меня не слушалъ. Пароходъ сразу такъ опостылѣлъ, что всѣ рады были всякому поводу, чтобъ уйти отъ сырости и удручающихъ пароходныхъ звуковъ въ тишину и тепло.

— Что̀ же такое! говорилъ Глумовъ: — Корчева такъ Корчева! поживемъ денька два-три, осмотримъ достопримѣчательности, а тамъ, пожалуй, и въ Угличъ махнемъ!

Корчева встрѣтила насъ недружелюбно. Было не больше пяти часовъ, когда пароходъ причалилъ къ пристани, но, благодаря тучамъ, кругомъ обложившимъ небо, сумерки наступили раньше обыкновеннаго. Дождь усилился, почва размокла, берегъ былъ совершенно пустыненъ. И хотя до постоялаго двора было недалеко, но такъ какъ ноги у насъ скользили, то мы черезъ великую силу, вымокшіе и перепачканные, добрались до жилья. Тутъ только мы опомнились и не безъ удивленія переглянулись другъ съ другомъ, словно спрашивая: гдѣ мы?

— Коего чорта насъ сюда занесло! внезапно и какъ-то сердито поставилъ вопросъ «нашъ собственный корреспондентъ».

Голосъ его звучалъ пророчески. Обыкновенно онъ держалъ себя молчаливо и даже робко, такъ что самыя свойства его голоса были намъ почти неизвѣстны. И вдругъ оказалось, что у него гнѣвный басъ, осложненный перепоемъ.

Но никто не отвѣтилъ на вопросъ, и Глумовъ возвратилъ насъ къ чувству дѣйствительности, сказавъ:

— Господа! паспорта̀ готовьте! чтобы по первому же слову, сейчасъ...

Постоялый дворъ былъ старинный, какіе нынче мож-

но встрѣтить только въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ, куда ужь совсѣмъ никому ни зачѣмъ ѣхать ненужно. Обширный и темный дворъ съ бревенчатымъ накатомъ, прогнившимъ и улитымъ скотскою мочей, темныя сѣнцы съ колеблющеюся лѣстницей и съ самоваромъ, поставленнымъ на самомъ пути и распространяющимъ кругомъ угаръ и смрадъ. Направо, большая изба, въ которой ютится семейство хозяина и пускается черный народъ, прямо — двѣ небольшія «чистыя» горницы для постояльцевъ почище, съ подслѣповатыми и позеленѣвшими окнами, изъ которыхъ виднѣлась площадь, а за нею Волга. Все тутъ было старинное, дореформенное, когда-то имѣвшее смыслъ и цѣль, но давнымъ-давно запустѣвшее, покачнувшееся и пахнущее нежилымъ. Сами хозяева, повидимому, смотрѣли на свой «домъ», какъ на мѣсто для ночлеговъ, и перенесли свою дѣятельность въ небольшую пристройку, вмѣщавшую въ себѣ лавочку, изъ которой продавался всякій бросовый товаръ на потребу крестьянскому люду.

Кое-какъ, однакожь, мы размѣстились и, разумѣется, прежде всего потребовали самоваръ. Но — увы! — знаменитыхъ булокъ, на которыя мы возлагали столько надеждъ, не оказалось. Недѣлю тому назадъ, булочника переманили въ Калязинъ, и Корчева, дотолѣ на зависть всему Поволжью изготовлявшая булки и куличи, окончательно утратила всякое обаяніе.

— Что̀ же у васъ есть? спросилъ Глумовъ у хозяина.

— Соборъ-съ.

— Гм... соборъ... Соборъ—это, братецъ... Изъ съѣстного, спрашиваю я, что̀ есть?

— Яицъ ежели поискать...

Хозяинъ, корчевской мѣщанинъ Разноцвѣтовъ, говорилъ вяло и неохотно. Это былъ мужчина лѣтъ подъ шестьдесятъ, на видъ еще здоровый и коренастый, но

внутренно — угнетенный. Когда-то онъ знавалъ лучшія времена. Домъ у него кишѣлъ проѣзжимъ людомъ, закромы были полны овсомъ и другимъ хлѣбнымъ товаромъ; сверхъ того, онъ держалъ нѣсколько троекъ лошадей. Не широко и прежде жилось въ Корчевѣ, но, все-таки, что̀-то было, хоть хлѣбомъ пахло. Въ то время Разноцвѣтовъ ходилъ въ плисовыхъ шароварахъ и въ александрицкой рубахѣ на выпускъ; онъ, не торопясь, отпускалъ и принималъ, не метался, какъ угорѣлый, въ погонѣ за грошомъ, а спокойно и съ достоинствомъ ростилъ брюхо, подсчитывая гривну къ гривнѣ и запирая выручку въ кованный сундукъ съ гулкимъ замкомъ. И вдругъ подкралось раззоренье. Пришло оно такъ, что никому не вѣрилось; всѣ думали, что шутки шутятъ. Сначала свиснулъ на Волгѣ пароходъ, а Разноцвѣтовъ, стоя на берегу, глядѣлъ, какъ «Русалка» громыхаетъ колесами, и приговаривалъ: поплавай, чортова кукла, поплавай! немного наплаваешь! А черезъ годъ пришлось сократить ямщину на половину, потому что сѣдокъ повалилъ въ Новое. Потомъ объявилась эмансипація; помѣщикъ на первыхъ порахъ побаловался съ выкупными свидѣтельствами, но черезъ короткое время вдругъ безъ остатка исчезъ; крестьянинъ обрадовался волѣ и разбрелся по дальнимъ заработкамъ. До̀ма остались хворые, да старые, да малые. Базаръ опустѣлъ до того, что даже торговля сусломъ уже не представляла ничего соблазнительнаго. Пришлось ямщину нарушить совсѣмъ. Потомъ объявили волю вину, и Разноцвѣтовъ на минуту взыгралъ. Прежде всѣхъ открылъ на постояломъ дворѣ продажу вина распивочно и на выносъ, думалъ: теперь-то мужички загуляютъ! Мужички, дѣйствительно, загуляли, но такъ какъ въ каждомъ деревенскомъ углу объявился свой «тутошный» Разноцвѣтовъ, который за водку бралъ и оглоблю, и подкову, и старыя

сапожныя голенищи, то, понятно, что процвѣли сельскіе самозванцы - Разноцвѣтовы, а коренной оплошалъ. Потомъ начали проводить желѣзныя дороги: изъ Бологова пошла на Рыбинскъ, изъ Москвы — на Ярославль, а про Корчеву до того забыли, что и къ промежуточнымъ станціямъ этихъ дорогъ отъ нея ѣзды не стало... И осталось у Разноцвѣтова отъ прежняго привольнаго житья только пространное брюхо, котораго нѣчѣмъ было наполнить.

— Спалить бы нашу Корчеву надо! говорилъ негодующій Разноцвѣтовъ, нервно шевеля плечами.

Но, вопреки его пророчествамъ, она и сейчасъ стоитъ цѣлёхонька, хотя видимо съ каждымъ годомъ изнываетъ, пріобрѣтая все болѣе и болѣе опальный характеръ.

— Да вы бы, голубчикъ, велѣли курочку поймать! попытался Глумовъ пронять Разноцвѣтова лаской.

— Поймать курицу можно, только вѣдь въ горсти ее не сваришь, отвѣтилъ хозяинъ угрюмо.

Однакожь, дѣло кое-какъ устроилось. Поймали разомъ двухъ курицъ, выпросили у протопопа кострюлю, и, вмѣсто плиты, подъ навѣсомъ на кирпичикахъ сварили супъ. Мало того: хозяинъ добылъ гдѣ-то связку окаменѣлыхъ баранокъ и крохотный засушенный лимонъ къ чаю. Мы опасались, что вся Корчева сойдется смотрѣть, какъ имущіе классы супъ изъ курицы ѣдятъ, и, чего добраго, произойдетъ еще революція, однако, Богъ миловалъ. Поѣвши, всѣ ободрились и почувствовали приливъ любознательности.

— Хозяинъ! есть у васъ достопримѣчательности какія-нибудь?

— Соборъ-съ, отвѣчалъ Разноцвѣтовъ нѣсколько ласковѣе, убѣдившись, что впереди его ожидаетъ пожива. — Евангеліе-съ... крестъ напрестольный...

— А кромѣ собора... напримѣръ, фабрики, заводы?..

— Нѣтъ, заведеніевъ у насъ и встарину не бывало, а теперь и подавно.

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

— Такъ другъ около дружки колотимся. И сами своихъ дѣловъ не разберемъ.

— Можетъ быть, кружева плетете? или — ну, что̀ бы еще? — ну, ковры, ленты, гильзы?..

— У насъ, сударь, пуговицу пришить нѐкому, а вы: «кружева»!

— Что̀ же вы дѣлаете?

— Пакенты платимъ. Для пакентовъ только и живемъ.

— Чудакъ! да вѣдь на патенты-то откуда-нибудь достать надо!

— Затѣмъ и колотимся. У кого овца заулишняя выскочитъ — овцу продастъ; у другого насѣдка цыплятъ выведетъ — ихъ на пароходъ сбудетъ. Получитъ рублишко — пакентъ купитъ.

— Ахъ, голуби, голуби! жалостливо воскликнулъ мѣняло.

Это было до того необыкновенно — эти люди, живущіе исключительно для покупки патентовъ — что Фаинушка слушала-слушала и расхохоталась: ахъ, какъ весело! Но тотчасъ же притихла, какъ только увидѣла, что Глумовъ бросилъ на нее молніеносный взглядъ.

— Стало быть, осматривать у васъ нѐчего?

— Соборъ-съ, повторилъ Разноцвѣтовъ, а черезъ секунду припомнилъ: — вотъ еще старичокъ ста семи лѣтъ у насъ проживаетъ, такъ, можетъ, на него посмотрѣть захотите...

Мы переглянулись, и на всѣхъ лицахъ прочли: булокъ нѣтъ, заведеній нѣтъ, кружевъ не плетутъ, ковровъ не ткутъ — непремѣнно на старичка взглянуть надо!

Между разговорами и не видали, какъ время прошло. Опять приволокли самоваръ, усадили съ собой хозяина

и стали вторично пить чай. За чаемъ завели разговоръ о томъ, какимъ бы образомъ поднять умственное и экономическое положеніе Корчевы.

— Вамъ бы каплуновъ подкармливать. Вонъ Ростовъ — далеко-ли? — а ка̀къ черезъ каплуновъ процвѣлъ! предложилъ Глумовъ.

— Никакъ намъ это невозможно, отвѣтилъ Разноцвѣтовъ скромно.

— Почему же?

— Никогда нашъ каплунъ противъ ростовскаго не выйдетъ!

— Да отчего же, голубчикъ?

— Такъ ужь... въ Ростовѣ «слово» такое знаютъ — оттого и каплунъ тамошній въ славѣ. А нашъ каплунъ, хошь ты его раскорми — все равно, его никто ѣсть не станетъ.

— Ахъ, Господи!

— Вонъ въ Кимрѣ сапогомъ промышляютъ, въ свою очередь, продолжалъ я:—и вы бы, на Кимряковъ глядя...

— Тоже и на счетъ сапога. Мѣстомъ это. Коли гдѣ ему природное мѣсто — онъ идетъ, а коли мѣсто для него не потрафило — хоть ты его тачай, хоть нѣтъ, все едино! Отъ Бога не положено, значитъ...

— Голубчикъ! да что̀ же вы такъ ужь обезкураживаетесь... подбодрились бы, что̀-ли!

— Не мало бодриться пытали. И сами бодрились, и начальство бодрило. Былъ здѣсь помѣщикъ одинъ—ужь на что̀ прокуратъ! — сахаръ вздумалъ дѣлать... Свеклы насѣялъ, заводъ выстроилъ. Анъ, вмѣсто свеклы-то, у него выросла морковь.

— Что̀ вы!!

— Вѣрно докладываю. Такая, стало быть, здѣсь земля. Чего ждешь — она не родитъ, а чего не чаешь— обо̀ру нѣтъ!

— Какъ же бы, однако, помочь вамъ?

— Ка̀къ помочь! была-было помощь, да и та мимо проѣхала!

— Что̀ же такое?

— Въ прошломъ годѣ Вздошниковъ купецъ объявилъ: коли кто сицилиста ему предоставитъ — двадцать-пять рублей тому человѣку награды! Ну, и наловили. Въ ту пору у насъ всякій другъ дружку ловилъ. Только онъ что̀ же, мерзавецъ, издѣлалъ! Видитъ, что дѣло къ расплатѣ — сейчасъ и на попятный: это, говоритъ, сицилисты не настоящіе! Та̀къ никто и не попользовался; только народу, человѣкъ никакъ съ тридцать, попортили.

— А вы бы стребовали съ Вздошникова-то?

— Кто съ него стребуетъ, съ выжиги экого. Онъ нынче всѣмъ у насъ орудуетъ, и полйцу, съ исправникомъ вмѣстѣ, подъ нозѣ себѣ покорилъ. Чуть кто супротивное слово скажетъ — сейчасъ: сицилистъ! Однимъ этимъ словомъ всѣхъ кругомъ окружилъ. Весь торгъ въ свои руки забралъ, не даетъ никому вздыху, да ишабашъ!

— Чего же исправникъ-то смотритъ?

— Нельзя, говоритъ, ничего не подѣлаешь... Потому, человѣкъ на вѣрной линіи стоитъ... это Вздошниковъ-то! Ахъ, кабы зна̀то да вѣдано!

— И вы бы?

— А то какъ же... всякому свово̀ жалко... Одно только слово, анъ оно дороже сахарнаго завода сто̀итъ! Знай кричи: сицилистъ! — да денежки обирай! Съумѣли бы и мы.

Разноцвѣтовъ отеръ потъ съ лица и озабоченно почесалъ животъ.

— Вонъ брюхо какое выростилъ... съ чего бы, кажется? сказалъ онъ уныло: — а оно, между прочимъ, ѣсть проситъ!

— Такъ вы кушайте! пошутила Фаинушка.

— То-то, что...

Онъ постепенно ожесточался. Взялъ со стола окаменѣлую баранку и сразу перегрызъ ее пополамъ, точно топоромъ разсѣкъ. И при этомъ показалъ сплошной рядъ бѣлыхъ, крѣпкихъ и ровныхъ зубовъ.

— Зубы-то у васъ какіе! удивилась Фаинушка.

— И зубы есть... и брюхо, и зубы... только на какой предметъ?

Очищенный обидѣлся: ему показалось, что Разноцвѣтовъ ропщетъ.

— Ахъ, Никифоръ Мосѣичъ! ка̀къ это вы такъ! Зубы отъ Бога, а вы: на какой предметъ!!

— Вотъ это самое я и говорю. Зубами грызть надо, а ежели зря ими щелкать — что̀ толку! То же самое и на счетъ брюха: коли въ ёмъ корка сухая болтается — ни красы въ ёмъ, ни радости... та̀къ, мѣшокъ!

Разноцвѣтовъ перекусилъ другую баранку и замолчалъ. Молчали и мы. Фаинушка закрыла глазки отъ утомленія и жалась къ Глумову; мѣняло жадно впился глазами въ хозяина, и, казалось, въ разсчетѣ на постигшее его оголтѣніе, обдумывалъ какую-то комбинацію.

— А по моему, хозяинушко, начальство слабенько за вами присматриваетъ, вновь началъ Очищенный: — кабы оно построже васъ подтянуло, такъ и процвѣтаніе давно бы явилось.

— И начальство у насъ бывало всякое, отвѣтилъ Разноцвѣтовъ: — иной начальникъ мѣрами кротости донималъ, другой — строгостью. Было у насъ разговору! Отчего у васъ фабрикъ-заводовъ нѣтъ? отчего гостинный дворъ не выстроенъ? отчего пожарной трубы исправной нѣтъ? каланчи? мостовыхъ? фонарей?.. Ахъ, варвары, молъ, вы!

— Такъ неужтожъ только на этомъ одномъ благія начинанія и кончились?

— Кабы кончились! А то мѣсяцъ дадутъ дыхнуть

опять за свое: отчего фабрикъ-заводовъ нѣтъ? Отчего площадь немощеная стоитъ?.. Ахъ, растакіе, молъ, вы варвары!

Разноцвѣтовъ перекусилъ третью баранку, опрокинулъ чашку, положилъ на дно крохотный огрызокъ сахара и грузно снялся со скамейки.

— Прощенья просимъ! За чай, за сахаръ! поблагодарилъ онъ и хотѣлъ уже удалиться, какъ вдругъ что̀-то вспомнилъ и совсѣмъ уже ожесточился.

— Да вы откелева сами-то будете? спросилъ онъ строго.

— Изъ Петербурга, отвѣтилъ Глумовъ за всѣхъ.

— Проѣздомъ, значитъ?

— Нѣтъ, та̀къ... посмотрѣть захотѣлось .. Свѣдѣнія кое-какія собрать...

— Чего собирать-то?..

— Ну, вотъ, напримѣръ, нравы... Промысловъ, вы говорите, у васъ нѣтъ, такъ, вѣроятно, естъ нравы... Пѣсни подблюдныя, свадебныя, хороводныя, обычаи, сказки, преданія... Въ иныхъ мѣстахъ вотъ браки «уво̀домъ» совершаются...

— Можетъ, у васъ объ Мамелфѣ Тимофеевнѣ какой-нибудь варіантъ есть, пояснилъ я: — или вотъ нѣтъ-ли слѣпенькаго пѣвца...

Но Разноцвѣтовъ серьёзно разсматривалъ насъ и неодобрительно качалъ головой.

— А пачпорты у васъ есть?

«Вотъ оно... начинается!» мелькнуло у меня въ головѣ.

— Есть паспорты, отвѣтилъ Глумовъ.

Хозяинъ словно преобразился. Лицо у него сдѣлалось суровое, голосъ рѣзкій, сухой.

— То-то, сказалъ онъ почти начальственно: — нонѣ съ этимъ строго. Коли кто куда пріѣхалъ, долженъ дѣло за собой объявить. А коли кто зря ѣздитъ — руки къ лопаткамъ и въ холодную!

Онъ ушелъ, а мы остались, погруженные въ раздумье. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы и не подумали, что прежде всего нужно дѣло за собой объявить. Какое дѣло? Ежели объявить, что собираемъ статистику— никто не повѣритъ. Скажутъ: какая въ Корчевѣ статистика? Корчева какъ Корчева. Фабрикъ-заводовъ нѣтъ, каланчи нѣтъ, мостовыхъ нѣтъ, гостиннаго двора нѣтъ, а все остальное—обыкновенно, какъ въ прочихъ мѣстахъ. Да и компанія слишкомъ велика для статистики собралась. Зачѣмъ, напримѣръ, попала сюда 1-й гильдіи купчиха Стёгнушкина? къ чему понадобился мѣняло?

Ежели объявить: путешествуемъ, только и всего—пожалуй, и еще несообразнѣе покажется. Спросятъ: для чего путешествуемъ? и такъ какъ мы никакого другого отвѣта дать не можемъ, кромѣ: путешествуемъ! — то и опять спросятъ: для чего путешествуемъ? И будутъ спрашивать дотолѣ, покуда мы сами не отдадимъ себя въ руки правосудія.

Ежели сказать, что купецъ Парамоновъ, купно съ купчихою Стёгнушкиной, затѣяли коммерческое предпріятіе—опять никто не повѣритъ. Какое можетъ осуществиться въ Корчевѣ предпріятіе? что̀ въ Корчевѣ родится? Морковь? — такъ и та потому только уродилась, что сѣяли свёклу, а посѣяли бы морковь — навѣрняка уродился бы хрѣнъ... Такая ужь здѣсь сторона̀. Кружевъ не плетутъ, ковровъ не ткутъ, поярковъ не валяютъ, сапоговъ не тачаютъ, кожъ не дубятъ, мыла не варятъ. Въ Корчевѣ только слезы льютъ да зубами щелкаютъ. Ясно, что человѣку промышленному, предпріимчивому ѣздить сюда нѐзачѣмъ.

Господи! хоть бы развязка поскорѣе! въ «холодную» такъ въ «холодную»! Сколько лѣтъ прожили, никогда въ «холодной» не бывали — надо же когда-нибудь!

Положеніе было трагическое. Къ счастію, я вспомнилъ,

что верстахъ въ тридцати отъ Корчевы стоитъ усадьба Проплеванная, къ которой я какъ будто имѣю нѣкоторое касательство. Дремлетъ теперь Проплёванная, забытая, оброшенная, заглохшая, дремлетъ и не подозрѣваетъ, что владѣлецъ ея въ эту минуту сидитъ въ Корчевѣ, былины собираетъ, подблюдныя пѣсни слушаетъ...

— Да просто скажемъ, что Фаина Егоровна сторговала у меня Проплёванную! предложилъ я.

Глумовъ подозрительно взглянулъ на меня. Очевидно, у него мелькнула въ головѣ мысль, не задумалъ-ли я, пользуясь симъ случаемъ, сюрпризомъ спустить Фаинушкѣ свою дѣдину и отчину? Фаинушка тоже изумилась, словно и у ней что̀-то закружилось въ головкѣ; а что̀ касается до «нашего собственнаго корреспондента», то онъ прямо воскликнулъ:

— Вотъ такъ ловко!

Разумѣется, я безъ труда оправдался, объяснивъ, что ни задатка, ни запродажной росписки — ничего не требую. Что, конечно, я готовъ продать Проплёванную всякому, кто заблагоразсудитъ сдѣлать изъ нея увеселительную резиденцію, но къ насильству даже въ этомъ случаѣ прибѣгать не намѣренъ. Выслушавши это, всѣ успокоились и признали мой проектъ весьма цѣлесообразнымъ. Поэтому, условились такъ: сначала мы скажемъ, что пріѣхали для осмотра Проплёванной, а потомъ опять юркнемъ на пароходъ, какъ будто не сошлись въ цѣнѣ.

Но покуда мы толковали, снова пришелъ хозяинъ и на этотъ разъ объявилъ, что насъ безъ потери времени требуютъ въ полицейское управленіе.

Разумѣется, мы съ радостью поспѣшили на приглашеніе.

XVII.

Дѣло обошлось очень мило и просто.

Ни исправника, ни помощника его въ городѣ не было. Насъ принялъ непремѣнный членъ, ветхій старичокъ, по имени Пантелей Егорычъ, и сейчасъ же предупредительно посадилъ.

— Ахъ, господа, господа!

Онъ качалъ головой и смотрѣлъ на насъ—впрочемъ, не столько укоризненно, сколько жалѣючи. Какъ будто бы говорилъ: какіе большіе выросли, а самыхъ простыхъ вещей не знаете! Мы сидѣли и ждали.

— Знаете, какія нынче времена, а что̀ дѣлаете! произнесъ онъ, все больше и больще проникаясь состраданіемъ.

Дѣло происходило въ распорядительной камерѣ. Посрединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ; въ углу—другой столъ поменьше, за которымъ, надъ кипой бумагъ, сидѣлъ секретарь, человѣкъ еще молодой, и тоже жалѣючи глядѣлъ на насъ. Изъ-за стеклянной перегородки виднѣлась другая, болѣе обширная комната, уставленная покрытыми черной клеенкой столами, за которыми занималось съ десятокъ мо-

лодыхъ канцеляристовъ. Лампы коптѣли; воздухъ насыщенъ былъ острыми міазмами дешеваго керосина.

— Михалъ Михалычъ! посмотрите... тамъ! обратился Пантелей Егорычъ къ секретарю.

Секретарь направился къ перегородкѣ, пріотворилъ дверь, заглянулъ въ канцелярію и доложилъ, что никого за дверьми нѣтъ, всѣ при дѣлѣ. Съ своей стороны Пантелей Егорычъ приподнялъ сукно, и заглянулъ, нѣтъ-ли кого подъ столомъ.

— Ну, зачѣмъ? началъ онъ, удостовѣрившись, что никого нѣтъ: — ну, что̀ такое Корчева? А между тѣмъ, себя подвергаете, а насъ подводите... ахъ, господа, господа!

Мы продолжали молчать. Не то, чтобы мы не понимали, а оправдательныхъ словъ не могли отъискать.

— Знаете, какія нынче строгости — и рѣшаетесь! знаете, сколько вездѣ га̀ду развелось — и рискуете! Вонъ Вздошниковъ только и ждетъ... чай, и сію минуту изъ окна высматриваетъ... ахъ, господа, господа!

— Но что̀ же мы... заикнулся-было Глумовъ.

— Знаю, что ничего, перебилъ Пантелей Егорычъ: — и вы ничего, и я ничего, и всѣ ничего... Объ Вздошниковѣ слыхали? ахъ, господа, господа!

— Да ужь простите насъ, ради Христа! рѣшился я покончить все сразу.

— Что̀ меня про̀сите! Богъ можетъ простить или не простить, а я что̀! Ну, скажите на милость, зачѣмъ? Съ какою цѣлью? почему? Какую такую сладость вы надѣялись въ нашей Корчевѣ найти?

— Но вѣдь, кажется, паспорты у насъ въ исправности? опять вступился Глумовъ.

— И паспорты. Что̀ такое паспорты? Паспорты всегда и у всѣхъ въ исправности! Вотъ намеднись. Тоже по базару человѣкъ ходитъ. Есть паспортъ? — есть!

Смотримъ: съ иголочки! — Ну, съ Богомъ. А спустя недѣлю, оказывается, что этого самаго человѣка ужь три года ищутъ. А онъ, между прочимъ, у насъ по базару ходилъ, и мы его у себя, какъ и путнаго, прописали. Дà.

— Но вѣдь изъ одиночнаго случая нельзя же заключать...

— И это я знаю. Да развѣ я заключаю? Я радъ бы радостью, только вотъ... Вздошниковъ! И Корчева тоже. Ну, что̀ такое? зачѣмъ именно Корчева? промысловъ нѣтъ, торговли нѣтъ, произведеній нѣтъ... развѣ что соборъ! Такъ и соборъ въ Кимрѣ лучше! Михалъ Михалычъ! что̀ это такое?

Михалъ Михалычъ осклабился.

— Это такъ точно-съ, пошутилъ онъ: — даже рыба, и та во весь опоръ мимо Корчевы мчится. Въ Твери или въ Кимрѣ ее ловятъ, а у насъ — не приспособились.

— Ничего у насъ нѣтъ, а вы — рискуете! И себя подвергаете, и насъ подводите!

— Можетъ быть, господамъ отдохнуть захотѣлось? вступился за насъ секретарь.

— И отдохнуть... отчего бы на пароходѣ не отдохнуть? Плыли бы себѣ да плыли. Ну, въ Калязинѣ бы высадились — тамъ мощи, монастырь. Или въ Угличѣ— тамъ домикъ Дмитрія Царевича... А Корчева... что̀ такое? какая тому причина?

Къ великому моему ужасу, Глумовъ забылъ объ нашемъ уговорѣ на четъ Проплёванной, и вдругъ брякнулъ:

— Да просто полюбопытствовать.

— А я объ чемъ же говорю! Почему? кàкъ? Ежели есть причина — любопытствуйте! а коли нѣтъ причины... право, ужь и не знаю! Вѣдь я это не отъ себя... мнѣ

что! По моему, чѣмъ больше любопытствующихъ, тѣмъ лучше! Но времена нынче... и, притомъ, Вздошниковъ!

— Да кто же, наконецъ, этотъ Вздошниковъ? что̀ это за сила такая? полюбопытствовалъ я.

— Да такъ... Вздошниковъ, — только и всего.

Онъ постепенно все больше и больше волновался и, наконецъ, началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ка̀къ мнѣ теперича поступить? произнесъ онъ, останавливаясь противъ меня.

— Право, Пантелей Егорычъ, мы ничего...

— Знаю я, что ничего. До сихъ поръ — ничего, а завтра, можетъ быть — чего! На этомъ нынче все и вертится. Ну, что̀ такое? Плыли, плыли, и вдругъ... Корчева!

Очевидно, что «Корчева» у него коломъ въ горлѣ застряла и никакъ онъ не могъ ее проглотить.

— Пантелей Егорычъ! да вѣдь мы только на денекъ. Посмотримъ достопримѣчательности, и опять въ путь.

— Какія такія достопримѣчательности?

— Соборъ, напримѣръ.

— Соборъ? ну, соборъ... положимъ. Это похвально.

— Еще сказывали намъ, что въ Корчевѣ ста семи лѣтъ старичокъ живетъ.

— Ну, и старичокъ... пожалуй! Старость уважать — это...

— Можетъ быть, и еще что̀-нибудь найдется...

— Что̀ вы! что̀ вы! ничего у насъ нѣтъ! заговорилъ онъ быстро, словно боялся, чтобъ и въ самомъ дѣлѣ чего не нашлось.

— У мѣщанина Презентова маховое колесо посмотрѣть можно... въ родѣ какъ perpetuum mobile, подсказалъ секретарь. — Самъ выдумалъ.

— Нѣчего, нѣчего, смотрѣть. Только время терять да праздность поощрять! зачастилъ Пантелей Егорычъ. — Такъ вотъ чтò, господа! встаньте вы завтра пораньше, сходите въ соборъ, помолитесь, потомъ, пожалуй, старичка навѣстите, а тамъ и съ Богомъ.

— Пантелей Егорычъ! позвольте perpetuum mobile посмотрѣть!

— Вотъ вы какіе! И охота вамъ, Михалъ Михалычъ, смущать! Ахъ, господа, господа! И чтò такое вамъ вздумалось! Въ дождикъ, въ сырость, въ слякоть... какая причина? Вотъ еслибъ господинъ исправникъ былъ въ городѣ — тогда точно... Онъ имѣетъ на этотъ предметъ полномочія, а я...

Онъ имѣлъ доброе сердце и просвѣщенный умъ, но былъ бѣденъ и дорожилъ жалованьемъ. Впослѣдствіи мы узнали, что и у исправника, и у его помощника тоже были добрыя сердца и просвѣщенные умы, но и они дорожили жалованьемъ. И всѣ корчевскіе чиновники вообще. Добрыя сердца говорили имъ: оставь! а жалованье подсказывало: кàкъ бы чего изъ этого не вышло?

— Пантелей Егорычъ! дѣточки у васъ есть? спросилъ Глумовъ, вдругъ проникаясь жалостью.

— То-то... шесть дочерей. Невѣсты...

— Такъ мы завтра... чѣмъ свѣтъ...

— Ахъ, чтò вы! я вѣдь не къ тому... вдругъ застыдился онъ. — Отчего же не посмотрѣть — посмотрите!

— Нѣтъ, ужь чтò же, ежели...

— Ахъ нѣтъ, я не въ томъ смыслѣ! У насъ вѣдь традиціи... мы помнимъ!.. Да, было времечко, было! Соборъ, старичка... ну, пожалуй, perpetuum mobile... Только вотъ задерживаться лишнее время... Вѣдь паспорты у нихъ въ исправности, Михалъ Михалычъ? кàкъ вы скажете... а?

— Вполнѣ-съ.

— Ну, чтòжъ, и съ Богомъ. Вы не подумайте... Прежде у насъ и въ заводѣ не было паспорты спрашивать, да, признаться, и не у кого было — все свои. Никто изъ чужихъ къ намъ не ѣздилъ... А нынче вотъ — ѣздятъ!

Представленіе о жалованьи вновь смутило его. Онъ пытливо взглянулъ на насъ и силился чтò-то угадать. Но ничего не угадалъ.

— Михалъ Михалычъ? вопросительно-тоскливо обратился онъ къ секретарю.

— Думается, что ничего...

— Ну, такъ съ Богомъ! полюбопытствуйте! сказалъ онъ рѣшительно, и, обратившись къ Фаинушкѣ, прибавилъ: — и вы, сударыня?

— И я-съ.

— Вамъ-то бы... А впрочемъ, отчего же... нынче мода на это... Акушерки, стенографистки, телеграфистки... Дай Богъ счастливо, господа!

Онъ благосклонно пожалъ намъ руки, вручилъ паспорты и отпустилъ насъ.

На другой день, только-что встали — смотримъ, два письма: одно отъ Перекусихина 1-го къ мѣнялѣ, другое отъ Балалайкина къ Глумову *). Перекусихинъ подавался. Онъ созналъ, что первоначальныя его претензіи были чрезмѣрны и соглашался убавить ихъ на половину. Балалайкинъ увѣдомлялъ, что по обоимъ порученнымъ ему дѣламъ онъ подалъ прошенія въ интендантское управленіе. Мысль о заравшанскомъ университетѣ была всѣми интендантами встрѣчена сочувственно,

*) Пусть читатель ничему не удивляется въ этой удивительной исторіи. Я и самъ отлично понимаю, что никакихъ писемъ въ Корчевѣ не могло быть получено, но чтò же дѣлать, если такъ вышло. Вѣдь, собственно говоря, и въ Корчевѣ никто изъ насъ не былъ, однако, выходитъ, что были.

а проектъ учрежденія общества обязательнаго страхованія жизни — даже съ восторгомъ. Но Балалайкинъ долженъ былъ «пообѣщать». Послѣ слова «пообѣщать» онъ поставилъ цѣлую строку точекъ, и затѣмъ прибавилъ: грустно, а дѣлать нѣчего!

— Вотъ вѣдь прохвостъ! безъ церемоній выругался Глумовъ, скомкавъ письмо.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ показалось удивительнымъ, съ какой стати Балалайкинъ съ вопросомъ о заравшанскомъ университетѣ обратился въ интендантское управленіе? Даже въ Корчевское полицейское управленіе—и то, казалось, было бы цѣлесообразнѣе. Полицейское управленіе представило бы куда слѣдуетъ, оттуда бы тоже написали куда слѣдуетъ, а въ дорогѣ оно бы и разрѣшилось. Но такой комбинаціи, въ которую бы, съ пользой для просвѣщенія, могло войти интендантское управленіе, даже придумать никто не могъ

Одинъ Очищенный не раздѣлялъ нашихъ недоумѣній.

— А я такъ напротивъ думаю, объяснилъ онъ.—По моему, всякое дѣло, ежели его благополучно свершить желаютъ, непремѣнно слѣдуетъ съ интендантскаго управленія начинать. Ближе къ цѣли.

— Чудакъ! да что̀ же у интендантства общаго, напримѣръ, съ университетомъ?

— Общаго нѣтъ, а привышные люди въ интендантствѣ служатъ — вотъ что̀. Зря за дѣло не возьмутся, а ежели возьмутъ, такъ сдѣлаютъ.

— Ка̀къ же они подступятся къ дѣлу, коли оно даже не ихняго вѣдомства?

— Такъ и подступятся. Напишутъ. А ежели долго отвѣта не будетъ, опять напишутъ. Главное дѣло, разговоръ завести. А можетъ быть, и интендантскія науки какія-нибудь придумаютъ — тогда и безъ переписки, промежду себя, дѣло оборудуютъ.

Стали разсуждать: могутъ-ли существовать интендантскія науки? — и должны были сознаться, что нетолько могутъ существовать, но и существуютъ. Наука о печеніи солдатскихъ сухарей — профессоръ Коганъ; наука о мясныхъ и винныхъ порціяхъ—профессоръ Горвицъ; наука о выдачѣ квитанцій за непоставленный провіантъ — профессоръ Макшеевъ. Это только для начала, а ежели дальше перечислять, то, пожалуй, и въ глазахъ зарябитъ. Десяти факультетовъ мало, и, что̀ всего важнѣе, навѣрное, ни одна каѳедра никогда вакантной не будетъ. Конечно, такой характеръ университета не вполнѣ будетъ соотвѣтствовать мысли жертвователя, но для начала и это хорошо. Университетъ, да еще заравшанскій... вѣдь это что̀? А за свою каѳедру Очищенный не боялся. Безъ восточныхъ языковъ въ заравшанскомъ краю обойтись ни подъ какимъ видомъ нельзя, а митирологія — это вѣдь и есть самый коренной восточный языкъ.

Что̀ же касается до обязательнаго страхованія жизни, то хотя этотъ предметъ никоимъ образомъ въ предѣлы интендантскаго вѣдомства не входитъ, однако, подумавши, и объ немъ «написать» можно. Что̀ бы, напримѣръ, написать? да просто: «признавая необходимымъ, въ видахъ успѣшнѣйшаго продовольствія армій и флотовъ...» А потомъ оно ужь само собой пойдетъ. И чтобы было вѣрнѣе, непремѣнно нужно написать не туда куда слѣдуетъ, а куда-нибудь въ бокъ. А оттуда опять въ бокъ напишутъ. И всѣ кругомъ зажужжатъ. Зажужжатъ почты и телеграфы, зажужжатъ финансы, пути сообщенія, иностранныя исповѣданія... Тогда ужь и *настоящему* вѣдомству, волей-неволей, придется зажужжать. Смотришь, анъ дѣло и въ шляпѣ.

Поэтому, мы рѣшили: ожидать отъ Балалайкина дальнѣйшихъ подвиговъ.

*

Что̀ же касается до Перекусихина, то объ немъ мы совсѣмъ не имѣли сужденія, предоставивъ его участь усмотрѣнію моршанскаго мѣняльнаго корабля.

Былъ ужь одиннадцатый часъ утра, когда мы вышли для осмотра Корчевы. И съ перваго же шага насъ ожидалъ сюрпризъ: кромѣ насъ, и еще путешественникъ въ Корчевѣ съискался. Щёголь, въ гороховомъ пальто *), въ цилиндрѣ — ходитъ по площади и тросточкой помахиваетъ. Всматриваюсь: словно какъ на вчерашняго дьякона похожъ... онъ, онъ самый и есть!

— Глумовъ! смотри! вчерашній-то дьяконъ... вонъ онъ! воскликнулъ я въ испугѣ.

Но Глумовъ, вмѣсто того, чтобъ отвѣтить на мое восклицаніе, въ свою очередь, встревоженно крикнулъ:

— Смотри! смотри! вонъ туда! въ тотъ уголъ!

Смотрю и не рѣрю глазамъ: въ углу пощади — другой путешественникъ гуляетъ! И тоже въ гороховомъ пальто, и въ цилиндрѣ. Вотъ такъ штука!

Помелькали-помелькали, и вдругъ, въ нашихъ глазахъ исчезли, словно сквозь землю провалились.

Инстинктивно мы остановились и начали искать глазами, нельзя-ли спрятаться гдѣ-нибудь въ конопляхъ. Но въ Корчевѣ и коноплей нѣтъ. Стали припоминать вчерашній день, не наговорили-ли чего лишняго. Оказалось, что въ сущности ничего *такого* не было, однакожь...

— Однако, братъ, ты завелъ-таки насъ! малодушно укорилъ я Глумова.

Но онъ ужь и самъ сознавалъ свою ошибку. Сконфуженно смотрѣлъ онъ на Фаинушку, какъ бы размышляя: за что̀ я легкомысленно загубилъ такое молодое,

*) Гороховое пальто—родъ мундира, который, по слухамъ, одно время былъ присвоенъ собирателямъ статистики.

прелестное существо? Но милая эта особа нетолько не выказывала ни малѣйшаго унынія, но, напротивъ, съ беззавѣтною бодростью глядѣла въ глаза опасности.

— Положимъ, что мы ничего *такого* не сдѣлали и не сказали, продолжалъ я приставать: — но вѣдь этого недостаточно. По нынѣшнимъ обстоятельствамъ, теплота чувствъ нужна, дѣятельная теплота, а мы ее-то и прозѣвали...

Тѣмъ не менѣе, бодрость Фаинушки на всѣхъ подѣйствовала возстановляющимъ образомъ, такъ что меня ужь не слушали. Какъ-то разомъ всѣ сознали себя невиноватыми, а извѣстное дѣло, что ежели человѣкъ не виноватъ, то ты хоть его рѣжь, хоть жги — онъ все-таки будетъ не виноватъ. Удивительно, ка̀къ окрыляетъ это сознаніе, какую-то смѣлость и гордость вливаетъ. Даже мѣняло — и тотъ почувствовалъ себя до такой степени невиноватымъ, что тутъ же далъ обѣщаніе, что ежели теперь благополучно пронесетъ, то онъ сполна отвалитъ Перекусихину просимый имъ кушъ.

Разумѣется, Глумовъ только того и ждалъ. По его инициативѣ, мы взяли другъ друга за руки и троекратно прокричали: рады стараться, ваше пре-вос-хо-ди-тель-ство̀! Смотримъ, анъ и гороховое пальто тутъ же съ нами руками сцѣпилось! И только что мы хотѣли ухватиться за него, какъ его ужь и слѣдъ простылъ.

XVIII.

Соборъ оказался отличный: просторный, свѣтлый. Мы осмотрѣли все въ подробности, и стѣны, и иконостасъ, и ризницу. Все было въ наилучшемъ видѣ. Прекраснѣйшее паникадило, массивное евангеліе, изящной работы напрестольный крестъ — все одно къ одному. И при этомъ вездѣ оказался жертвователемъ купецъ Вздошниковъ.

— А въ будущемъ году господинъ Вздошниковъ обѣщаютъ колоколъ соорудить — тогда, пожалуй, и въ Кимрѣ намъ позавидуютъ! сообщилъ отецъ дьяконъ, показывавшій намъ достопримѣчательности собора. — А еще черезъ годикъ и наружную штукатурку они же возобновятъ.

И, тѣмъ не менѣе, купецъ Вздошниковъ нетолько Корчеву, но и весь Корчевскій уѣздъ у себя въ плѣну держитъ. Одною рукою жертвуетъ, а другою — въ карманахъ у обывателей шаритъ, причемъ, конечно, и «баланецъ» соблюдаетъ. Во всѣхъ кабакахъ у него часть, и ежели Разноцвѣтовъ прогорѣлъ, то потому единственно, что не захотѣлъ покориться, тягаться вздумалъ. А то бы и онъ теперь у Вздошникова на побѣгушкахъ бѣгалъ, и, въ воздаяніе, щи бы съ требушиной ѣлъ. Кромѣ

ого, Вздошниковъ и виноградныя вина дѣлаетъ: мадеру, портвейнъ, лафитъ, рейнвейнъ. И все съ золотыми ярлыками и съ обтянутыми фольгой пробками. Въ Кашинѣ эти вина дѣлаютъ на манеръ иностранныхъ, а Вздошниковъ дѣлаетъ ужь на манеръ кашинскихъ. Но и тѣ, и другія все равно, что иностранныя. Онъ же, Вздошниковъ, рощами торгуетъ, и, съ божьей помощью, довелъ сажень дровъ ужь до пяти рублей.

— Мѣсто наше бѣдное, сказалъ отецъ дьяконъ: — ежели всѣ захотятъ кормиться, только другъ у дружки безъ пользы куски отымать будутъ. Сыты не сдѣлаются, а по пустому разсорятъ. А ежели одному около всѣхъ кормиться — это можно!

Когда же мы уже раскланивались на крыльцѣ, то прибавилъ:

— А вонъ и домъ его каменный на бугорочкѣ стоитъ — всей Корчевѣ красота! Сходите, полюбопытствуйте. У него и сейчасъ два путешественника закусываютъ.

Но мы поспѣшили къ старичку, хотя, въ виду общенія Вздошникова съ гороховыми пальто, чувство самосохраненія должно было бы подсказать намъ, что сходить поклониться человѣку, въ домѣ котораго, повидимому была штабъ-квартира корчевской благонамѣренности, — голова не отвалится.

Старичокъ, дѣйствительно, оказался древній: зубовъ нѣтъ, глаза вытекли, черепъ — совсѣмъ голый. Вмѣсто всего, свидѣтельство корчевскаго полицейскаго управленія, удостовѣряющаго, что предъявитель сего, мѣщанинъ Онисимъ Дадоновъ, имѣетъ сто семь лѣтъ, *или болѣе, или менѣе*. Сидѣлъ Дадоновъ въ большомъ истрепанномъ креслѣ, подаренномъ ему покойнымъ историкомъ Погодинымъ, «въ воспоминаніе пріятно проведенныхъ минутъ»; на немъ была надѣта чистая бѣлая

рубашка, а на ногахъ лежало ситцевое стеганное одѣяло: очевидно, что домашніе были заранѣе предувѣдомлены объ нашемъ посѣщеніи, Но въ комнатѣ было душно; ее и лѣтомъ рѣдко освѣжали, потому что старикъ боится заболѣть и умереть. У старичка есть дочь, большуха, которая тоже неподвижно полулежитъ на лавкѣ, подъ образами, и тоже не можетъ сказать, когда она родилась, а помнитъ только, что въ тотъ годъ, когда была «некрутчина». И у ней нѣтъ ни волосъ, ни зубовъ, но зрѣніе она еще сохранила, хотя, впрочемъ, слабое, и вслѣдствіе этого часто глотаетъ мухъ За стариками прислуживаетъ «молодуха», женщина лѣтъ шестидесятипяти, которая еще бодрится, но жалуется, что ноги у нея мозжатъ. Молодуха приняла насъ радушно и тотчасъ же показала свидѣтельство.

— Посмотрите на нашего старичка—вотъ и пакентъ у насъ, не обманываемъ! деньги за него каждый годъ платимъ — сорокъ копѣечекъ!

И она указала на сорока копѣечную марку, которая была прилѣплена къ свидѣтельству, въ знакъ того, что старикъ—казенный. Сверхъ того, она вынула изъ стола и показала намъ засиженный мухами листъ, на которомъ знаменитые посѣтители вписывали свои имена. Замѣчательнѣе всего были слѣдующія подписи: «Сумлеваюсь, штопъ сей старикъ наказаніе шпицрутенами выдоржалъ. Гр. Алексій Аракчевъ»; и подъ нею: «фсемъ же сумлеваюсь генералъ-майёръ Бритый». Послѣднимъ подписался академикъ Михаилъ Погодинъ (іюль 1862 года) и съ тѣхъ поръ уже никто къ старичку не заглядывалъ.

— Да вѣдь въ шестьдесятъ второмъ году ему и девяноста лѣтъ не было — что же тутъ было любопытствовать? усомнился я.

— А кто его, батюшка, знаетъ, сколько ему лѣтъ!

возразила молодуха:—лѣтъ ужь сорокъ все сто семь ему лѣтъ значится—ужь и стариться-то онъ словно пересталъ!

Начали мы предлагать старичку вопросы, но оказалось, что онъ только одно помнитъ: сначала родился, а потомъ жилъ. Даже объ Аракчеевѣ утратилъ всякое представленіе, хотя, по словамъ «большухи», послѣдній пригрозилъ ему записать безъ выслуги въ апшеронскій полкъ рядовымъ, ежели не прекратитъ тунеядства. И непремѣнно выполнилъ бы свою угрозу, еслибъ самъ, въ скоромъ времени, не подпалъ опалѣ.

Таковъ неумолимый законъ судебъ! Какъ часто человѣкъ, въ пылу непредусмотрительной гордыни, сулитъ содрать шкуру со всего живущаго, и вдругъ — открывается трапъ, и онъ самъ проваливается въ преисподнюю... Изъ ликующаго дѣлается стенящимъ, а тѣ, которые вчера ожидали содранія кожи, внезапно расправляютъ крылья и начинаютъ дразниться: что̀ взялъ? грибъ съѣлъ! Ахъ, господа, господа! а что̀, ежели...

— Но вы-то сами что̀-нибудь помните? обратился Глумовъ къ молодухѣ.

— Какъ не помнить... пожаръ былъ! всѣ въ ту пору погорѣли... А послѣ, черезъ десять лѣтъ, только-что обстроились, опять пожаръ!

— Ну, что̀ пожары! на счетъ обычаевъ здѣшнихъ не можете-ли что̀ сказать? Напримѣръ, пѣсни, пляски, хороводы, сказки, преданія...

Молодуха задумалась. Очевидно, не поняла вопроса.

— Время ка̀къ проводите? пояснилъ я:—пѣсни играете? хороводы водите? сказки сказываете?

— Строго нонѣ. Вотъ прежде точно, что противъ дому на площади хороводы игрывали... А нонѣ ровно и не до сказокъ. Все одно, что въ гробу живемъ...

— Отчего же, вы полагаете, такая перемѣна случилась? отъ того-ли, что внутренняя политика измѣнила

направленіе, или отъ того, что пѣть нѐ объ чемъ стало?

Но старуха опять не поняла.

— Какъ бы вамъ это объяснить? Ну, напримѣръ... что̀ бишь? ну, напримѣръ, литература... Прежде, бывало, господа литераторы и пѣсни играли, и хороводы водили, а ныньче хрюканье всѣ голоса заглушило... отчего?

— Урядники нонѣ... не смѣло отвѣтила молодуха, точно сама сомнѣвалась, угадала-ли.

— Вотъ и прекрасно. Корреспондентъ! запиши! Урядники. Ну, а еще что̀ можете сказать? чѣмъ, напримѣръ, живете? кормитесь по маленьку?

— Такъ коё-чѣмъ. Та̀льки пряду; продамъ — хлѣба куплю. Мыкаемся тоже. Старичокъ-то вонъ мяконькаго все проситъ...

— А какъ вы примѣчаете, когда изобильнѣе жилось, прежде или ныньче?

— Какъ можно су̀проти прежняго! прежде-то мы...

— Щи мы, сударь, прежде ѣли! крикнула изъ угла старуха, вращая потухающими глазами. И словно въ изступленіи повторила: — щи ѣли! щи!

— Кашки бы... сочувственно пискнулъ старичокъ, словно икну̀лъ.

— Но отчего же вдругъ такое оскудѣніе?

— Да какъ сказать... не вдругъ оно... Сегодня худо, завтра хуже, а напослѣдокъ и еще того хуже...

— Ну, а урядники... не думаете-ли вы, что они и въ этомъ отношеніи...

— Должно быть, что они...

Но тутъ случилось нѣчто диковинное. Не успѣла молодуха порядкомъ объясниться, какъ вдругъ, словно громъ, среди насъ упала фраза:

— Урядники да урядники... Да говорите же прямо:

оттого, молъ, старички, худо живется, что правового порядка нѣтъ... ха-ха!..

Мы удивленно переглянулись, но оказалось, что никто изъ насъ этой фразы не произносилъ. Въ то же время, мы почувствовали какое-то дуновеніе, какъ у спиритовъ на сеансахъ. И вдругъ, мимо насъ шмыгнуло гороховое пальто и сейчасъ же растаяло въ воздухѣ.

— Это не настоящее пальто... это спектръ его! шепнулъ мнѣ Глумовъ:—внутри оно у насъ... въ сердцахъ нашихъ... Все равно, какъ жаждущему вода видится, такъ и намъ... Всѣ видѣли?

Оказалось, что *мы* видѣли, но изъ хозяевъ никто не видѣлъ и не слышалъ.

— Прежде-то въ нашемъ мѣстѣ и куръ, и утокъ, и гусей водили, продолжала молодуха. — Я-то ужь не застала, а дѣдушка сказывалъ. А нынче и коршуну во всей Корчевѣ поживиться нѐчѣмъ!

— Щи ѣли! щ-ш-ши! опять цыркнула старуха озлобленно.

— А когда щи-то ѣли—вы еще застали? продолжалъ допрашивать Глумовъ молодуху.

— На кончикѣ. Помню, что до двадцати лѣтъ ѣдала, а потомъ...

Но въ это время таинственный голосъ опять прозвучалъ:

— А по вашему, стòитъ только правовòй порядокъ завести — и щи явятся... Либералы... ха-ха!

Спектръ гороховаго пальто выступилъ на секунду въ воздухѣ и растаялъ.

Мы поспѣшили расплатиться и уйти. Машинально разспросили дорогу къ изобрѣтателю perpetuum mobile и машинально же дошли до его избы, стоявшей на краю города.

Мѣщанинъ Презентовъ встрѣтилъ насъ съ какою-то

тихою радостью: очевидно, онъ не былъ избалованъ судьбою. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, худой, блѣдный, съ большими задумчивыми глазами и длинными волосами, которые прямыми прядями спускались къ шеѣ. Изба у него была достаточно просторная, но цѣлая половина ея была занята большимъ маховымъ колесомъ, такъ что наше общество съ трудомъ въ ней размѣстилось. Колесо было сквозное, со спицами. Ободъ его, довольно объемистый, сколоченъ былъ изъ тесинъ, на подобіе ящика, внутри котораго была пустота. Въ этой-то пустотѣ и помѣщался механизмъ, составлявшій секретъ изобрѣтателя. Секретъ, конечно, не особенно мудрый, въ родѣ мѣшковъ, наполненныхъ пескомъ, которымъ предоставлялось взаимно другъ друга уравновѣшивать. Сквозь одну изъ спицъ колеса продѣта была палка, которая удерживала его въ состояніи неподвижности.

— Слышали мы, что вы законъ вѣчнаго движенія къ практикѣ примѣнили? началъ я.

— Не знаю, какъ доложить, отвѣтилъ онъ сконфуженно: — кажется, словно бы...

— Можно взглянуть?

— Помилуйте! за счастье...

Онъ подвелъ насъ къ колесу, потомъ обвелъ кругомъ. Оказалось, что и спереди, и сзади — колесо.

— Вертится? спросилъ Глумовъ.

— Должно бы, кажется, вертѣться... Капризится будто...

— Можно отнять запорку?

Презентовъ вынулъ палку — колесо не шелохнулось.

— Капризится! повторилъ онъ: — надо импетъ дать.

Онъ обѣими руками схватился за ободъ, нѣсколько разъ повернулъ его вверхъ и внизъ, и, наконецъ, съ силой раскачалъ и пустилъ — колесо завертѣлось. Нѣ-

сколько оборотовъ оно сдѣлало довольно быстро и плавно—слышно было, однакожь, какъ внутри обода мѣшки съ пескомъ то напираютъ на перегородки, то отваливаются отъ нихъ — потомъ начало вертѣться тише, тише; послышался трескъ, скрипъ и, наконецъ, колесо совсѣмъ остановилось.

— Зацѣпочка, стало быть, есть, сконфуженно объяснялъ изобрѣтатель, и опять напрягся и размахалъ колесо.

Но во второй разъ повторилось то же самое.

— Скажите, сами вы до этого дошли? спросилъ Глумовъ, стараясь сообщить своему голосу, по возможности, ободряющій тонъ.

— Охота у меня... Только вотъ настоящимъ образомъ дойти не умѣю...

— Тренія, можетъ быть, въ разсчетъ не приняли?

— И треніе въ разсчетѣ было... что̀ треніе? Не отъ тренія это, а такъ... Иной разъ словно порадуетъ, а потомъ вдругъ.. закапризничаетъ, заупрямится — и шабашъ! Кабы колесо изъ настоящаго матерьялу было сдѣлано, а то такъ, обрѣзки кое-какіе... Недостатки наши...

— Кто-нибудь осматривалъ у васъ колесо?

— Были-съ.

— И что̀ же?

Презентовъ стоялъ, понуривъ голову, и молчалъ.

Я инстинктивно оглянулъ горницу, и самъ опустилъ голову: такъ въ ней было все неприютно, голо̀, словно выморочно. Въ углу, одинокій образъ, съ воткнутой сзади почти истлѣвшей отъ времени вербой; голая лавка, голыя стѣны, порожній столъ. На окнѣ стояла глиняная кружка съ водой и рядомъ лежалъ толстый сукрой черкаго хлѣба. Можетъ быть, это былъ завтракъ, обѣдъ и ужинъ Презентова. Не замѣчалось ни одного

изъ признаковъ, говорящихъ о хозяйственности, о пріютѣ. Даже неопрятности, столь обыкновенной въ мѣщанской избѣ, не было, а именно какая-то унылая заброшенность. И на общемъ фонѣ этой оголтѣлости и выморочности какъ-то необыкновенно сиротливо выступалъ этотъ человѣкъ, самъ оголтѣлый и выморочный. Ка̀къ онъ тутъ жилъ? Собственно говоря, разъ колесо было налажено, ему и дѣлать ничего не оставалось. Вѣроятно, онъ населялъ это пространство призраками своей фантазіи, или, угнетаемый мечтательной праздностью, проводилъ дни въ безсильномъ созерцаніи заколдованнаго колеса, изнывая отъ жгучихъ стремленій къ чему-то безмѣрному, необъятному, которое именно неясностью своихъ очертаній покоряло его себѣ.

— Вы бы къ какому-нибудь дѣлу попроще приспособились, участливо посовѣтовалъ ему Глумовъ.

Презентовъ продолжалъ молчать.

— Допустимъ даже, что задача ваша достижима; но вѣдь это предпріятіе сложное, далекое... На пути къ нему есть множество задачъ, болѣе доступныхъ, разработка которыхъ, и сама по себѣ полезная, могла бы, сверхъ того, и лично вамъ оказать поддержку...

— Мнѣ что̀! вотъ колесо настоящимъ бы образомъ... промолвилъ онъ тихо.

Въ этихъ словахъ звучала такая убѣжденность, что Фаинушкѣ вдругъ взгрустнулось.

— Хозяюшка у васъ есть? спросила она ласково.

— Одинъ я. И женатъ не былъ. Матушка у меня, съ годъ назадъ, померла—съ тѣхъ поръ одинъ и живу. И горницу прибрать нѐкому, прибавилъ онъ, конфузливо улыбаясь.

Признаюсь, я думалъ, что Фаинушка вынетъ изъ бумажника сторублевую и скажетъ: вотъ вамъ... на ко-

лесо! — однако, милая дамочка съ минуту погрустила, а вслѣдъ затѣмъ опять оправилась.

— А давно вы этимъ дѣломъ занимаетесь? продолжалъ допрашивать Глумовъ.

— Да и не помню ужь... Охота такая...

— Подумайте, однакожъ. Сколько лѣтъ вы одну работу работаете, а гдѣ же результаты?

— Можетъ, и дойду.

Дальнѣйшій разговоръ былъ невозможенъ. Даже Глумовъ, отъ природы одаренный ненасытнымъ любопытствомъ и тотъ понялъ, что продолжать ворошить этого человѣка, въ угоду вояжерской любознательности, неумѣстно и безсовѣстно. Какъ вдругъ Очищенный, невѣдомо съ чего всполошился.

— А податей много сходитъ? спросилъ онъ.

— Податей нынче не берутъ, а пакенты велятъ брать.

Онъ поспѣшно вынулъ изъ стола промысловое свидѣтельство (цѣна 2 р. 50 к.) и показалъ намъ. Быть можетъ, у него въ головѣ мелькнуло, что мы собственно для того и пришли, чтобъ удостовѣриться.

— Дорогонько! молвилъ Очищенный, инстинктивно обводя взоромъ комнату.

— Для чего же вамъ свидѣтельство? Вѣдь вы постояннымъ промысломъ не занимаетесь? удивился Глумовъ.

— Случается. Намеднись господину исправнику табакерку съ музыкой чинилъ, а мѣсяцъ назадъ, помѣщику одному вѣялку привезли, такъ сбирать ѣздилъ. Набѣгаетъ тоже работишка.

— Ну, а вообще живется кàкъ?

Начался заправскій допросъ. Какія пѣсни, сказки; нѣтъ-ли слѣпенькаго пѣвца... Куда бы онъ привелъ насъ — не знаю. Быть можетъ, къ вопросу о недоста-

точномъ вознагражденіи труда или къ вопросу о накопленіи и распредѣленіи богатствъ, а тамъ, полегоньку да помаленьку, и прямо на край бездны. Но гороховое пальто и на этотъ разъ не оставило насъ.

— Да что̀ же вы спрашиваете? развѣ можно жить въ странѣ, въ которой правово̀го порядка нѣтъ? Личность — не обезпечена, завтрашній день — неизвѣстенъ... Либералы... ха-ха! произнесло оно отчетливо и звонко.

Опять почувствовали мы знакомое дуновеніе и опять мимо насъ промелькнула гороховая масса, увѣнчанная цилиндромъ; промелькнула и растаяла.

— Спектръ! воскликнулъ Глумовъ:—но спектръ спасительный, господа! Онъ посылается намъ для того, чтобъ мы знали, что̀ можно и что̀ нельзя... И такъ, возблагодаримъ...

. . . .

Хотя мы и обѣщали Пантелею Егорычу, при первой возможности, отправиться дальше, но пароходъ не приходилъ и мы поневолѣ должны были остаться въ Корчевѣ. По возвращеніи на постоялый дворъ, мы узнали, что Разноцвѣтовъ гдѣ-то купилъ, за недоимку, корову и расторговался говядиной. Часть туши онъ уступилъ намъ и сварилъ отличные щи, остальное — продалъ на сторону. А на вырученныя деньги накупилъ патентовъ.

Какъ бы то ни было, но мы наѣлись. А наѣвшись, возмечтали. Наступили сумерки, нужно было какъ-нибудь скоротать вечеръ. Попробовали-было загадку загадать: что̀ такое Корчева? — Но отвѣтъ былъ черезчуръ ужь короткій: Корчева есть Корчева. Тогда Глумовъ предложилъ прочитать намъ лекцію изъ исторіи, на что̀ мы съ радостью согласились. Настолько, насколько это было возможно въ скромной обстановкѣ постоялаго двора, онъ коснулся призванія варяговъ, потомъ безпрепятственно

облетѣлъ періоды: удѣльный, татарскій, московскій, петербургскій, и приступилъ къ современности. Но едва вымолвилъ онъ вступительныя слова: «Современность, переживаемая нами, подобна камаринскому мужику, который...» — какъ вдругъ нѣкто неожиданно произнесъ:

— Извольте повторить, что̀ вы сказали!

Мы обернулись: въ дверяхъ стояло гороховое пальто.

Спектръ это былъ, или не спектръ?

Въ одну секунду мы потушили свѣчу и, шмыгнувъ мимо непрошеннаго гостя, очутились на улицѣ.

XIX.

Цѣлую ночь мы бѣжали. Дождь преслѣдовалъ насъ, грязь забрасывала съ ногъ до головы. Куда надѣялись мы убѣжать? на этотъ вопросъ врядъ-ли кто-нибудь изъ насъ далъ бы отвѣтъ. Еслибъ мы что̀-нибудь сознавали, то, разумѣется, поняли бы, что какъ ни великъ Божій міръ, но отъ спектровъ, его населяющихъ, все-таки, спрятаться нѐкуда. Жестокая и чисто-животненная паника гнала насъ впередъ и впередъ.

Я слышалъ, какъ Фаинушка всхлипывала отъ боли, силясь не отставать, какъ «нашъ собственный корреспондентъ» задыхался, неся въ груди зачатки смертельнаго недуга, какъ мѣняло, дойдя до экстаза, восклицалъ: накатилъ, сударь, накатилъ! А дождь свирѣпѣлъ больше и больше и небо все гуще и гуще заволакивалось тучами. Ни одного жилья мы не встрѣтили, и какъ насъ не съѣли волки — этого я понять не могу. Навѣрное, они кое-что слышали объ насъ отъ урядниковъ и опасались отнять у насъ жизнь, потому что съ нашимъ исчезновеніемъ могли затеряться корни и нити, которые имѣло въ виду гороховое пальто. Какъ бы то ни было, но этимъ чисто-охранительнымъ соображеніямъ мы были обязаны жизнью.

Наконецъ, однакожъ, выбились изъ силъ. Повидимому, былъ ужь часъ пятый утра, потому что начиналъ брезжить свѣтъ и на общемъ фонѣ сѣрыхъ сумерекъ стали понемногу выступать силуэты. Передъ нами разстилался прудъ, за которымъ темнѣла какая-то масса.

Вглядываюсь, и не вѣрю глазамъ — передо мною Проплёванная! *) Она, она, она. Вонъ и дорога, ведущая въ усадьбу. По одну сторону—большой прудъ, обсаженный березами, по другую — старинный «плодовитый» садъ. А вонъ и барскій домъ, сѣрый, намокшій, едва выдѣляется изъ сумерекъ, а за домомъ опять темная масса — это другой садъ, при самомъ домѣ. Но гдѣ же «красный» дворъ? гдѣ флигеля, конюшня, скотная?

Съ самой «катастрофы» я не былъ въ Проплёванной. Въ то время, я впопыхахъ пріѣхалъ, впопыхахъ что̀-то кончилъ, чѣмъ-то распорядился, и впопыхахъ же уѣхалъ. Стараго Аверьяныча приставилъ хранить господское добро и получать «ренду» за сверхнадѣльную землю. Эту «ренду», въ количествѣ трехсотъ рублей, я получалъ до такой степени аккуратно, что даже дворникъ, носившій въ кварталъ повѣстку для засвидѣтельствованія, радостно говорилъ: ренду съ вотчины получили! Получалъ я также, отъ времени до времени, доносы, обвинявшіе Аверьянова въ кражѣ, хищеніи, грабежѣ и другихъ уголовныхъ преступленіяхъ, но такъ какъ я на доносы не откликался, то постепенно все стихло. И я непремѣнно забылъ бы о существованіи отчины и дѣдины, еслибъ три сотенныя бумажки ежегодно не напоминали мнѣ, что гдѣ-то существуетъ защищенное межевыми

*) Оффиціальное названіе усадьбы — «Золотое дно»; «Проплёванною» же она называлась въ просторѣчіи, потому что, во времена о̀но, прежній владѣлецъ проигралъ ее моему дѣдушкѣ въ плевки.

*

знаками «мѣстоположеніе», которое признаетъ меня своимъ владыкою.

Радость, которую во всѣхъ произвело открытіе Проплёванной, была неописанная. Фаинушка разрыдалась; Глумовъ блаженно улыбался и говорилъ: ну вотъ! ну вотъ! Очищенный и мѣняло присѣли на пеньки, сняли съ себя сапоги и радостно выливали изъ нихъ воду. Даже «нашъ собственный корреспондентъ», который, кромѣ водки, вообще ни во чтò не вѣрилъ—и тотъ вспомнилъ о Богѣ и перекрестился. Всѣмъ представилось, что, наконецъ-то, обрѣтено злачное мѣсто, въ которомъ тепло и уютно и гдѣ не настигнутъ ни подозрѣнія, ни навѣты.

— Урядники-то, полно, тутъ есть-ли? самонадѣянно воскликнулъ Глумовъ, но тутъ же одумался и суевѣрно прибавилъ: — сухо дерево, завтра пятница!

Я провелъ своихъ спутниковъ къ барскому крыльцу, а самъ отправился розъискивать Аверьяныча. Но таково дѣйствіе «власти земли», что, по мѣрѣ того, какъ я углублялся въ подвластное мнѣ пространство, я чувствовалъ, какъ внутри меня начинаютъ разгораться хозяйскіе инстинкты. Я шелъ на поиски, и озирался по сторонамъ. Прудъ — цѣлъ, но не выловлены-ли караси? Красный дворъ — вотъ онъ, но кругомъ его прежде была рѣшотка — гдѣ она? Вотъ тутъ, въ углу, стоялъ флигель, а теперь навалена куча мусора, по которому привольно разрослась крапива. Вотъ тутъ стояла кудрявенькая береза — тётенька Варвара Ивановна посадила—а теперь торчитъ пень. Гдѣ конюшни? куда дѣлся скотный дворъ? Лошади были! коровы были! овца! Вспомнились доносы, и хозяйское сердце заныло. Самъ виноватъ! какъ-то само собой складывалось въ умѣ. Надлежало тогда же сломя голову летѣть въ Проплёванную, выслѣдить, уличить, а буде нужно, то и ходатай-

ствовать по судамъ. Флигель-то — онъ, на худой конецъ, пятьдесятъ цѣлковыхъ стоилъ, а ежели на охотника... Но, съ другой стороны, припоминалось и то, что Аверьянычъ, отъ времени до времени, кромѣ «ренды», и еще какія-то деньги присылалъ. Какія? Помню, словно сквозь сонъ, что онъ сначала писалъ: «продали лошадь саврасую палочницу», потомъ: «продали мерина голубого»; потомъ: корову, другую корову... и, кажется, флигель? Помнится, что объ скотной я даже самъ что̀-то писалъ... кажется, Марьѣ-вдовѣ, да Акулинѣ-перевезенкѣ, за вѣрную службу, подарилъ? Обѣ онѣ, помнится, на судьбу жаловались: служили мы папенькѣ-маменькѣ вашимъ, въ слезахъ хлѣбъ ѣли, а нонѣ слезы остались, а хлѣба нѣтъ...

И все-таки, когда я уѣхалъ изъ Проплёванной, усадьба была цѣла. Это первоначальное впечатлѣніе вытѣснило всѣ послѣдующія подробности. Красный дворъ былъ обсаженъ березками и обнесенъ рѣшоткой; теперь березки стали большими березами, а рѣшотки нѣтъ, и дворъ весь изъѣзженъ. Точно также оба сада были обнесены частоколомъ, а теперь и они слились съ проѣзжей дорогой: всякій входи и въѣзжай куда хочешь. Яблони-то цѣлы-ли? вишни? Вонъ отъ оранжереи только труба торчитъ, да и у той половина кирпичей растаскана. Помню, громадная липа, старая-престарая, стояла направо отъ дома — сколько цвѣту съ нея собиралось и какія массы пчёлъ жужжали въ ея непросвѣтной листвѣ! — гдѣ она? А за липой старая березовая аллея шла. Какъ сейчасъ помню: у крайней березы, внизу, одинъ бокъ былъ точно кровью залитъ, потому что весной изъ нея точили березовицу... гдѣ эта аллея? Правда, въ этой сторонѣ и теперь еще виднѣются издали какіе-то гиганты, но уже не сплошною массой, а въ одиночку. И какъ-то

сердито качают они вершинами, словно отбиваются отъ одолѣвающаго ихъ молодого древеснаго подсѣда...

Всѣ эти воспоминанія и представленія безпорядочно мелькали въ головѣ, замедляя мои поиски. Весьма вѣроятно, что, вслѣдъ за симъ же, все разъяснится и съищется, но хозяйскіе инстинкты такъ упорны, что я съ трудомъ овладѣлъ собой. Гдѣ же скрывается, однакожъ, Аверьянычъ? Кругомъ было пусто, и, кромѣ чириканья проснувшихся воробьевъ, ничего не было слышно. Въ полуверстѣ чернѣлъ посёлокъ, надъ которымъ уже носился дымъ отъ затапливаемыхъ печей, но я зналъ, что Аверьянычъ не имѣлъ на селѣ родныхъ, у которыхъ могъ бы пріютиться. Наконецъ, я припомнилъ, что въ саду была когда-то поставлена банька, и направился туда.

Садъ заросъ и заглохъ необыкновенно; не видно было ни клумбъ, ни дорожекъ. Только одна тропинка шла въ глубь отъ ветхой калитки, которая еще держалась на одной петлѣ, прислонившись къ столбу, составлявшему часть исчезнувшей рѣшотки. Когда-то въ саду было посажено нѣсколько разныхъ сортовъ тополей; теперь эти тополи разостлали свои корни по всему саду и подошли къ самому дому. Были тутъ прежде цѣлыя клумбы зимующихъ розъ, были группы воздушнаго жасмина, жимолости, бузины, была большая продольная аллея изъ сиреней и нѣсколько боковыхъ аллей изъ акацій — теперь все это исчезло, порабощенное тополемъ. Только безчисленная масса воробьевъ свободно ютилась въ этой чащѣ, которая такъ переплелась и перепуталась, какъ будто хотѣла защитить себя отъ посторонняго вторженія. Я знаю многихъ, на которыхъ картина подобной заброшенности производитъ чарующее впечатлѣніе, но мнѣ, при видѣ ея, просто сдѣлалось обидно. Какъ будто изъ всей этой густой, приземистой массы

неслись мнѣ на встрѣчу слова: нѣчего тебѣ здѣсь дѣлать! нѣчего! нѣчего!

Аверьянычъ сидѣлъ на приступочкѣ баннаго крыльца и жевалъ. Но, увидѣвъ посторонняго человѣка, испугался и торопливо спряталъ за пазуху ломоть чернаго хлѣба. Онъ еще былъ живъ, хотя до того состарился, что лицо его какъ бы подернулось мхомъ. Услышавши шумъ, выглянули изъ дверей Марья-вдова и Акулина-перевезенка, которыя, очевидно, жили тутъ же. У Марьи-вдовы была дочь Полька, карлица, робкая, косноязычная, съ кошачьими зрачками и выпяченнымъ брюшкомъ, которая споконъ вѣку находилась при домѣ «въ дѣвчонкахъ» — и она на крыльцо выбѣжала. И несмотря на то, что ей было за пятьдесятъ, все еще смотрѣла дѣвчонкой.

— Полька! когда же ты замужъ-то выйдешь? пошутилъ я по-барски.

Только тогда всѣ опомнились.

— Ахъ, да никакъ это баринъ!

И до того обрадовались, что прослезились и бросились «ручку» ловить. Какъ будто у этихъ людей наканунѣ доѣденъ былъ послѣдній каравай хлѣба, и, не спустись я къ нимъ, словно съ облаковъ, на завтра же имъ угрожала неминучая смерть.

— Живы? продолжалъ я шутить.

— Чтò намъ дѣется! Мы нонѣ — казенные. Ни въ огнѣ не горимъ, ни въ водѣ не тонемъ, пошутили и они въ тонъ мнѣ.

И на секунду пригорюнившись, въ одинъ голосъ прибавили:

— Красавецъ вы нашъ!

Наконецъ, отперли двери дòма и отворили ставни. Съ перваго же шага насъ такъ и обдало опальными запахами. Въ залѣ половицы слегка колебались, штукатурка

кусками валялась на полу, а на потолкѣ виднѣлись бурые круги вслѣдствіе тѣчи; посрединѣ комнаты стоялъ круглый банкетный столъ, на которомъ лежалъ старинный-старинный нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей». Въ гостинной было совсѣмъ темно отъ тополей, которые хлестали въ окна намокшими вѣтвями. Въ маменькиной спальной поселилось семейство хомяковъ, которые, повидимому, не имѣли никакого представленія о человѣкѣ и его свойствахъ, потому что нимало не смутились при нашемъ появленіи и продолжали бѣгать другъ за другомъ. Словомъ сказать, всюду, куда мы ни проникали, насъ въ одно мгновеніе пронзало сыростью, выморочностью, запустѣніемъ.

Такою предстала передо мной колыбель, убаюкивавшая мою юность золотыми снами. Все здѣсь взывало къ памяти прошлаго. Не было въ этомъ домѣ окна, изъ котораго я несчетное число разъ не вопрошалъ бы пространство, въ смутномъ ожиданіи волшебства; не было въ этомъ саду куста, который не подглядѣлъ бы потаеннаго процесса, совершавшагося въ юношѣ, того творческаго процесса, въ которомъ, какъ солнечный лучъ въ утреннихъ сумеркахъ, брезжится будущій «человѣкъ». Не было пяди земли, которая не таила бы слова обличенія въ нѣдрахъ своихъ, которая не могла бы свидѣтельствовать...

И все это: и домъ, и садъ, и земля — стояло забытое, оброшенное, почти поруганное...

Чуть-чуть было я не разнѣжился; но общее положеніе, послѣ ночныхъ приключеній, было таково, что подавляло всякій порывъ чувствительности. Прежде всего намъ требовалось сухое бѣлье и платье, а потомъ—пища. Принесли связку ключей, и, послѣ непродолжительныхъ поисковъ, добыли цѣлую кучу бѣлья и женскихъ блузъ. Но по части мужскихъ одѣяній ничего не на-

шлось, кромѣ четырехъ дворянскихъ мундировъ, въ которыхъ папенька и дѣдушка въ свое время щеголяли на выборахъ. Мундиры были необыкновенно странные: съ коротенькими таліями и длинными узенькими фалдами назади. Кое-гдѣ сукно было побито молью, а на одномъ мундирѣ оказалось даже вывороченнымъ; шитье потемнѣло и отдавало запахомъ мѣди. Дѣлать, однакожь, было нечего, пришлось одѣться въ мундиры, но такъ какъ ихъ было только четыре, то на мѣнялу, въ воздаяніе отличныхъ заслугъ, возложили блузу. Часа черезъ два мы были уже обсушены и обогрѣты, а когда Марья-вдова накормила насъ яичницей, то всѣ ночныя злоключенія забылись и мы почувствовали себя такъ хорошо, какъ будто всю жизнь провели въ мундирахъ, готовые защищать свои дворянскія права̀.

Между тѣмъ, на селѣ пріѣздъ нашъ произвелъ впечатлѣніе. Первымъ толкнулся въ усадьбу батюшка и стыдливо потупилъ глаза, увидѣвъ меня въ папенькиныхъ штанахъ съ отложнымъ гульфомъ. Но когда узналъ, что Проплёванную торгуетъ у меня купчиха Стёгнушкина, которая будетъ тутъ жить и служить молебны и всенощныя, то ободрился и сталъ считать на пальцахъ: одинъ двугривенный, да другой двугривенный, да четвертакъ... Потомъ прибѣжалъ деревенскій староста и разсказалъ, что пришли на село въ побывку два солдата; одинъ говоритъ: скоро опять крѣпостное право будетъ; а другой говоритъ: и земля, и вода, и воздухъ— все будетъ казенное, а казна ужь отъ себя всѣмъ раздавать будетъ. Такъ которому солдату вѣрить?

— Ка̀къ это... «казенное»? не понялъ я.

— Рѣшительно, то-есть, все... ка̀къ есть! пояснилъ староста.

Вопросъ былъ мудреный; пахло превратными толкованіями. Ежели отвѣтить, что оба солдата врутъ — ска-

жутъ, пожалуй, что я подрываю авторитетъ арміи и флотовъ. Ежели склониться на сторону одного изъ двухъ вѣстовщиковъ, такъ неизвѣстно, который изъ нихъ превратнѣе. Кажется, какъ будто первый солдатъ меньше превратенъ, нежели второй, а впрочемъ...

— Богу молиться нужно! замѣтилъ я, наконецъ, взглянувъ на батюшку.

— И я имъ тоже говорю, отозвался батюшка: — не надѣйтесь ни на князи, ни на сыны человѣческіе, а къ Богу прибѣгайте!

Тогда староста широко перекрестился и спросилъ:

— А пачпорты есть?

И, въ объясненіе своего требованія (все-таки, я когда-то ему «замѣсто отца» былъ!), понесъ околесную, изъ которой можно было только разобрать: «почему что», да «спаси Богъ»! И въ заключеніе: нонѣ строго!

— Вонъ ужь Усплѣнья на дворѣ, сказалъ онъ: — а мы, благослови Господи, сѣять-то и не зачинали!

— Чтò такъ?

— Все сицилистовъ ловимъ. Намеднись, всѣмъ опчествòмъ двое сутокъ въ лѣсу ночевали, искали его — анъ онъ, каторжный, у всѣхъ на глазахъ убёгъ!

— Сицилистъ-то?!

— Онъ самый. Видимъ, что бѣжитъ... ахъ, батюшки! господа хрестьяне! вонъ онъ! лови, братцы, лови!—Куда-те! такъ между пальцевъ, словно вьюнъ, уползъ!

Послѣ старосты пришла дѣвушка съ села и возвѣстила, что посадскія дѣвки просятъ позволенія хороводы передъ домомъ играть и новую помѣщицу повеличать (вѣсть о пріѣздѣ Фаинушки для покупки Проплёванной съ быстротою молніи проникла во всѣ дворы).

Послѣднимъ пришелъ мѣстный кабатчикъ, подъ предлогомъ, не нужно-ли чаю-сахару, но, въ сущности, для того, чтобъ прочитать у Фаинушки въ глазахъ, не на-

мѣревается-ли она завести въ Проплёванной свой кабакъ.

Но у всѣхъ, даже у карлицы Польки, былъ на умѣ затаенный вопросъ: какимъ образомъ мы, именующіе себя «интеллигентами» и представителями «правящихъ классовъ», *несвойственно* прибѣжали пѣшкомъ, вмѣсто того, чтобъ торжественно въѣхать на двухъ-трехъ тройкахъ съ малиновымъ звономъ?

Но кромѣ того, могъ возникнуть и другой вопросъ, касавшійся лично меня, а именно: *настоящій*-ли это баринъ пріѣхалъ, не подложный-ли, надѣвшій только личину его?

Я и самъ понималъ важность и даже естественность этихъ вопросовъ и не безъ опасенія ждалъ минуты, когда они на столько созрѣютъ, что ни батюшка, ни староста, ни кабатчикъ не будутъ уже въ состояніи держать языкъ за зубами. Судьба, поистинѣ, была несправедлива къ намъ. Ни присутствіе мѣнялы, ни участіе въ нашихъ похожденіяхъ столь несомнѣнно позорнаго человѣка, какъ Очищенный — ничто не тронуло жестоковыйную ябеду, которой современная испуганность предоставила привиллегію раздавать патенты на благонадежность и неблагонадежность. Мы не спорили противъ силы вещей; напротивъ, безпрекословно подчинились ей и начертали такую программу, въ которой были и двоеженство, и подлоги — кажется, на что̀ лучше! И что̀жь, вмѣсто того, чтобъ оказать намъ сочувствіе и поддержку, вмѣсто того, чтобъ сказать: зачѣмъ совершать подлоги! можно и безъ подлоговъ на правильной стезѣ стоять! — насъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ цѣлая масса внезапностей, которыя поселяютъ въ сердцахъ нашихъ меланхолію и нерѣшительность...

Чего собственно добивалось отъ насъ безсмысленное гороховое пальто, по милости котораго мы такъ неожи-

данно очутились въ Проплёванной? Ежели оно серьёзно представляло собой принципъ собиранія статистики, то не могло же оно не понимать, что людямъ, которые посѣщаютъ квартальные балы, играютъ въ карты съ квартальными дипломатами, сочиняютъ уставы о благопристойномъ поведеніи и основываютъ университеты съ цѣлью распространенія митирогнозіи, слѣдуетъ предоставить полный просторъ, а не слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ, и тѣмъ менѣе пугать. Что̀ было предосудительно-революціоннаго въ нашемъ вчерашнемъ собесѣдованіи съ старичкомъ и съ мѣщаниномъ Презентовымъ? Какую особливую опасность представляло даже сдѣланное Глумовымъ (и не оконченное) сравненіе современности съ камаринскимъ мужикомъ? — Рѣшительно, ни революціоннаго, ни предосудительнаго, ничего въ этихъ поступкахъ не было. Но еслибъ даже и представилось что̀-нибудь предосудительное и небезопасное, то не слѣдовало-ли бы взглянуть на эти поступки, какъ на случайныя уклоненія, къ которымъ новообращенный прибѣгаетъ, чтобы сорвать сердце за утраченный стыдъ? Вѣдь надо же и ему какое-нибудь утѣшеніе оставить.

Нѣтъ, какъ хотите, а даже въ сферѣ ябеды торжествующая современность заявляетъ себя не только несостоятельною, но просто глупою. Я знаю, что система, допускающая пользованіе услугами завѣдомыхъ прохвостовъ, въ качествѣ сдерживающей силы относительно людей убѣжденія, существуетъ не со вчерашняго дня, но, по моему мнѣнію, давность въ подобномъ дѣлѣ есть прецедентъ, по малой мѣрѣ, неумѣстный. Въ сущности, это совсѣмъ не система, а злодѣйство. Изъ человѣка — положимъ, заблуждающагося, но въ идейномъ смыслѣ, все-таки, возвышающагося надъ общимъ уровнемъ — дѣлаютъ загадку, и угадываніе этой загадки предоставляютъ прохвосту... ужели это не злодѣйство? Вы пред-

ставьте только себѣ, какъ этотъ злополучный игнорантъ, поводя носомъ въ воздухѣ, приступаетъ къ человѣческой душѣ и начинаетъ въ ней по складамъ разбирать: буки-азъ — ба, вѣди-азъ — ва... Чтò онъ пойметъ? — Въ наилучшемъ случаѣ, онъ будетъ разѣвать ротъ и хлопать глазами. Но если у него есть стремленіе показать товаръ лицомъ и если, кромѣ того, у него окажется еще волчій аппетитъ, такъ вѣдь онъ не затруднится даже непониманіемъ, а просто-нà-просто, заручившись какимъ-нибудь хлёсткимъ словомъ, начнетъ съ его помощью уловлять вселенную. Нѣтъ, какъ хотите, а это положительное злодѣйство.

Міръ убѣжденій и міръ шалопайства суть два совершенно различные міра, не имѣющіе *ни одной* точки соприкосновенія. Это истина, непререкаемость которой должна быть *для всѣхъ* обязательною. Допустите въ сферѣ убѣжденій самую густую окраску заблужденія, такъ вѣдь и тогда, прежде всего, надо умѣть опредѣлить, въ чемъ именно заключается заблужденіе и почему непремѣнно предполагается, что оно должно нанести ущербъ сложившейся современности. Развѣ невѣжественный прохвостъ можетъ возвыситься до постиженія столь сложныхъ и трудныхъ явленій?—Нѣтъ, онъ только будетъ выкрикивать безсмысленное слово, и подъ его защитою станетъ сваливать въ одну кучу все разнообразіе аспирацій человѣческой мысли. Вообразите, кàкъ должно быть трудно выслушивать наблюденія этихъ людей,которые смѣшиваютъ Прудона съ Юханцевымъ и Гарибальди съ Редедею!

Встарину, ябеда какъ будто умнѣе была. Она задавалась вполнѣ опредѣленною и, притомъ, доступною ея пониманію цѣлью, и только въ ея предѣлахъ предъявляла свои требованія. Все лишнее, не вмѣщавшееся въ эти предѣлы, она отсѣкала, какъ бы говоря: у меня

и настоящаго дѣла довольно, а въ остальномъ, буде это окажется нужнымъ, пусть разбираются послѣдующія ябеды! Это, быть можетъ, концентрировало жестокость, но, въ то же время, устраняло отъ нея характеръ шутовства и надругательства. Нынче, благодаря чрезмѣрному размноженію шалопаевъ, до того все перепуталось, что трудно даже опредѣлить, что̀ изъ безпрерывно наростающей массы сплетенъ представляетъ реальность, а что̀, безъ дальнихъ словъ, слѣдуетъ бросить на съѣденіе собакамъ. Благодаря этой путаницѣ, самыя существенныя и трудныя задачи жизни дѣлаются достояніемъ невѣжественнѣйшихъ добровольцевъ, и затѣмъ недомысліе и даже явная безсмыслица являются главнымъ обвинительнымъ штандпунктомъ, противъ котораго даже возражать противно... Ясно, что это даже не обвиненіе, не преслѣдованіе, а просто шутовство и надругательство.

Сознавать себя со всѣхъ сторонъ опутаннымъ сѣтью шалопайства—развѣ это не горшая изъ обидъ? Видѣть шалопайство вторгающимся во всѣ жизненныя отношенія, нюхающимъ, чѣмъ пахнетъ въ человѣческой душѣ, читающимъ по складамъ въ человѣческомъ сердцѣ, и чувствовать что наболѣвшее слово негодованія нетолько не жжетъ ничьихъ сердецъ, а, напротивъ, безсильно замираетъ на языкѣ — развѣ можетъ существовать болѣе тяжелое, болѣе удручающее зрѣлище? Повторяю: ябеда существовала искони, въ качествѣ подспорья, но она вращалась въ извѣстной сферѣ, ограничивалась даннымъ кругомъ явленій, и рѣдко выходила за предѣлы своей спеціальности. Нынѣ она обмірщилась, расплылась, расползлась, утратила всякое представленіе о границахъ и мѣрѣ и, что̀ всего важнѣе, захватила въ свои тиски обиходъ «средняго» человѣка и

и на немъ, по преимуществу, сосредоточила силу своихъ развращающихъ экспериментовъ.

Но, можетъ быть, это-то именно и погубитъ ее.

— Кàкъ ты думаешь, погибнетъ ябеда? обратился я къ Глумову.

— Непремѣнно, отвѣтилъ онъ, сразу отгадавъ мои мысли. — Во-первыхъ, она слишкомъ разбросалась и всѣ свои задачи потопила въ массѣ околичностей; во-вторыхъ, она кровно обидѣла «средняго» человѣка, для котораго вопросъ о цѣлости шкуры представляется существеннѣйшею задачей всей жизни.

— Вотъ мы, напримѣръ...

— Ну дà, мы; именно мы, «средніе» люди. Сообрази, сколько мы испытали тревогъ въ теченіи одного дня! Во-первыхъ, во всѣ лопатки бѣжали тридцать верстъ; во-вторыхъ, насъ могли съѣсть волки, мы въ яму могли попасть, въ болотѣ загрузнуть; въ-третьихъ, не успѣли мы обсушиться, какъ опять этотъ омерзительный вопросъ: пачпорты есть? А вотъ ужò погоди: свяжутъ намъ руки назадъ и поведутъ на веревочкѣ въ Корчеву... И ради чего? чтò мы сдѣлали?

— Прекрасно; но какимъ же образомъ средній человѣкъ успѣетъ побѣдить ябеду?

— А вотъ именно этимъ вопросомъ, который я сейчасъ сдѣлалъ. Будетъ и въ домахъ, и на улицахъ, и на распутіяхъ, и шопотомъ, и вполголоса, и громко спрашивать: чтò мы сдѣлали? Только и всего. Высшаго разряда интеллигентъ не снизойдетъ до этого вопроса, мелкая сошка — не возвысится до него, а «средній» человѣкъ именно какъ разъ ему въ мѣру пришелся. Средній человѣкъ до болѣзненности чувствителенъ къ тѣмъ благамъ, совокупность которыхъ составляетъ жизненный комфортъ. Не къ ѣдѣ одной, не къ одному прилично сшитому платью, а къ комфорту вообще, и въ томъ числѣ

къ свободѣ мыслить и выражать свои мысли по человѣчески. И вотъ, когда онъ замѣчаетъ, что въ его мысль залѣзаетъ шалопай, когда онъ убѣждается, что шалопай на каждомъ шагу ревизуетъ его душу, дразнитъ его и отравляетъ его существованіе сплетнями — онъ начинаетъ метаться и закипать. Нѣкоторое время онъ, конечно, сдерживаетъ себя и виляетъ — вотъ какъ мы, напримѣръ: шутка сказать, съ Очищеннымъ связались!— но потомъ разѣваетъ ротъ и кричитъ: за что̀? что̀ я сдѣлалъ!!

— А потомъ?

— Чудакъ! А потомъ, разумѣется, и остальные средніе люди разѣваютъ рты: и въ самомъ дѣлѣ, что̀ же онъ сдѣлалъ? И выходитъ нѣмая сцена—въ родѣ, какъ въ «Ревизорѣ» — для постановки которой приходится прибѣгать къ содѣйствію балетмейстера.

Глумовъ помолчалъ съ минуту и продолжалъ:

— Высоко-интеллигентнаго человѣка легко изолировать, потому что онъ относится къ мелочамъ индифферентно. Его можно вырвать изъ рядовъ человѣческихъ и скомкать, потому что средній человѣкъ не заступится за него, а только будетъ стыдливо замыкать уши и жмурить глаза. Мелкая сошка — та сама руки протянетъ: вяжите, батюшки! мы люди привышные! А средній человѣкъ — тотъ галдѣть будетъ. У него, куда онъ ни обернется — вездѣ «свой братъ», которому онъ будетъ жаловаться и руки показывать: смотрите, запястья-то̀ какъ натерли! Это мнѣ-то натерли! мнѣ, дворянскому сыну, мнѣ, правящему классу... руки натерли!

Произнося послѣднія слова, Глумовъ вдругъ ожесточился и даже погрозилъ пальцемъ въ пространство. Очевидно, на него подѣйствовалъ дворянскій мундиръ, который былъ на его плечахъ.

Тогда и я, почувствовавъ на плечахъ мундиръ, въ свою очередь разсердился.

— И кто же надругается надъ нами! воскликнулъ я: — шваль отпѣтая надругается! отребье, непомнящее родства! Надъ нами, надъ дворянскими дѣтьми! За что̀? Что̀ мы сдѣлали?

И оба вдругъ, точно наступивъ другъ другу на мозоли, вскочили, отворили окно и крикнули:

— За что̀? что̀ мы сдѣлали?

Смотримъ, а на дорогѣ, передъ самой усадьбой стоитъ мужчина.

Это былъ урядникъ; на головѣ—кепи, сбоку—шашка; усы — нафабрены. Онъ стоялъ и въ задумчивости смотрѣлъ на березки, которыми былъ обсаженъ красный дворъ, словно разсчитывалъ, сколько тутъ можетъ выйти саженъ дровъ.

— А ты еще сомнѣвался, есть-ли въ Проплёванной урядникъ! шопотомъ указалъ я Глумову.

— Смотри! смотри! не одинъ, а цѣлыхъ два! воскликнулъ онъ, вмѣсто отвѣта.

Дѣйствительно, изъ-за крапивы, росшей на мѣстѣ стараго флигеля, показался другой урядникъ, тоже въ кепи и при шашкѣ. Не успѣли они сдѣлать другъ другу подъ козырекъ, какъ съ разныхъ сторонъ къ нимъ подошло еще десять урядниковъ. Одинъ изъ нихъ поймалъ по дорогѣ пригульнаго поросенка, другой—вынулъ изъ-подъ курицы только-что снесенное яйцо; остальные не принесли ничего и были печальны.

Началось совѣщаніе («можетъ быть, предположеніе о *ненастоящемъ* баринѣ уже созрѣло и формулировалось», невольно мелькнуло у меня въ головѣ). Сначала распредѣлили наблюдательные пункты; потомъ стали обсуждать, съ которой стороны ловчѣе повести аттаку: со стороны лѣса, или со стороны болота. Но ничего не вышло, по-

тому что пригульный поросенокъ овладѣлъ всѣми ихъ мыслями. Тогда рѣшили: представить по начальству о милостивомъ разрѣшеніи объявить Проплёванную въ осадномъ положеніи, а въ ожиданіи отвѣта изловить другого пригульнаго поросенка (буде возможно, съ кашею), а равно и курицу, снесшую яйцо.

— Говорилъ я тебѣ! сказалъ Глумовъ въ испугѣ: — говорилъ, что не миновать намъ веревочки!

XX.

Тоска овладѣла нами, та тупая, щемящая тоска, которая нападаетъ на человѣка, въ предчувствіи загадочной и ничѣмъ не мотивированной угрозы. Бываютъ времена, когда такого рода предчувствія захватываютъ цѣлую массу людей и, словно злокачественный туманъ, стелются надъ мѣстностью, превращая ее въ Чурову долину. Въ особенности памятно мнѣ въ этомъ смыслѣ одно лѣто. Сидишь, бывало, дома — чудятся шорохи, точно за дверью, въ потёмкахъ, кто-то ручку замка̀ нащупываетъ; выйдешь на улицу — чудится, точно изъ каждаго окна кто-то пальцемъ грозитъ. Допустимъ, что все это только чудится и что на самомъ дѣлѣ ничто *необыкновенное* не угрожаетъ, но вѣдь и миражи могутъ измучить, ежели вплотную налягутъ.

Именно такого рода миражи обступили насъ вслѣдъ за урядницкимъ совѣщаніемъ.

Сумерки уже наступили и приближеніе ночи пугало насъ. Очищенному и «нашему собственному корреспонденту», когда они бывали возбуждены, по ночамъ являлись черти; прочимъ, хотя черти не являлись, но тоже казалось, что человѣка легче можно сцапать въ спящемъ положеніи, нежели въ бодрственномъ. Поэтому, мы рѣ-

шились бодрствовать какъ можно дольше, и когда я предложилъ, чтобъ скоротать время, устроить «литературный вечеръ», то всѣ съ радостью ухватились за эту мысль.

Прежде всего, мы обратились къ Очищенному. Это былъ своего рода Одиссей, котораго жизнь представляла такое разнообразное сцѣпленіе реальнаго съ фантастическимъ, что можно было цѣлый мѣсяцъ прожить въ захолустьѣ, слушая его разсказы, и не переслушать всего. Почтенный старичокъ охотно согласился на нашу просьбу, и дѣйствительно разсказалъ сказку столь несомнѣнно фантастическаго характера, что я рѣшился передать ее здѣсь дословно, ничего не прибавляя и не убавляя. Вотъ она.

Сказка о ретивомъ начальникѣ,

какъ онъ своимъ усердіемъ вышнее начальство огорчилъ.

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ ретивый начальникъ. Случилось это давно, еще въ ту пору, когда промежду начальниковъ такое правило было: стараться какъ можно больше вреда дѣлать, а ужь изъ сего само собой, впослѣдствіи, польза произойдетъ.

«— Обывателя надо сначала скрутить, говорили тогдашніе генералы: — потомъ въ бараній рогъ согнуть, а наконецъ, въ отдѣлку, ежовой рукавицей пригладить. И когда онъ вышколится, тогда ужь самъ собой постепенно отдышится и процвѣтетъ.

«Правило это ретивый начальникъ безъ труда на носу у себя зарубилъ. Такъ что, когда онъ, впослѣдствіи, «ввѣренный край», въ награду за понятливость, получилъ, то у него ужь и программа была припасена.

Сначала онъ науки упразднитъ, потомъ городъ спалитъ и, наконецъ, населеніе испугаетъ. И всякій разъ будетъ при этомъ слезы проливать и приговаривать: видитъ Богъ, что я сей вредъ для собственной ихней пользы дѣлаю! Годикъ-другой такимъ образомъ попалитъ—смотришь, анъ ввѣренный-то край и остепеняться по маленьку сталъ. Остепенялся да остепенялся — и вдругъ каторга!

«Каторга, то-есть общежитіе, въ которомъ обыватели не въ свое дѣло не суются, пороху не выдумываютъ, передовыхъ статей не пишутъ, а живутъ и постепенно блаженствуютъ. Въ будни работу работаютъ, въ праздники — за начальство Богу молятъ. И оттого у нихъ все какъ по маслу идетъ. Наукъ нѣтъ — а они хоть сейчасъ на экзаменъ готовы; вина не пьютъ, а питейный доходъ возростаетъ да возростаетъ; товаровъ изъ-заграницы не получаютъ, а пошлины на таможняхъ поступаютъ да поступаютъ. А онъ, ретивый начальникъ, только смотритъ да радуется; бабамъ по платку даритъ, мужикамъ—по красному кушаку. «Вотъ какова *моя* каторга! говоритъ: — вотъ зачѣмъ я науки истреблялъ, людей калѣчилъ, города огнемъ палилъ! Теперь понимаете?»

«Кàкъ не понимать — понимаемъ.

«Въ этой надеждѣ пріѣхалъ онъ въ свое мѣсто, и началъ вредить. Вредитъ годъ, вредитъ другой. Народное продовольствіе—прекратилъ, народное здравіе— упразднилъ, письменà — сжегъ и пепелъ по вѣтру развѣялъ. На третій годъ сталъ себя провѣрять — чтò за чудо! — надо бы, по настоящему, ввѣренному краю ужь процвѣсти, а онъ даже остепеняться не начиналъ! Какъ ошеломилъ онъ съ перваго абцуга обывателей, такъ съ тѣхъ поръ они распахня ротъ и ходятъ...

«Задумался ретивый начальникъ, принялся розъискивать: какая тому причина?

«Думалъ-думалъ, и вдругъ его словно свѣтъ озарилъ. «Разсужденіе»—вотъ причина. Сталъ онъ припоминать разные случаи, и чѣмъ больше припоминалъ, тѣмъ больше убѣждался, что хоть и много онъ навредилъ, но до *настоящаго* вреда, до такого, который бы всѣхъ сразу прищемилъ, все-таки, не дошелъ. А не дошелъ, потому что этому препятствовало «разсужденіе». Сколько разъ съ нимъ бывало: разбѣжится, размахнется, закричитъ: «разнесу!»—анъ вдругъ «разсужденіе»: какой же ты, братецъ, оселъ! Ну, онъ и спасуетъ. А кабы не было у него «разсужденія», онъ бы давно ужь до каторги дѣло довелъ.

«— Давно бы вы у меня отдышались! крикнулъ онъ не своимъ голосомъ, сдѣлавши это открытіе.

«И погрозилъ кулакомъ въ пространство, думая хоть этимъ посильную пользу ввѣренному краю принести.

«На его счастіе, жила въ этомъ городѣ колдунья, которая на кофейной гущѣ будущее отгадывала, а между прочимъ, умѣла и «разсужденіе» отнимать. Побѣжалъ онъ къ ней, кричитъ: отымай! Видитъ колдунья, что дѣло къ спѣху, живымъ манеромъ съискала у него въ головѣ дырку и подняла клапанчикъ. Вдругъ чтò-то изъ дырки свиснуло... шабашъ! Остался нашъ парень безъ разсужденія...

«Разумѣется, очень радъ. Сталъ ѣсть — куска до рта донести не можетъ, все мимо. Хохочетъ.

«Сейчасъ побѣжалъ въ присутственное мѣсто. Сталъ посрединѣ комнаты и хочетъ вредъ сдѣлать. Только хотѣть-то хочетъ, а какой именно вредъ и кàкъ къ нему приступить — не понимаетъ. Таращитъ глазами, губами шевелитъ—больше ничего. Однако, тàкъ онъ однимъ своимъ неразсудительнымъ видомъ всѣхъ испугалъ, что

разомъ всѣ разбѣжались. Тогда онъ ударилъ кулакомъ по столу, раскололь его, и убѣжалъ.

«Прибѣжалъ въ поле. Видитъ люди пашутъ, боронятъ, косятъ, гребутъ. Знаетъ, сколь необходимо сихъ людей въ рудники заточить, а какимъ манеромъ — не понимаетъ. Вытаращилъ глаза, отнялъ у одного пахаря косулю и разбилъ въ дребезги, но только-то бросился къ другому пахарю, чтобъ борону разнести, какъ всѣ испугались, и въ одну минуту поле опустѣло. Тогда онъ разметалъ только-что сметанный стогъ сѣна, и убѣжалъ.

«Воротился въ городъ. Знаетъ, что надобно его съ четырехъ концовъ запалить, а какимъ манеромъ—не понимаетъ. Вынулъ, по привычкѣ, изъ кармана коробочку спичекъ, чиркаетъ, да не тѣмъ концомъ. Взбѣжалъ на колокольню и сталъ бить въ набатъ. Звонитъ часъ, звонитъ другой, а что̀ за причина — не понимаетъ. А народъ, между тѣмъ, сбѣжался, спрашиваетъ: гдѣ, батюшко, гдѣ? Наконецъ, усталъ звонить, сбѣжалъ внизъ, опять вынулъ коробку со спичками, зажегъ ихъ всѣ разомъ, и только-было ринулся въ толпу, какъ всѣ мгновенно брызнули въ разныя стороны, и онъ остался одинъ. Тогда побѣжалъ домой и заперся на ключъ.

«Сидитъ недѣлю, сидитъ другую; вреда не дѣлаетъ, а только не понимаетъ. И обыватели тоже не понимаютъ. Тутъ-то бы имъ и отдышаться, покуда онъ безъ вреда запершись сидѣлъ, а они, вмѣсто того, испугались. Да нельзя было и не испугаться. До тѣхъ поръ все вредъ былъ и всѣ отъ него пользы съ часу на часъ ждали; но только-что было польза наклевываться стала, какъ вдругъ все кругомъ стихло: ни вреда, ни пользы. И чего отъ этой тишины ждать — неизвѣстно. Ну, и оторопѣли. Бросили работы, попрятались въ норы, азбуку позабыли, сидятъ и ждутъ.

«А у него, между тѣмъ, опять разсужденіе прикапливаться стало. Однажды выглянулъ онъ въ окошко и какъ будто понялъ.

«— Кажется, я однимъ своимъ неразсудительнымъ видомъ *настоящій* вредъ сдѣлалъ! воскликнулъ онъ и сталъ ждать: вотъ сейчасъ соберутся передъ домомъ обыватели и будутъ каторги просить.

«Но сколько онъ ни ждалъ, никто не пришелъ. Повидимому, все уже у него на чеку: и поля заскорбли, и рѣки обмелѣли, и стада сибирская язва посѣкла, и письменà пропали; еще одно усиліе—и каторга готова! Только вопросъ, съ кѣмъ же онъ устроитъ ее, эту каторгу? Куда онъ ни посмотритъ, вездѣ пусто; только «мерзавцы», словно комары на солнышкѣ, стадами играютъ. Такъ вѣдь съ ними съ одними и каторгу устроить нельзя. Потому что и для каторги не ябедникъ праздный нуженъ, а коренной обыватель, работяга, смирный.

«Разсердился. Вышелъ на улицу, сталъ въ обывательскія норы залѣзать и по одиночкѣ народъ оттолѣ вытаскивать. Вытащитъ одного — приведетъ въ изумленіе; вытащитъ другого — тоже въ изумленіе приведетъ. Но тутъ опять бѣда. Не успѣетъ до крайней норы дойти — смотритъ, анъ прежніе опять въ норы уползли...

«Тогда онъ рѣшился. Вышелъ изъ воротъ и пошелъ прямикомъ. Шелъ, шелъ и пришелъ въ большой городъ, въ которомъ вышнее начальство резиденцію имѣло.

«Смотритъ — и не вѣритъ глазамъ своимъ! Давно-ли, въ этомъ самомъ городѣ «мерзавцы» на всѣхъ перекресткахъ программы выкрикивали, а «людишки» въ норахъ хоронились — и вдругъ теперь все наоборотъ! Людишки, безъ задержки, по улицамъ ходятъ, а «мерзавцы» въ норахъ попрятались!

«Куда ни взглянетъ — вездѣ изобиліе плодовъ земныхъ. Зайдетъ въ трактиръ — «никогда, сударь, такъ бойко не торговали»! Заглянетъ въ калашную — никогда столько калачей не пекли! Завернетъ въ бакалейную лавку — «икры, сударь, наготовиться не можемъ! сколько привезутъ, столько сейчасъ и расхватаютъ»!

«— Что̀ за причина? спрашиваетъ онъ у знакомыхъ и незнакомыхъ: — какой такой *настоящій* вредъ вамъ учиненъ, отъ котораго вы вдругъ такъ ходко пошли?

«— Не отъ вреда это, отвѣчаютъ ему: — а напротивъ. Новое начальство у насъ нынче; оно всѣ вреды упразднило — отъ этого такъ у насъ и хорошо.

«Отправился ретивый начальникъ по начальству. Видитъ: домъ, гдѣ начальникъ живетъ, новой краской выкрашенъ; швейцаръ — новый, курьеры — новые. А наконецъ, и самъ начальникъ — съ иголочки. Отъ прежняго начальника вредомъ пахло, отъ новаго — пользою. Прежній начальникъ сопѣлъ, новый — соловьемъ щелкаетъ. Улыбается, руку жметъ, садиться проситъ... ангелъ!

«Дѣлать нѣчего, сталъ онъ докладывать. И что̀ дальше докладываетъ, то гаже выходитъ. Такъ, молъ, и такъ, сколько ни дѣлалъ вреда, а пользы ни на грошъ изъ того не вышло. Не можетъ отдышаться ввѣренный край, да и шабашъ.

«— Повторите! не понялъ новый начальникъ.

«— Такъ и такъ. Никакимъ манеромъ до *настоящаго* вреда дойти не могу!

«— Что̀ такое вы говорите?

«Оба разомъ встали и смотрятъ другъ на друга. И вдругъ, новый начальникъ вспомнилъ, что онъ самъ сколько разъ въ этомъ смыслѣ для своего предмѣстника циркуляры изготовлялъ.

«— Ахъ, такъ вы вотъ объ чемъ! расхохотался онъ. — Но вѣдь мы ужь эту манеру оставили! Нынче мы вре-

да не дѣлаемъ, а только пользу. Ибо *невозможно въ рѣку нечистоты валить и ожидать, что отъ сего вода въ ней слаще будетъ.* Зарубите это себѣ на носу.

«Воротился ретивый начальникъ во ввѣренный край и съ тѣхъ поръ у него на носу двѣ зарубки. Одна (старая) гласитъ: «достигай пользы посредствомъ вреда»; другая (новая): «ежели хочешь пользу отечеству сдѣлать, то»... Остальное на носу не умѣстилось.

«Но иногда онъ принимаетъ одну зарубку за другую. Тогда выходитъ такъ: что ѣлъ, что кушалъ — все едино».

Сказочка Очищеннаго всѣмъ понравилась. Въ особенности всѣхъ утѣшило то, что участь ввѣреннаго края разрѣшилась, по возможности, благополучно. Одна Фаинушка, по наивности, предъявила нѣкоторыя сомнѣнія. Сначала обезпокоилась тѣмъ: какимъ образомъ могло случиться, что ретивый начальникъ такъ долго не зналъ, что въ главномъ городѣ новое начальство новые порядки завело? — На чтò Глумовъ резонно отвѣтилъ: оттого и случилось, что дѣло происходило въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а гдѣ именно—угадай! Потомъ изъявила сожалѣніе, зачѣмъ новое начальство старую зарубку на носу у ретиваго начальника нетолько не уничтожило, а даже какъ будто въ силѣ оставило?—на чтò Глумовъ тоже резонно объяснилъ: затѣмъ и оставило, что, можетъ быть, понадобится.

— Не для того мы, мой другъ, здѣсь собрались, чтобъ критиковать, прибавилъ онъ солидно: — а для того, чтобы время съ пользою провести. Вотъ и я спервоначалу думалъ: какой, молъ, оболтусъ этотъ ретивый начальникъ, ишь вѣдь чтò выдумалъ!—а теперь и самъ вижу, что безъ того, чтобъ городокъ другой не спалить, ихнему брату нельзя. Управить вѣдь нужно, а кàкъ ты

управишь, коль скоро у тебя въ рукахъ нѣтъ ни огня, ни меча? Такъ-то. Ну, да ладно; чья теперь очередь разсказывать? Онуфрій Петровичъ! ты, кажется, жизнеописаніе свое хотѣлъ разсказать... начинай, другъ!

Но злополучный мѣняло, вмѣсто того, чтобъ приступить къ разсказу, вынулъ изъ кармана замаслявую бумагу, въ родѣ лавочнаго счета, и предъявилъ ее намъ, сказавъ:

— Вотъ моя жизнь!

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

1-й гильдіи купца Онуфрія Петровича Парамонова.

	Руб.	К.
Въ 1818 году, Іануарія 15-го, при рожденіи плачено:		
Попамъ	100	—
Въ нижній земскій судъ	100	—
Прочимъ судіямъ	100	—
Въ 1826 году Іулія 30-го при принятіи родителями печати, якобы въ сонномъ видѣ сіе случилось, плачено всѣмъ вопче.	5,000	—
Тогда же покупано для господина исправника:		
Икры боченокъ	15	50
Балыковъ пара	16	65
Вина Марсалы	30	—
Дѣтямъ исправницкимъ орѣховъ	1	25
Попу Микитѣ сантуринскаго	12	—
Со 1818 по 1838 г. плачено:		
За нехожденіе по 100 руб. ежегодно попу.	2,000	—
За «житіе» въ земскій судъ	7,350	—
Въ 1829 году за одолѣніе побѣды надъ турками дадено	750	—
Доздѣ ассигнаціями.		

	Руб. К.
Въ 1838, по случаю переложенія ассигнацій на серебро, всѣмъ вопче. Господи благослови!	1,000 —
	серебромъ
Въ 1839 г. Іануарія 15-го по случаю совершенныхъ лѣтъ и принятія малой печати якобы въ сонномъ видѣ произошло .	5,000 —
Пріѣзжалъ чиновникъ изъ губерніи для ревизіи по онному же дѣлу; дадено . .	7,000 —
Ему же часы съ репетиціей.	350 —
По сему же случаю начальнику губерніи, на вдовъ и сиротъ	5,000 —
На украшеніе монастырей	5,000 —
Въ 1842 по случаю учрежденія губернскихъ правленій	6,000 —
По сему же случаю исправнику тарантасъ покупанъ.	300 —
Съ 1838 по 1845 г. за продолженіе житія по 1,000 р.	7,000 —
За нехожденіе	3,500 —
Въ 1845 году въ Петербургъ поѣхали, въ Ряжскѣ исправникъ хотѣлъ слѣдствіе о растратѣ ввѣреннаго имущества начать, плачено	2,000 —
Тоже въ Рязани	1,500 —
Тоже въ Коломнѣ.	1,500 —
Бронницы ночью проѣхали	100 —
Въ Москвѣ хотѣли въ Сибирь сослать . .	15,000 —
Въ Клину за освидѣтельствованіе	500 —
Въ Твери тожь	1,000 —
Въ Торжкѣ.	750 —
Въ Вышнемъ-Волочкѣ	1,000 —
Въ Валдаѣ колокольчиковъ накупили. . .	5 —

	Руб. К.
Въ Крестцахъ ямщикъ задами провезъ. .	100 —
Въ Новгородѣ губернаторъ на чашку чая звалъ	3,000 —
Пріѣхали въ Петербургъ.	50,000 —
Въ 1846 году отъ Министра генералъ всѣхъ вопче тревожилъ.	45,000 —
Особливо тревожилъ.	50,000 —
Въ 1847 г. Статскій совѣтникъ тревожилъ.	25,000 —
Въ 1849 г. по случаю побѣды одолѣнія надъ мятежными Венграми.	15,000 —
На усиленіе средствъ	10,000 —
Въ 1853 году на арміи и флоты	75,000 —
Въ 1854 на тотъ же предметъ	50,000 —
Въ 1855 году по случаю окончанія въ знакъ радости	50,000 —
Съ 1845 по 1856 г. окладъ по 6,000 р. въ годъ	66,000 —
Въ 1857 году, по случаю дороговизны припасовъ, окладъ увеличенъ до 10,000 р. въ годъ, причемъ на вопросъ: «а кромѣ сего?» отвѣтствовано: «посмотримъ».	
Въ 1858 году за «посмотримъ»	10,000 —
Въ 1862 году по случаю реформы окончанія	10,000 —
Въ 1863 году призывалъ генералъ и чаемъ подчивалъ. Дадено на общеполезное устройство	25,000 —
Въ 1864 году оному же генералу на покупку имѣнія взаймы дадено	40,000 —
Въ 1865 году, по поводу разныхъ случаевъ внезапностей	30,000 —

Въ семъ же году нѣмецкій прынецъ прі-

	Руб.	К.
ѣзжалъ, чай у насъ въ домѣ кушалъ, взаймы дадено	6,200	—
Оный же прынецъ, отъѣзжая, вновь взаймы выпросилъ	6,200	62
Адъютанту его	3,000	—
Прочимъ всѣмъ.	3,200	—
Въ 1866 году по случаю свободы книгопечатанія	50	—
Въ 1867 году, на предметы воиче. . . .	5,000	—
Въ 1870 году квартальному надзирателю на университеты	600	—
Въ 1871 году ему же на распространеніе здравыхъ понятій	1,000	—
Въ 1872 г. ему же на памятникъ Пушкину.	—	15
Въ 1873 году призывалъ генералъ. На усиленіе средствъ	16,000	—
Въ 1874 г. на устройство асфальтовой мостовой.	7,200	—
Въ 1875 г. на сады и увеселенія	2,000	—
Въ 1876 г. на изданіе лексикона	100	—
Въ 1877 г. въ кварталъ на потреотизмъ.	95,000	—
Въ 1878 г. на сей же предметъ.	87,000	—
Въ 1879 г. призывалъ генералъ. На усиленіе средствъ	20,000	—
Нѣмецкій прынецъ въ свое мѣсто проѣзжалъ	12,400	—
Въ 1880 г. на необходимости	25,000	—
Съ 1859 по 1880 г. включительно за «посмотримъ»	120,000	—
Съ 1867 по 1880 г. включительно оклада.	140,000	—
Итого съ 1818 по 1880 г. включительно		
Ассигнаціями:	15,475	40
Серебромъ:	1,167,465	77

Конецъ.

— Вотъ это, братъ, такъ жизнеописаніе! въ восторгѣ воскликнулъ Глумовъ. — Выходитъ, что ты, въ теченіи 62 лѣтъ, «за житіе» всего нà всего уплатилъ серебромъ милліонъ сто семьдесятъ одну тысячу восемьсотъ восемьдесятъ семь рублей тридцать одну копѣйку. Ни копѣйки больше, ни копѣйки меньше — вся жизнь, какъ на ладони! Ну, право, недорого обошлось!

— Живу-съ, скромно отвѣтилъ Парамоновъ.

— Вотъ именно. Въ другомъ бы царствѣ съ тебя милліоновъ бы пять слупили, да еще въ клѣткѣ по ярмаркамъ показывать возили бы. А у насъ начальники хлѣбъ-соль съ тобой водятъ. Право, дай Богъ всякому! Ну, а въ промежуткахъ чтò же ты дѣлалъ?

Парамоновъ не понялъ сразу.

— Вотъ, напримѣръ: далъ ты въ 1872 году на памятникъ Пушкину 15 копѣекъ, а въ слѣдующемъ году «на усиленіе средствъ» 16,000 рублей. Въ промежуткѣ-то чтò же было?

— Жилъ-съ.

— Прекрасно. Живи и впредь. Корреспондентъ! очередь за тобой!

«Корреспондентъ» всталъ и скромно произнесъ:

— Разсказа у меня на готовѣ нѣтъ; но ежели угодно, я могу прочитать фёльетонъ, написанный мной для «Красы Демидрона»...

— А это и еще лучше. Сообща выслушаемъ, а, можетъ быть, и посовѣтуемъ... Прекрасно. Читай, братецъ!

«Корреспондентъ» началъ:

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМЪ.

«Негодяй — властитель думъ современности. Породила его современная нравственная и умственная муть, воспитало, укрѣпило и окрылило — современное шкурное малодушіе.

«Я не хочу сказать этимъ, что онъ явился въ міръ только вчера, но утверждаю, что именно вчера онъ облекся въ тѣ ликующія одежды, которыя дозволяютъ безошибочно указать на него въ толпѣ: вотъ негодяй! И въ древности, и въ новѣйшія времена — всегда существовалъ негодяй (иначе, откуда же мы получили бы представленіе о позорѣ?), но онъ прятался въ темныхъ извилинахъ человѣконенавистническаго ремесла и тамъ пакостилъ, слѣдуя въ этомъ примѣру своего прототипа, сатаны.

«Чтò такое сатана? — это грандіознѣйшій, презрѣннѣйшій и ограниченнѣйшій негодяй, который не можетъ различить ни добра, ни зла, ни правды, ни лжи, ни общаго, ни частнаго, и которому ясны только чисто личные и, притомъ, ближайшіе интересы. Поэтому, его называютъ врагомъ человѣческаго рода, пакостникомъ, клеветникомъ. И по той же причинѣ мѣсто дѣйствія ему отводятъ подъ землей, въ темномъ мѣстѣ, въ аду.

«Подобно сему, во тьмѣ же дѣйствовалъ доселѣ и наперсникъ сатаны, и «негодяй». Объ немъ знали, но его не видѣли, его чувствовали, но не осязали.

«Нынѣ — не такъ. Нынѣ негодяй сознaлъ самого себя, и на вопросъ: чтò есть негодяй?—отвѣчаетъ смѣло: негодяй — это я! Подобно отцу своему, сатанѣ, онъ не чувствуетъ даже потребности выяснить себѣ сущность негодяйской профессіи, а прямо на глазахъ у всѣхъ совершаетъ негодяйскіе поступки и во всеуслышаніе говоритъ негодяйскія рѣчи.

«Смотрите, какъ твердо онъ ступаетъ по негодяйской стезѣ и какими неизрѣченно-безстыжими глазами взираетъ на все живущее! Прислушайтесь, какою увѣренностью звучитъ его голосъ, когда онъ говоритъ: дà, я негодяй! Ограниченность мысли породила въ немъ наглость; наглость, въ свою очередь, застраховала его отъ возможности какихъ-либо потрясеній. Взглянувши на не-

го, вы не запутаетесь въ опредѣленіяхъ; вы скажете прямо: это негодяй!—и все для васъ будетъ ясно. Никогда не было ничего столь простого, выяснившагося, цѣльнаго. Онъ какъ-то сразу просіялъ изъ тьмы и самъ о себѣ засвидѣтельствовалъ.

«И проникъ всюду. Во всѣ слои такъ-называемаго общества, во всѣ профессіи, во всѣ мѣста. Вездѣ онъ является съ открытымъ лицомъ, вездѣ возвѣщаетъ о себѣ: вы меня знаете?—я негодяй! Я—ярмо, призванное раздавить жизнь. Я—позоръ, призванный упразднить убѣжденіе, честность, правду, самоотверженіе. Я—распутство, поставившее себѣ задачей наполнить вселенную гноемъ измѣны, подкупа, вѣроломства, предательства.

«Вы встрѣтитесь съ нимъ и въ великосвѣтскомъ салонѣ, и на купеческомъ имянинномъ пирогѣ, и за скромною трапезой чиновника, и въ театрѣ, и въ трактирѣ, и на кòнкѣ. И всюду онъ проповѣдуетъ: нѣтъ выхода внѣ негодяйства! всѣ будутъ негодяями, всѣ! будутъ! будутъ! Ибо онъ ищетъ утопить въ позорѣ нетолько себя лично, но и все живущее, нетолько настоящее, но и будущее.

«И все стихаетъ при его появленіи, все ждетъ, какой новый позоръ провѣщаютъ его позорныя уста. Онъ не довольствуется инсинуаціей, какъ его негодяи-предшественники, но прямо источаетъ ложь, хулу и клевету. Прямо утверждаетъ: негодяйство — вотъ единственная почва, на которой человѣкъ можетъ стоять твердо, на которой онъ можетъ дѣлать не мечтательное, а дѣйствительное дѣло.

«Спросите его, чтò онъ разумѣетъ подъ *дѣйствительнымъ* дѣломъ — онъ и на это дастъ ясный отвѣтъ. Дѣйствительное современное дѣло, скажетъ онъ, — это измѣна и предательство; это прекращеніе жизни, это возвратъ къ мраку временъ. Возразите ему: но вѣдь че-

ловѣческое общество не можетъ питаться одной измѣной, однимъ междоусобіемъ; оно обязано сѣять сѣмена будущаго... Онъ и на это отвѣтитъ: будущее можетъ занимать только опасныхъ мечтателей; негодяй же довольствуется тѣмъ, что̀ составляетъ насущную задачу дня!

«Онъ скажетъ это такъ авторитетно и вѣско, что споръ прервется самъ собой...

«Случалось-ли вамъ, читатель, присутствовать при подобныхъ спорахъ? Сначала, вы слышите общій говоръ и шумъ, потомъ начинаете въ этомъ шумѣ различать какую-то крикливую, рѣзкую ноту; постепенно эта нота звучитъ громче и громче, и, наконецъ, раздается одна. Спорящіе стихли; комната наполняется шопотомъ, среди котораго, отъ времени до времени, раздается тихій, словно вымученный смѣхъ...

«Ахъ, это смѣхъ! что̀ въ немъ слышится? рабское-ли поощреніе, робкій-ли протестъ, или просто-на̀-просто безсиліе?

«Что до меня, то мнѣ въ этомъ смѣхѣ чудится вопль. Нѣтъ подъ ногами почвы! нѐкуда прислониться! нѐчѣмъ защититься! Передъ глазами кишитъ толпа, въ которой каждый чувствуетъ себя одинокимъ, заподозрѣннымъ, безсильнымъ, неприкрытымъ, каждый видитъ себя предоставленнымъ исключительно самому себѣ. Ни дѣло, ни подвигъ — ничто не можетъ защитить, потому что между дѣломъ и объектомъ его кинута цѣлая пропасть. Да и то-ли еще это дѣло, тотъ-ли подвигъ? нѣтъ-ли тутъ ошибки, недоумѣнія?

. . . .

«Надняхъ я съ нимъ встрѣтился. Съ нимъ, съ негодяемъ.

«— Ужели вы искренно думаете, что можно воспитать общество въ ненависти къ жизни, къ развитію, къ движенію? спросилъ я его.

«— Непремѣнно, отвѣтилъ онъ. — Пора покончить съ призраками, и покончить такъ, чтобъ они уже никогда болѣе не возвращались и не возмущали правильнаго теченія жизни.

«— Позвольте, однакожъ! вѣдь то, что̀ вы называете призраками, представляетъ собой существеннѣйшую потребность человѣческой мысли?

«— Мысли растлѣнной, утратившей представленіе о границахъ — да̀. Для такой мысли призраки необходимы. Но такую мысль слѣдуетъ не поощрять, а остепенять, вводить въ предѣлы.

«—Но какимъ же образомъ вы введете ее въ предѣлы— да и въ какіе еще предѣлы? — коль скоро она, по самой своей сущности, чужда имъ?

«— Гм... средства найдутся.

«— Бараній рогъ? ежевыя рукавицы?

«— И онѣ. Хотя надо сознаться, что эти средства не всегда бываютъ достаточны.

«— Стало быть, подкупъ? предательство? измѣна?

«— Э-эхъ, государь мой! сколько вы страшныхъ словъ разомъ выпустили! А вѣдь, ежели, вмѣсто нихъ, употребить выраженіе «обязательная, насущная потребность дня», то, право, будетъ и понятно, и совершенно достаточно.

«— И вы увѣрены, что это синонимы?

«— Совершенно.

«Онъ подалъ мнѣ руку и уже хотѣлъ идти своей дорогой, какъ вдругъ я замѣтилъ у него на лицѣ что̀-то странное. Всматриваюсь — слѣды человѣческой пятерни.

«— Что̀ такое у васъ на лицѣ? спросилъ я.

«— Пятерня. Это отъ прошлаго либеральнаго паскудства осталось. Пройдетъ. И впредь не будетъ... ручаюсь!

«И, поднявъ гордо голову, онъ прослѣдовалъ дальше; я же, поджавши хвостъ, возвратился въ домъ свой.

*

«Здѣсь, я тѣ же самыя предположенія объ устраненіи призраковъ прочиталъ систематически изложенными въ газетной передовой статьѣ. Статья написана была бойко и авторитетно. Съ полною увѣренностью она утверждала, что дѣло человѣческой мысли проиграно навсегда и что отнынѣ человѣкъ долженъ руководиться не «произвольными» требованіями разума и совѣсти, которыя увлекаютъ его на путь погони за призрачными идеалами, но тѣми скромными охранительными инстинктами, которые удерживаютъ его па почвѣ здоровой дѣйствительности. Инстинкты эти говорятъ человѣку о необходимости питанія, передвиженія, успокоенія, и имъ несомнѣнно должны быть предоставлены всѣ средства удовлетворенія и самая широкая свобода. Въ этой широкой свободѣ найдется мѣсто и для работы мысли, ибо никакое, самое простѣйшее требованіе человѣческаго организма не можетъ обойтись безъ ея участія. Поэтому, рѣчь идетъ совсѣмъ не объ томъ, чтобъ погубить мысль, а лишь объ томъ какъ и куда ее примѣнить. Въ сущности, свобода желательна, и пусть царствуетъ она вездѣ... за исключеніемъ области мечтательности ..

«Прочитавши это, я вспомнилъ, что еще не обѣдалъ. И такъ какъ въ карманѣ у меня было всего два двугривенныхъ, то для моей мыслительной способности, дѣйствительно, сейчасъ же нашлась работа: ухитриться такъ, чтобъ изъ этихъ двухъ двугривенныхъ вышелъ и обѣдъ, и чай и хоть полколбасы ужинъ. И когда я дѣйствительно ухитрился, то, ложась на ночь спать, почувствовалъ себя сыномъ отечества и гражданиномъ.»

Корреспондентъ.

Фёльетонъ этотъ произвелъ очень разнообразное впечатлѣніе. Мѣняло совсѣмъ ничего не понялъ; Фаинушка поняла только то мѣсто, которое относилось до двухъ двугривенныхъ («ахъ, бѣдненькій!»). Очищенный, въ качествѣ вольнонаемнаго редактора «Красы Демидрона», соображалъ: пройдетъ или не пройдетъ? Я — скорѣе склоненъ былъ похвалить, хотя казалось нѣсколько страннымъ, съ чего вдругъ вздумалось «нашему собственному корреспонденту» заговорить о «негодяѣ». Что̀ же касается Глумова, то онъ положительно не одобрилъ.

— Все это, братецъ, лиризмъ, сказалъ онъ: — а лиризмомъ ты никого, по нынѣшнему времени, не прошибешь. Читатель прочтетъ, пожалуй, даже продекламируетъ, скажетъ: il y a là dedans un joli mouvement oratoire — и опять за свое примется. Негодяй пребудетъ негодяемъ, предатель — предателемъ, трусъ — трусомъ. На твоемъ мѣстѣ, я совсѣмъ бы не такъ поступилъ; негодяя-то не касался бы (съ него вѣдь и взять нѣчего), а вотъ на эту мякоть ударилъ бы, по милости которой «негодяй» процвѣтаетъ и которая весь свой протестъ выражаетъ въ томъ, что, при появленіи «негодяя», въ подворотню прячется.

— Можно и это, согласился «нашъ собственный корреспондентъ».

— Ну, вотъ. Я знаю, что ты малый понятливый. Такъ вотъ ты слѣдующій свой фельётонъ и начни такъ: «въ прошлый, молъ, разъ я познакомилъ васъ съ «негодяемъ», а теперь, молъ, позвольте познакомить васъ съ тою средой, въ которой онъ, какъ рыба въ водѣ, плаваетъ». И чеши! чеши! Заснули, молъ? очумѣли отъ страха? Да по головамъ-то тукъ-тукъ! А то что̀ въ самомъ дѣлѣ! Ее, эту мякоть, честью просятъ: проснись! — а она только сопитъ въ отвѣтъ!

— Можно-съ, вновь подтвердилъ корреспондентъ.

— И прекрасно сдѣлаешь. А теперь давайте продолжать. За кѣмъ очередь?

Очередь оказалась за Фаинушкой. Но, вмѣсто того, чтобы разсказать что̀-нибудь, она вынула изъ кармана листочекъ и, зардѣвшись, подала его Глумову.

Глумовъ прочиталъ:

ОЛЕНЬКА

или

Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ.

«Въ нѣкоторой улицѣ, жила, при родителяхъ, дѣвушка Оленька, а напротивъ, въ собственномъ домѣ, жилъ молодой человѣкъ Петръ. Только увидѣлись они одинъ разъ на бульварѣ, и началъ Петръ Оленьку звать: приходи, Оленька, послѣ обѣда въ лѣсъ погулять. Сперва Оленька отказалась, а потомъ пошла. И когда, погулявши, воротилась домой, то увидѣла, что узнала многое, чего прежде, не бывши въ лѣсу, не знала. Тогда она сказала: чтобы еще больше знать, я завтра опять въ лѣсъ гулять приду. Приходи, Петинька, и ты. И такимъ манеромъ они очень часто гуляли, а потомъ Петиньку въ солдаты отдали».

Конецъ.

Успѣхъ этой вещицы превзошелъ всѣ ожиданія. Всѣ называли Фаинушку умницей и поздравляли литературу съ новымъ свѣжимъ дарованіемъ. А Глумовъ не выдержалъ и крикнулъ: ахъ, милая! Но, главнымъ образомъ, всѣхъ восхитила мысль, что еслибы всѣ такъ писали, тогда цензорамъ нѣчего было бы дѣлать, а слѣдовательно,

и цензуру можно бы упразднить. А упразднивши цензуру, можно бы и опять...

Дальнѣйшая очередь была за мной. Но только-что я приступилъ къ чтенію «Исторической догадки»: *Кто были родители комаринскаго мужика?* — какъ послышался стукъ въ наружную дверь. Сначала стучали легко, потомъ сильнѣе и сильнѣе, такъ что я, переполошенный, отворилъ окно, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло. Но въ ту самую минуту, какъ я оперся на подоконникъ, кто-то снаружи вцѣпился въ мои руки и сжалъ ихъ, какъ въ клещахъ. И въ тоже время, едва не сбивъ меня съ ногъ, въ окно вскочилъ мужчина въ кепи и при шашкѣ.

Это былъ урядникъ.

XXI.

Обаяніе исконнаго тверскаго либерализма сказалось и здѣсь. Во всѣхъ распоряженіяхъ выразилось чувство мѣры и благожелательности. Долгъ былъ выполненъ безъ послабленія, но при семъ предполагалось, что мы не осуждены, и, слѣдовательно, можемъ быть невинны. Насъ объискали, но когда ничего, кромѣ ношебнаго платья, не нашли, то на насъ не кричали: врешь, подавай! — какъ будто бы мы могли, по произволенію, тутъ же родить тюки съ прокламаціями. Насъ не погнали въ глухую ночь, но дали отдохнуть, собраться съ духомъ, напиться чаю, и даже дозволили совершить путину до Корчевы въ дворянскихъ мундирахъ, такъ какъ одежда, въ которой мы прибѣжали въ Проплёванную, еще не просохла какъ слѣдуетъ. Вообще, безполезныхъ жестокостей допущено не было, а полезныя были, по возможности, смягчены.

Но зато, какъ только златоперстая Аврора брызнула на крайнемъ востокѣ первыми снопами пламени, мѣстный урядникъ уже выполнялъ свою обязанность.

Когда мы вышли изъ дома, на дворѣ стояла довольно густая толпа народа. Мнѣ казалось, что всѣ пристально въ меня всматриваются, какъ бы стараясь уга-

дать: нашъ баринъ, или не нашъ? Очевидно, что способъ прибытія моего въ Проплёванную возъимѣлъ свое дѣйствіе и вопросъ: дѣйствительно-ли прибѣжалъ настоящій помѣщикъ, или какой-нибудь подмѣнный? — игралъ очень большую роль въ нашемъ приключеніи. Двойственное чувство овладѣло толпою: съ одной стороны — радость, что черезъ нашу поимку государство избавилось отъ угрожавшей ему опасности, съ другой— свойственное русскому человѣку чувство состраданія къ «узнику», который почему-то всегда предполагается страдающимъ «занапрасно». Но разсчитывалъ-ли кто-нибудь, что изъ всего этого можетъ произойти «награда» — этого сказать не умѣю.

Насъ ожидалъ другой урядникъ (я узналъ въ немъ того, который наканунѣ поймалъ пригульнаго поросенка) въ путевой формѣ, и при немъ двое сотскихъ и шесть человѣкъ десятскихъ. Этотъ конвой долженъ былъ сопровождать насъ до Корчевы. У десятскихъ въ рукахъ были веревки; но намъ не связали рукъ (какъ это сдѣлали бы, напримѣръ, въ Орловской или Курской губерніяхъ), а только предупредили, что, въ случаѣ попытки къ бѣгству хотя одного изъ насъ, правила объ употребленіи шиворота будутъ немедленно выполнены надъ *всѣми*. Впрочемъ, я долженъ сказать правду, что, дѣлая это предостереженіе, урядникъ былъ взволнованъ, а нѣкоторые изъ десятскихъ плакали. Пришелъ и батюшка, и сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ на тэму: гдѣ корень зла? — а въ заключеніе обратился ко мнѣ съ вопросомъ: Богомъ васъ заклинаю, господинъ пришлецъ! отвѣтьте, вы — потомокъ отцовъ вашихъ, или не вы? Но когда я, вмѣсто отвѣта, хотѣлъ обратиться къ народу съ объясненіемъ моей невинности, то сотскіе и десятскіе затрещали въ трещотки и заглушили мой голосъ. Несмотря на это, многія сердоболь-

ныя женщины подбѣгали къ намъ и подавали кто каленое яйцо, кто кусокъ ватрушки, кто пару печеныхъ картофелинъ. И урядникъ, очевидно, только для проформы, называлъ ихъ сволочью и паскудами.

Наконецъ, мы тронулись. Утро было свѣтлое, солнечное и обѣщало жаркій день. Трава, улитая дождемъ, блестѣла, подъ косыми лучами солнца, матовымъ блескомъ, словно опушенная инеемъ. По дорогѣ во множествѣ пестрѣли лужи.

— Съ Богомъ! трогай! далъ сигналъ конвоировавшій урядникъ.

— Счастли̂во! откликнулись ему изъ толпы.

Въ другой губерніи, навѣрное, нашлись бы кандалы, или, по крайней мѣрѣ, конскія путы, но въ Тверской губерніи, повидимому, самое представленіе объ этихъ орудіяхъ истязанія исчезло навсегда. Въ другой губерніи намъ непремѣнно, отъ времени до времени, «накладывали» бы, а въ Тверской губерніи самой потребности въ накладываніи» никто не ощущалъ. Вотъ какая это губернія. Долгъ, одинъ только долгъ! безъ послабленій, но и безъ присовокупленій!—таковъ былъ девизъ Тверской губерніи еще въ то время, когда Тверь боролась съ коварной Москвой, и Москва ее за это слопала. Такимъ же остался онъ и теперь. А урядникъ къ сему присовокуплялъ: ужо̀ разберутъ! — что̀ также свидѣтельствовало о легальности, ибо въ другихъ губерніяхъ урядники говорятъ: ужо̀ покажутъ, какъ Кузькину мать зовутъ!

Мы шли вольнымъ аллюромъ и разсуждали, что̀ лучше: благосклонная-ли легальность безъ послабленій, или благожелательный произволъ, тоже безъ послабленій? И все какъ-то у насъ выходило: все равно.

Но, въ сущности, было далеко не все равно, и Глумовъ совершенно основательно замѣтилъ, что легаль-

ность безъ послабленій есть уже какъ бы заря правового порядка. И когда мы разсмотрѣли вопросъ со всѣхъ сторонъ, то должны были согласиться съ Глумовымъ. И это насъ утѣшило.

Такова Тверская губернія. Искони она вопіетъ: наказывайте! жмите изъ насъ масло! — но по закону! И ее наказываютъ.

Урядникъ тоже вступилъ съ нами въ собесѣдованіе и укрѣплялъ въ насъ вѣру въ корчевское правосудіе. Это былъ лихой малый, по происхожденію дворянинъ, а по убѣжденіямъ принадлежалъ къ либеральному лагерю. Онъ служилъ въ урядникахъ въ ожиданіи правового порядка, и тяготился своимъ званіемъ. И ежели сносилъ это иго безъ явнаго ропота, то потому только, что дòма, по его словамъ, жрать было нѐчего, а онъ имѣлъ наклонность къ ѣдѣ. Поэтому, когда я ему далъ пару каленыхъ яицъ изъ числа пожертвованныхъ, онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и попросилъ кусокъ ватрушки.

— А на счетъ Корчевы вы не безпокойтесь, сказалъ онъ:—у насъ все по закону. Коли есть законъ—шабашъ; коли нѣтъ закона — милости просимъ въ кутузку.

— Стало быть, и коли есть законъ, и коли нѣтъ его...

— Ну да, ужь это во всякомъ случаѣ.

И, погодя немного, прибавилъ:

— Вотъ, когда правовой порядокъ выйдетъ, тогда и урядникамъ веселѣе служить будетъ. Сейчасъ-это пришелъ, взялъ «его»... за что? чтò за причина? — Пожалуйте! тамъ разберутъ!

— Да вѣдь и нынче, вы сами сейчасъ говорили, разберутъ?

— Разберутъ да не такъ. Нынче — разберутъ, а тогда — рѣшатъ. Нынче безъ правъ пропишутъ, а

тогда — по правамъ прописывать станутъ. Ни лишкòвъ, ни недостачи — ни-ни! Въ препорцію.

Намъ предстояло пройти пѣшкомъ слишкомъ тридцать верстъ. Бòльшая часть пути шла песчанымъ грунтомъ, но, благодаря дождямъ, песокъ умялся и ногамъ было довольно легко. Но, по временамъ, встрѣчались низинки, на довольно большое пространство пересѣкавшія дорогу и переполненныя водой — тогда мы вынуждались снимать съ себя обувь и босикомъ переходили съ суши на сушь. Однакожь, послѣ двухъ часовъ ходьбы, солнце порядкомъ-таки стало припекать, и мы почувствовали невыразимую истому во всѣхъ членахъ. Поэтому, мы не безъ удовольствія увидѣли въ сторонѣ деревушку, на краю которой стояла просторная изба.

Эта деревушка была мнѣ знакома. Когда-то еще въ дѣтствѣ я кармливалъ тутъ лошадей, проѣзжая школьникомъ на каникулы и съ каникулъ. Деревушка отстояла отъ нашей усадьбы всего въ двѣнадцати-тринадцати верстахъ, но тутъ жилъ мужикъ Кузьма, котораго тогдашніе помѣщики называли «министромъ» и съ которымъ мои родители любили бесѣдовать и совѣтоваться. Поэтому, привалъ здѣсь дѣлался обязательно, несмотря на близость разстоянія. Уже въ то время Кузьмѣ было лѣтъ пятьдесятъ; стало быть, теперь ему катило подъ сто. Когда я проѣзжалъ здѣсь въ послѣдній разъ, онъ былъ еще живъ, но уже мало распоряжался по хозяйству, а только хранилъ семейную казну и бродилъ около усадьбы, осматривая, нѣтъ-ли гдѣ порухи. Отмѣна крѣпостного права застала его врасплохъ, и онъ не зналъ, радоваться ему или нѣтъ. Но такъ какъ на первыхъ порахъ у помѣщиковъ еще водились деньги и они безпрестанно слонялись взадъ и впередъ съ жалобами, предложеніями земельныхъ обрѣзковъ и т. д., то и Кузьмѣ кой-что перепадало въ этой сутолокѣ за

овесъ, за «тепло» и за съѣденныя яичницы. Это были дни радости. Но черезъ годъ, черезъ два маятное движеніе угомонилось и трактъ запустѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ запустѣла и чистая горница въ домѣ Кузьмы. Старикъ возропталъ.

Впрочемъ, благосостояніе Кузьмы стояло уже на столько прочно, что домъ его и теперь глядѣлъ такъ же хозяйственно и солидно, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Оказалось, что онъ еще живъ и даже бродитъ, съ грѣхомъ пополамъ, по избѣ; но плохо видитъ и никакъ не можетъ затвердить слово «сицилисты», которое въ деревнѣ пріобѣло право гражданственности и повторялось въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ. Оказалось также, что о поимкѣ нашей здѣсь уже знали отъ гонца, который ѣздилъ въ Корчеву съ извѣстіемъ о появленіи въ Проплёванной людей, ведущихъ себя «нѣкако странно» (донесеніе для урядника редижировалъ батюшка). Поэтому, какъ только насъ привели, вся деревня, отъ мала до велика, высыпала на улицу. И таково обаяніе предполагаемаго злоумышленія (можетъ быть, вслѣдствіе смѣшенія этого понятія съ представленіемъ объ начальствѣ), что, при нашемъ появленіи, тѣ, у которыхъ были на головахъ шапки, инстинктивно сняли ихъ. Разумѣется, я прежде всего поспѣшилъ къ Кузьмѣ, надѣясь, что буду имѣть случай вспомнить прошлое и умилиться. Но старикъ принялъ меня сурово.

— На кого ты руку поднялъ? неожиданно напустился онъ на меня, широко разѣвая ротъ, въ которомъ уже не было ни одного зуба и который, вслѣдствіе этого, былъ скорѣе похожъ на зіяющую темную впадину, чѣмъ на ротъ.

Онъ выкрикнулъ это такъ громко и авторитетно, что домочадцы, собравшіеся въ избѣ, въ испугѣ смотрѣли

на меня и, крестясь, шептали: «Спаси, Господи! Богородица Усплѣнья»! А внукъ Кузьмы, мужчина лѣтъ сорока, достававшій для насъ въ шкапу чайную посуду, еще усилилъ впечатлѣніе, прибавивъ вполголоса:

— Не трожь, дѣдушка! баринъ-то ишь обмѣнный!

— На кого ты руку поднялъ? повторилъ старикъ. — Какіе родители-то у тебя были, а ты... а-а-ахъ! Папынька! мамынька! хоть ихъ-то бы ты постыдился... а-а-ахъ!

Наконецъ, урядникъ положилъ конецъ этой сценѣ, сказавъ:

— Дѣдушка! не замай арестанта! Не ты въ отвѣтѣ будешь, коли онъ надъ собой что̀ сдѣлаетъ!

Тѣмъ не менѣе, выходка старика произвела свое дѣйствіе; да и слово «арестантъ» было произнесено и должно было отозваться на насъ очень горько. Покуда мы отдыхали, въ избу то и дѣло входили «сусѣди». Взойдетъ, перекрестится на образа, поглядитъ на насъ, послушаетъ и уйдетъ. Съ улицы тоже до насъ доходили смутные звуки, свидѣтельствовавшіе, что «здоровый народный смыслъ» начинаетъ закипать. Урядникъ безпрестанно то входилъ въ избу, то выходилъ на улицу, потому что и его начали обвинять въ укрывательствѣ и называть потатчикомъ. Одинъ благомысленный старичокъ прямо поставилъ вопросъ: коли ежели они арестанты—почему же на нихъ нѣтъ кандаловъ? Кузьма же, хотя и пересталъ кричать, но продолжалъ зудѣть себѣ подъ носъ:

— Теперича что̀ я долженъ съ избой со своей сдѣлать? Кто въ ней теперича сидитъ? какіе люди? на кого они руку подняли? Коли ежели по настоящему, сжечь ее слѣдуетъ, эту самую избу — только и всего!

Но слѣдомъ затѣмъ, совсѣмъ неожиданно, прибавилъ:

— Чай-то свой, что̀-ли, у васъ? или нашъ будете пить? У насъ чай хорошій, ханскій!

Однимъ словомъ, положеніе, постепенно осложняясь,

сдѣлалось, подъ конецъ, настолько грознымъ, что урядникъ нашъ оказался не на высотѣ своей задачи. И когда настало время идти дальше, онъ растерянно предложилъ мнѣ:

— Вашескородіе! позвольте руки связать! какъ бы чего не случилось!

Разумѣется, мы согласились съ радостью.

Когда мы вышли на улицу и урядникъ, указывая на насъ, связанныхъ по рукамъ, спросилъ толпу: любо, ребята?—то толпа радостно загалдѣла: любо! любо! а какая-то молодая бабёнка, забѣжавши впередъ, сдѣлала неприличіе. Но больше всего торжествовали мальчишки. Съ свойственною этому возрасту жестокостью, они скакали и кувыркались передъ нами, безразлично называя насъ то сицилистами, то измѣнниками, а меня лично—подмѣннымъ бариномъ. Съ версту провожали они насъ своими неистовыми криками, пока, наконецъ, урядникъ не выхватилъ изъ толпы одного и не отстегалъ его прутомъ. И тутъ, стало быть, либеральное начальство явилось нашимъ защитникомъ противъ народной Немезиды, имъ же, впрочемъ, по недоумѣнію, возбужденной.

Всю остальную дорогу мы шли уже съ связанными руками, такъ какъ населеніе, по мѣрѣ приближенія къ городу, становилось гуще, и урядникъ, въ виду народнаго возбужденія, не смѣлъ уже допустить никакихъ послабленій. Вездѣ на насъ стекались смотрѣть, вездѣ, при нашемъ появленіи, кричали: сицилистовъ ведутъ! а въ одной деревнѣ даже хотѣли насъ судить народнымъ судомъ, то-есть, утопить въ прудѣ...

Словомъ сказать, это была ликвидація интеллигенціи въ пользу здороваго народнаго смысла, ликвидація, до такой степени явная и безспорная, что даже сотскіе и тѣ поняли, что еще одинъ шагъ въ томъ же направле-

ніи — и нельзя будетъ разобрать, гдѣ кончается «измѣна» и гдѣ начинается здравый народный смыслъ.

Въ Корчеву мы пришли въ исходѣ восьмого часа вечера, когда уже были зажжены огни. Насъ прямо провели въ полицейское управленіе, но такъ какъ это было 25-го августа, память апостола Тита и тезоименитство купца Вздошникова, у котораго, по этому случаю, было угощеніе, то въ управленіи, какъ и въ первый разъ, оказался одинъ только Пантелей Егорычъ.

— Ахъ, господа, господа! встрѣтилъ онъ насъ: — предупреждалъ я васъ! предостерегалъ! просилъ!.. Что̀ это... и руки связаны?.. вотъ вы до чего себя довели!

— Да прикажите же руки-то развязать! взмолился, наконецъ, Глумовъ.

— Руки... ужь и не знаю... ка̀къ законъ! Ахъ, въ какое вы меня положеніе ставите! Такой нынче день... Исправникъ—у имянинника, помощникъ — тоже... даже письмоводителя нѣтъ... Ушелъ и ключи отъ шкаповъ унесъ... И дѣло-то объ васъ у него въ столѣ спрятано... Ахъ, господа, господа!

— Такъ пошлите за исправникомъ — и дѣлу конецъ! настаивалъ Глумовъ.

— Вотъ то-то и есть... ка̀къ это вы такъ легко обо всемъ говорите! Пошлите за исправникомъ! А ка̀къ вы полагаете: человѣкъ исправникъ, или нѣтъ? Можетъ онъ одинъ вечерокъ въ свое удовольствіе провести?

— Ничего мы не полагаемъ, знаемъ только, что у насъ руки связаны и что нужно, чтобъ кто-нибудь распорядился ихъ развязать.

— А кто виноватъ? кто въ Корчеву безъ надобности пріѣхалъ? Ѣхали бы въ Калязинъ, ну, въ Угличъ, въ Рыбну, а то нашли куда! знаете, какія нынче времена, а ѣдете!

Вѣроятно, этому либеральному разговору не было бы

конца, еслибъ конвоировавшій насъ урядникъ самъ не отправился отъискивать исправника. Черезъ полчаса, передъ нами стоялъ молодой малый, свѣтскій и либеральный, и въ какія-нибудь десять минутъ все разъяснилось. Оказалось, что насъ взяли безъ всякой надобности, и что начальство было введено въ заблужденіе — только и всего. Поэтому, извинившись передъ нами за «безпокойство» и пожуривъ урядника за то, что онъ связалъ намъ руки, *чего въ Корчевскомъ уѣздѣ никогда не бывало*, исправникъ, въ заключеніе, очень мило пошутилъ, сказавъ намъ:

— Нынче мы, знаете, руководствуемся нестолько закономъ, сколько заблужденіями...

Затѣмъ, звякнувъ шпорами и пожелавъ, чтобы Богъ благословилъ наши начинанія, онъ отрядилъ десятскаго, который и проводилъ насъ на постоялый дворъ.

Такъ какъ пароходъ долженъ былъ придти только на слѣдующій день, то мы и рѣшились посвятить предстоящій вечеръ выполненію той части нашей программы въ которой говорится о составленіи подложныхъ векселей. Очищенный безъ труда написалъ заднимъ числомъ на свое имя десять векселей, каждый въ двадцать пять тысячъ рублей, отъ имени временной С.-Петербургской 2-й гильдіи купчихи изъ дворянъ Матрены Ивановны Очищенной. Одинъ изъ этихъ векселей почтенный старичокъ тутъ же пожертвовалъ на Заравшанскій университетъ.

Но въ тотъ же вечеръ насъ ожидало горестное извѣстіе. Балалайкинъ прислалъ телеграмму, которая гласила слѣдующее:

«Пожертвованныя на университетъ деньги растрачены. Похититель скрылся, приняты мѣры. Сто рублей отъискано».

Въ отвѣтъ на каковое извѣстіе, мы, съ своей стороны, телеграфировали:

«Поднимаемъ бокалы за процвѣтаніе... да здравствуетъ!»

На другой день, когда мы направлялись къ пароходной пристани, ко мнѣ подошелъ мѣщанинъ Презентовъ и сказалъ:

— Вашескородіе! позвольте вамъ доложить... не посовѣтуете-ли вы мнѣ птицу начать?

— Какую птицу?

— Летать чтобы... Въ Кашинѣ, сказываютъ, діаконъ заштатный ужь сдѣлалъ птицу...

— Летаетъ?

— Такъ, на вершокъ отъ земли... прыгнетъ и опять сядетъ... А я надѣюсь, что она у меня вполнѣ полетитъ.

— Ахъ, голубчикъ! да разумѣется! что̀ же вы медлите! Дѣлайте птицъ, изобрѣтайте ковры-самолеты... И вдругъ, чего добраго, полетите!

XXII.

Въ Корчевѣ намъ сказали, что въ Кашинѣ мы найдемъ именно такого жида, какого намъ нужно. Сверхъ того, хотѣлось взглянуть и на тѣ виноградники, которые даютъ матеріалъ для выдѣлки знаменитыхъ кашинскихъ винъ. А такъ какъ, судя по полученной отъ Балалайкина телеграммѣ, дѣло о Заравшанскомъ университетѣ, очевидно, позамялось, и, слѣдовательно, въ Самаркандъ спѣшить было нѣзачѣмъ, то мы и направили свой путь къ Кашину.

На пароходѣ мы встрѣтили компанію, на столько многочисленную, что сама прислуга, повидимому, была изумлена. Въ Корчевѣ скупили весь бѣлый хлѣбъ, всѣхъ цыплятъ и выпили все сусло, такъ что мѣстныя торговки въ этотъ день запаслись лишнимъ рублишкомъ на покупку патентовъ. Единственный пароходный гарсонъ, съ подвязанной щекой и распухлымъ лицомъ, безъ устали бѣгалъ сверху внизъ и обратно, гремя графинами и рюмками. Изъ аршинной кухни, входъ въ которую былъ загороженъ спиною повара, несло чѣмъ-то прокислымъ, не то лѣнивыми щами, не то застоявшимися помоями. Возвращалось во-свояси цѣлое стадо «свѣдущихъ людей». И тѣ, которые успѣли сказать «вѣское

слово», и тѣ, которые пришли, понюхали и ушли. Въ каютѣ перваго класса шелъ шумный разговоръ, касавшійся преимущественно внутренней политики, и свѣдѣнія, которыя мы здѣсь получили, были самаго прискорбнаго свойства. По отзывамъ пассажировъ, реакція, на время понурившая голову, вновь ее подняла. Въ обществѣ царствовалъ мракъ, уныніе и междоусобіе; такъ-называемые «правящіе классы» раздѣлились на два враждебныхъ лагеря. Партія, во главѣ которой стоялъ либеральный тайный совѣтникъ Губошлеповъ, безъ боя сложила оружіе и вдругъ, словно сквозь землю, провалилась; самъ Губошлеповъ удалился въ деревню и нынѣ креститъ дѣтей у урядника. Напротивъ того, партія статскаго совѣтника Долбнй торжествуетъ на всѣхъ пунктахъ и горитъ нетерпѣніемъ сразиться, съ тѣмъ, однакоже, что она будетъ поражать, а противники будутъ лишь съ раскаяніемъ претерпѣвать пораженіе. А Долбня ходитъ по улицамъ, распѣвая пѣсню объ антихристѣ:

Народился злой антихристъ,
Во всю землю онъ вселился,
Во весь міръ вооружился...

и открыто возвѣщаетъ близкое прекращеніе рода человѣческаго. И полицейскіе чины, вмѣсто того, чтобы вести его за такія слова въ кутузку, дѣлаютъ, при его проходѣ, подъ козырекъ.

Но что̀ для насъ было всего больнѣе узнать: Иванъ Тимофеичъ былъ вынужденъ подать въ отставку, потому что въ проектированномъ (даже не опубликованномъ, а только проектированномъ!) имъ «Уставѣ о благопристойномъ во всѣхъ отношеніяхъ поведеніи» былъ усмотрѣнъ московскими охотнорядцами злонамѣренный якобинскій ядъ. Не обошлось тутъ и безъ предательства,

въ которомъ роль главнаго дѣйствующаго лица—увы!— игралъ Прудентовъ. Вознамѣрившись подкузьмить Ивана Тимофеича, съ тѣмъ, чтобы потомъ самому сѣсть на его мѣсто, онъ тайно послалъ въ московскій охотный рядъ корреспонденцію, въ которой доказывалъ, что ядовитыя свойства проектированнаго въ кварталѣ «Устава» происходятъ-де отъ того, что, во время его составленія, господинъ начальникъ квартала находился-де подъ вліяніемъ вожаковъ революціонной партіи, свившей-де гнѣздо на Литейной. А онъ, Прудентовъ, не разъ-де указывалъ господину начальнику на таковые, и даже предлагалъ-де ввести въ «Уставъ» особливый параграфъ такого-де содержанія: «Всякій, желающій имѣть разговоръ или собесѣдованіе у себя на дому, или въ иномъ мѣстѣ, обязывается наканунѣ дать о семъ знать въ кварталъ, съ приложеніемъ программы вопросовъ и отвѣтовъ, и, по полученіи на сіе разрѣшенія, вызвавъ необходимое для разговора лицо, привести намѣреніе свое въ исполненіе». Но введенію этого параграфа воспротивились-де упомянутые выше революціонные вожаки, съ которыми, по слабохарактерности, соглашался и начальникъ квартала...

И что́ же, однако! Иванъ-то Тимофеичъ пострадалъ, да и Прудентовъ не уцѣлѣлъ, потому что на него, въ свою очередь, донесъ Кшепшицюльскій, что онъ-де въ родительскую субботу блиновъ не печетъ, а тѣмъ самымъ якобы тоже злонамѣренный якобинскій духъ предъявляетъ. И теперь оба: и Иванъ Тимофеичъ, и Прудентовъ, примирившись, живутъ гдѣ-то на огородахъ въ Нарвской части и состоятъ въ оппозиціи. А Кшепшицюльскій перешелъ въ православіе и служитъ приспѣшникомъ въ клубѣ Взволнованныхъ Лоботрясовъ.

Но что̀ сталось съ Молодкинымъ — этого никто сказать не могъ. Счастливый Молодкинъ! ты такъ не за-

мѣтенъ въ своей пожарной спеціальности, что даже жало клеветы не въ силахъ тебя уязвить! А мы-то волнуемся, спрашиваемъ себя: кто истинно счастливый человѣкъ? — Да вотъ кто — Молодкинъ!

— Да̀, теперь въ Петербургѣ — ой-ой! прибавилъ свѣдущій человѣкъ, разсказавшій намъ эти подробности.

Но, повторяю, для насъ лично этотъ разсказъ имѣлъ и другое очень существенное значеніе: очевидно, что революціонеры, которыхъ, въ данномъ случаѣ, разумѣетъ Прудентовъ, были...

Бываютъ такіе случаи. Придешь совсѣмъ въ постороннее мѣсто, встрѣтишь совсѣмъ постороннихъ людей, ничего не ждешь, не подозрѣваешь, и вдругъ въ ушахъ раздаются какіе-то звуки, напоминающіе, что гдѣ-то варится какая-то каша, въ расхлебаніи которой ты, рано или поздно, но несомнѣнно долженъ будешь принять участіе...

— Главное то̀ обидно, жаловался Глумовъ: — что все это негодяй Прудентовъ налгалъ. Предложи онъ въ ту пору параграфъ о разговорахъ — да я бы обѣими руками подписался подъ нимъ! Помилуйте! производить разговоры по программѣ, утвержденной кварталомъ, да, пожалуй, еще при депутатѣ отъ квартала — вѣдь это ужь такая «благопристойность», допустивши которую и «Уставовъ» писать нѣтъ надобности. Параграфъ первый и единственный — только и всего.

А въ каютѣ, между тѣмъ, во всѣхъ углахъ раздавались жалобы, однѣ только жалобы.

— Развѣ такое общество, какъ наше, можно называть обществомъ! жалуется «свѣдущій человѣкъ» изъ-подъ Краснаго Холма. — Ни духа предпріимчивости, ни инціативы — ничего! Предлагалъ я, напримѣръ, коротенькую линію отъ Краснаго Холма до Бѣжецка провести — не понимаютъ да и все тутъ! Первый во-

просъ: что̀ возить будете? — ну, не глупость-ли? Помилуйте, говорю, вы только желѣзный путь намъ выстройте, а ужь тамъ сами собой предметы объявятся... не понимаютъ! Не понимаютъ, что желѣзные пути сами родятъ перевозочный матеріалъ! Я къ Гинцбургу — не понимаетъ! На-голо̀ ужь высчитываю: яйца, говорю, курятный товаръ, грибы, сушеная малина — это и теперь у всѣхъ на виду, а впослѣдствіи постепенно явится и многое другое... Не понимаетъ! Я — къ Розенталю — въ зубъ толкнуть не смыслитъ! Я — туда-сюда — никому ни до чего дѣла нѣтъ! Вотъ и живи въ такомъ обществѣ!

— Нынче ужь и насъ, адвокатовъ, въ неблагонамѣренности заподозрили, сообщаетъ адвокатъ изъ-подъ Углича. — Мы шкуру съ живого содрать готовы — кажется, чего ужь! — а они кричатъ: неблагонамѣренные!

— Нынче объ насъ, судьяхъ, только и словъ, что мы основы трясемъ, соболѣзнуетъ «несмѣняемый» изъ-подъ Пошехонья: — каждый день, съ утра до вечера, только и дѣлаешь, что прописываешь, только объ одномъ и думаешь, какъ бы его, потрясателя-то, хорошенько приснородить, а по-ихнему выходитъ, что отъ того у насъ основы не держутся, что сами судьи ихъ трясутъ... Это мы-то трясемъ!

— Чортъ знаетъ на что̀ похоже! ропщетъ землевладѣлецъ изъ-подъ Мологи: — сыроварню хотѣлъ устроить — говорятъ: соціалистъ! Это я-то... соціалистъ! Въ драгунахъ служилъ... представьте себѣ!

— Хоша бы эти самыя основы — ка̀къ ихъ слѣдуетъ понимать? объясняетъ свои сомнѣнія рыбинскій купчина-хлѣботорговецъ. — Теперича ежели земля перестала хлѣбъ родить — основа это или нѣтъ?.. Оттого-ли она перестала родить, что лѣность засиліе взяла, или

отъ того, что такой карахтеръ ей Богъ далъ? Ка̀къ? что̀? Отъ кого въ эфтимъ разѣ объясненія ожидать? А у насъ, между прочимъ, задатки заданы, потому что мы ни лѣностевъ этихъ, ни карахтеровъ не знаемъ, а помнимъ только, что родители наши производили и мы производить должны. А намъ говорятъ: погоди! земля не уродила! А ка̀къ же задатки, позвольте спросить? основа это или нѣтъ? Или опять: система эта самая водяная... Погрузились, плывемъ — благослови Господи! И вдругъ: стой, воды нѣтъ!.. основа это или нѣтъ? А у насъ, между прочимъ, кантрактъ съ а̀гличаномъ. А ему вынь да положь. Ка̀къ же, молъ, я, Архипъ Албертычъ, безъ воды въ баркѣ поѣду? А онъ нашихъ порядковъ не знаетъ, ему на чемъ хошь поѣзжай... Я триста, четыреста тысячъ вь одно лѣто теряю — основа это или нѣтъ? Позвольте васъ спросить: ежели васъ сегодня по карману — разъ, завтра — два, послѣ завтра — три, а впослѣдствіи, можетъ, и больше... И при семъ говорятъ, основы... То въ какой, напримѣръ, силѣ онное понимать?

Купчина останавливается на минуту, чтобъ передохнуть и затѣмъ уже обращается лично ко мнѣ.

— Позвольте васъ, господинъ, спросить. Теперича вотъ эта самая рыба, которая сейчасъ въ Волгѣ плаваетъ: ожидаетъ она или не ожидаетъ, что современемъ къ намъ въ уху попадетъ?

— Безъ сомнѣнія, не ожидаетъ, потому что рыба, которая разъ въ ухѣ побывала, въ рѣку ужь возвратиться не можетъ. Слѣдовательно, нѣкому и сообщить прочимъ рыбамъ, къ какимъ послѣдствіямъ ихъ ведетъ знакомство съ человѣкомъ.

— А мы вотъ и знаемъ, что̀ такое уха, и опять въ уху лѣземъ. Ка̀къ это понимать?

— Приспособляться надо. А еще лучше, ежели бу-

дете жить такъ, какъ бы совсѣмъ не было ухи. Старайтесь объ ней позабыть.

— Нельзя ее забыть. Еще дѣдушки наши объ этой ухѣ твердили. Рыба-то вишь какъ въ водѣ играетъ—а отчего? — отъ того самаго, что она ухи для себя не предвидитъ! А мы... До игры-ли мнѣ теперича, коли у меня цѣлый караванъ на мели стойтъ? И ка̀къ это Господь Богъ: къ твари—милосердъ, а къ человѣку—немилостивъ? Твари этакую лёгость далъ, а человѣку въ онномъ отказалъ? Неужто тварь больше заслужила?

— А со мной что̀ случилось — потѣха! повѣствуетъ «свѣдущій человѣкъ» изъ-подъ Костромы: — стоимъ мы съ Иванъ Павлычемъ у Вольфа въ ресторанѣ и разговариваемъ. Объ транзитѣ, объ рублѣ, о бюджетѣ—словомъ сказать, обо всемъ. Съ инымъ соглашаемся, съ другимъ — никакъ согласиться не можемъ. Смотримъ, откуда ни возмись—неизвѣстный мужчина! Сталъ около насъ, руки назадъ заложилъ, точно вѣкъ съ нами знакомъ. «Вамъ что̀ угодно?» спрашиваетъ его Иванъ Павлычъ. — А вотъ, говоритъ, слушаю, объ чемъ вы разговариваете. — И та̀къ это натурально, точно дѣло дѣлаетъ... «Поздно спохватились—говоритъ Иванъ Павлычъ—мы ужь обо всемъ переговорили». Хорошо. Выходимъ, знаете изъ ресторана—и онъ за нами. Мы прямо—и онъ прямо, мы въ сторону — и онъ въ сторону. Дошли до околоточнаго—онъ къ нему: вотъ они—указываетъ на насъ — объ формахъ правленія разговариваютъ. Въ кварталъ. Квартальнаго — нѣтъ: въ парадъ ушелъ. Извольте подождать. Сидимъ часъ, сидимъ другой; писаря съ папиросами мимо бѣгаютъ, сторожа въ передней махорку курятъ, со двора вонище несетъ; на полу— грязь, по дивану — клопы ползаютъ. Сидимъ. Ужь передъ самымъ обѣдомъ слышимъ: въ передней движеніе. Докладываютъ: полетическихъ, вашескородіе, привели.

Входитъ квартальный. Имя, отчество, фамилія? чѣмъ занимаетесь? — Такіе-то. Свѣдущіе люди. Прибыли въ столицу по вызову на предметъ разсмотрѣнія.—Удивился.—Чтò за причина?—Не знаемъ. «Объ формахъ правленія въ кофейной у Вольфа разговаривали!» подскочилъ тутъ письмоводитель. «Ахъ, господа, господа!» Ну, отпустилъ и даже пошутилъ: да послужитъ сіе вамъ урокомъ!

— Только и всего?

— Будетъ съ насъ.

— А вы бы жаловались...

— Жаловаться не жаловались, а объясненіе—имѣли. Выходитъ, что существуютъ резоны. Конечно, говорятъ, эти добровольцы-шалыганы всѣмъ по горло надоѣли, но нельзя не принять во вниманіе, что они на правильной стезѣ стоятъ. Ну, мы махнули рукой, да и укатили изъ Питера.

— А по моему мнѣнію, ораторствуетъ въ другомъ углу «свѣдущій человѣкъ» изъ-подъ Романова: — всѣ эти акцизы въ одно бы мѣсто собрать да по душамъ въ поровѣнку и разложить. Тамъ хоть пей, хоть не пей, хоть кури, хоть не кури, а свое — отдай!

— Кàкъ же это такъ... одинъ пьетъ, другой — не пьетъ, а вдругъ непьющій за пьющаго плати!

— Зачѣмъ такъ! Коли кто пьетъ—тотъ особливо по вольной цѣнѣ заплати. Водка-то, коли безъ акциза—чего она стòитъ?—грошъ стоитъ! А тутъ опять—конкурренція. Въ ту пору и заводчики, и кабатчики — всѣ другъ дружку побивать будутъ. Вѣдь она почѐсть задаромъ пойдетъ, водка-то! Выпилъ стаканъ, выпилъ два—въ мошнѣ-то и незамѣтно, убавилось или нѣтъ. А казнѣ, между тѣмъ, лёгость. Ни надзоровъ, ни дивидендовъ, ни судовъ—ничего не нужно. Бери денежки, загребай!

— А недоимки?

— И противъ недоимокъ средство есть: почаще подъ рубашку заглядывать. Прежде, когда своевременно вспрыскивали — и недоимокъ не было; а нынче, какъ пошли въ ходъ нѣжничанья, да филантропіи—и недоимки явились.

— Такъ-то такъ...

Мнѣ лично ужасно эти разговоры не нравились. Вопервыхъ, думалось: вотъ люди, которые жалуются, что имъ дохнуть не даютъ, а между тѣмъ, смотрите, ка̀къ разговариваютъ! Стало быть, одно изъ двухъ: или они врутъ, или всѣ эти соглядатайства, сопряженныя съ путешествіями по кварталамъ, не достигаютъ цѣли и никого не устрашаютъ. Ихъ пожурятъ, отпустятъ, а они опять за свое—развѣ можно назвать это результатомъ? А во-вторыхъ, и опасеньице было: разговариваютъ да разговариваютъ, да вдругъ и въ самомъ дѣлѣ о бюджетахъ заговорятъ! куда тогда дѣваться? На палубу уйти — и тамъ о бюджетахъ разговариваютъ; во второй классъ спустишься—тамъ купцы третьей гильдіи, за четвертной бутылью, антихриста поджидаютъ; въ третій классъ толкнуться —тамъ мужичье аграрные вопросы разрѣшаетъ...

Къ счастію, кто-то упомянулъ объ «Аннѣ Ивановнѣ», и общественное вниманіе каюты разомъ шарахнулось въ эту сторону. Довольно значительная группа свѣдущихъ людей лично знала Анну Ивановну; другія же группы хотя и не знали именно этой Анны Ивановны, но знали Клеопатру Ивановну, Дарью Ивановну, Наталью Ивановну и проч., которыя представляли собой какъ бы безчисленные оттиски одной и той же Анны Ивановны. Такъ что, напримѣръ, Клеопатра Ивановна была Углицкою Анной Ивановной, а Анна Ивановна была Калязинскою Клеопатрой Ивановной и т. д. Всѣ вообще Анны Ивановны — лихія, гостепріимныя, слово-

охотливыя, иногда некрасивыя, но всегда подманчивыя и задорливыя. Всѣ любятъ исключительно мужское общество, охотно берутся управить тройкой бѣшеныхъ коней — причемъ надѣваютъ плисовую безрукавку и красную канаусовую рубаху — и не поморщась выпиваютъ стаканъ шампанскаго на брудершафтъ. Однѣ изъ нихъ—вдовы, другія, хотя имѣютъ мужей, но маленькихъ и почти всегда недоумковъ (чаще всего родители Анны Ивановны прельщаются ихъ относительнымъ матерьяльнымъ довольствомъ); изрѣдка попадаются и дѣвицы, но почти исключительно у матерей, которыя сами были въ свое время Аннами Ивановнами. Для немногихъ «свѣдущихъ людей», застрявшихъ въ своихъ захолустьяхъ, для господъ офицеровъ расквартированнаго въ уѣздѣ полка и для судебныхъ приставовъ — Анны Ивановны представляютъ сущій кладъ. И по пути, и безъ пути—всегда у Анны Ивановны двери настежъ, всегда и тепло, и свѣтло, и на столѣ закуска стоитъ. И мужъ тутъ же сидитъ, ночевать унимаетъ. И прислуга на крыльцо встрѣчать бѣжитъ—горничныя въ сарафанахъ, лакеи въ поддёвкахъ — и изо всѣхъ силъ суетится, чтобъ угодить, потому что и прислугѣ пріятно пожить весело, а у кого же весело пожить, какъ не у Анны Ивановны. Цѣлый день у Анны Ивановны огонь подъ плитой разведенъ, цѣлый день готовятъ, пекутъ, самовары грѣютъ, кофей разносятъ. А на какія средства она все это печетъ и варитъ—она и сама едва-ли знаетъ. Говорятъ, будто она въ прошломъ году лѣску продала, да что̀-то ужь часто она этотъ самый лѣсъ продаетъ. Говорятъ также, будто она кругомъ въ долгу—пастуху задолжала! за пастушину два года не платитъ! съ ужасомъ восклицаютъ сосѣднія помѣщицы, которыя, въ ожиданіи сумы, на обухѣ рожь молотятъ — но она не платитъ, не платитъ, и вдругъ какъ-то обер-

нется да всѣмъ и заплатитъ. Правда, что кто ни пріѣдетъ къ ней, всегда что̀-нибудь привезетъ, да она и сама не скрываетъ этого. Прямо такъ и встрѣчаетъ: что̀ привезли? волоките! И тутъ же все привезенное выпоитъ и выкормитъ. Словомъ сказать, живетъ Анна Ивановна въ свое удовольствіе, а какъ это у нея выходитъ ей до того дѣла нѣвъ.

Въ бо̀льшей части случаевъ, Анна Ивановна, даже перейдя границу сорокалѣтняго возраста, все еще бодро держитъ въ рукахъ знамя уѣздной львицы, но иногда случается и такъ: покуда она гарцуетъ въ своемъ Санъ-Суси, по сосѣдству, въ Монплезирѣ, вдругъ объявляется другая Анна Ивановна. Столь же лихая и подманчивая, но молодая, дѣятельная, сгорающая нетерпѣніемъ покорить себѣ всѣ сердца̀. Тогда наступаютъ для старой Анны Ивановны скорбные, полные жгучей боли дни. Начинается борьба. Старая Анна Ивановна скачетъ на тройкѣ съ *своими* кавалерами мимо Монплезира, новая Анна Ивановна, на *своей* тройкѣ, съ *своими* кавалерами, скачетъ мимо Санъ-Суси. Горланятъ пѣсни, гаркаютъ, отбиваютъ на скаку у бутылокъ горлышки. Старая Анна Ивановна куритъ папиросы десятками; новая Анна Ивановна въ одинъ день выкуритъ цѣлую сотню. Старая Анна Ивановна вылавливаетъ въ прудахъ и въ рѣчкѣ всѣхъ карасей и обкармливаетъ ими своихъ кавалеровъ; новая Анна Ивановна говоритъ майору Оглашенному: Оглашенный! когда же вы привезете стерлядей? и черезъ три дня послѣ карасиной вакханаліи кормитъ своихъ кавалеровъ стерляжьей ухой. Старая Анна Ивановна пускаетъ въ ходъ выраженія, отъ которыхъ кавалерамъ дѣлается тепло; новая Анна Ивановна загибаетъ такія словечки, отъ которыхъ даже небу становится жарко... Мало-по-малу, однакожь, положеніе выясняется рѣзче и рѣзче. Первыми дезерти-

руютъ изъ лагеря старой Анны Ивановны господа штабъ и оберъ-офицеры; затѣмъ, свѣдущіе люди, и дольше другихъ ей остаются вѣрными судебные пристава. Но, наконецъ, и они, прослышавши объ утѣхахъ, ареною которыхъ сдѣлался Монплезиръ, вдругъ пропадаютъ. Анна Ивановна остается одна, глазъ на глазъ съ маленькимъ человѣкомъ, котораго она называетъ своимъ мужемъ...

Санъ-Суси приходитъ въ запустѣніе. Лѣски, которые его окружали, сведены, пустоши — продана̀. Прислуга, привыкшая къ вѣчной суматохѣ, начинаетъ роптать и требовать разсчета; пастухъ — тоже не хочетъ больше ждать, а разнощикъ Фока, столько лѣтъ снабжавшій Анну Ивановну въ кредитъ селедками и мещерскимъ сыромъ, угрожаетъ ей мировымъ судьею и дѣлаетъ какіе-то нелѣпые намёки. Въ усадьбу, когда-то наполненную шумомъ и гвалтомъ, потихоньку-потихоньку заползаютъ окрестные кабатчики и люди духовнаго вѣдомства. «А Анна-то Ивановна, представьте... съ батюшкинимъ братомъ!» или: «вѣдь Анна-то Ивановна... съ Разуваевымъ!» весело гогочутъ въ Монплезирѣ, разсказывая похожденія старой уѣздной сахарницы. Но какую муку переживаетъ при этой метаморфозѣ маленькій Анны Ивановнинъ мужъ — для изображенія этого нуженъ цѣлый особый этюдъ и такое особливое сочетаніе красокъ, котораго я, къ сожалѣнію, не имѣю въ своемъ распоряженіи.

Какъ бы то ни было, но въ нашей каютѣ разговоръ зашелъ на тэму объ Аннѣ Ивановнѣ. Сквернословили ходко, весело, шумно — всѣ разомъ. Всякій старался щегольнуть, сообщить что̀-нибудь особенное, но ничего особеннаго не выходило, потому что у всѣхъ была одна и та же Анна Ивановна, съ однѣми и тѣми же примѣтами. Всѣ надъ нею слегка подсмѣивались, но бы-

ло очевидно, что всякій, пріѣхавши въ свое мѣсто, сейчасъ же сломя голову поскачетъ въ Монплезиръ. И у всѣхъ, безъ изъятія, были припасены для Анны Ивановны петербургскіе подарки, начиная съ шляпы и кончая страсбургскимъ паштетомъ.

Наконецъ, однакожъ, надоѣло и сквернословить; на нѣсколько минутъ всѣ примолкли, какъ будто поглупѣли. Доканчивали прерванныя рѣчи, досмѣивались, повторяли избранныя мѣста. Сумерки, между тѣмъ, окончательно потемнѣли и пароходъ приближался къ Кимрѣ, гдѣ, по росписанію, назначена на ночь стоянка. Зажгли единственную на всю каюту лампу, которая жалобно звенѣла матовымъ колпакомъ и пламя которой представлялось мутно-свѣтящеюся точкой среди облаковъ табачнаго дыма. Кто-то крикнулъ: господа! въ винтъ! кто желаетъ въ винтъ, господа? и сейчасъ же набралось два стола. Въ каютѣ водворилась тишина. Играющіе сосредоточились; оставшіеся внѣ игры — размѣстились по угламъ и вполголоса возобновили прерванную бесѣду объ Аннѣ Ивановнѣ и ея свойствахъ. Нѣкоторые спозаранку улеглись спать.

И мы намѣревались послѣдовать примѣру послѣднихъ, но покуда сбирались, случился казусъ. Въ Кимрѣ ввалился въ каюту новый пассажиръ, офицеръ (разумѣется отставной) и сразу сталъ называть Парамонова «тётенькой». Подсѣлъ, и началъ: «ахъ, тётенька! сто лѣтъ, сто зимъ! ка̀къ дѣточки? что̀ дяденька? неужто до сихъ поръ грѣшите... ахъ, тётенька!» Въ сущности, эта кличка до такой степени метко воспроизводила Парамонова въ перлъ созданія, что мнѣ показалось даже страннымъ, ка̀къ это я давно не угадалъ, что Парамоновъ—тётенька; но офицеръ все дѣло испортилъ тѣмъ, что, замѣтивъ успѣхъ своей клички, началъ черезчуръ ужь назойливо щеголять ею. Съ полчаса онъ не отходилъ отъ

Парамонова и самымъ идіотскимъ образомъ мучительствовалъ надъ нимъ, приплетая тутъ и Гоголя (офицеръ былъ «образованный»), и «стаметовыя юпки», и классическое «Обмокни» и т. д. Злосчастный мѣняло сначала улыбался, но потомъ оторопѣлъ и сталъ испуганно озираться. Мы съ Глумовымъ сидѣли, какъ на иголкахъ и думали: вотъ будетъ штука, если изъ-за мѣнялы придется выходить съ офицеромъ на смертный бой? Фаинушка жалась, и, кажется, понимала, что офицеръ затѣялъ эту исторію единственно съ цѣлью блеснуть передъ нею; «корреспондентъ» обдумывалъ фельетонъ подъ названіемъ: «Интеллигентные дикари», въ которыхъ ставилъ обществу «Самолетъ» вопросъ: отвѣчаетъ-ли оно за спокойствіе и безопасность ѣдущихъ на его пароходахъ пассажировъ? Одинъ Очищенный нашелся. Онъ потребовалъ бутылку «ямайскаго», и началъ подчивать. Ромъ вообще дѣйствуетъ серьёзно и быстро, а кашинскій въ особенности. Въ настоящемъ случаѣ ромъ до того вонялъ клопомъ, что всѣ пассажиры инстинктивно начали чесаться, а офицеръ, выпивая рюмку за рюмкой, въ скоромъ времени ощутилъ себя окруженнымъ видѣніями. И въ довершеніе всего, увидѣвъ въ зеркалѣ собственную фигуру, вообразилъ, что это непріятель, который вызываетъ его на единоборство, и обнажилъ саблю. Тогда ужь и другіе пассажиры сочли долгомъ вступиться; произошла краткая, но вразумительная суматоха, и черезъ десять минутъ благодѣтельны сонъ уже смыкалъ вѣжды разбушевавшагося героя.

На другой день, высадившись раннимъ утромъ въ Сергіевкѣ, мы часовъ около семи были въ Кашинѣ.

XXIII.

Кашинъ—уѣздный городъ Тверской губерніи; имѣетъ, по календарю, до семи съ половиной тысячъ жителей и лежитъ на рѣкѣ Кашинкѣ, которая скромно катитъ, среди города, свои волны въ зеленыхъ берегахъ. Нѣкогда Кашинъ былъ стольнымъ городомъ и соперничалъ съ Тверью, но нынѣ даже съ Бѣжецкомъ соперничать не дерзаетъ. Нѣкогда въ рѣкѣ Кашинкѣ водились пискари, а нынѣ остались только лягушки и головастики. Что Кашинъ въ свое время принадлежалъ къ числу цвѣтущихъ русскихъ муниципій — объ этомъ и донынѣ свидѣтельствуетъ великое множество церквей, изъ которыхъ нѣкоторыя считаютъ не болѣе трехъ-четырехъ домовъ въ приходѣ, но и за всѣмъ тѣмъ могутъ существовать, благодаря прежде сдѣланнымъ щедрымъ вкладамъ. Я самъ хорошо помню, какъ въ тридцатыхъ и даже въ сороковыхъ годахъ помѣщики нетолько Кашинскаго, но и смежныхъ уѣздовъ ѣздили въ Кашинъ веселиться и запасались тамъ бакалеей и моднымъ товаромъ. И помѣщики кашинскіе были веселые, и усадьбы у нихъ веселыя, и гости къ нимъ пріѣзжали веселые; но весело-ли жилось въ этихъ веселыхъ мѣстахъ рабамъ — объ этомъ сказать не умѣю. У меня

было въ Кашинскомъ уѣздѣ нѣсколько кузинъ, и я, будучи ребёнкомъ, жадно слушалъ ихъ разсказы о томъ, какая въ Кашинѣ безподобная икра, какія бесѣдки *), витушки **) и какъ весело живутъ тамошніе помѣщики, переѣзжая всѣмъ домомъ отъ одного къ другому; днемъ ѣдятъ, лакомятся вареньемъ и постилою, играютъ въ фанты, въ жмурки, въ сижу-посижу и танцуютъ кадрили и экосезы, а ночью, гости, за недостаткомъ отдѣльныхъ комнатъ, спятъ въ повалку. Мнѣ казалось, что Кашинъ есть нѣчто въ родѣ свѣтлаго помѣщичьяго рая, и я горько роптадъ на Провидѣніе, уродившее меня не въ Кашинѣ, а въ глухой Калязинской Мещорѣ, гдѣ помѣщики въ повалку не спали, въ сижу-посижу не играли, экосезовъ не танцавали, а жили угрюмо, снѣдаемые клопами и завистью къ счастливымъ кашинцамъ ***).

Въ настоящее время Кашинъ представляетъ собой выморочный городъ, еще болѣе унылый, нежели Корчева. Ибо Корчева и прежде не отличалась щеголеватостью — въ ней только убоиной пахло — а въ Каши-

*) Печенье изъ тѣста, здобнаго или кислаго. смотря по вкусу. Имѣло форму фасада открытой садовой бесѣдки (въ родѣ большой кибитки, кругомъ заплетенной акаціями) и состояло изъ множества тонкихъ хлѣбныхъ палочекъ. Украшалось, по желанію сусальнымъ золотомъ, изюмомъ и миндалинами.

**) Такое же печенье; форма продолговатая, имѣющая видъ заплетенной косы.

***) Я еще засталъ веселую помѣщичью жизнь и помню ее довольно живо. Въ Кашинѣ я, впрочемъ, не бывалъ, но и въ нашемъ, сравнительно угрюмомъ, Калязинскомъ уѣздѣ прорывались веселые центры, напримѣръ, на Хотчѣ и въ особенности въ селѣ Воскресенскомъ, гдѣ жило до семи помѣщичьихъ семей, которыя, несмотря на скудныя средства, ни чѣмъ другимъ не занимались, кромѣ хлѣбосольства. Когда-нибудь я надѣюсь возобновить въ своей памяти подробности этой недавней старины, которая исчезла на нашихъ глазахъ, не оставивъ по себѣ *никакого* слѣда.

нѣ пахло бакалеей, бонбономъ и женскими атурами. Такъ что къ нынѣшнему корчевскому запустѣнію въ современномъ Кашинѣ присовокупляется еще паутина временъ, которая, какъ извѣстно, распространяетъ отъ себя острый запахъ затхлости, свойственной упраздненному зданію.

На постояломъ дворѣ мы узнали, что жидъ, котораго мы розъискиваемъ, живетъ въ богатой княжеской усадьбѣ, верстахъ въ десяти отъ города, и управляетъ приписаннымъ къ этой усадьбѣ имѣніемъ. Или, въ сущности, не управляетъ, а арендуетъ его, сводитъ лѣсъ, донимаетъ мужичковъ штрафами и понемногу распродаетъ мебель, скотъ и движимость вообще. Окреститься онъ затѣялъ въ видахъ пріобрѣтенія правъ осѣдлости, а наставляетъ и утверждаетъ его въ вѣрѣ изверженный, за пьянство, изъ сана древній дьяконъ, который, по старости, мухъ не ловитъ, но водку пить еще можетъ.

Мы рѣшили ѣхать туда на другой день, а въ ожиданіи предприняли подробный осмотръ кашинскихъ достопримѣчательностей.

Разумѣется, прежде всего насъ заинтересовало кашинское винодѣліе. Съ давнихъ поръ оно составляло предметъ милліонныхъ оборотовъ, послужило основаніемъ для милліонныхъ состояній и питало помѣщичій патріотизмъ во всей восточной полосѣ Тверской губерніи. Я помню время, когда вся калязинская Мещòра самонадѣянно восклицала: ничего намъ отъ иностранцевъ не надо! каретники у насъ — свои, столяры — свои, повара — свои, говядина, рыба, дичина, овощъ — все свое! вина виноградного не было—и то теперь въ Кашинѣ научились дѣлать! Только объ наукахъ *своихъ* Мещòра не упоминала, потому что, при крѣпостномъ правѣ, и безъ наукъ хорошо жилось.

И пила Мещòра рублевые (на ассигнаціи) кашинскіе

хереса, пила и похваливала. Сначала съ этихъ хересовъ тошнило, но потомъ привычка и патріотизмъ дѣлали свое дѣло.

Нынѣ кашинское винодѣліе слегка пошатнулось, вѣроятно, впрочемъ, только временно. Во-первыхъ, сошли со сцены коренные основатели и заправители этого дѣла, а во-вторыхъ, явилась ему сильная конкурренція въ Ярославлѣ. Однакожь, и донынѣ кашинскому вину довѣряютъ больше, чѣмъ ярославскому, а кашинскіе рейнвейны, особливо ежели съ золотыми ярлыками, и теперь служатъ украшеніемъ такъ-называемыхъ губернаторскихъ обѣдовъ.

Оказалось, что никакихъ виноградниковъ въ Кашинѣ нѣтъ, а винодѣліе производится въ принадлежащихъ винодѣламъ подвалахъ и погребахъ. Процессъ выдѣлки изумительно простой. Въ основаніе каждаго сорта вина берется подлинная бочка изъ-подъ подлиннаго вина. Въ эту подлинную бочку наливаются, въ опредѣленной пропорціи, астраханскій чихирь и вода. Подходящую воду доставляетъ рѣка Кашинка, но въ послѣднее время дознано, что рѣка Которосль (въ Ярославлѣ) тоже въ изобиліи обладаетъ хересными и лафитными свойствами. Когда разбавленный чихирь провоняетъ отъ бочки надлежащимъ запахомъ, тогда приступаютъ къ сдабриванію его. На бочку вливается ведро спирта, и затѣмъ, смотря по свойству выдѣлываемаго вина: на мадеру — столько-то патоки, на малагу — дегтя, на рейнвейнъ — сахарнаго свинца и т. д. Эту смѣсь мѣшаютъ до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается однородною, и потомъ закупориваютъ. Когда вино отстоится, приходитъ хозяинъ или главный прикащикъ и сортируетъ. Плюнетъ одинъ разъ — выйдетъ просто мадера (цѣна 40 к.); плюнетъ два раза — выйдетъ цвей-мадера (цѣна отъ 40 коп. до рубля); плюнетъ три раза — выйдетъ дрей-мадера

(цѣна отъ 1 р. 50 к. и выше, ежели, напримѣръ, мадера столѣтняя). Точно такъ же малага: просто малага, малага vieux и малага très vieux, или рейнвейны: Liebfrauenmilch, Hochheimer и Johanissberger. Но ежели при этомъ случайно плюнетъ высокопоставленное лицо, то выйдетъ Cabinet-Auslass, то-есть: лучше не надо. Таковы кашинскія вина *).

Когда вино поспѣло, его разливаютъ въ бутылки, на которыя наклеиваютъ ярлыки, и прежде всего поятъ имъ членовъ врачебной управы. И когда послѣдніе засвидѣтельствуютъ, что лучше ничего не пивали, тогда вся заготовка сплавляется на Нижегородскую ярмарку, и оттуда на расхватъ разбирается для всей Россіи. Пьютъ исправники, пьютъ мировые судьи, пьютъ помѣщики, пьютъ купцы, и никто не знаетъ, чье «сдабриванье» онъ пьетъ.

Разумѣется, прикащики и намъ любезно предложили пробу. Нѣкоторые изъ насъ выпили и не могли вмѣстить, но «корреспондентъ» и Очищенный попросили по другой, сказавши: было бы мокрò да въ горлѣ першило! И имъ нетолько не отказали въ повтореніи, но отпустили по бутылкѣ высшихъ сортовъ на дорогу.

Соображенія высшаго экономическаго и политическаго порядка такъ и лѣзли въ голову по этому поводу. Начались дебаты, въ которыхъ приняли живое участіе и прикащики. Экономическая точка зрѣнія была совершенно ясна. Во-первыхъ, вытѣсняя съ внутреннихъ рынковъ дорогой иностранный товаръ и замѣняя его однороднымъ собственнаго производства (и, притомъ, не стою-

*) Разумѣется, я описываю процессъ выдѣлки кашинскаго вина на основаніи устныхъ разсказовъ, за достовѣрность которыхъ ручаться не могу. За одно ручаюсь: виноградниковъ ни въ Кашинѣ, ни въ Ярославлѣ нѣтъ, а между тѣмъ, виноградное вино выдѣлывается во множествѣ и самыхъ разнообразныхъ сортовъ.

щимъ выѣденнаго яйца), кашинскіе винодѣлы тѣмъ самымъ увеличиваютъ производительную силу страны. Во-вторыхъ, тѣ же винодѣлы, давая приличный заработокъ нуждающимся въ немъ, тѣмъ самымъ распространяютъ въ странѣ довольство и преподаютъ средства для безбѣднаго существованія многимъ семьямъ, которыя, безъ этого подспорья, были бы вынуждены прибѣгнуть къ зазорнымъ ремесламъ. И въ-третьихъ, наконецъ, устраняя изъ обращенія иностранный продуктъ, винодѣлы сохраняютъ внутри государства цѣлый ворохъ ассигнацій, которыя, будучи водворены въ ихъ карманахъ, дадутъ возможность повернуть «торговый баланецъ» въ пользу Россіи.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, прикащики единогласно полагали: ввозъ иностранныхъ винъ въ Россію воспретить навсегда. О чемъ и послать телеграммы въ Московскій охотный рядъ для повсемѣстнаго опубликованія.

— Постойте! остановилъ я ихъ: — но ка̀къ же вы съ таможеннымъ доходомъ устроитесь? Извѣстно вамъ, что иностранное вино оплачивается золотыми пошлинами...

— А таможенный доходъ — это само по себѣ, отвѣтили они безъ затрудненія. — Ка̀къ это можно, чтобы таможенный доходъ не поступалъ... да это спаси Богъ! Таможенный доходъ, позвольте вамъ доложить, завсегда долженъ полностью поступить. Мы это даже оченно хорошо понимаемъ.

И тутъ же, въ живыхъ и наглядныхъ о̀бразахъ, доказали свое пониманіе.

— Вотъ извольте, вашескородіе, смотрѣть. Въ семъ мѣстѣ, скажемъ примѣрно, скрозь дыра — значитъ, и вода въ ёмъ не держится. А въ семъ мѣстѣ — грунтъ; значитъ, и вода въ ёмъ завсегда есть. Такъ точно и въ

эфтомъ дѣлѣ: въ одномъ мѣстѣ вода скрозь течетъ, а въ другомъ — накапливается.

— Но ежели вездѣ дыра?

— Ахъ, вашескородіе! развѣ это возможно!

Разумѣется, я успокоился, и такимъ образомъ фискально-финансовое затрудненіе было безъ хлопотъ устранено.

Политическая точка зрѣнія была еще яснѣе. Прежде всего кашинское винодѣліе развязываетъ руки русской дипломатіи. Покуда его не существовало, на рѣшенія дипломатовъ могли оказывать давленіе такіе вопросы: а что̀, ежели французъ не дастъ намъ лафитовъ, нѣмецъ — рейнвейновъ, испанецъ — хересовъ и мадеръ? Что̀ будемъ мы пить? Чѣмъ гостей подчивать? А теперь эти вопросы падаютъ сами собой: все у насъ свое — и лафиты, и рейнвейны, и хереса. Да еще лучше, потому что «ихнее» вино — вредительное, а наше — пользительное. Съѣлъ лишнее, выпилъ-ли—съ «ихняго» вина голова болитъ, а съ кашинскаго — только съ души тянетъ. Дайте только ходъ кашинскимъ винамъ, а тамъ ужь дѣло само собой на чистоту пойдетъ. Сгрубилъ нѣмецъ, зазнался — не надо намъ твоихъ рейнвейновъ, жри самъ! — а отвѣчай прямо: какая тому причина?

Но главнымъ образомъ кашинскому винодѣлію предстоитъ содѣйствовать разъясненію восточнаго вопроса. Что̀ ныньче въ средней Азіи пьютъ? — все иностранное вино, да все дорогое. Перепьются, да съ нами же въ драку лѣзутъ. А дайте-ка кашинскимъ винамъ настоящій ходъ — да мы и въ Афганистанъ, и въ Белуджистанъ, и въ Кабулъ проникнемъ, всѣхъ своими мадерами зальемъ!

— Потому что наше вино сурьёзное, въ одинъ голосъ говорили прикащики: — да и обойдется дешевле, потому что мы его на всякомъ мѣстѣ сдѣлать можемъ. Агли-

чинъ, примѣрно, за свою бутылку рубль проситъ, а мы полтинникъ возьмемъ; онъ семъ гривенъ, а мы — сорокъ копѣечекъ. Мы, сударь, лучше у себя дома лишнихъ десять копѣечекъ накинемъ, нежели противъ аглична сплоховать! Сунься-ко онъ въ ту пору съ своей малагой — мы ему носъ-то утрёмъ! Задаромъ товаръ отдадимъ, а ужь своихъ не сконфузимъ!

Затѣмъ тонъ собесѣдованія, повышаясь все больше и больше, получилъ такую патріотическую окраску, въ которой утопали и экономическія, и политическія соображенія.

— Да мы, вашескородіе, отъ себя цѣлый полкъ снарядимъ! въ энтузіазмѣ восклицалъ главный прикащикъ. — За сербовъ-ли, за болгаръ-ли — только шепни Максиму Липатычу: Максимъ, молъ, Липатычъ! сдѣйствуй! — сейчасъ, въ одну минуту... ребята, впередъ!

— Ужь и то, ничего не видя, сколько отъ Максимъ Липатыча здѣшнему городу благодѣяніевъ вышло! какъ эхо отозвался другой прикащикъ. — У Максима Исповѣдника кто новую колокольню взбодрилъ? Къ Ѳедору Стратилату кто новый колоколъ пожертвовалъ? Звонъ-то одинъ... А сколько паникадиловъ, свѣщей, лампадъ, ежели счесть!

— Кажное воскресенье у кажной церкви молодецъ съ мѣшкомъ мѣдныхъ денегъ стоитъ, нищую братію одѣляетъ! свидѣтельствовалъ третій прикащикъ.

— И что̀ за причина, вашескородіе! удивлялись прочіе прикащики: — всѣ будто бы прочіе народы и выдумки всякія выдумывать могутъ, и съ своимъ дѣломъ управляться могутъ — одни будто бы русскіе ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ! Да мы, вашескородіе, коли ежели насъ допустить — всѣхъ произойдемъ! Сейчасъ умереть, коли не произойдемъ!

Однимъ словомъ, ежели съ кашинской мадеры, какъ

въ томъ сознались сами прикащики, съ души тянетъ, за то кашинскій подъемъ чувствъ оказался безусловно доброкачественнымъ и достойнымъ похвалы. Только вотъ зачѣмъ прикащики прибавили: коли ежели допустить? Кто же не допускаетъ? Кажется, что у насъ на счетъ рейнвейновъ свободно...

— Послушай! вѣдь у насъ на счетъ хересовъ и мадеръ свободно? обратился я къ Глумову, когда мы покончили осмотръ винодѣлія: — какъ ты полагаешь?

— Разумѣется свободно.

— Почему же кашинскіе винодѣлы до сихъ поръ не проникли ни въ Афганистанъ, ни въ Белуджистанъ, а все какого-то «полнаго хода» своему вину ждутъ?

— Да потому, вѣроятно, что покуда еще около себя побираются. Дай срокъ, у своихъ изъ кармановъ повыберутъ, а потомъ и въ Белуджистанъ съ подводами потянутся.

Въ заключеніе, Очищенный сообщилъ намъ пріятную вѣсть. Въ редакціи «Красы Демидрона» имѣются достовѣрныя свѣдѣнія, что примѣръ кашинскихъ винодѣловъ уже нашелъ подражателей. Не говоря объ Ярославлѣ, котораго лафиты, подправленные черникой и сандаломъ, могутъ смѣло соперничать съ фирмой Oldekopp Marillac — во многихъ мелкихъ уѣздныхъ городахъ (какъ, напримѣръ, въ Крапивнѣ, Саранскѣ, Лукояновѣ и проч.), гдѣ доселѣ производился только навозъ, положено прочное основаніе винодѣлію, которое до извѣстной степени уже и конкуррируетъ съ кашинскимъ и ярославскимъ. Примѣру этихъ городовъ несомнѣнно послѣдуютъ: Шацкъ, Лаишевъ, два Ардатова, всѣ Спасски и проч. — и тогда періодъ «выбиранія около себя» сократится самъ собой. А когда выбирать около себя будетъ ужь нѣчего, тогда, волей-неволей, придется нанимать подводы въ Белуджистанъ. А разъ белуджистан-

скій рынокъ будетъ завоеванъ для кашинскихъ хересовъ, тогда нашимъ виноделамъ останется только оправдать довѣріе начальства, а намъ, всѣмъ остальнымъ, — высоко держать русское знамя.

— Лёгость большая будетъ, заключилъ Очищенный, и мы охотно съ нимъ согласились.

Послѣ винодѣлень мы хотѣли приступить къ осмотру замѣчательныхъ кашинскихъ зданій и церквей, но вспомнили, что въ Кашинѣ существуетъ окружной судъ и направились туда. Къ тому же, и хозяинъ постоялаго двора предупредилъ насъ, что въ это утро должно слушаться въ судѣ замѣчательное политическое дѣло, развязки котораго вся кашинская интеллигенція ожидала съ нетерпѣніемъ *).

Какъ я уже сказалъ выше, въ рѣкѣ Кашинкѣ издревле въ изобиліи водились пискари. Но недавно количество ихъ стало постепенно убывать, и, какъ это всегда у насъ водится, полиція прозѣвала это знаменательное явленіе. Хватились тогда, когда осталась лишь небольшая шайка, которая явно посмѣивалась надъ всѣми усиліями гражданъ водворить ее въ уху. Бросились ловить — не тутъ-то было; пискари вильнули хвостомъ и у всѣхъ на виду исчезли. Трудно было, конечно, оправдать полицію, но, съ другой стороны, трудно было и обвинить. Во всякомъ случаѣ, поймали только одного хвораго пискаря, которому врачи предписали лежать въ тинѣ, но и оттуда полиція достала его. Нарядили слѣдствіе; прокуроры и слѣдователи два года сряду не выходили изъ рѣки Кашинки, розыскивая корни, и нити,

Само собою разумѣется, что слѣдующее за симъ описаніе окружного суда не имѣетъ ничего общаго съ реальнымъ кашинскимъ окружнымъ судомъ, а заключаетъ въ себѣ лишь типическія черты, свойственныя третьеразряднымъ судамъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже благосклонно закрыты, а другіе ожидаютъ своей очереди.

допрашивая лягушекъ и головастиковъ, и послѣ неимовѣрныхъ усилій, пришли къ такому результату: пойманъ хворый пискарь, а прочіе неизвѣстно куда исчезли. Въ этомъ видѣ дѣло представлено было въ судъ, которому и предстояло воздать каждому по дѣламъ его. Скрывшіеся пискари должны были судиться заочно по обвиненію въ самовольномъ оставленіи отечества, а пойманный хворый пискарь — по обвиненію въ знаніи о семъ и недонесеніи подлежащимъ властямъ. Дѣло было громкое и обѣщало привлечь массу публики.

Мы пришли въ судъ въ исходѣ одиннадцатаго; но такъ какъ засѣданіе должно было открыться не ранѣе часа, то никого еще не было, кромѣ сторожей и приказныхъ низшаго оклада. Судъ помѣщается въ каменномъ зданіи довольно внушительныхъ размѣровъ, но плохо ремонтируемомъ. Внутри пахнетъ уныніемъ и упраздненностью, какъ и повсюду въ Кашинѣ. Швейцаръ — старый, заплѣсневѣлый; сидитъ въ бумазейной курткѣ и не торопясь чиститъ булаву, а жена его, въ каморкѣ, готовитъ щи, запахъ которыхъ сообщаетъ строенію жилой характеръ. Повидимому, старикъ одичалъ въ бездѣйствіи, потому что онъ встрѣтилъ насъ сердито и процѣдилъ сквозь зубы: нелегкая спозаранку принесла! Но когда мы, снявъ верхнее платье, дали ему по гривеннику за храненіе, онъ на минуту просіялъ, гривенники спряталъ за щеку, а намъ указалъ на лавку: сидите!

— Много бываетъ у васъ въ судѣ дѣловъ, старинушка? ласково вступилъ съ нимъ въ разговоръ Очищенный.

— Никакихъ у насъ дѣловъ нѣтъ, отвѣтилъ старикъ сердито: — кто ни идетъ, ни ѣдетъ—все мимо. Прежде, когда помѣщики были—точно, что пріѣзжали тягаться; а ныньче — шабашъ.

— Что за причина такая?

— Прикончили, значитъ. Имущество продали, а сами на теплыя воды уѣхали. А кои остались — тѣ и безъ суда другъ у дружки рвутъ.

— Да̀, строгія ныньче времена! вздохнулъ Очищенный и не безъ умиленія подумалъ:—вотъ кабы такимъ же манеромъ и Матрена Ивановна: не доводя до суда, вынула бы денежки да и заплатила бы по векселямъ... мило, благородно!

— Дураковъ нонѣ много уродилась, философствовалъ, между тѣмъ, швейцаръ:—вотъ умные-то и рвутъ у нихъ. Потому, ежели дуракъ въ судъ пойдетъ — какую онъ тамъ правду сыщетъ? какая такая дурацкая правда бываетъ? Еще съ него же всѣ штрафы взыщутъ: нишкни, значитъ, коли ты дуракъ!

И, порѣшивъ такимъ образомъ съ гражданскими дѣлами, прибавилъ.

— У насъ нонѣ и уголовщина — и та мимо суда прошла. Развѣ который ужь воръ съ амбиціей, такъ тотъ суда запроситъ, а прочіихъ всѣхъ воровъ у насъ сами промежду себя рѣшатъ. Прибьютъ, либо искалѣчатъ — поди, жалуйся! Прокуроры-то наши глаза проглядѣли, у окошка ждамши, не приведутъ-ли кого — не ведутъ да и шабашъ! Самый нашъ судъ бѣдный. Все равно, какъ у поповъ приходы бываютъ; у одного тысяча душъ въ приходѣ, да все купцы да богатѣи, а у другого и ста душъ нѣтъ, да и у тѣхъ на десять душъ одна корова. У чего тутъ кормиться попу?

Словомъ сказать, старикъ шибко негодовалъ и даже себя считалъ несправедливо приниженнымъ запустѣлостью суда, въ дверяхъ котораго его, безъ всякой надобности, заставляютъ стоять въ галунахъ, въ перевязи, и выдѣлывать булавой артикулы при проходѣ членовъ и прокуроровъ, которые и сами-то идутъ въ судъ лишь отъ того, что дѣваться имъ больше нѣкуда.

— Набрали цѣлое стадо приказныхъ, ворчалъ онъ безъ умолку: — а они талько папироски курятъ, сорятъ да перья сосутъ. Или теперича паутина — сколько ея на потолкахъ набралось! — а ка̀къ ты ее оттолѣ достанешь? Ты ее растревожь — анъ она клочьями повисла; одно мѣсто на потолкѣ бѣлое открылось, а прочее все точно сажей вымазано. Самый, то есть самый у насъ бѣдный судъ!

Но мнѣ, лично, именно *такой* судъ и казался идеальнымъ: именно такой судъ нуженъ. Чтобы никто въ немъ не судился, чтобъ лѣстница была неметена, чтобъ паутина застилала потолки, чтобъ швейцаръ былъ небритъ, а швейцарова жена чтобы щи варила. И чтобы, за всѣмъ тѣмъ, всякій, при видѣ этого неметеннаго суда, понималъ, что часъ воли Божіей — вотъ онъ. И прокуроры чтобы, на всякій случай, въ окна смотрѣли, только на улицу бы не выбѣгали, когда кого-нибудь ведутъ на веревочкѣ, не спрашивали бы: со взломомъ или безъ взлома? Меня не огорчило бы, еслибъ даже судебный персоналъ оставался бы въ прежнемъ составѣ и продолжалъ бы получать присвоенные по штатамъ оклады. Во-первыхъ, покуда судъ не упраздненъ, нельзя упразднить и служителей его («чѣмъ же мы виноваты, что у насъ дѣлъ нѣтъ?»), а во-вторыхъ, вѣдь надо же между кѣмъ-нибудь казенные доходы дѣлить, такъ ужь пусть лучше получаютъ тѣ, кои дѣла не дѣлаютъ, а отъ дѣла не бѣгаютъ, нежели тѣ, кои безъ пути, аки левъ рыкаяй, рыщутъ, искій кого поглотити.

А исподволь, можетъ быть, удалось бы и полнаго упраздненія достигнуть. Никого не обижая, не увольняя и не упраздняя, а постепенно прекращая замѣну упалыхъ. Вѣдь это только съ непривычки кажется, что безъ судовъ минуты нельзя прожить; я же, напротивъ того, позволяю себѣ думать, что ежели люди перестанутъ су-

диться, то это отнюдь не сдѣлаетъ ихъ несчастными. Я знаю, что идея эта не практическая и что надѣяться на ея осуществленіе все равно, что поджидать скораго пріѣзда Улиты (по пословицѣ: Улита ѣдетъ, когда-то будетъ), но и за всѣмъ тѣмъ надѣюсь. Но, разумѣется, еслибъ мнѣ сказали: выбирай между прежнимъ кашинскимъ уѣзднымъ судомъ и нынѣшнимъ кашинскимъ окружнымъ судомъ, я не задумываясь крикнулъ бы последнему: vivat, crescat et floreat Помилуйте! ужь одно то чего стоитъ, что въ дверяхъ нынѣшняго окружного суда стоитъ швейцаръ съ булавой, тогда какъ въ передней кашинскаго уѣзднаго суда вѣчно стучалъ сапожной колодкой солдатъ въ изгребной рубахѣ и съ поврежденной на ученьяхъ скулой!..

Но этотъ день, какъ я уже сказалъ выше, составлялъ исключеніе въ практикѣ кашинскаго окружного суда.

Судились пискари, исконные кашинскіе обыватели, и, притомъ, въ такомъ интересномъ преступленіи, которое, самою новизною, озадачило всѣхъ кашинскихъ консерваторовъ (кашинскіе винодѣлы и витушечники — консервативны по преимуществу, ибо знаютъ, чье мясо кошка съѣла). Съ половины двѣнадцатаго уже началось движеніе въ окрестностяхъ суда. Швейцаръ, весь вышитый, съ желтой перевязью черезъ плечо и съ булавой въ правой рукѣ, стоялъ на вытяжку у дверей, готовый выдѣлать всѣ требуемые практикой суда артикулы. Прежде всего, повалила меньшая братія, которая, при входѣ, набожно крестилась, какъ бы отмаливаясь отъ тюрьмы и отъ сумы, а въ началѣ перваго начали собираться «чины». Первые пришли прокуроры. Увидѣвши насъ, они остановились въ швейцарской, и стали вслухъ обсуждать вопросъ: ежели воръ въ шкатулкѣ сломаетъ замокъ и унесетъ оттуда три копѣйки — это, несомнѣнно, будетъ кража со взломомъ: но ежели онъ, вмѣсто

того, чтобь ломать замо̀къ, всю шкатулку унесетъ—какъ слѣдуетъ это дѣйствіе понимать? *) Но, ничего не рѣшивъ, щелкнули языками и стали подниматься по лѣстницѣ вверхъ. Слѣдомъ за прокурорами прибыли члены суда. Они солидно взбирались по лѣстницѣ и вели солидный разговоръ, неизмѣнно начинавшійся словами: «въ практикѣ кашинскаго окружного суда установился прецедентъ...» Сначала одинъ эти слова скажетъ, потомъ другой повторитъ, потомъ третій, а швейцаръ смотритъ на нихъ и не нарадуется. Вообще, эти люди, повидимому, отлично понимали, что двадцатаго числа каждаго мѣсяца ничто не воспрепятствуетъ имъ воспользоваться присвоеннымъ отъ казны содержаніемъ. Кашинка можетъ выйти изъ береговъ и потопить казначейство, огонь можетъ истребить его, но *ихнія* деньги ни въ огнѣ не сгорятъ, ни въ водѣ не потонутъ. Напослѣдокъ, по наружности суетливо, но, въ сущности, виновато, проскользнуло штукъ двадцать адвокатовъ, которые, увидѣвъ насъ, ужасно обрадовались, предполагая, что вотъ, молъ, тягаться пришли. Но радость ихъ была кратковременна, и когда мы объяснили цѣль нашего прихода, то лица ихъ выразили столь искреннюю печаль, что Глумовъ поспѣшилъ предложить имъ по папироскѣ. Затѣмъ, они всей ватагой ринулись наверхъ, какъ бы опасаясь потерять горячіе слѣды, оставленные членами суда и прокурорами.

Намъ эти бѣдняки показались заслуживающими полнаго снисхожденія. Они имѣли хорошій аппетитъ и нѣкоторое время разсчитывали на удовлетвореніе онаго, какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, въ практикѣ кашин-

---

*) Ныньче, какъ я слышалъ, вопросъ этотъ уже разрѣшенъ. Можно и замо̀къ въ шкатулкѣ сломать, и самую шкатулку унести — какъ кому удобнѣе.

скаго окружного суда установился прецедентъ: никакихъ дѣлъ не судить, а собираться лишь для чтенія законовъ...

Съ половины перваго начался приливъ чистой публики. Прибылъ исправникъ, изящный молодой человѣкъ, съ проборомъ посреди головы; вынулъ щеточку съ зеркальцемъ, посмотрѣлся и вошелъ на крыльцо въ ожиданіи дамъ. Къ нему присоединилось съ десятокъ офицеровъ квартирующаго въ уѣздѣ полка. Дамочки не замедлили. Первою подкатила щегольская линейка, въ которой, словно на пикникъ, пріѣхала, изъ подгороднаго имѣнія, мѣстная львица съ цѣлымъ выводкомъ дамочекъ. За линейкой послѣдовалъ цѣлый рядъ экипажей, подвозя новые и новые выводки. Слышался говоръ и смѣхъ; у всѣхъ дамочекъ оказывался въ туалетѣ какой-нибудь безпорядокъ; у однѣхъ что̀-то развязалось, у другихъ — разстегнулось. Всѣ хохотали и кричали: ахъ, какъ весело! Исправникъ, какъ первый (послѣ прокурора) въ городѣ кавалеръ, не успѣвалъ завязывать и застегивать. Господа офицеры оказывали содѣйствіе.

Поднялись наверхъ и мы.

Зала была совершенно полна. Дамочки, гражданскаго и военнаго вѣдомствъ въ перемежку, сидѣли въ первомъ ряду и весело переговаривались между собой на французскомъ діалектѣ. Сзади ихъ тѣснился цвѣтъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей и земскихъ дѣятелей, въ перемежку съ офицерами. Въ глубинѣ—толпилась меньшая братія. Судебные пристава, блистая отчищенными на̀ново цѣпями, въ новенькихъ мундирчикахъ, и красиво выгибая шеи, говорили дамочкамъ «бонжуръ» и подвигали имъ стулья. Многіе изъ нихъ состояли на счету жениховъ и умѣли танцовать мазурку. Подсудимый пискарь, еле живой, лежалъ въ неглубокой тарелкѣ на скамьѣ подсудимыхъ и тяжело дышалъ жабрами. Сзади

его стояли два жандарма съ саблями на-голо̀; рядомъ— расположилась защита въ составѣ двухъ адвокатовъ: Шестакова (испорченное отъ Chaix d'Estange) и Перьева (испорченное отъ Berryer). Каѳедру обвиненія занялъ прокуроръ Громобой, который вошелъ въ залу суда, мечтательно играя поясницей и склонивши головушку на праву сторонушку. Въ граціозно откинутой рукѣ его блестѣлъ золотой пенснѐ; сочныя губы (созданныя для поцалуя) слегка вздрагивали; глаза (съ поволокою) смотрѣли грустно. Онъ уныло окинулъ дамскій цвѣтникъ, какъ бы заранѣе испрашивая прощенія за кровожадность, съ которою онъ будетъ требовать смерти для подсудимаго пискаря, и общихъ оздоровительныхъ мѣръ для всего общества. При этомъ взглядѣ дамочки инстинктивно поправили платья, потому что Громобой занималъ въ кашинской судебной труппѣ амплуа premier amoureux, въ родѣ какъ, напримѣръ, Бертонъ или Вормсъ въ Михайловскомъ театрѣ, въ Петербургѣ. Въ числѣ свидѣтелей больше всѣхъ выдавалась старая лягушка (по вызову обвинительной власти), та самая, которая когда-то

...на лугу, увидѣвши вола,
Задумала сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться...

но, вопреки свидѣтельству дѣдушки Крылова, не лопнула (лягушки удивительно какъ эластичны), а явилась въ настоящемъ дѣлѣ главной доносчицей. За нею виднѣлось нѣсколько десятковъ мелкихъ головастиковъ, бо̀льшая часть которыхъ была вызвана защитой, и, наконецъ, въ особой лохани, широко разинувъ пасть, нервно плескалась щука, относительно которой Громобой былъ долгое время въ нерѣшительности: вызвать-ли ее въ качествѣ свидѣтельницы, или же посадить на скамью

обвиняемыхъ, въ качествѣ укрывательницы, такъ какъ бо̀льшая часть оставившихъ отечество пискарей была ею заглотана. На столѣ вещественныхъ доказательствъ лежали: во-первыхъ, карась, долженствовавшій быть на скамьѣ подсудимыхъ, но ошибкою зажаренный въ сметанѣ; во-вторыхъ, точный фотографическій снимокъ съ струй, которыя образовались въ рѣкѣ при поспѣшномъ бѣгствѣ пискарей. За рѣшеткой присяжныхъ засѣдателей не было никого, потому что процессъ былъ политическій, а у присяжныхъ засѣдателей политическаго смысла не полагается.

Ровно въ часъ, самый лихой изъ судебныхъ приставовъ возгласилъ: судъ идетъ! — и вслѣдъ за этимъ возгласомъ въ залу выплыли: Иванъ Иванычъ, Петръ Иванычъ и Семенъ Иванычъ. Но такъ какъ они были въ мундирахъ и при цѣпяхъ, то назывались не Иванами Иванычами, а судьями. Впечатлѣніе, произведенное ихъ появленіемъ, было самое примиряющее. Всѣмъ показалось, что вмѣстѣ съ ними пришла и Прасковья Ивановна и что сейчасъ она скажетъ: милости просимъ закусить! А ежели закуски и не будетъ, то, во всякомъ случаѣ, Иванъ Иванычъ разскажетъ, какой съ нимъ вчера казусъ былъ. Игралъ онъ въ винтъ: та̀къ — онъ съ Семенъ Иванычемъ, а та̀къ — Петръ Иванычъ съ Ефремъ Иванычемъ. Только назначаетъ онъ три въ пикахъ, а Семенъ Иванычъ перебиваетъ: въ такомъ разѣ я назначаю три въ червяхъ! А у него, Иванъ Иваныча ни одной червонки нѣтъ, а у Семенъ Иваныча нѣтъ ни одной пиковки. Видитъ онъ бѣду неминучую, назначаетъ четыре въ пикахъ, а Семенъ Иванычъ опять перебиваетъ: а я въ такомъ разѣ четыре въ червяхъ! И остались безъ четырехъ...

Разумѣется, Иванъ Иванычъ ничего подобнаго не разсказалъ (онъ такъ глубоко затаилъ свое горе, что даже

Семену Иванычу не мстилъ, хотя со вчерашняго дня отъ всей души его ненавидѣлъ), но общая увѣренность въ неизбѣжности этого разсказа была до того сильна, что когда началось чтеніе обвинительнаго акта, всѣ удивленно переглянулись между собой, какъ бы говоря: помилуйте! да это совсѣмъ не то!

Сущность обвинительнаго акта заключалась въ слѣдующемъ. Издревле рѣка Кашинка славилась своими пискарями. Во всѣ времена, обыватели города ловили пискарей всѣми дозволенными способами, и готовили изъ нихъ прекраснѣйшую уху, о чемъ еще въ XIV столѣтіи свидѣтельствовалъ кашинскій лѣтописецъ. Однажды установившись на прочномъ основаніи, дѣло это шло своимъ порядкомъ, не порождая преувеличенныхъ надеждъ, но не возбуждая ни въ комъ и тревожныхъ опасеній. Только въ 1723 году рѣка Кашинка едва не опустѣла, такъ какъ всѣхъ пискарей потребовали въ Петербургъ ко двору, въ видахъ обрусенія рѣки Мьи (нынѣшняя Мойка). Но большинство тогдашнихъ пискарей сказалось въ «нѣтѣхъ», и года черезъ два-три убыль безъ труда пополнилась. За исключеніемъ этого кратковременнаго случая, недостатка въ пискаряхъ никогда не замѣчалось, хотя въ иной годъ попадались пискари крупнѣе, а въ другой — мельче. Но съ начала шестидесятыхъ годовъ, вмѣстѣ съ наступленіемъ эпохи реформъ, начинаются между пискарями волненія. Вмѣсто того, чтобъ быть благодарными за дарованіе свободы, они придумываютъ всевозможныя уловки для избѣжанія закидываемыхъ сѣтей и неводовъ, и въ то же время цѣлыми массами эмигрируютъ изъ родной рѣки. Куда они эмигрировали—это и доселѣ составляетъ тайну, но самый фактъ эмиграціи былъ уже тогда замѣченъ нѣкоторыми благомыслящими гражданами. Опасаясь, что вкусная и питательная уха, которою они

привыкли подкрѣплять свои силы, въ непродолжительномъ времени отойдетъ въ область преданія, они настойчиво указывали подлежащей власти на угрожающую опасность, но такъ какъ въ то время все вообще правительство было за одно съ пискарями, то понятно, что и мѣстная полицейская власть не сочла себя въ правѣ употребить энергическія усилія, дабы пресѣчь зло въ самомъ его зародышѣ. И вотъ, зло развилось. Въ теченіи всего прошлаго года не было поймано ни одного пискаря, а въ нынѣшнемъ году, съ вскрытіемъ рѣки, повторилось то же явленіе. Тогда полицейская власть встревожилась и рѣшилась вмѣшаться. Громогласно давъ мятежникамъ три предостереженія относительно непремѣнной явки въ уху, она закинула разомъ нѣсколько неводовъ; но, протащивъ ихъ по всему протяженію рѣки въ предѣлахъ городской черты, ничего не изловила, кромѣ головастиковъ и лежащаго въ тарелкѣ больного пискаря. Въ такомъ видѣ это дѣло поступило на распоряженіе прокурорской власти, которая сочла необходимымъ подвергнуть его тщательному изслѣдованію. Слѣдствіе, произведенное подъ личнымъ наблюденіемъ прокурора окружного суда, съ участіемъ всѣхъ прокуроровъ и судебныхъ слѣдователей кашинскаго округа, привело къ слѣдующимъ результатамъ: А. *Относительно всѣхъ вообще пискарей*. Несомнѣнно, что съ ихъ стороны былъ въ настоящемъ случаѣ заговоръ и предумышленное сопротивленіе властямъ. Будучи, по закону, обязаны являться, по первому требованію, въ уху, они не только не обратили должнаго вниманія на сдѣланныя имъ полицейскою властью предостереженія, но прямо ослушались ея приглашеній, несомнѣнно дѣйствуя при этомъ по обдуманному напередъ общему плану. Доказательствъ существованія этого общаго плана имѣется въ дѣлѣ болѣе, нежели достаточно. Во-первыхъ, писка-

ри исчезли изъ рѣки именно въ ту самую минуту, когда начальство изготовляло, для поимки ихъ, сѣти и невода. Очевидно, они были предупреждены. И дѣйствительно, въ дѣлѣ имѣются данныя, доказывающія, что ихъ предупредилъ о дѣлаемыхъ приготовленіяхъ карась, жившій у исправника въ прудѣ, соединяющемся съ рѣкою Кашинкой протокомъ. Самъ карась чистосердечно сознался въ этомъ преступленіи, оправдываясь, будто бы онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ на основаніи какого-то циркуляра. Но по какому вѣдомству, когда и за какимъ № былъ изданъ этотъ циркуляръ—указать не могъ. Къ сожалѣнію, этотъ карась былъ, по недоразумѣнію, изжаренъ въ сметанѣ, въ каковомъ видѣ и находится нынѣ на столѣ вещественныхъ доказательствъ (секретарь подходитъ къ столу, поднимаетъ сковороду съ загаженнымъ мухами карасемъ и говоритъ: вотъ онъ!), но еслибъ онъ былъ живъ, то несомнѣнно, въ видахъ смягченія собственной вины, пролилъ бы свѣтъ на это, впрочемъ, и безъ того уже ясное обстоятельство. Стало быть, пискари знали, а ежели знали, то должны были спокойно плавать и съ довѣріемъ ожидать. Но они, вмѣсто того, обдумали общій планъ, которымъ и воспользовались въ рѣшительную минуту. Во-вторыхъ, самый процессъ бѣгства свидѣтельствуетъ объ его предумышленности. Бѣгство совершилось съ быстротой, совершенно несвойственной пискарямъ, что̀ доказывается точнымъ фотографическимъ снимкомъ струй, оставленныхъ бѣжавшими. Сто̀итъ взглянуть на этотъ снимокъ (секретарь беретъ его со стола и говоритъ: вотъ онъ!), чтобъ убѣдиться, что такую путаницу перекрестныхъ слѣдовъ могутъ оставить только существа, достовѣрно знающія, что̀ ожидаетъ ихъ впереди, и потому имѣющія полное основаніе спѣшить. Говорятъ, будто бы пискари отъ того такъ быстро прыснули въ

разныя стороны, что испугались щуки, которая въ это время заплыла въ Кашинку изъ Волги, но спрошенная по сему предмету щука представила къ слѣдствію одобрительное свидѣтельство отъ полиціи, изъ котораго видно что она неоднократно и прежде появлялась въ рѣкѣ Кашинкѣ, и всегда съ наилучшими намѣреніями. Но кромѣ того, даже вызванные защитой головастики — и тѣ свидѣтельствуютъ, что еще задолго до исчезновенія пискарей, у нихъ уже были шумныя сходки, на которыхъ потрясались основы и произносились пропаганды и превратныя толкованія; а лягушка, видѣвшая въ лугу вола, прямо показываетъ, что нетолько знаетъ о сходкахъ, но и сама не разъ тайно, залегши въ грязь, на нихъ присутствовала и слышала собственными ушами, какъ однажды было рѣшено: въ уху не идти. Такимъ образомъ, исчезновеніе съ одной стороны совершилось быстро, а съ другой—медленно и обдуманно. Затѣмъ, хотя слѣдствіе и не разъяснило достовѣрнымъ образомъ куда дѣвались мятежные пискари, оставили-ли они отечество навсегда, или до сихъ поръ укрываются въ волнахъ онаго; но обстоятельство это для правосудія безразлично. Они не явились по вызову начальства, а это больше, нежели оставленіе отечества. Б. Что́ же касается *въ частности*, до находящагося на скамьѣ подсудимыхъ больного пискаря, то хотя онъ и утверждаетъ, что ничего не зналъ и не знаетъ объ этой исторіи, потому-де, что былъ боленъ и по совѣту врачей лежалъ въ илѣ, но запирательству его едва-ли можно дать вѣру, ибо вѣковой опытъ доказываетъ, что больные злоумышленники очень часто бываютъ вреднѣе, нежели самые здоровые.

«А посему и принимая во вниманіе все вышеизложенное, заключалъ обвинительный актъ, предаются уголовному суду нижеслѣдующія лица: **А.** З а о ч н о — *всѣ вообще бѣжавшіе изъ рѣки Кашинки пискари*, по обви-

нію: 1) въ недозволенномъ оставленіи отечества, или въ преступленіи, оному равносильномъ; 2) въ предумышленномъ сопротивленія подлежащей власти, выразившемся въ неявкѣ, по ея вызову, въ уху, и 3) въ составленіи заговора съ цѣлью неисполненія законныхъ требованій начальства, хотя и безъ намѣренія ниспровергнуть оное. Каковыя преступленія предусмотрѣны 666 ст. всѣхъ томовъ св. зак. Рос. Имп. **В.** *Пискарь безъ имени и отчества, извѣстный подъ названіемъ Ивана Хворова*—по обвиненію въ знаніи изложенныхъ выше поступковъ и дѣяній и въ недонесеніи объ нихъ подлежащей власти; при чемъ хотя и не было съ его стороны дѣятельнаго участія въ заговорѣ, но сіе произошло не отъ воли его, а отъ воспрепятствованія хворостью, по предписанію врачей. Каковое преступленіе предусматривается уложеніемъ о наказаніяхъ, карманнымъ онаго изданіемъ».

XXIV.

Чтеніе обвинительнаго акта произвело смѣшанное впечатлѣніе. Всѣ отдавали справедливость бдительности прокурорскаго надзора, но въ то же время чувствовали невольное состраданіе къ бѣдному больному пискарю, который цѣлыхъ два года томился въ тарелкѣ (даже воду въ ней не каждый день освѣжали), тогда какъ главные злоумышленники плавали на свободѣ, насмѣхаясь надъ всѣми усиліями правосудія. Въ особенности же сожалѣлъ о подсудимомъ одинъ изъ конвоировавшихъ его жандармовъ, рядовой Тарарà, который тѣсно сблизился съ нимъ во время двухлѣтнихъ скитаній по слѣдствіямъ, и полюбилъ его, какъ сына. Во всякомъ случаѣ, всѣхъ нѣсколько утѣшило, что пискаря будутъ судить не по большому уложенію, а по карманному. Только дамочки оставались легкомысленно-индифферентными къ участи подсудимаго и, сравнивая его мизерную, изнуренную фигурку съ цвѣтущими и пышущими здоровьемъ кашинскими свѣдущими людьми, отдавали предпочтеніе послѣднимъ.

Затѣмъ, когда волненіе, мало-по-малу, улеглось, Иванъ Иванычъ позвонилъ въ колокольчикъ и началось представленіе подъ названіемъ:

ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ПИСКАРЬ

или

ДРАМА ВЪ КАШИНСКОМЪ ОКРУЖНОМЪ СУДѢ.

ДВѢ КАРТИНЫ.

Сцена представляетъ залу засѣданій, свойственную кашинско-бѣлозерско-устюженскому окружному суду. Дѣйствующія лица и обстановка поименованы и описаны выше.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Иванъ Иванычъ. Подсудимый Иванъ Хворовъ! разскажите, что̀ вамъ извѣстно по настоящему дѣлу?

Подсудимый (*дѣлаетъ чрезмѣрныя усилія, чтобъ отвѣтить, но ничѣмъ не можетъ выразить свою готовность, кромѣ чуть замѣтнаго движенія хвостомъ*).

Иванъ Иванычъ (*не понимая*). Я долженъ замѣтить вамъ, подсудимый, что чѣмъ больше вы будете упорствовать... (*Петръ Иванычъ высовывается впередъ*). Вы желаете предложить вопросъ, Петръ Иванычъ? (*Къ публикѣ*). Господа! Петръ Иванычъ имѣетъ предложить вопросъ!

Петръ Иванычъ (*говоритъ солидно, произнося слова въ носъ*). Въ практикѣ кашинскаго окружнаго суда установился прецедентъ .. (*умолкаетъ и прислушивается, какъ будто эти слова сказалъ не онъ, а Семенъ Иванычъ*).

Иванъ Иванычъ. Подсудимый! вы слышали? (*Пискарь молчитъ*). Повторяю вамъ, пискарь...

Жандармъ Тарара (*движимый жалостью*). Иёнъ боленъ. Дуже, вашескородіе, нездоровъ.

Иванъ Иванычъ (*пошептавшись съ Семеномъ и Петромъ Иванычами*). Но ежели такъ... господинъ прокуроръ! не угодно-ли вамъ будетъ дать по сему предмету заключеніе?

Прокуроръ (*поспѣшно перелистываетъ карманное уложеніе, но ничего подходящаго не находитъ*). Мм.. мм... я полагалъ бы... я полагаю, что, въ виду болѣзненнаго состоянія подсудимаго, можно ограничиться предложеніемъ ему краткихъ и несложныхъ вопросовъ, на которые онъ могъ бы отвѣчать необременительными тѣлодвиженіями. Нѣтъ сомнѣнія, что господа защитники, которымъ долженъ быть понятенъ языкъ пискарей, не откажутъ суду въ разъясненіи этихъ тѣлодвиженій.

Адвокаты Шестаковъ и Перьевъ (*увлекаясь легкомысленнымъ желаніемъ уязвить прокурора и въ тоже время запасаясь кассаціоннымъ поводомъ*). Съ своей стороны, мы думаемъ, что языкъ пискарей болѣе извѣстенъ обвинителю, нежели намъ; ибо онъ цѣлые два года жилъ въ рѣкѣ, розъискивая корни и нити по этому дѣлу.

Иванъ Иванычъ. Что̀ же теперича дѣлать?

Голосъ изъ публики. Самое лучшее — выпить и закусить (*общій смѣхъ*).

Иванъ Иванычъ (*сердито ищетъ глазами, но въ то же время машинально третъ рукою подъ ложечкой*). Предваряю, что я дальнѣйшихъ нарушеній порядка не потерплю. Ибо еслибъ даже и чувствовалась потребность закусить, то въ этомъ еще ничего нѣтъ предосудительнаго. И притомъ все въ свое время. Господа судебные пристава! извольте смотрѣть въ оба! (*Въ публикѣ новый взрывъ смѣха*). Нѐчего смѣяться-съ! стыдно-съ! Повторяю свой прежній вопросъ: что̀ теперича дѣлать? (*Семенъ Иванычъ выдвигается впередъ*). Вы желаете сказать ваше мнѣніе, Семенъ Иванычъ? (*Къ публикѣ*). Господа! Семенъ Иванычъ имѣетъ сказать нѣсколько словъ!

Семенъ Иванычъ (*встаетъ и бравируетъ, какъ будто хочетъ сказать, что онъ и не въ такихъ передѣлкахъ бывалъ*). Въ практикѣ кашинскаго окружного суда установился прецедентъ... (*Краснѣетъ и садится*).

Иванъ Иванычъ (*вспоминая о вчерашнемъ винтѣ и желая уязвить Семена Иваныча*). То-то... «прецедентъ»! Господинъ прокуроръ! прошу васъ дать заключеніе!

Прокуроръ (*судорожно хватается за карманное уложеніе, но въ судебныя пренія неожиданно вмѣшивается жандармъ Тарара*).

Тарара. Позвольте, вашескородіе, минэ за него говорить! Я усё панымаю!

Иванъ Иванычъ. Вотъ и прекрасно. Стало быть, мы можемъ продолжать судебное слѣдствіе... Отвѣчайте, подсудимый! признаёте-ли вы себя виновнымъ?

Тарара. У чомъ, вашескородіе?

Иванъ Иванычъ (*дразнится*). У чомъ?! У усёмъ!

Тарара. Виноватъ, вашескородіе!

Иванъ Иванычъ. То-то. Подсудимый! Слышите?

Тарара. Точно такъ, вашескородіе.

Иванъ Иванычъ. И такъ, подсудимый сознался. Теперича можно, стало быть, приступить къ выслушиванію свидѣтельскихъ показаній. Господинъ секретарь! всѣ свидѣтели на лицо?

Адвокатъ Шестаковъ. Я имѣю сдѣлать заявленіе. Подсудимый никакого сознанія не дѣлалъ, а созналось за него совершенно постороннее дѣлу лицо. Прошу занести объ этомъ въ протоколъ.

Иванъ Иванычъ (*качая головой*). Ахъ-ахъ-ахъ! всегда-то вы такъ, господинъ Шестаковъ! Правосудіе идетъ своимъ ходомъ, а вы препятствуете! Кàкъ же съ этимъ намъ быть? господинъ прокуроръ! ваше заключеніе?

Прокуроръ (*перелистываетъ карманное уложеніе*

и дѣлаетъ видъ, что нашелъ). Полагаю, что домогательство защиты слѣдуетъ оставить безъ послѣдствій... на основаніи 1,679 статьи...

Адвокатъ Перьевъ (*язвительно*). Статья, о которой говоритъ обвинитель, касается раскольниковъ, неприемлющихъ священства, а къ процессуальной сторонѣ политическихъ дѣлъ никакого отношенія не имѣетъ.

Иванъ Иванычъ. Ахъ-ахъ-ахъ! Какъ же это, Ѳедоръ Павлычъ, вы такъ? спапашились... а? (*Головастики смѣются*). Вы чего смѣетесь? ждите своей очереди! Ѳедоръ Павлычъ! за вами слово!

Прокуроръ (*ни мало не смущаясь и смотря на Перьева въ упоръ*). Это по одному изданію — дѣйствительно такъ; а по другому изданію та же 1,679 статья...

Иванъ Иванычъ. Такъ я и зналъ. А все вы, господинъ Перьевъ! Правосудіе идетъ своимъ ходомъ, а вы прерываете! Предупреждаю, что ежели это повторится еще разъ, я лишу васъ слова. Я добръ, но не потерплю, чтобы правосудіе встрѣчало препятствія на пути своемъ!

Адвокатъ Перьевъ. Позвольте, Иванъ Иванычъ!

Иванъ Иванычъ. Здѣсь не Иванъ Иванычъ, а *господинъ судья*.

Перьевъ (*не обращая вниманія*). Ахъ, Иванъ Иванычъ!

Иванъ Иванычъ (*строго*). Вы упорствуете, господинъ Перьевъ? Лишаю васъ слова. Извольте немедленно оставить скамью защиты!

Петръ Иванычъ и Семенъ Иванычъ (*вмѣстѣ*). Въ практикѣ кашинскаго окружного суда установился прецедентъ...

Иванъ Иванычъ. Ну, да, прецедентъ. Господинъ Шестаковъ! Вамъ однимъ ввѣряется защита интересовъ

вашего кліента. А теперь будемъ выслушивать свидѣтелей.

Перьевъ поспѣшно обираетъ бумаги съ конторки и съ радостью удаляется въ публику. Въ это время въ двери, позади судей, показывается голова Прасковьи Ивановны. Судебный приставъ поспѣшно перерѣзываетъ залу засѣданій и, пошептавшись около дверей, вполголоса докладываетъ Ивану Ивановичу, что Прасковья Ивановна привезла четыре сорта пирожковъ.

Иванъ Иванычъ (*вставая*). Засѣданіе суда прерывается на двадцать минутъ! (*Къ прокурору*). Ѳедоръ Павлычъ! милости просимъ! (*Къ защитнику*). А васъ не зову: вы правосудіе тормозите! (*Уходятъ*).

Зала оживаетъ. Кавалеры мгновенно устремляются къ дамочкамъ съ коробками, наполненными конфектами; дамочки безъ всякой причины хохочутъ. Изъ совѣщательной камеры появляются три судебные пристава, неся по блюду съ пирожками «отъ Прасковьи Ивановны», которые мгновенно расхватываются. Адвокатъ Шестаковъ вынимаетъ ватрушку и ѣстъ. Свидѣтельница-лягушка, завидѣвши даму съ непомѣрно-развитыми атурами, начинаетъ надуваться съ очевиднымъ намѣреніемъ «въ дородствѣ съ ней сравняться», но судебный приставъ прикрикиваетъ на нее: тсс... гадина! Нѣкоторые изъ меньшей братіи достаютъ изъ кармановъ вяленую воблу и хотятъ ѣсть, но судебный приставъ кричитъ на нихъ: «Господа! здѣсь вонять не дозволяется! кто хочетъ ѣсть воблу, пусть идетъ на крыльцо: въ свое время я дамъ звонокъ!»

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Иванъ Иванычъ (*выходитъ изъ совѣщательной камеры, доканчивая слова молитвы*)... и не лиши насъ небеснаго твоего царствія... Петръ Иванычъ! Семенъ

Иванычъ! садитесь, пожалуйста! Ѳедоръ Павлычъ! милости просимъ! Да! такъ на чемъ бишь мы остановились? на допросѣ свидѣтелей... вотъ и прекрасно. Господа головастики! разскажите, что̀ вамъ извѣстно по этому дѣлу? Не стѣсняйтесь! хотя вы вызваны защитой, но можете свидѣтельствовать и противъ подсудимаго!

Адвокатъ Шестаковъ. Осмѣлюсь доложить суду, что свидѣтели, по закону, допрашиваются каждый отдѣльно...

Иванъ Иванычъ. А вы опять тормозить правосудіе! Я — слово, а онъ — два! я — два, а онъ—десять! а-а-ахъ! Вотъ погодите! будете ужо̀ рѣчь говорить, и я тоже... Слова вымолвить не дамъ! (*Грозитъ пальцемъ*).

Голосъ изъ публики. Ну, что̀ ужь, Иванъ Иванычъ, не всяко лыко въ строку!

Иванъ Иванычъ. Кто тамъ еще говоритъ? Кто позволяетъ себѣ! Господа судебные пристава! вы чего смотрите! (*Къ исправнику*). Та̀къ вы, Михалъ Михалычъ, народъ распустили... Та̀къ набаловали! та̀къ распустили... смотрѣть скверно! (*Къ головастикамъ*). Ну-съ, господа головастики, что̀ же вы ста̀ли! Отвѣчайте! (*Незамѣтно просовываетъ подъ мундиръ руку и разстегиваетъ у жилета нѣсколько пуговицъ. Вполголоса*). Вотъ теперь — хорошо.

Головастики (*всѣ разомъ; ребяческими голосами*). Виноваты, вашескородіе!

Тарара (*вспомнивъ, какъ онъ часъ тому назадъ отвѣчалъ*). У чо̀мъ виноваты? — сказывайте!

Иванъ Иванычъ. Замѣститель подсудимаго! вы не имѣете права тормозить правосудіе! (*Къ головастикамъ*). Постойте! въ чемъ же, однако, вы признаете себя виновными, господа? Кажется, никто васъ не обвиняетъ... Живете вы смирно, не уклоняетесь; ни вы никого не

трогаете, ни васъ никто не трогаетъ... ладкòмъ да миркòмъ — такъ-ли я говорю? (*Въ сторону*). Однако, эти пироги... (*Разстегиваетъ потихоньку еще нѣсколько пуговицъ*). Ну-съ, такъ разсказывайте: что̀ вамъ по дѣлу извѣстно?

Головастики (*хоромъ*). Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ!

Иванъ Иванычъ. Не знаете?.. ну, та̀къ я и зналъ! Потревожили васъ только... А, впрочемъ, это не я, а вотъ онъ... (*Указываетъ на Шестакова*). Другихъ перебивать любитъ, а самъ... Много за вами блохъ, господинъ Шестаковъ! ахъ, какъ много! (*Къ головастикамъ*). Вы свободны, господа! (*Смотритъ на прокурора*). Кажется, я могу... отпустить?

Прокуроръ. Со стороны обвиненія препятствія не имѣется.

Адвокатъ Шестаковъ. Но, можетъ быть, впослѣдствіи...

Иванъ Иванычъ (*авторитетно*). Вы свободны, господа головастики! *Судъ* увольняетъ васъ—да! И никто его этого права лишить не можетъ—да! Ни адвокаты, ни разадвокаты... никто! Гдѣ вы желаете быть водворенными? въ прудѣ, или въ рѣкѣ? Во вниманіе къ вашему чистосердечію, судъ даетъ вамъ право выбора... да!

Головастики. Намъ бы, вашескородіе, въ прудѣ пріятнѣе.

Иванъ Иванычъ. Ежели пріятнѣе въ прудѣ — ступайте въ прудъ... Но ежели бы вамъ было пріятнѣе возвратиться въ рѣку — скажите! не стѣсняйтесь (*головастики молчатъ*). Стало быть, въ прудѣ лучше? Та̀къ я и зналъ. Господинъ судебный приставъ! оберите ихъ и водворите въ прудѣ... Это *судъ* распоряженіе дѣлаетъ, а какъ объ этомъ другіе-прочіе думаютъ — пускай при нихъ и останется!

Судебный приставъ (*обираетъ головастиковъ въ мѣшокъ и отдаетъ сторожу; вполголоса*). Вали ихъ... въ мѣста не столь отдаленныя!

Иванъ Иванычъ. Свидѣтельница-лягушка! разскажите, что̀ вамъ извѣстно по этому дѣлу?

Лягушка (*квакаетъ толково и даже литературно; въ патетическихъ мѣстахъ надувается, и тогда на спинѣ у ней выступаютъ рубиновыя пятна*). Я старая лягушка, опытная. Живу въ здѣшней рѣкѣ больше сорока лѣтъ, и всю подноготную знаю. Прежде было у насъ здѣсь очень хорошо и жили мы не плоше кашинскихъ помѣщиковъ. Всего было довольно, и главное, все задаромъ. Одной икры, бывало, пискари сколько наготовятъ — ужь на что̀ мы жадны были, а и то половины не приѣдали. Думали въ ту пору, что и конца краю нашимъ радостямъ не будетъ, да и не было бы, кабы мы сами себя кругомъ не обвиноватили. Откуда начали къ намъ модныя идеи приходить—и сама ума не приложу, а только потихоньку да помаленьку — смотримъ, анъ между нами ужь и измѣнники проявились. Дальше — хуже. Я ужь и тогда на стражѣ стояла, за сто лѣтъ впередъ загадывала. Говорила я въ ту пору нашимъ старикамъ: надо-де этихъ умниковъ своимъ судомъ судить — а меня не послушали: «ничего-де, люди молодые, сами-де остепенятся, какъ въ совершенный разумъ взойдутъ». Послѣ спохватились, да ужь поздно было. Началось съ того, что успѣли наши умники на свою сторону цаплю переманить. Усядутся, бывало, старики на бережку, начнутъ объ своихъ дѣлахъ квакать— глядь, а надъ ними цапля кружитъ. Кинется сверху, какъ стрѣла изъ лука, выхватитъ старичка, да и унесетъ въ носу. Сначала мы думали, что это административную высылку означаетъ, а потомъ узнали, что дѣйствительно это такъ и есть. Ну, и забоялись. А въ рѣ-

кѣ въ нашей, между прочимъ, ужь и бунты начались. У насъ вѣдь нетолько пискари, а и гольцы прежде водились — вотъ они-то и зачали первые. Первые не захотѣли въ уху являться, первые изъ рѣки всѣмъ стадомъ ушли — это еще въ самомъ началѣ реформъ было — а ужь за ними и пискари тронулись. Пискарь — рыба робкая, вашескородіе! убывала она не разомъ, а небольшими партіями; вотъ почему долгое время и не вдомёкъ было, что между ними бунтъ пошелъ. Однако, постепенно начали примѣчать: нынче — одинъ косячёкъ уплылъ, черезъ недѣлю—другой, еще черезъ недѣлю—третій. Икра-то прежде задаромъ была, потомъ, въ началѣ реформъ, ей цѣну сорокъ копѣекъ поставили, а тутъ вдругъ — два съ полтиной фунтъ! А за икрою и прочее въ томъ же мачтабѣ. Сдѣлалось такъ, что хоть однимъ иломъ питайся, да и того, пожалуй, на всѣхъ не хватитъ. Видимъ: плохое наше дѣло, господа! Основы—потрясены, авторитеты—подорваны, власти — бездѣйствуютъ, суды — содѣйствуютъ... смотрѣть скверно! Ну, и стали мы тогда квакать. Квакали, квакали, и, наконецъ, доквакались. Внялъ господинъ исправникъ нашему кваканью и началъ приготовлять невода...

Адвокатъ Шестаковъ (*прерываетъ*). А скажите, свидѣтельница, икра-то дешевле стала отъ вашего кваканья?

Лягушка (*вся покрываясь рубиновыми пятнами, прерывисто*). Икра-то... икра... нѣтъ, икра не дешевле стала... не дешевле, не дешевле! А все отъ того, что вотъ вы... да вотъ они (*хочетъ вцѣпиться въ меньшую братію*)... кабы вотъ васъ, да вотъ ихъ... (*Задыхается и нѣкоторое время только открываетъ ротъ. Дамы въ восторгѣ машутъ ей платками*).

Иванъ Иванычъ (*припоминая, что и въ его жизни было что-то похожее, съ участіемъ*). Успокой-

тесь, сударыня! Отдохните. Высказываемыя вами чувства столь похвальны, что судъ можетъ и подождать.

Л я г у ш к а (*послѣ кратковременнаго отдыха*). Только сижу я однажды вечеромъ на стражѣ и по привычкѣ во всю глотку квакаю: разрушены! подорваны! потрясены! Вдругъ слышу: въ водѣ что-то плеснуло; оглядываюсь—щука. А она, вашескородіе, давно на меня заглядывается, потому что хоть я и благонамѣренная, но щуки, коли ежели до пищи дѣло коснется, этого не разбираютъ. Подплыла ко мнѣ щука и говоритъ: прыгни, голубушка, въ воду, я тебѣ что̀-то скажу! А я смотрю ей въ глаза, словно околдованная, и все думаю: прыгну да прыгну!—какъ только Богъ спасъ! Однако, одумалась: ладно, говорю, ты лучше въ водѣ свои рѣчи говори, а я тебя съ берегу послушаю.. Ну, она видитъ, что съ меня взятки гладки, и говоритъ: «вотъ ты по донощицкой части состоишь, цѣлый день безъ ума квакаешь, а не видишь, что̀ у тебя подъ носомъ дѣлается — пискари-то вѣдь ужь скоро остатніе отъ васъ уплывутъ». — Какъ такъ? говорю.—«Да такъ, говоритъ, я ужь съ недѣлю ихъ поджидаю: какъ только подплывутъ къ Волгѣ — тутъ имъ всѣмъ отъ меня одно рѣшеніе выйдетъ!» Сказала, хлопнула хвостомъ, и уплыла. А я бочкомъ да ползкомъ — на дно рѣки! подползла вотъ къ этому пискарю, который теперь судится, да въ грязь и легла. Лежу часъ, лежу другой — слышу: собираются. Окружили этого самаго Хворова, и стали галдѣть. И чего только я тутъ не наслушалась, вашескородіе—даже сказать скверно. Все-то у насъ гадко, все-то скверно, все-то передѣлать, да раззорить нужно. Рѣку чтобъ по ровну подѣлить, харчъ чтобы для всѣхъ вольный былъ, богатыхъ или тамъ бѣдныхъ, какъ нонѣ — этого чтобы не было, а были бы только бѣдные, начальство чтобъ упразднить, а прочимъ чтобъ своевольничать: кто хо-

четъ, пущай по волѣ живетъ, а кто хочетъ—пущай въ уху лѣзетъ... А одинъ — risum teneatis, amici! — даже такую штуку предложилъ: лягушекъ, говоритъ, безпремѣнно изъ нашей рѣки чтобы выжить, потому что рѣка эта завсегда была наша, дѣдушки наши въ ней жили, и мы хотимъ жить...

Прокуроръ (*прерывая*). Не можете-ли вы, свидѣтельница, сказать опредѣлительнѣе, какую роль игралъ на этой сходкѣ подсудимый Хворовъ?

Лягушка (*озлобленно*). Онъ-то? да онъ, вашескородіе, первый поджигатель и есть. Кабы не его наученье, да мы бы теперь... никакихъ бы у насъ безпокойствъ не было! Самый это что̀ ни на есть вредительный пискарь! Кто что̀ ни скажетъ, хоша бы самую, что̀ называется, безлѣпицу, а онъ подхватитъ, да еще противъ того вдвое! Это хоть у кого угодно справьтесь, у любого головастика спросите: знаешь Ивана Хворова? — всякій скажетъ, каковъ таковъ онъ пискарь есть! Прошипитъ-это, что̀ ему надо, свой ядъ выпуститъ, всѣхъ науськаетъ, а самъ въ тину спрячется! Такой это... ну, такой, что еслибъ теперича не поймали его, были-ли бы мы въ живыхъ—ужь я и не знаю! (*Хочетъ разсказать анекдотъ изъ жизни Хворова, но Иванъ Иванычъ, опасаясь, не вышло бы какой непристойности, прерываетъ*).

Иванъ Иванычъ. Полагаю, что вопросъ, предложенный г. прокуроромъ, разъясненъ достаточно. Продолжайте, свидѣтельница, вашъ разсказъ, не увлекаясь обстоятельствами, къ дѣлу не относящимися.

Лягушка. Только шумѣли они, шумѣли — слышу еще кто-то пришелъ. А это карась. Спасайтесь, кричитъ, господа! сейчасъ васъ ловить будутъ! мнѣ исправникова кухарка сказала, что и невода ужь готовы! Ну, только-что онъ это успѣлъ выговорить — всѣ пискари

такъ и брызнули! И объ Хворовѣ позабыли... бѣгутъ! Я было за ними — куда тебѣ! Ну, да ладно, думаю, не далеко уйдете: щука-то—вотъ она! Потомъ ужь я слышала...

Иванъ Иванычъ. Садитесь, лягушка. Это все, что̀ суду нужно было отъ васъ знать. Далѣе вы будете свидѣтельствовать ужь по слуху, а въ практикѣ кашинскаго окружного суда установился прецедентъ: «не всякому слуху вѣрь»... кажется, я та̀къ говорю, господа? (*Семенъ Иванычъ и Петръ Иванычъ утвердительно кивают головами*). Вы исполнили свой долгъ, лягушка, съ чѣмъ васъ и поздравляю. Затѣмъ, живите смирно, никого не трогайте, и васъ никто не тронетъ; а ежели что̀ замѣтите вредное—идите къ намъ: теперь вамъ эта дорога извѣстна. А мы ужь распорядимся, потому что это наша обязанность. Ежели что̀ похвальное узна̀емъ— мы поощримъ; ежели не похвальное — по головкѣ не погладимъ. Вотъ вамъ пискарь — сидитъ! а за что̀ сидитъ?—за то, что дѣлалъ не похвальное! Кабы онъ похвально себя держалъ — не за жандармами бы сидѣлъ, а можетъ быть, субсидіи бы получалъ; а вздумалъ буянить да фордыбачить — не прогнѣвайся, посиди! И всѣ будутъ сидѣть. (*Голосъ изъ публики*: правильно! *Иванъ Иванычъ ищетъ глазами*). А вотъ я этого грубіяна, который меня прерываетъ, за ушко да на солнышко... И такъ, повторяю: ежели что̀ замѣтите—идите къ намъ, а сами не распоряжайтесь, потому что это въ кругъ вашихъ обязанностей не входитъ. Нынче много такихъ модниковъ развелось, которые думаютъ: зачѣмъ я въ судъ пойду?—лучше самъ распоряжусь. И оттого у насъ въ судѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ засѣданій не бываетъ— зачѣмъ же судъ? Но вы такъ не дѣлайте. Садитесь; еще разъ поздравляю васъ. Щука! Продолжайте разсказъ Лягушки! какая была ваша роль въ этомъ дѣлѣ?

Щука (*разѣваетъ пасть, чтобы лжесвидѣтельствовать, но при видѣ ея разинутой пасти подсудимымъ овладѣваетъ ужасъ. Онъ неистово плещется въ тарелкѣ и даже подпрыгиваетъ съ видимымъ намѣреніемъ перескочить черезъ край. У Щуки навертываются на глазахъ слезы отъ умиленія, причемъ пасть ея инстинктивно то разѣвается, то захлопывается. Однакожъ, мало-по-малу, движенія пискаря дѣлаются менѣе и менѣе порывистыми; онъ уже не скачетъ, а только содрогается. Еще одно, два, три содроганія и...*).

Тарара (*вынимаетъ подсудимаго за хвостъ и показываетъ суду. Голосомъ, въ которомъ звучитъ торжественность*). Уже вмѣръ!!!

Иванъ Иванычъ (*взволнованный*). Да послужитъ сіе намъ примѣромъ! Уклоняющіеся отъ правосудія да знаютъ, а прочіе пусть остаются безъ сомнѣнія! Жаль пискаря, а нельзя не сказать: самъ виноватъ! Кабы не заблуждался, можетъ быть, и теперь былъ бы цѣлёхонекъ! И насъ бы не обременилъ, и самъ бы чѣмъ-нибудь полезнымъ занялся. Ну, да впрочемъ, что объ томъ говорить: умеръ—и дѣло съ концомъ! Господинъ прокуроръ! ваше заключеніе?

Прокуроръ (*скороговоркой, на подобіе, какъ причетники, въ концѣ обѣдни: «Слава Отцу... слава Тебѣ!» произносятъ*). Полагаю, за смерт... сужден... пр'кр'тить.

Иванъ Иванычъ. Такъ я и зналъ. А о прочихъ, объ отсутствующихъ... неужто продолжать?

Прокуроръ. О прочихъ надлежитъ постановить заочное рѣшеніе.

Иванъ Иванычъ. И это я зналъ. Семенъ Иванычъ! Петръ Иванычъ! какъ вы полагаете? какъ слѣдуетъ заочно съ бунтовщиками поступить?

Прокуроръ (*встаетъ, чтобы напомнить о существованіи совѣщательной комнаты для постановленія*

рѣшеній; но въ эту минуту судебный слѣдователь подаетъ ему телеграмму. Читаетъ). «Отъ Казанскаго прокурора Кашинскому. Въ рѣкѣ Казанкѣ поймана шайка кашинскихъ пискарей. Повидимому, бунтовщики. Подробности почтой».

Иванъ Иванычъ. Однако, порядкомъ-таки отчесали! Сколько это отсюда верстъ?

Прокуроръ. Въ виду полученной телеграммы, полагаю сужденіе о противозаконномъ оставленіи отечества кашинскими пискарями пріостановить.

Иванъ Иванычъ (*на все согласенъ*). Чтожъ, пріостановить, такъ пріостановить. Покуда были подсудимые, и мы сужденіе имѣли, а нѣтъ подсудимыхъ — и намъ сужденіе имѣть не о комъ. Коли некого судить, стало быть и... (*Просыпается*) что бишь я говорю? (*Смотритъ на часы и пріятно изумляется*). Четвертый часъ въ исходѣ! время-то какъ пролетѣло! Семенъ Иванычъ! Петръ Иванычъ! милости просимъ!

(*Уходятъ. Зала медленно пустѣетъ*).

Мы тоже поспѣшили домой. Судъ произвелъ на насъ самое отрадное впечатлѣніе, хотя трагическая смерть пискаря и примѣшивала нѣкоторую горечь въ наши свѣтлыя воспоминанія. Главнымъ образомъ, манера Ивана Иваныча понравилась. Вотъ человѣкъ: говоритъ строгія слова, а всѣмъ пріятно. Даже адвокатъ Шестаковъ— и тотъ только видъ дѣлаетъ, что боится, а въ сущности очень хорошо понимаетъ, что Иванъ Иванычъ проститъ. Вотъ пискарь — тотъ дѣйствительно умеръ, но и онъ умеръ не отъ Ивана Иваныча, а отъ того, что заблуждался. А не заблуждался бы — и теперь былъ бы цѣлёхонекъ.

Но то-то вотъ и есть, что все это утопія. Иванъ Иванычъ говоритъ: не заблуждайся! Семенъ Иванычъ скажетъ: не воруй! а Петръ Иванычъ: не прелюбодѣйствуй! Кого тутъ слушать! Этакъ всѣ-то начнутъ говорить — и конца краю разговорамъ не будетъ! И вдругъ выскочитъ изъ-за угла Держиморда и крикнетъ: это еще что за пропаганды такія!

Во всякомъ благоустроенномъ обществѣ по штатамъ полагаются: воры, неисправные арендаторы, доносщики, издатели «Помой», прелюбодѣи, кровосмѣсители, лицемѣры, клеветники, грабители. А прочее все — утопія.

Надо сказать правду, что съ нѣкотораго времени меня и Глумова начинали томить предчувствія. Навѣрное отдадутъ насъ подъ судъ! думалось намъ, а невидимая сила такъ и толкала на самое дно погибели. Убѣжденіе въ неизбѣжности конца съ присяжными засѣдателями съ особенною ясностью представлялось теперь, когда мы своими глазами увидѣли, съ какою неумытною строгостью относится правосудіе даже къ такому преступленію, какъ неявка въ уху. Ужь если Хворовъ долженъ былъ смертью искупить свои миніатюрныя заблужденія, то что̀ же предстоитъ намъ за участіе въ подлогѣ, двоеженствѣ, въ покушеніи основать зараяшанскій университетъ?

— Ка̀къ ты думаешь, по совокупности будутъ судить? обратился я къ Глумову.

— Непремѣнно.

— Такъ что ежели въ разныхъ мѣстахъ преступленія были сдѣланы, то судить будутъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ было совершенно послѣднее?

— Гдѣ прежде хватятся, тамъ и будутъ.

— Вотъ кабы у Ивана Иваныча!

— Да, братъ, у Ивана Иваныча — это...

— Чего лучше, кабы у Ивана Иваныча! отозвался и

Очищенный, вслушавшись въ нашъ разговоръ. — Только вѣдь Матрена Ивановна — она по мѣсту жительства...

Словомъ сказать, чтобъ быть подсудными Ивану Иванычу, намъ нужно было теперь же какую-нибудь такую подлость сдѣлать, чтобъ сейчасъ же насъ въ острогъ взяли и слѣдствіе начали. А потомъ ужь къ этому слѣдствію и прочія вины будутъ постепенно присовокуплять.

Въ раздумьи вступили мы подъ сѣнь постоялаго двора, но тутъ насъ ожидала радость. На мое имя было получено письмо. Вскрываю и не вѣрю глазамъ своимъ... отъ клуба Взволнованныхъ Лоботрясовъ! Освѣдомившись о нашихъ усиліяхъ вступить на стезю благонамѣренности, клубъ, по собственному почину, записалъ насъ всѣхъ шестерыхъ въ число своихъ членовъ, съ обложеніемъ соотвѣтственною данью на увеселеніе (описка, вмѣсто «усиленіе») средствъ. А именно: купецъ Парамоновъ обязывается ежегодно вносить по 25 тысячъ, купчиха Стёгнушкина — по 10 тысячъ, а всѣ прочіе по десяти рублей. Причемъ, давалось намъ знать: а) что всѣ содѣянныя нами доселѣ преступленія прощаются намъ навсегда; б) что взносы могутъ быть производимы и фальшивыми кредитками, такъ какъ лоботрясы, имѣя прочныя связи во всѣхъ слояхъ общества, берутся сбывать ихъ за настоящія.

— Глумовъ! воскликнулъ я въ восторгѣ: — смотри! Лоботрясы простили насъ! А мы-то унывали... маловѣры!

XXV.

Ночью Глумову было сонное видѣніе: стоитъ будто бы передъ нимъ Стыдъ. Къ счастію, въ самый моментъ его появленія, Глумовъ перевернулся на другой бокъ, такъ что не успѣлъ даже разсмотрѣть, каковъ онъ изъ себя. Помнитъ только, что приходилъ Стыдъ — и больше ничего. Сообщивъ мнѣ объ этомъ утромъ, онъ задумался.

— Да, братецъ, ежели онъ повадится... началъ онъ, но, не докончивъ фразы, махнулъ рукой и сталъ торопиться въ дальнѣйшій путь.

Княжеская усадьба, которую арендовалъ искомый еврей, отстояла отъ города верстахъ въ сорока, на сѣверъ, по направленію къ Бѣжецку. Не доѣзжая верстъ десять, начались княжескія владѣнія, о чемъ свидѣтельствовали поставленные по обѣимъ сторонамъ дороги столбы, украшенные стертыми княжескими гербами. Затѣмъ, верстъ семь подрядъ тянулось обнаженное пространство, покрытое мхомъ и усѣянное пнями, изъ которыхъ ближайшіе къ дорогѣ уже почернѣли и начали загнивать. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, здѣсь росъ отличнѣйшій сосновый лѣсъ, но еврей-арендаторъ начисто его вырубилъ, а современемъ надѣялся выкорче-

вать и пни, съ тѣмъ, чтобы, кромѣ мховъ, ничего ужь тутъ не осталось. Версты за три, пошли поля, и впереди показалось большое село, а по сторонамъ нѣсколько мелкихъ деревень. За селомъ темнѣла господская усадьба.

Въ свое время, здѣсь была полная чаша. Мужики въ имѣніи жили исправные, не вымученные ни непосильною барщиной, ни чрезмѣрными данями. Помѣщичье хозяйство также цвѣло, потому что владѣлецъ былъ человѣкъ толковый, понимавшій, что во всякомъ дѣлѣ долженъ быть общій планъ, умѣвшій начертать себѣ этотъ планъ, а затѣмъ и прослѣдить за его выполненіемъ. Тѣмъ не менѣе, новшествъ никакихъ никогда въ имѣніи не вводилось и на всемъ лежала печать самой строгой старозавѣтности. По старинному, поля дѣлились на три части; травосѣянія не существовало, лѣсà береглись пуще глазу. Владѣлецъ не былъ жаденъ и довольствовался тѣмъ — впрочемъ, довольно значительнымъ — доходомъ, который, благодаря умѣнью пользоваться крѣпостною силою, самъ плылъ къ нему въ руки.

Князь Спиридонъ Юрьевичъ Рукосуй-Пошехонскій былъ потомокъ очень древняго рода и помнилъ это очень твердо. Онъ зналъ, что родичи его были вождями тѣхъ пошехонцевъ, которые начали свое историческое существованіе съ того, что въ трехъ соснахъ заблудились, а потомъ рукавицъ искали, а рукавицы у нихъ за поясомъ были. Многіе изъ его предковъ цаловали кресты, многимъ были урѣзаны языки; не мало было и такихъ, которыхъ заточали въ Пелымъ, Березовъ и другія, болѣе или менѣе отдаленныя мѣста. Вообще, это былъ родъ строптивый, не умѣвшій угадать благопріятнаго историческаго момента и потому въ особенности много пострадавшій во время петербургскаго

періода русской исторіи. Въ XVIII столѣтіи, Рукосуи совсѣмъ исчезли изъ Пошехонья, уступивъ мѣсто болѣе счастливымъ лейбъ-кампанцамъ, брадобреямъ и истопникамъ, и только одному изъ нихъ удалось сохранить за собой теплый уголъ, но и то не въ Пошехоньѣ, гдѣ процвѣло древо князей Рукосуевъ, а въ Кашинскомъ намѣстничествѣ. Здѣсь князья Рукосуи окончательно угомонились; оставили всякія притязанія на дворскую дѣятельность и служебное значеніе, и всецѣло предались сельскому строительству.

Нынѣшній владѣлецъ усадьбы, князь Спиридонъ Юрьевичъ, въ свое время представлялъ типъ патріарха-помѣщика, который ревниво слѣдилъ за каждымъ крестьянскимъ дворомъ, входилъ въ мельчайшія подробности мужицкаго хозяйства, любя наказывалъ и любя поощрялъ, и во всѣхъ случаяхъ стоялъ за своихъ крестьянъ горой, настойчиво защищая ихъ противъ притязаній и наѣздовъ мѣстныхъ властей. Крестьянинъ представлялъ для него, такъ сказать, излюбленное занятіе, которое не давало заглохнуть его мысли и въ то же время опредѣляло его личное значеніе на лѣстницѣ общественной іерархіи. Или, говоря другими словами, князь считалъ себя отвѣтственнымъ нетолько *передъ* крестьяниномъ, но и *за* крестьянина. Поэтому, онъ не позволялъ себѣ ни одного изъ тѣхъ общедоступныхъ безчеловѣчій, которыми до краевъ было преисполнено крѣпостное право, и любилъ, чтобъ на крестьянъ его указывали, какъ на образцовыхъ, а на его личное управленіе, какъ на примѣръ разумной попечительности, «впрочемъ, безъ послабленій». Но въ то же время онъ требовалъ, чтобъ и мужички цѣнили его заботы, и не терпѣлъ ничего выдающагося. «Выскочекъ» и «похвальбишекъ» онъ, безъ потери времени, сдавалъ въ рекруты, но квитанціи не оттягивалъ въ свою пользу, а жаловалъ въ тѣ семьи,

положеніе которыхъ требовало, по его мнѣнію, поддержки. Даже выдающейся зажиточности онъ не допускалъ, а велъ всѣхъ ровно, какъ бы постоянно держа въ рукахъ вѣсы, на которыхъ попеременно взвѣшивались всѣ мужички, съ цѣлью уравненія излишковъ и недостатковъ. И затѣмъ, когда убѣждался, что у всѣхъ мужичковъ имѣется полный штатъ живого и мертваго инвентаря, когда видѣлъ, что каждый мужичекъ выѣзжаетъ на барщину въ чистой, незаплатанной рубахѣ, то радовался. И радовался всего больше тому, что этотъ результатъ достигнутъ не строгостью, а мѣрами его личнаго попечительнаго вмѣшательства.

Выходя изъ идеи попечительства, князь не любилъ и отхожихъ промысловъ, называя ихъ баловствомъ. Паспорты выдавались въ его имѣніи съ чрезвычайными затрудненіями, причемъ спрашивалось, куда, зачѣмъ и покакой причинѣ понадобилась отлучка, а по возвращеніи требовался подробный отчетъ, сколько отпущенный пріобрѣлъ, ходя «по волѣ», сколько прожилъ и сколько принесъ домой. Князь былъ убѣжденъ, что крестьянинъ рожденъ для земли, и проводилъ эту мысль съ нѣкоторою назойливостью. Съ такою же ревнивою заботливостью наблюдалъ онъ и за нравственностью крестьянъ и за исполненіемъ ими религіозныхъ обязанностей. Ссоръ не терпѣлъ, неповиновенія нетолько себѣ и поставленнымъ отъ него начальникамъ, но и внутри самихъ семей—не допускалъ. Любострастіемъ не занимался, хотя овдовѣлъ въ молодыхъ лѣтахъ, и только экономка Марѳуша, преданнѣйшее и безотвѣтнѣйшее существо, свидѣтельствовала о его барской и человѣческой слабости. Но ни школы, ни больницы въ княжескомъ имѣніи не существовало. Вмѣсто школы, князь всѣхъ деревенскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ обучалъ церковному хоровому пѣнію, и, сверхъ того, его дочь позволяла себѣ

имѣть двухъ-трехъ учениковъ изъ мальчиковъ, которые случайно понравились ей своею шустростью. Этихъ учениковъ обыкновенно опредѣляли впослѣдствіи въ дворовые, и съ этою цѣлью обучали въ Москвѣ полезнымъ мастерствамъ. Что̀ же касается до больницы, то она замѣнялась тѣмъ, что добрая княжна лично ходила по избамъ, гдѣ оказывались больные, и подавала имъ помощь по лечебнику Енгалычева. И такъ какъ это были люди простые, да и болѣзни у нихъ были простыя, то дѣло леченія шло успѣшно.

Любили-ли князя мужички — неизвѣстно; но такъ какъ недовольства никто никогда не заявлялъ, то этого было достаточно. Нѣсколько чинно и какъ будто скучновато смотрѣла сельская улица, однакожь, князь не препятствовалъ крестьянской веселости и даже по праздникамъ лично ходилъ на село смотрѣть, какъ дѣвки хороводы водятъ. Но очевидно было, что сердце его, все-таки преимущественно радовалось не хороводамъ, а тому, что вездѣ пахнетъ печенымъ хлѣбомъ, а иногда и убоиной. Поэтому, экономическое положеніе крестьянъ представлялось блестящимъ (не было нуждающихся уже по тому одному, что не представлялось физической возможности стать въ положеніе нуждающагося), а веселость крестьянская являлась въ умаленіи. Поэтому же, быть можетъ, сосѣдніе крестьяне, не столь взысканные помѣщичьей попечительностью, называли крестьянъ села Благовѣщенскаго (имѣніе князя) «идолами», и благовѣщенцы, нельзя сказать, чтобъ охотно откликались на это прозвище.

Въ моментъ, когда грянули первые отдаленные раскаты эмансипаціи, князю было уже подъ пятьдесятъ. Дѣтей у него было двое. Дочь Варвара, лѣтъ двадцати пяти, которую онъ какъ-то забылъ выдать замужъ, и сынъ, Юрій, года на два моложе сестры, служившій въ

Петербургѣ въ кавалеріи. Дочь была очень скромная дѣвушка, которая страстно любила отца и была необычайно добра къ крестьянкамъ и дворовымъ дѣвушкамъ. Она тоже понимала, что предки ея цаловали кресты, и потому старалась поступать такъ, какъ, по свидѣтельству ея любимца, Вальтеръ-Скотта, поступали на дальнемъ западѣ владѣтельницы зàмковъ: помогала, лечила, кормила бульономъ, воспринимала отъ купели новорожденныхъ дарила дѣтямъ рубашонки и т. п. Сынъ былъ покуда только офицеръ, а что̀ изъ него выработается впослѣдствіи, когда онъ надѣлаетъ долговъ — этого еще никто угадать не могъ.

Еще одна особенность: мѣстные дворяне не любили князя. Онъ жилъ изолированною, занятòю жизнью, не ѣздилъ въ гости, не украшалъ своимъ присутствіемъ уѣздныхъ сборищъ и пикниковъ, да и самъ не дѣлалъ пріёмовъ, хотя имѣлъ хорошій доходъ и держалъ отличнаго повара. Въ отместку за такое «неякшаніе», его постоянно выбирали попечителемъ хлѣбныхъ магазиновъ, несмотря на то, что онъ лично никогда не ѣздилъ на дворянскіе выборы. И ему стоило большихъ хлопотъ и расходовъ, чтобъ избавиться отъ навязанной должности.

Въ 1862 году, князь разсердился, хотя крестьяне ничѣмъ его не прогнѣвили. Реформа подѣйствовала на него такъ оглушительно, что, казалось, мозги его внезапно перевернулись вверхъ дномъ. Онъ перестаъ понимать самыя простыя вещи. Когда онъ услышалъ, какъ все село разомъ заорало (нельзя было не орать: и батюшка, и становой приглашали), то почувствовалъ, что внутри у него что-то словно оборвалось. Однакожь, онъ не сталъ дразниться и приставать, какъ большинство его сосѣдей, а сразу счелъ все прошлое поконченнымъ. Чтобъ не устанавливать *никакихъ* отношеній къ крестья-

намъ и не входить съ ними ни въ какія соглашенія, онъ выписалъ изъ Кашина двухъ стрикулистовъ и передалъ имъ въ руки уставное дѣло, а самъ сейчасъ же нарушилъ барскую запашку, запродалъ три четверти живого инвентаря, заколотилъ большинство службъ и распустилъ дворовыхъ, кромѣ тѣхъ, которые не шли сами, или тѣхъ, безъ которыхъ, на первыхъ порахъ, нельзя было обойтись. И въ заключеніе, во всѣ мѣста послалъ заявленія, что отнынѣ существованіе его, въ виду возбужденія крестьянъ, представляется не безопаснымъ.

Нѣкоторое время онъ продолжалъ, однакожъ, жить въ усадьбѣ. Пріѣзжалъ къ нему изъ Петербурга двадцатидвухъ-лѣтній поручикъ сынъ и пробовалъ утѣшить старика, обнадеживая, что графъ Иванъ Александровичъ надѣется все повернуть на старую колею, но князь выслушалъ, на минуту просіялъ улыбкой, и не повѣрилъ. Главное, онъ потерялъ вѣру въ дворянство, которое, по его мнѣнію, вело себя самымъ легкомысленнымъ образомъ: сначала фрондировало, потомъ смирилось и, наконецъ, теперь судится съ хамами у мировыхъ посредниковъ... эмиссаровъ Пугачева! Убѣжденія свои относительно роли, которую дворянство *обязано* играть въ государствѣ, онъ успѣлъ привить и дочери, и разъ, что «занятіе» мужичкомъ устранилось, разговоры о необходимости дворянскаго возрожденія сдѣлались единственнымъ матеріаломъ, съ помощью котораго наполнялся обнаружившійся безконечный досугъ. Пробовали они пріобщить къ этимъ собесѣдованіямъ и молодого поручика, но послѣдній охотнѣе разсуждалъ о кобылѣ и ея свойствахъ, и потому, какъ только расчувствовавшійся отецъ отсчиталъ ему, сверхъ положенія, хорошій кушъ, онъ счелъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и укатилъ въ Петербургъ. Старый князь остался одинъ-на-одинъ съ княжною и съ экономкой Маѳушей, которая, впрочемъ,

исключительно занималась тѣмъ, что гнала изъ усадьбы приходившихъ съ жалобами мужиковъ.

А стрикулисты, между тѣмъ, дѣлали свое дѣло безъ послабленія. Отрѣзывали лѣса и луга, а изъ остального устроивали крестьянскіе надѣлы (въ родѣ какъ западни), имѣя при этомъ въ разсчетѣ, чтобъ мало-мальски легкомысленная крестьянская курица непремѣнно по нѣскольку разъ въ день была уличаема въ безвозмездномъ пользованіи господскими угодьями, а слѣдовательно, и въ потрясеніи основъ.

Когда все было покончено — слѣдуетъ замѣтить, что для введенія уставной граматы, все-таки, потребовалась команда — началась борьба. Ее вели тѣ же стрикулисты, но вели назойливо и неумѣло, такъ что гвалтъ отъ ежедневныхъ перекоровъ, несмотря на всѣ предосторожности, не могъ не доноситься и до княжеской усадьбы. Князь сердился больше и больше, и въ то же время все сильнѣе и сильнѣе укоренялось въ немъ убѣжденіе о личной его небезопасности въ сосѣдствѣ «неблагодарныхъ». Онъ тревожно прислушивался къ каждому шороху, держалъ наготовѣ заряженный револьверъ, не тушилъ по ночамъ огней, худо ѣлъ, худо спалъ. Наконецъ, въ немъ созрѣла странная мысль: отдать имѣніе въ аренду еврею и поселиться въ городѣ. Ему почему-то казалось, что еврей лучше, нежели всевозможные стрикулисты, съумѣетъ отмстить за него; что онъ ловчѣе вызудитъ запутавшійся мужицкій пятакъ, чище высосетъ мужицкій сокъ и вообще успѣшнѣе раззоритъ то мужицкое благосостояніе, которое самъ же онъ, князь Рукосуй, въ теченіи столь многихъ лѣтъ неустанно созидалъ. Правда, что въ то время еще не народилось ни Колупаевыхъ, ни Разуваевыхъ, и князь не зналъ, что для извлеченія мужицкихъ соковъ не нужно особенно злостныхъ ухищреній, а слѣдуетъ только утромъ разо-

стлать тенета и уйти къ своему дѣлу, а вечеромъ эти тенета опять собрать, и все запутавшееся въ нихъ, связавъ въ узелъ, бросить въ амбаръ для храненія вмѣстѣ съ прочими такими же узлами.

Однимъ словомъ, ничѣмъ не мотивированное ожесточеніе князя противъ крестьянъ приняло, съ теченіемъ времени, размѣры какого-то безконечнаго горячечнаго бреда, который одинаково былъ мучителенъ и для бредившаго, и для тѣхъ, которые составляли предметъ бреда.

Еврей съискался. Одинъ изъ разжившихся желѣзнодорожниковъ, статскій совѣтникъ Воозъ Давыдычъ Ошмянскій, рекомендовалъ молодому князю своего собственнаго брата, Лазаря, который давно уже жаждалъ найти самостоятельный гешефтъ. Наружность Лазарь имѣлъ очень приличную. Это былъ еврей уже культивированный, понявшій, что, по нынѣшнему времени, прежде всего необходимо освободиться отъ еврейскаго облика. Явился онъ въ Благовѣщенское въ щегольской гороховой жакеткѣ, въ цвѣтномъ галстухѣ, съ золотымъ пенснѐ на носу, выстриженный à la mal content, безъ малѣйшаго признака пейсовъ. Онъ скромно рекомендовалъ себя русскимъ моисеева закона, и говорилъ по-русски осторожно, почти правильно, хотя не могъ сладить съ буквою *р*, и, сверхъ того, вмѣсто «что̀» произносилъ «ишто̀», вмѣсто «отку̀да» — «ишкуда», вмѣсто «въ село» — «уфсело» и вмѣсто «сдѣлать» — «издѣлать». Сверхъ того, когда унывалъ, то присѣдалъ, а когда торжествовалъ, то начиналъ махать руками. Человѣкъ онъ былъ молодой, крупитчатый, съ пунцовыми губами, пухлыми руками, съ глазами, выпяченными, какъ у рака, и съ нѣкоторою наклонностью къ округленію брюшной полости. Но всего больше въ немъ понравилось князю, что когда онъ говорилъ о мужичкѣ, то въ углахъ его

рта набивалась слюна, которую онъ очень аппетитно присасывалъ.

Не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, князь заключилъ съ Ошмянскимъ безобразнѣйшій и исполненный недомолвокъ контрактъ и затѣмъ уѣхалъ изъ Благовѣщенска. Но для столицъ онъ черезчуръ одичалъ, а Кашинъ—ненавидѣлъ, считая его прикосновеннымъ къ постигшей его катастрофѣ. Поэтому, поселился въ Бѣжецкѣ. Тамъ онъ выстроилъ домъ, развелъ при немъ садъ, и жилъ съ дочерью, окруженный вымирающими стариками, да и самъ постепенно дряхлѣя и впадая въ ребячество. Постороннихъ людей онъ боялся и окончательно сдѣлался отшельникомъ. Утромъ запирался въ кабинетѣ и писалъ сочиненіе о необходимости учрежденія «Общества Странствующихъ Дворянъ», на обязанность котораго онъ возлагалъ хожденіе въ народъ съ цѣлью распространенія здравыхъ понятій о значеніи и роли дворянства въ государствѣ. Около двухъ часовъ пополудни, выходилъ къ обѣду во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, и ѣлъ изъисканныя блюда съ изъисканными названіями, въ родѣ: «bombes de pommes de terre à la Sardanapal», «Purée de carrottes à la Jean le terrible», «Oeufs sur le plat orné de soukharis à la Suwaroff» и т. д. По вечерамъ, занимался съ дочерью столоверченіемъ и вызываніемъ духовъ. Но и духовъ вызывалъ все такихъ, которые были прикосновенны къ реформѣ: графовъ Ланского и Ростовцева, тайныхъ совѣтниковъ: Левшина, Милютина, Соловьева и т. п. Онъ старался ихъ убѣдить и усовѣстить, но успѣвалъ въ этомъ только отчасти. Ланской и Ростовцевъ, дѣйствительно, какъ будто сознавались, что поторопились, Левшинъ не сознавался, но говорилъ: чѣмъ же я виноватъ? но Милютинъ и Соловьевъ являлись на зовъ неохотно, и, явившись, огра-

ничивались тѣмъ, что называли князя старымъ колпакомъ.

Такой образъ жизни представлялся столь страннымъ, что бѣжецкія власти встревожились. Въ самомъ дѣлѣ, человѣку слѣдовало бы жить или въ столицѣ, или въ Кашинѣ, а онъ живетъ въ Бѣжецкѣ, живетъ запершись, ни съ кѣмъ не видится, даже въ церковь не ходитъ; днемъ пишетъ какія-то записки, а по вечерамъ производитъ таинственныя дѣйствія. Даже запоемъ не пьетъ, что̀, все-таки, было бы смягчающимъ обстоятельствомъ. Разумѣется, явилось желаніе внести свѣтъ въ это загадочное существованіе, узнать, насколько оно согласуется съ существующими на сей предметъ предписаніями. Исполненіе этой задачи принялъ на себя мѣстный околоточный Терпѐнкинъ, который тутъ же схвастнулъ, что хотя онъ и значится по метрикамъ рожденнымъ отъ притыкинскаго станціоннаго смотрителя *) но, въ сущности, *въ это время* названный отецъ его ѣздилъ за почтальона въ Калязинъ, а мать оставалась дома одна, какъ вдругъ въ Притыкино прибылъ князь проѣздомъ въ имѣніе...

Въ одно прекрасное утро, въ княжескій домъ явился молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, отрекомендовался мѣстнымъ околоточнымъ надзирателемъ и, врасплохъ поцаловавъ у князя ручку, сразу сталъ называть его «папенькой». Князь изумился.

— Что̀ такое вы говорите? спросилъ онъ строго.

— А какъ же, папенька-съ... Изволите помнить, въ сорокъ третьемъ году въ Притыкинѣ... Такъ это я-съ! отозвался Терпѐнкинъ съ невозмутимою душевною ясностью.

*) Притыкино — станція на почтовомъ трактѣ между Тверью и Калязиномъ.

Князь покраснѣлъ и промолчалъ. Онъ вспомнилъ, что въ Притыкинѣ, дѣйствительно, что̀-то было, но никакъ не могъ представить себѣ, чтобъ изъ этого могъ выйти околоточный надзиратель. Княжна, случайно присутствовавшая при этой сценѣ, тоже покраснѣла (однакожъ, maman была еще въ это время жива!» мелькнуло у нея въ головѣ), и послѣ того дня два дулась на отца. Но потомъ нетолько простила, но даже стала относиться къ нему нѣжнѣе («вотъ у меня папа̀-то какой!»).

Терпѐнкинъ, однакожъ, добился своего. Началъ ходить къ князю съ поздравленіемъ по воскресеньямъ и праздникамъ, и хотя въ большинствѣ случаевъ не допускался дальше передней, куда ему высылалась рюмка водки и кусокъ пирога, но, все-таки, успѣлъ подобрать съ полу черновую бумагу, въ которой кратко были изложены права и обязанности членовъ Общества Странствующихъ Дворянъ.

Находку эту Бѣжецкія власти поспѣшили представить по начальству; но, вмѣсто ожидаемаго поощренія, получили отъ послѣдняго вразумленіе, изъ котораго явствовало, что еслибы всѣ жители Тверской губерніи, подобно князю Рукосую-Пошехонскому, занимались составленіемъ проектовъ о странствующихъ дворянахъ, то губернія сія давно была бы благополучна.

Съ тѣхъ поръ князя оставили въ покоѣ...

А имѣніе его, между тѣмъ, съ каждымъ годомъ все больше и больше приходило въ упадокъ. Еврей не дремалъ: рубилъ лѣса̀, продавалъ движимость, даже всѣхъ крупныхъ карасей въ прудѣ выловилъ. Только внѣшній обликъ усадьбы оставался неприкосновеннымъ, т. е. паркъ, барскій домъ, теплицы и оранжереи, потому что князь требовалъ, чтобы въ февралѣ у него непремѣнно былъ на столѣ *свой* свѣжій огурецъ (salade de concomdres à la Roukossouy). Даже молодой князь ни разу не

посѣтилъ усадьбы, хотя неоднократно грозился «обревизовать жида». Но Ошмянскій всегда своевременно узнавалъ объ этихъ угрозахъ и, для предупрежденія опасности, отправлялся самолично въ Петербургъ. Тамъ онъ очень ловко пользовался денежными затрудненіями молодого человѣка и за ничтожныя суммы получалъ отъ него разрѣшенія на продажу лѣсовъ. Разрѣшенія эти, сами по себѣ, не имѣли законной силы, но Лазарь зналъ, что если старый князь и узнаетъ объ нихъ, то «повести дѣла» не захочетъ. Сверхъ того, онъ охотно давалъ молодому человѣку и взаймы, такъ что, въ концѣ-концовъ, у него оказалась порядочная груда векселей, которые и писались, и переписывались изъ года въ годъ. На послѣднихъ по времени уже красовалась подпись: генералъ-маіоръ князь Рукосуй-Пошехонскій. Очевидно, молодой человѣкъ (ему было въ описываемую эпоху съ небольшимъ сорокъ лѣтъ) преуспѣлъ.

Но выжимать сокъ изъ крестьянъ Ошмянскому удалось только въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ, потому что послѣ этого на селѣ пришли въ совершенный разумъ свои собственные евреи, въ лицѣ Астафьича, Финагеича и Прохорыча, которые тѣмъ легче отбили у наглаго пришельца сосательную практику, что умѣли дѣйствовать и калякать съ мужичкомъ по душѣ и по-бо̀жицки.

Когда мы пріѣхали въ Благовѣщенское, въ немъ не осталось уже и слѣдовъ прежней зажиточности. Избы стояли почернѣвшія, покривившіяся, съ полуразрушенными дворами, разоренными крышами и другими изъянами. Вдали, на пригоркѣ, виднѣлось крестьянское стадо, малорослое и малочисленное. По пустынной улицѣ безъ пути ходили одинокіе пѣтухи и тщетно сзывали куръ. Только пять-шесть исправныхъ домовъ блестѣли на солнцѣ новыми тесовыми крышами; очевидно, они принадлежали упомянутымъ выше Финагеичу и Прохо-

рычу и еще кое-кому изъ сельскихъ властей. Въ селѣ было три кабака: одинъ при въѣздѣ, другой—при выѣздѣ-третій— въ центрѣ, на базарной площади. Ни направо, ни налѣво сельчанину нельзя было выйти, да и посередкѣ усидѣть трудно: вездѣ и распивочно и на выносъ—какъ хочешь.

Въ одномъ изъ этихъ кабаковъ (центральномъ), при которомъ было такъ-называемое «чистое» отдѣленіе остановились и мы.

XXVI.

Оставивши товарищей на селѣ, мы съ Глумовымъ направились въ усадьбу. Арендаторъ стоялъ на крыльцѣ княжескаго дома (онъ занималъ нижній этажъ) и толково объяснялъ мужичку, почему именно ему выгоднѣе быть слопаннымъ имъ, евреемъ, нежели Астафьичемъ, который тоже разѣвалъ на мужичка пасть. Мужичекъ чесался и повторялъ: что̀ говорить! извѣстно, выгоднѣе!» но въ самой его манерѣ чесаться было видно, что онъ такъ только, изъ вѣжливости, «подражалъ» еврею, а въ сущности замышлялъ измѣну. А Ошмянскій, проникая его мысль, говорилъ: «вашему брату тоже пальца въ ротъ не клади»...

Узнавъ о цѣли нашего пріѣзда, Ошмянскій сначала не понялъ и присѣлъ. Но когда мы объяснили ему, что мы странствующіе дворяне, предпринявшіе подвигъ самосохраненія, и съ этою цѣлью предлагающіе свои услуги всѣмъ евреямъ, желающимъ обратиться на истинный путь, и когда Глумовъ какъ бы невзначай махнулъ у него подъ носомъ синей ассигнаціей, то онъ выпрямился и радостно замахалъ руками. Ассигнація же въ это время исчезла безъ остатка.

Оказалось, что со стороны Ошмянскаго была предпри-

нята цѣлая комбинація. Объектомъ ея былъ, впрочемъ не онъ лично, а одинъ его бѣдный родственникъ, Мошка, котораго онъ, изъ сострадания, пріютилъ у себя. Вообще, предпріятіе было очень запутанное, и впослѣдствіи одна газета совершенно справедливо выразилась объ немъ такъ: вотъ горькій, но вполнѣ естественный плодъ ложнаго положенія евреевъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи!

Дѣло въ томъ, что Лазарь, какъ некрещенный еврей, не имѣлъ права самостоятельно жить въ Кашинскомъ уѣздѣ, и ежели его до сихъ поръ не тревожили, то единственно только по упущенію. Но безсрочно надѣяться на упущенія невозможно, тѣмъ болѣе, что Астафьичъ, Финагеичъ и Прохорычъ успѣли кое-что пронюхать, и вслѣдствіе этого начали похваляться и угрожать. Ошмянскій заметался и призвалъ на помощь всю остроту ума; но какъ онъ ни присѣдалъ, какіе ни придумывалъ извороты, перспектива въ будущемъ представлялась одна: обязательное выселеніе по первому извѣщенію любого изъ Финагеичей. Правда, что онъ ужь былъ сытъ по горло и даже самъ нерѣдко мечталъ пуститься въ болѣе широкое плаваніе, но оставалась еще одна какая-то невырубленная пустошонка, и онъ чувствовалъ смертельную тоску при одной мысли, что она выскользнетъ у него изъ рукъ. Поѣхалъ онъ въ Кашинъ къ стрикулистамъ и тамъ ему дали совѣтъ. Оказывалось, что если у него найдется родственникъ, который согласится перейти въ христіанство, то стоитъ только обдѣлать это дѣло, и Лазарь получитъ право жить у этого родственника въ гостяхъ безсрочно и невозбранно. Натурально, Ошмянскій вспомнилъ объ Мошкѣ, и, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, рѣшился, при помощи Мошки, устроить кощунственный гешефтъ.

Мошка согласился съ радостью, но выговорилъ, чтобы,

сверхъ похлебки изъ фасоли, которою онъ, въ качествѣ бѣднаго родственника, исключительно питался, ему давали ежедневно еще по двѣ головки чеснока. Мало того: онъ до такой степени распалился ревностью, что сталъ приставать къ рабочимъ, чтобъ они, при встрѣчѣ съ нимъ, показывали свиное ухо, что̀ послѣдніе охотно и исполняли.

Для того, чтобъ Мошкинъ энтузіазмъ не простылъ, Ошмянскій нанялъ въ Кашинѣ стараго, изверженнаго изъ сана за пьянство дьякона, Мину Праздникова. Дьяконъ взялъ съ него недорого: два съ полтиной за всю выучку и, сверхъ того, по полуштофу пѣннаго въ день, ибо, по преклонности лѣтъ, болѣе вмѣстить ужь не могъ. Но такъ какъ онъ, отъ старости и вина, до того обезумѣлъ, что и самъ все перезабылъ, то приступилъ къ дѣлу чрезвычайно странно. Во-первыхъ, для начала, заставилъ Мошку съѣсть углицкую колбасу, и, во-вторыхъ, сказалъ: а теперь кричи «ура!» Мошка колбасу съѣлъ и попросилъ еще; потомъ крикнулъ «ура», разъ, другой — и это ему тоже понравилось. Вслѣдствіе этого, будучи, по случаю предстоящей перемѣны въ судьбѣ, уволенъ отъ занятій въ конторѣ, онъ по цѣлымъ днямъ слонялся съ изверженнымъ дьякономъ по парку, рвалъ зубами колбасу и кричалъ «ура».

Когда Мошка совсѣмъ освоился съ колбасой, тогда изверженный дьяконъ, который полюбилъ его, какъ родного сына, сказалъ:

— Мошка! видѣлъ я давича, что Лазарь пятіалтынный на столѣ въ залѣ оставилъ. Поди и унеси его, а унѐсши, сбѣгай къ Финагеичу и купи косушку пѣннаго. Хочу тебя въ сивухѣ пріучить.

Такъ Мошка и сдѣлалъ. Половину косушки Мина Праздниковъ выпилъ самъ, а другую половину почти насильно вылилъ Мошкѣ въ горло. И когда, поздно

вечеромъ, они возвращались изъ парка домой и Мошка совсѣмъ безъ пути оралъ, то Мина, усмотрѣвъ въ лицѣ Ошмянскаго укоризненное выраженіе, объяснилъ:

— Это ничего. Это отъ избытка чувствъ!

Черезъ мѣсяцъ, когда Ошмянскій освѣдомился у Праздникова, каковы успѣхи дѣлаетъ его ученикъ, изверженный дьяконъ, предварительно хлопнувъ Мошку ладонью по лбу, кратко, но вразумительно отвѣтилъ:

— Башка!

Разумѣется, Ошмянскій прежде всего обратился съ просьбой о воспріемничествѣ къ князю и къ княжнѣ. Но князь былъ въ это время до того погруженъ въ пререканія съ духомъ тайнаго совѣтника Соловьева по дѣлу о несвоевременности крестьянской реформы, что врядъ-ли даже понялъ, о чемъ Лазарь его проситъ. Что̀ же касается до княжны, то она сначала согласилась и даже приступила къ кройкѣ и шитью ризокъ, но когда узнала, что Мошка большой, то покраснѣла и отказалась наотрѣзъ. Лазарь очутился въ большомъ затрудненіи вслѣдствіе этой неудачи, и уже подумывалъ, не пригласить-ли въ кумовья Прохорыча, а въ кумы Финагеичеву жену. Этимъ смѣлымъ шагомъ онъ разсчитывалъ достигнуть примиренія съ обоими сельскими магнатами, а впослѣдствіи даже заключить съ ними союзъ съ тѣмъ, чтобъ соединенными силами ударить на Астафьича и утопить послѣдняго въ ложкѣ воды.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда мы пріѣхали въ Благовѣщенское. Мина Праздниковъ уже цѣлыхъ шесть недѣль проживалъ въ усадьбѣ, и все говорилъ, что Мошка еще не готовъ. Лазарь начиналъ тяготиться этими проволочками. Правда, старикъ не требовалъ увеличенія гонорара, но онъ съѣдалъ харча, по малой мѣрѣ, на двадцать копѣекъ, въ

сутки, да, сверхъ того ежедневно выпивалъ условленный полштофъ, а это то же денегъ стоило. Да и Мошка набаловался при немъ; сталъ поворовывать, пить, буянить и вообще вести себя подобно охотникамъ-рекрутамъ, покуда не крикнутъ имъ: лобъ! Ахъ, кабы поскорѣе сбыть съ рукъ это дѣло, разсуждалъ самъ съ собою Лазарь, а тамъ ужь я Мошку подтяну! Я ему, подлецу, всякую головку чеснока припомню! Я на немъ вымещу, я его... Но вдругъ въ головѣ его промелькнула изумительная мысль: а что̀, ежели Мошка возьметъ да скажетъ: довольно вы у меня, Лазарь Давыдычъ, въ гостяхъ пожили! хочу я теперича, чтобъ вы уѣхали обратно въ Ошмяны?! При этомъ предположеніи Лазарь нетолько присѣлъ, но и глаза зажмурилъ. «Ишто̀ я тогда съ нимъ издѣлать буду!» затосковалъ онъ, разсчитывая по пальцамъ, сколько Мошка, со дня рожденія, одного хлѣба у него съѣлъ, не говоря уже о фасоли и чеснокѣ.

Вообще, у Ошмянскаго было много заботъ, которыя отравляли его существованіе И прежде всего, громадное семейство. Жена его, Рахиль, почему-то Францовна (онъ звалъ ее: Рахэль), народила ему цѣлую охапку дѣтей. Каждому предстояло приготовить гешефтъ, а для гешефта деньги. Деньги, разумѣется, найдутся — онъ это зналъ... но вдругъ ихъ у него отнимутъ! Не взломомъ, не разбоемъ — Боже упаси! — а просто скажутъ: нажилъ деньги, а теперь отдавай!.. «ай вай, ишто̀ тогда изъ нами будетъ!» Что̀ будетъ съ Эвелемъ, съ Рувимомъ, съ Борухомъ, съ Зельманомъ, съ Лейбою, съ Ицекомъ, съ Сарой, съ Агарью, съ Реббеккой и, наконецъ, съ маленькой Эсѳирью, которую, за ея роскошныя рыжія кудри, называли Уріевой женой? Конечно, онъ бо̀льшую часть капитала припряталъ, но вѣдь бываетъ и такъ, что спрятать—спрячешь, а потомъ не знаешь, какъ

и достать. Спряталъ онъ ихъ, напримѣръ, уфъ въ банкъ, а самъ, по манію генералъ-маіора Отчаяннаго, очутился уфъ въ Америкѣ... доставай оттуда! переписывайся! доказывай!

Эта мысль ужасно его мучила. Даже ночью онъ видѣлъ передъ собой бѣду, какъ живую, вскакивалъ съ постели, обливался холоднымъ пòтомъ и проклиналъ... Припоминалъ онъ, какъ полководцы, пріѣзжавшіе къ его брату, финансовому тузу, занимать деньги, говаривали: «а чтò бы вамъ, Воозъ Давыдычъ... право! махните-ка... а?» — И Воозъ Давыдычъ не обрывалъ ихъ, а только скромно возражалъ, что «покуда» еще не предвидится надобности... Покуда! стало быть, когда-нибудь надобность, все-таки, можетъ придти? Припоминалъ онъ также, какъ однажды одинъ изъ полководцевъ, въ первый разъ увидѣвъ его у брата, сказалъ: «а тебя, пархатый, хочешь сейчасъ къ Татьянѣ Борисовнѣ свезу?» Припоминалъ онъ все это, и проклиналъ, проклиналъ безъ конца. И чѣмъ больше проклиналъ, тѣмъ жаднѣе набрасывался на гешефты, сосалъ, грызъ, рвалъ...

Завѣтнѣйшею его мечтою было заполучить желѣзную дорожку. Сначала... хоть узкоколейную. Вотъ Кашинскіе патріоты давно ужь ропщутъ, что размаху имъ не даютъ—на чтò бы лучше! А не то, можно и изъ Углича линійку провести. Капиталъ у Лазаря есть; не громадный, правда, но вѣдь не въ капиталѣ сила, а въ томъ, чтобъ имѣть подъ рукою запасъ дураковъ. А въ этомъ отношеніи Воозъ поможетъ. Денегъ не дастъ, но пути укажетъ, и дураковъ подъищетъ... А чтò, если онъ проектъ-то вывѣдаетъ, да самъ для себя дорожку и отхлопочетъ? И останется онъ, Лазарь, въ дуракахъ... Ахъ, братъ, братъ! неужто ты это сдѣлаешь? неужто ты еще не сытъ?

А желѣзнодорожное дѣло онъ знаетъ: еще подрост-

комъ онъ служилъ сряду нѣсколько лѣтъ на одной дорогѣ, сперва на побѣгушкахъ, потомъ въ писаряхъ, а наконецъ и десятникомъ. Въ то время строителемъ дороги былъ молодой инженеръ, который его все палкой по головѣ билъ — вотъ его онъ и сдѣлаетъ главноуправляющимъ *своими дорогами*. Отъ него онъ «науку» узналъ, ума набрался, а теперь можетъ и самъ что̀ угодно выстроить. И рабочихъ онъ дешево найметъ, а коли дорожиться будутъ, то обсчитаетъ... нѣтъ, пускай ужь лучше дешево найметъ! А впрочемъ, обсчитать, пожалуй, выгоднѣе. Не по одиночкѣ, а непремѣнно разомъ всѣхъ. По одиночкѣ — пожалуй, заплатить присудятъ, а когда *всѣ разомъ* будутъ разсчета требовать, то выйдетъ бунтъ, а тамъ, какъ разъ, и неповиновеніе властямъ...

«А игдѣ же у насъ гаспадинъ исправникъ тутъ?»

И вотъ онъ выстроилъ одну дорожку, выстроилъ другую, и окончательно основался въ Петербургѣ. Купилъ въ Большой Морской домъ, прямо противъ дома Вооза; оба по двѣ француженки содержатъ, оба на пріюты жертвуютъ, И ѣздятъ другъ къ другу: я—къ нему, онъ—ко мнѣ. Лѣтомъ, онъ посѣщаетъ Эмсъ, чтобы легче экспекторировать, въ сентябрѣ ѣдетъ купаться въ Трувиль, потомъ въ Парижъ, въ Ниццу... И вездѣ ему скучно. Вездѣ его преслѣдуетъ представленіе о какой-то фантастической ѣдѣ, которая ему приличествуетъ и которую онъ не можетъ назвать, о какой-то женщинѣ съ диковиннымъ секретомъ, за который онъ дорого бы заплатилъ, но который еще сама природа, покуда, не догадалась создать... А инженеръ, между тѣмъ, дороги ему строитъ. Заглянетъ онъ, между дѣломъ, въ Петербургъ и обревизуетъ счеты. Потомъ задастъ полководцамъ тонкій обѣдецъ, а послѣ обѣда въ зубахъ ковыряетъ. И опять въ Ниццу, въ Парижъ... И вдругъ, опять... эта ужасная мысль! Ѣдятъ у него полководцы, чествуютъ

гостепріимнаго хозяина, хвалятъ вино, сигары: но вотъ одинъ изъ нихъ отдѣляется и дружески хлопаетъ его по колѣнкѣ: «а что бы вамъ, Лазарь Давыдычъ, тово... махни-ка, братъ... а?» Лазарь блѣднѣетъ отъ злобы, но и въ мечтахъ не можетъ отъискать приличный отвѣтъ. Такой отвѣтъ, чтобъ былъ храбрый. И убѣждается, что даже наверху благополучія ему нѣтъ другого выхода, кромѣ какъ проклинать...

О возстановленіи іудейскаго царства онъ не мечталъ: слишкомъ онъ былъ для этого реалистъ. Не могъ даже вообразить себѣ, что онъ будетъ тамъ дѣлать. Вѣдь Іерусалима, навѣрное, не отдадутъ; развѣ вотъ Сихемъ— такъ ужь лучше въ Кашинскомъ уѣздѣ у Мошки въ гостяхъ жить. Конечно, и въ Сихемъ можно мамзель Жюдикъ выписать... Никогда онъ Жюдикъ не видалъ, но, будучи сладострастенъ, распалялся на вѣру. Давно ужь онъ понималъ, что Рахэль ему не пара. А притомъ слишкомъ ужь часто родитъ. Поэтому, въ мечтахъ о предстоящей привольной жизни въ Петербургѣ, онъ постоянно отдѣлялъ въ предполагаемомъ собственномъ домѣ особый аппартаментъ для себя. Рахэль, съ дѣтьми, гувернантками и гувернерами, онъ помѣститъ въ бельэтажѣ; подъищетъ троихъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, которые будутъ составлять ей партію въ винтъ, а самъ поселится въ rez de chaussée и будетъ принимать Жюдикъ. Лопочетъ Жюдикъ, какъ оглашенная, по-французски, а онъ съ полководцами сидитъ и хохочетъ. А чему хохочетъ — не знаетъ.

По временамъ, передъ нимъ возставало его далекое дѣтство. Ахъ, что такое тамъ было... ффа!! Родился онъ въ Ошмянахъ, въ полуразвалившейся хижинѣ, выходившей своими четырьмя окнами въ улицу, наполненную навозомъ. Отецъ его былъ честный старый еврей, ремесломъ лудильщикъ, и буквально помиралъ съ голода, по-

тому что лудильщиковъ въ городѣ расплодилось множество, а лудить было нѣчего. Но старикъ бодрился. Онъ не измѣнялъ завѣту предковъ, не снималъ съ головы ермолки, ни длиннополаго заношеннаго ламбсердака съ плечъ, не обрѣзывалъ пейсовъ и по цѣлымъ вечерамъ, обливаясь слезами, пѣлъ псалмы, возвѣщавшіе и славу Іерусалима, и его паденіе. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ бѣдныхъ, восторженныхъ евреевъ, которые, среди зловонія и нечистотъ уѣзднаго городка, умѣютъ устроить для себя мучительно-возвышенный миражъ, который въ одно и то же время и изнуряетъ, и даетъ силу жить. Лазарь и теперь еще какъ живого представлялъ себѣ этого сухого старика, который до самой смерти не переставалъ стучать паяльникомъ, добывая кусокъ для одолѣвавшей его семьи.

Но къ воспоминаніямъ объ отцѣ онъ относился както загадочно, какъ будто говорилъ: а кто же ему велѣлъ зѣвать! И Воозъ былъ въ отрочествѣ лудильщикомъ, и онъ, Лазарь, тоже. И теперь еще есть у него въ Ошмянахъ два родные брата въ лудильщикахъ, и онъ собирается послать имъ пятьдесятъ цѣлковыхъ, да все забываетъ. Но Воозъ рано прозрѣлъ, а за Воозомъ черезъ нѣсколько лѣтъ прозрѣлъ и Лазарь. Воозъ сразу пошелъ ходко; выхолился, вычистился, выказалъ недюжинныя способности, завелъ прическу à la Capoul и понравился банкиршѣ. А тамъ подошелъ хорошій гешефтъ, онъ нырнулъ... и вынырнулъ; потомъ опять вынырнулъ, и опять. Теперь живетъ чуть не въ десяти дворцахъ — во всѣхъ мало-мальски стоющихъ европейскихъ городахъ по одному — завелъ льстецовъ и нàпусто ужь не плюнетъ — извините! Лазарь же хоть и не столь преуспѣлъ, а все-таки, успѣлъ уничтожить тотъ особливый наружный обликъ, который запираетъ еврею входъ въ жизнь. Онъ ходитъ въ жакеткѣ, причесывается à la mal content, а

захочетъ, такъ отпуститъ волосы и проборъ посрединѣ головы изваяетъ. Вообще, онъ пожаловаться на судьбу не можетъ. Хоть и далеко ему до брата, но...

Покуда, такимъ образомъ, передъ умственными нашими взорами, развертывалась жизнь Ошмянскаго, онъ пригласилъ насъ въ домъ. Но повелъ насъ не въ нижній этажъ, гдѣ ютилось его семейство и откуда неслись раздирающіе крики малолѣтнихъ евреевъ, а наверхъ, въ комнаты, выговоренныя княземъ для себя на случай пріѣзда. Мы вошли въ обширное, вполнѣ барское помѣщеніе, въ которомъ, впрочемъ, сохранилось ужь очень мало мебели. Высокія парадныя комнаты выходили окнами на солнечную сторону; воздухъ былъ сухой, чистый, легкій, несмотря на то, что ужь много лѣтъ никто тутъ не жилъ. Лазарь выводилъ насъ вездѣ и, не переставая, жаловался.

— Однихъ дровъ саженъ сто на отопленіе этихъ сараевъ въ годъ выходитъ, говорилъ онъ: — да сколько на оранжереи, да на теплицы! И все это я долженъ *своими* дровами отоплять! Доказывалъ я молодому князю, что гораздо было бы выгоднѣе верхній этажъ снять, и даже деньги хорошія предлагалъ, а онъ старика боится. Думаетъ, что здѣсь умереть захочетъ, да гдѣ ужь! А тутъ одного кирпича сколько — подумайте! Да и нижній этажъ облегчился бы, а чтобы въ немъ жить было веселѣе, я бы и паркъ вырубилъ — вонъ хоть до тѣхъ поръ (онъ показалъ пальцемъ что-то далеко). Подумайте, какія деревья—дубы, лиственицы, кедры есть!—сколько тутъ добра! И все пропадаетъ задаромъ. А въ особенности, оранжереи — вотъ онѣ у меня гдѣ сидятъ! Садовники народъ балованный, а имъ жалованье плати. Кто плати?—все я. А уничтожьте эти ненужныя затѣи—сколько одного кирпича! Старикъ ничего этого во вниманіе не беретъ, а я отдувайся!

Пожаловавшись, разсказалъ намъ изложенныя выше подробности о старомъ князѣ и выразилъ надежду, что съ его смертью легче будетъ съ наслѣдникомъ дѣло имѣть. Любитъ онъ, Лазарь, нынѣшнюю молодёжь — такая она бодрая, дѣльная! Никакихъ сантиментовъ: деньги на столъ — и весь разговоръ тутъ.

— А у старика, я знаю, есть капиталъ, прибавилъ онъ: — только онъ бо̀льшую часть дочери отдастъ, а та — въ монастырь... Вотъ тоже я вамъ скажу (онъ тоскливо замоталъ головой)! Ежели бы я былъ правительство, я бы...

— Но такъ какъ вы правительствомъ никогда не будете... строго прервалъ его Глумовъ, но не кончилъ, потому что Лазарь, при первыхъ же звукахъ его голоса, до того присѣлъ, что мы съ минуту думали, что онъ совсѣмъ растаялъ въ воздухѣ. Однакожь, черезъ минуту, онъ опять осуществился.

— А имѣніе перейдетъ къ сыну, продолжалъ онъ: — вотъ тогда...

И въ знакъ восторга, замахалъ руками, какъ дореформенный телеграфъ.

Между тѣмъ, сквозь открытыя окна, снизу изъ стряпущей, до насъ доносились съѣстные запахи. Пахло жаренымъ лукомъ, кочерыжками и чѣмъ-то въ родѣ мытаго бѣлья. Послѣдній запахъ издавалъ жареный гусь, которому, по преклонности лѣтъ и недугамъ, оставалось жить всего двадцать четыре часа и котораго Ошмянскій, скрѣпя сердце, приказалъ зарѣзать. Поэтому-то, быть можетъ, такъ и ревѣли внизу маленькіе евреи, не подозрѣвая, что Лазарь рѣшилъ въ умѣ своемъ наградить гусемъ не всѣхъ, но лишь достойнѣйшихъ. Одну минуту мы думали, что радушный хозяинъ и насъ пригласитъ хлѣба-соли отвѣдать, да онъ и самъ уже началъ:

— А можетъ быть, вы издѣлаете мнѣ удовольствіе... Но сейчасъ же испугался и, чтобъ окончательно не возвращаться къ этому предмету, убѣжалъ на балконъ, гдѣ нѣкоторое время обмахивался платкомъ, чтобъ придти въ себя. Наконецъ, онъ кликнулъ работника, чтобъ розъискалъ Мошку и Праздникова, и позеленѣлъ отъ злости, узнавъ, что оба еще наканунѣ съ вечера отправились, за двадцать верстъ, на мельницу рыбу ловить и возвратятся не раньше завтрашняго утра.

Приходилось ждать на селѣ. Впрочемъ, для насъ это было даже пріятно. Ни дѣлъ, ни занятій впереди не предстояло: развѣ вотъ подъ судъ отдадутъ, такъ для этого мы всегда куда слѣдуетъ во-время поспѣемъ. А между тѣмъ, наступали свѣтлые, сухіе дни, какими иногда сентябрь награждаетъ нашъ сѣверъ. Хотя днемъ солнце еще порядкомъ грѣло, но въ тѣни уже чувствовалась свѣжесть наступающей осени. Воздухъ былъ необыкновенно прозраченъ, гулокъ и весь напоенъ ароматами созрѣвающихъ овощей и душистыхъ огородныхъ травъ. Въ подросшей за лѣто травѣ еще стрекотали кузнечики, а около кустовъ и деревьевъ дрожали нити паутины — вѣрные признаки предстоящаго продолжительнаго вёдра. Листья еще крѣпко держатся на вѣткахъ деревьевъ и только чуть-чуть начинаютъ бурѣть; георгины, штокрозы, резеда, душистый горошекъ — все это слегка поблѣднѣло подъ вліяніемъ утренниковъ, но еще въ полномъ цвѣту, и вездѣ жужжатъ миріады пчелъ, которыя, какъ чиновники передъ реформой, спѣшатъ добрать послѣднія взятки. Кругомъ, просторъ, тишина, грудь не надышится. Каждая птица въ небѣ видна, каждый ударъ цѣпа на гумнѣ слышенъ; бѣлая церковь на пригоркѣ такъ и искрится; вода въ прудѣ — какъ хрусталь. Чудно, чудно, чудно. А въ Петербургѣ, быть можетъ, въ это самое время въ воздухѣ порхаетъ

ужь изморозь и улицы наполнились тою подлою слизью, которая въ одну минуту превращаетъ пѣшехода въ чушку. Чиновники ужь переѣхали съ дачъ; во всякомъ окнѣ виднѣется по бабѣ, перетирающей на зиму стёкла; начинаютъ подтапливать печи, готовить зимнія рамы. Статскій совѣтникъ Дыба ужь закашлялъ и будетъ всю зиму закатывать, а сосѣдъ его, статскій совѣтникъ Удавъ, всю зиму будетъ удивляться, какъ это Дыбу не разорветъ, а самъ въ то же время станетъ благимъ матомъ кричать: ахъ, батюшки, геморрой!!

Убѣдившись, что мы не заявляемъ ни малѣйшихъ претензій на жаренаго гуся, Ошмянскій повеселѣлъ, и съ удовольствіемъ согласился сопровождать насъ по парку. Паркъ былъ большой и роскошный; именно такой, какіе иногда во снѣ снятся и о которыхъ на яву говорятъ: вотъ бы гдѣ жить и не умирать! Нельзя сказать, чтобъ Ошмянскій содержалъ его исправно, но такъ какъ главную его красу составляли мощныя деревья, то подъ сѣнью ихъ растительность на дорожкахъ, и безъ чистки, пробивалась туго. Бесѣдка была всего одна, на берегу большого пруда, но безъ портиковъ и безъ надписей. Ни насыпныхъ холмовъ, ни искуственныхъ проваловъ, ни мостиковъ, ни мостовъ, ни статуй съ отбитыми носами и руками не было. Вообще, замѣчалось полное отсутствіе затѣйливости и сентиментальности; только на одной старой дуплястой березѣ были вырѣзаны французскія буквы: D. S. По свидѣтельству Ошмянскаго, эти иниціалы были вырѣзаны княжною и означали: Дементій Савоськинъ—имя и фамилія землемѣра, пріѣзжавшаго въ Благовѣщенское для повѣрки межъ. Савоськинъ имѣлъ черныя кудри, которыя очень холилъ, хотя начальство не разъ сажало его за нихъ на гауптвахту и стригло подъ гребенку. Княжна видѣла землемѣра только издали и никогда не молвила

съ нимъ ни слова, но кудри его произвели на нее впечатлѣніе. Впрочемъ, весь сердечный переполохъ, произведенный Савоськинымъ, выразился единственно въ томъ, что княжна очень осторожно узнала имя и фамилію землемѣра, и нѣжнѣе, нежели обыкновенно, поцаловала въ этотъ день старика-отца. Затѣмъ, ушла въ дальнюю аллею, вырѣзала на березѣ завѣтныя буквы и взгрустнула...

Весь остальной день мы занимались статистикой. Ходили по крестьянскимъ дворамъ, считали скотъ и домашнюю птицу, приводили въ извѣстность способы питанія, промыслы, нравы, обычаи, но больше всего старались разузнать, можно-ли разсчитывать на политическую благонадежность обывателей и на готовность ихъ отстаивать основы. Въ результатѣ изъисканій оказалось слѣдующее:

Жителей въ селѣ Благовѣщенскомъ 546 душъ мужескаго пола, изъ коихъ половина въ отходѣ. Женщинъ никто не считалъ и количество ихъ опредѣляется словомъ: достаточно.

Дворовъ — 123. Жители — тѣлосложенія крестьянскаго, безъ надежды на утучненіе. Домовъ, имѣющихъ видъ жилищъ и снабженныхъ исправными дворами, семь; прочія крестьянскія избы обветшали; дворы раскрыты, ворота поломаны, плетни растасканы. Вѣроисповѣданія — обыкновеннаго.

Скотоводство и птицеводство. Лошадей въ селѣ 57; изъ нихъ 23 принадлежатъ мѣстнымъ Финагеичамъ, а 34 приходятся на остальные 116 дворовъ. Коровъ 124, изъ коихъ 26 принадлежатъ Финагеичамъ. Куръ и пѣтуховъ 205 штукъ.

Промыслы. Половина населенія уходитъ въ Москву и въ приволжскіе города, гдѣ промышляетъ по трактирной части и уплачиваетъ за все село казенные

сборы. Воровъ въ селѣ считаютъ двадцать четыре человѣка.

Торгуютъ крестьяне гвоздями, вытаскиваемыми изъ стѣнъ собственныхъ избъ, досками, выламываемыми изъ собственныхъ клѣтей и воротъ, сошниками собственныхъ сохъ, а равно находимыми на дорогѣ подковами. Всѣ сіи товары сбываются ими мѣстнымъ Финагеичамъ въ обмѣнъ на водку.

Питаніе. Жители къ питанію склонны. Любятъ говядину, свинину, баранину, кашу съ масломъ и пироги. Но способовъ для питанія не имѣютъ. А потому довольствуются хлѣбомъ и замѣняющими оный суррогатами. Нужно, впрочемъ, сказать, что и Финагеичи, обладающіе достаточными средствами, налегаютъ преимущественно на суровую и малопитательную ѣду, лишь бы животъ наѣдался. Самоваровъ на селѣ 8.

Нравовъ и обычаевъ не имѣется, такъ такъ таковые, еще при крѣпостномъ правѣ, уничтожены, а послѣ того, за объявленіемъ воли вину, не успѣли народиться Къ числу нравовъ и обычаевъ, признаки которыхъ уже до извѣстной степени обозначились, слѣдуетъ отнести: во-первыхъ, стремленіе къ увеличенію государственнаго дохода посредствомъ посѣщенія кабаковъ, и, во-вторыхъ, правило, на основаніи котораго обыватель, взявшій весной у Финагеича полпуда муки, осенью возвращаетъ пудъ, и, сверхъ того, на гулянкахъ, убираетъ ему полдесятины луга.

Политическая благонадежность обывателей безусловно хороша, чему много способствуетъ неимѣніе въ селѣ школы. О формахъ правленія не слышно, объ революціяхъ извѣстно только одно: что когда вводили уставную грамату, то пятаго человѣка наказывали на тѣлѣ. Основы защищать — готовы.

Статистика вышла коротенькая, скудная цифровыми

данными, и, можетъ быть, даже не вѣрная, такъ что, по совѣсти говоря, каждый изъ насъ могъ бы написать ее, сидя гдѣ-нибудь въ Разъѣзжей и не бывши въ Благовѣщенскомъ. Да такъ, вѣроятно, и пишется большинство статистикъ, а публицисты дѣлаютъ изъ нихъ невѣрные выводы и пишутъ невѣрныя передовыя статьи. Вотъ почему цензурное вѣдомство и предостерегаетъ: объ одномъ не пиши, объ другомъ номолчи, а объ третьемъ совсѣмъ позабудь. Потому что писать надобно такъ, чтобы вѣрно было.

Тѣмъ не менѣе, когда прочиталъ нашу статистику Прохорычъ (у котораго мы остановились), то онъ остался такъ доволенъ, что воскликнулъ: «вѣрно! именно такъ! именно нужно нашему брату почаще подъ рубашку заглядывать!» Но изъ чего этотъ новоявленный публицистъ вывелъ такое заключеніе — сказать не умѣю.

Въ трудахъ нашихъ по статистическимъ изъисканіямъ оказывалъ существенную помощь и Ошмянскій, о чемъ и считаю долгомъ здѣсь засвидѣтельствовать, принося почтеннѣйшему Лазарю Давыдовичу, отъ лица своего и своихъ товарищей, искреннѣйшую признательность за его просвѣщенное и, притомъ, безвозмездное содѣйствіе.

Ночью опять являлся во снѣ Глумову Стыдъ. «И даже сказалъ чтò-то, но вотъ хоть убей — не упомню!» разсказывалъ мнѣ Глумовъ. Да и со мной чтò-то было: моментально я почувствовалъ, что меня вдругъ какъ бы обожгло. Очевидно, это было предостереженіе.

— Надо, братецъ, спѣшить! торопилъ меня Глумовъ.

Куда спѣшить? — мы и сами, признаться, не отдавали себѣ отчета. Предпринявъ подвигъ самосохраненія и не имѣя при этомъ иного руководителя, кромѣ испу-

га, мы очень скоро очутились въ такомъ водоворотѣ шкурныхъ демонстрацій, что и сами перестали понимать, гдѣ мы находимся. Мы инстинктивно говорили себѣ только одно: спасаться надо! спѣшить! И безъ оглядки куда-то погружались и все никакъ не могли нащупать дна... А между тѣмъ, дно было уже почти подъ ногами, сплошь вымощенное статьями уголовнаго кодекса...

Проснулись мы очень рано. Пастухъ гналъ по улицѣ стадо; бабы, растрепанныя, заспанныя, бѣжали, съ прутьями въ рукахъ, за коровами, которыя останавливались вездѣ, гдѣ замѣчались признаки какой-нибудь растительности. Пыль густымъ облакомъ стояла надъ селомъ, переливаясь радугой подъ лучами только-что вспыхнувшаго востока. Мы направились въ паркъ; Ошмянскій, очевидно, еще спалъ, но у пруда уже мелькали человѣческія фигуры. Къ величайшему нашему удивленію, это оказались Праздниковъ и Мошка. Оба, засучивъ штаны, бродили по краямъ пруда и ловили бреднемъ мелкихъ карасиковъ.

Праздниковъ—высокій коренастый мужчина, съ громадной головой, на которой только на нижней части затылка уцѣлѣли сѣдые волосы. Прожилъ онъ на свѣтѣ восемьдесятъ годовъ, но на видъ ему можно было дать не больше шестидесяти, несмотря на безмѣрное питіе. Выраженіе его лица было почти безумное, чему, впрочемъ, много содѣйствовали незрячіе глаза, изъ которыхъ на одномъ уже совсѣмъ наспѣлъ катарактъ, а на другомъ назрѣлъ только въ половину. Говорилъ онъ низкимъ басомъ, но съ непріятными переливами, которые обыкновенно являются слѣдствіемъ продолжительныхъ запоевъ. Щеки имѣлъ красныя, носъ жирный, разрисованный подъ мраморъ, руки — исполинскія, покры-

тыя волосами и синими узлами жилъ. Одѣтъ былъ въ длиннополый подрясникъ, на манеръ причетническаго, несмотря на то, что ношеніе этой одежды было ему, какъ изверженному, воспрещено.

Мошка представлялъ совершеннѣйшій контрастъ Праздникову. Это былъ совсѣмъ мизерный человѣчекъ, крохотный, худенькій, узкоплечій, съ колючими глазками и блѣднымъ, старчески-измятымъ личикомъ. Видомъ своимъ онъ напоминалъ припущеннаго къ выводку цыпленка, котораго насѣдка-мачиха исклевала насквозь. И голосъ у него былъ отчасти дѣтскій, отчасти птичій. При первомъ же взглядѣ на него являлось убѣжденіе, что онъ голоденъ, но что, ка̀къ его ни корми, никакая пища не пойдетъ ему въ прокъ. Праздниковъ увѣрялъ, что у него внутри гнѣздо.

— Гдѣ у прочихъ желудокъ, а у него гнѣздо, говорилъ онъ: — вотъ оно распространенія пищѣ и недаетъ.

И дѣйствительно, даже въ эту самую минуту, жестокость, съ которою онъ выдиралъ запутавшуюся въ ячейкахъ бредня рыбёшку, была поразительна. Онъ дергалъ рыбу, мялъ ее, выворачивалъ ей жабры, и ежели не ѣлъ тутъ же живьемъ, то потому, что спѣшилъ какъ можно больше изловить, опасаясь, ка̀къ бы не застигнулъ Лазарь и не отнялъ.

Увидѣвши насъ, Мошка весь затрепыхался и чуть-было не утонулъ.

— Рыбу ловите? спросилъ я, чтобъ вступить въ разговоръ.

— Да̀, вотъ будущаго выкреста кормить буду, отвѣтилъ Праздниковъ: — я-то, признаться, не ѣмъ. Аппетита не имѣю — давно ужь онъ у меня пропалъ. А у него гнѣздо внутри, такъ словно въ прорву... Наловимъ

малую толику, а потомъ уйдемъ въ лѣсъ и испечемъ.

Мы легко объяснились на счетъ цѣли нашего пріѣзда въ Благовѣщенское, но когда узнали, какъ странно поступалъ въ этомъ дѣлѣ Праздниковъ, то такъ и ахнули.

— Знаете-ли, чему вы за это подвергаетесь? съ азартомъ накинулся я на него. — Что̀ вы такое надѣлали? развѣ таковы правила, на основаніи которыхъ въ данномъ случаѣ надлежитъ поступать?

Но Праздниковъ, повидимому, даже не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Какі-такі правила! удивлялся онъ: — кабы онъ былъ человѣкъ, а то... жидъ! да и жидъ-то какой... клопъ! Мошка! раздѣвайся!

Сначала Мошка было заметался; но фатумъ, очевидно, уже тяготѣлъ надъ нимъ, и онъ раздѣлся...

— Вотъ вѣдь онъ какой! воскликнулъ Праздниковъ, ткнувъ въ него пальцемъ: — а вы о какихъ-то правилахъ толкуете... правила!

Съ этими словами онъ раздвинулъ правую пятерню, и, ущемивъ Мо̀шку за ребра между первымъ и указательнымъ перстами, поднялъ его на воздухъ.

Это было движеніе фатальное. Отъ того-ли, что старческая рука ослабла, или отъ того, что Мошка непокойно держалъ себя «между перстовъ», какъ бы то ни было, но тѣло его моментально выскользнуло изъ дьяконской пятерни и громко шлепнулось въ воду. Не успѣли мы опомниться, какъ злосчастный Мошка испустилъ раздирающій крикъ, затѣмъ, сдѣлалъ два-три судорожныхъ движенія въ водѣ... и смолкъ.

Это была уже уголовщина.

Я взглянулъ на Глумова и встрѣтилъ и его устремленные на меня глаза. Мы поняли другъ друга. Молча

пошли мы отъ пруда, но не къ дому, а дальше. А Праздниковъ все что-то бормоталъ, повидимому, даже не подозрѣвая страшной истины. Дойдя до конца парка, мы очутились на полѣ. Увы! въ этотъ моментъ мы позабыли даже о томъ, что оставляемъ позади четверыхъ вѣрныхъ товарищей...

Передъ нами лежали три сказочныя дороги: прямо, направо и налѣво...

XXVII.

Замѣчательно, что разъ человѣкъ вступилъ на стезю самосохраненія, онъ становится дѣятеленъ, какъ бѣсъ. Бѣжитъ во всѣ лопатки впередъ и уже никакія ухищренія либерализма, какъ бы они ни были коварны, не остановятъ его. Подставьте ему ножку — онъ перескочитъ; устройте на пути заборъ — перелѣзетъ; киньте поперекъ рѣку — переплыветъ; воздвигните крѣпостную стѣну — прошибетъ лбомъ.

Около полдёнъ мы были уже въ Бѣжецкѣ...

Насъ самихъ это изумило. Вотъ уже третій городъ Тверской губерніи, въ который бросаетъ насъ судьба. Зачѣмъ? Не хочетъ-ли она дать намъ почувствовать, что мы посланы въ міръ для того, чтобъ издать статистическое описаніе городовъ Тверской губерніи? Вѣдь существуетъ же мнѣніе, что всякій человѣкъ съ тѣмъ родится, чтобъ какую-нибудь задачу выполнить. Одинъ— для того, чтобъ опустошить огнемъ и мечемъ, другой— для того, чтобъ опустошенное возстановить, третій, наконецъ, для того, чтобъ написать статистическое описаніе города Череповца. Я лично зналъ человѣка, который съ отличіемъ окончилъ курсъ наукъ, и потомъ двадцать лучшихъ лѣтъ жизни слонялся по архивамъ,

преодолѣвалъ всякія препятствія, выслушивалъ отъ архиваріусовъ колкости — и, въ концѣ концовъ, издалъ сочиненіе подъ названіемъ «Родъ купцовъ Голубятниковыхъ». И въ тотъ самый день, когда былъ выданъ изъ цензурнаго комитета билетъ на выпускъ книги, умеръ. Или, говоря другими словами, все земное совершилъ.

Какъ бы то ни было, но я рѣшительно уклонился отъ осмотра Бѣжецкихъ достопримѣчательностей и убѣдилъ Глумова прямо отправиться на станцію желѣзной дороги, съ тѣмъ, чтобы съ первымъ же поѣздомъ уѣхать въ Петербургъ. Однакожъ, и на этотъ разъ случилось обстоятельство, которое удержало насъ въ прежней фантастической обстановкѣ.

Въ станціонномъ залѣ мы нашли многочисленную компанію, которая ѣла, пила и вела шумную бесѣду По объясненію буфетчика, компанію составляли представители весьёгонской интеллигенціи, которые устроили кому-то прòводы. Не успѣли мы проглотить по рюмкѣ водки, какъ начались тосты. Застучали стулья, пирующіе встали, и одинъ изъ нихъ звонко и торжественно провозгласилъ:

— За здоровье нашего русскаго Гарибальди!

Мы невольно обернулись, и можете себѣ представить нашъ испугъ! — въ самомъ челѣ стола, въ роли виновника торжества, увидѣли... Редедю!

Трудности египетскаго похода ни мало не измѣнили его *). Попрежнему, лицо его было похоже на улыбающійся фаршированный сычугъ; попрежнему, отливала глянцемъ на солнышкѣ его лысина и весело колыхался

*) Напоминаю читателямъ, что Редедя — странствующій полководецъ—который только, что воевалъ въ Египтѣ, по приглашенію Араби-паши.

овальный животъ; попрежнему, губы припухли отъ безпрерывнаго закусыванія, а глаза подергивались мечтательностью при первомъ намекѣ объ ѣдѣ. Словомъ сказать, попрежнему, все въ немъ было такъ устроено, чтобъ никому въ цѣломъ мірѣ не могло придти въ голову, что этотъ человѣкъ многія царства раззорилъ, а прочія совсѣмъ погубилъ...

Разумѣется, мы сейчасъ же присоединились къ сонму чествователей...

Въ два слова, Редедя разсказалъ намъ свои похожденія. Дѣло Араби-паши не выгорѣло. Это ему Редедя на первомъ же смотру предсказалъ. Представьте себѣ, вывели на смотръ войско, а оно три дня не ѣвши; мундирчики — въ лохмотьяхъ, подметки — изъ картонной бумаги, ружья — кремневыя, да и кремней-то нѣтъ, а вмѣсто нихъ, чурки, выкрашенныя подъ кремень. «Повѣришь-ли, говоритъ Араби: — все было: и сухари, и мундиры, и ружья—и все интендантскіе чиновники разворовали!»—Да позволь, говорю, мнѣ хоть одного, для примѣра, повѣсить!—«Нельзя, говоритъ, закона нѣтъ!»— Это въ военное-то время... законъ!! Впрочемъ, и это бы еще ничего, а вотъ что̀ ужь совсѣмъ худо: выправки въ войскѣ нѣтъ. Имъ командуютъ: ребята впередъ! — а они: у насъ, ваше благородіе, сапогъ нѣтъ! — Ну, натурально, стали отступать. Отступали-отступали, «наконецъ, смотрю: гдѣ войско? — нѣтъ никого!» На силу удралъ... А теперь Редедя возвращается изъ поѣздки по Весьёгонскому уѣзду, куда былъ приглашенъ мѣстной интеллигенціей для чествованія, въ качествѣ русскаго Гарибальди.

— Да здравствуетъ русскій Гарибальди! крикнули въ одинъ голосъ весьёгонскіе интеллигенты.

Они имѣли видъ восторженный. Будучи отъ природы сжигаемы внутреннимъ пламенемъ и не находя пово-

довъ для его питанія въ предѣлахъ Весьёгонскаго уѣзда, они невольно переносили свои восторги на предпріятія отдаленныя, почти сказочныя, и съ помощью воображенія успѣвали обмануть себя. Даже теперь, въ виду несомнѣннаго пораженія Редеди, они не лишали его довѣрія и продолжали уповать, что когда-нибудь онъ ихъ разутѣшитъ. И вотъ, обездоленные всевозможными бреднями и антибреднями, они не задумываются на послѣдніе гроши выписать Редедю, чтобы, хотя по поводу египетскихъ дѣлъ, излить ту полноту чувства, которая не нашла себѣ удовлетворенія ни въ вопросѣ о заготовленіи бѣлья для земскихъ больницъ, ни въ вопросѣ объ установленіи на мостахъ и переправахъ однообразныхъ и необременительныхъ таксъ...

Они не производятъ ни плисовъ, ни миткалей; поэтому, открытіе пути въ Индію отнюдь не можетъ непосредственно ихъ интересовать. Но они испытываютъ адскую скуку, и вслѣдствіе этого Редедя, который всю жизнь тормошился и никогда не унывалъ, вызываетъ въ нихъ восторгъ. Стало быть, не все еще затянуло болото; стало быть, есть еще возможность о чемъ-то думать, на что-то тратить силы, помимо распредѣленія пунктовъ для содержанія земскихъ лошадей... И вотъ они жадно вглядываются въ это смутное «нѣчто» и вопіютъ: да здравствуетъ нашъ русскій Гарибальди!

— Прогоны-то получилъ-ли? озаботился за Редедю Глумовъ.

— Прогоны мнѣ Араби-паша въ оба конца впередъ уплатилъ, равно какъ и полугодовое жалованье не взачетъ, отвѣтилъ Редедя: — ну, а порціоны, должно быть, придется на томъ свѣтѣ угольками получить.

— Ахъ, Полканъ Самсонычъ, Полканъ Самсонычъ! когда-то угомонишься ты!

Оказалось, что онъ угомонится лишь тогда, когда

покорить подъ нозѣ торгаша-англичанина, который у него «вотъ гдѣ сидитъ».

— Да на какой тебѣ его лядъ... началъ-было Глумовъ, но весьёгонцы такъ на него окрысились, что онъ счелъ болѣе благоразумнымъ умолкнуть.

Изъ послѣдующаго разговора выяснилось, что Редедя ненавидѣлъ англичанина, во-первыхъ, за то, что онъ торгашъ и возвышенныхъ чувствъ не имѣетъ, а во-вторыхъ, за то, что онъ препятствуетъ сбыту московскихъ плисовъ и миткалей и тѣмъ замедляетъ разрѣшеніе восточнаго вопроса. Но существовало, сверхъ того, обстоятельство, затрогивавшее Редедю лично. Еще будучи кадетомъ, онъ купилъ однажды перочинный ножичекъ, на лезвіѣ котораго было выштамповано «аглицкой», а черезъ два дня этотъ ножичекъ сломался — «вотъ вамъ доказательство»! А послѣ того онъ сталъ покупать завьяловскіе ножички, и они не ломаются — «вотъ вамъ другое доказательство»! Съ тѣхъ поръ и стало въ немъ накапливаться: то платокъ «аглицкой» полиняетъ, то сукно «аглицкое» окажется съ пятнами. И теперь у него такой проектъ: пробраться съ горстью храбрецовъ въ Индію и уговорить тамошнихъ вассальныхъ державцевъ свергнуть постыдное англійское иго. Съ этою цѣлью онъ спѣшитъ теперь въ Кашинъ, гдѣ у него назначено совѣщаніе съ мѣстными винодѣлами, а изъ Кашина проѣдетъ въ Москву, гдѣ ужь все на мази. Въ Москвѣ купитъ географію Смирнова, и по первопуткѣ, черезъ Саратовъ, Кандагаръ и Кашемиръ, укатитъ прямо въ то самое мѣсто, гдѣ раки зимуютъ.

— Мѣста-то какія: Кашемиръ, Гюллистанъ! восклицаетъ онъ, играя животомъ:—женщины-то какія! «Груди твои, какъ два бѣлыхъ козленка! лоно твое...» ффу!

Однимъ словомъ, такъ всѣхъ растревожилъ, что разгоряченные весьёгонцы хоромъ грянули: *вотъ мчится*

тройка удалая! — а Глумовъ поцаловалъ виновника торжества въ лысину и взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— Пошли тебѣ Богъ! Признаться сказать, не чаялъ я, чтобы развязка была такъ близка, ну, а теперь вижу...

Разговорились, конечно, и объ Египтѣ. Любопытнѣйшая страна. Каждый годъ въ ней происходитъ разлитіе Нила, и когда вода спадетъ, то образуется почва, въ которую стòитъ только зерно бросить, а потомъ только знай поспѣвай собирать. Собственно египтяне представляютъ собою аристократію и исповѣдуютъ магометанство, а чернядь — феллахи, которые исповѣдуютъ все, что̀ велятъ. Въ древности, страной правили фараоны, а теперь правятъ хедивы, которые платятъ дань султану турецкому, но постоянно съ нимъ пикируются. При фараонахъ воздвигнуты были пирамиды и обелиски, при хедивахъ ничего не воздвигнуто. Одинъ изъ фараоновъ погибъ въ Красномъ морѣ, преслѣдуя евреевъ, и Редедя лично то мѣсто осматривалъ. Старожилы разсказываютъ, что въ старину здѣсь, полѣвѣе, бродъ былъ, а фараонъ ошибся, взялъ право, да такъ съ колесницей и ухнулъ. Но главное украшеніе и надежду Египта составляютъ крокодилы. Способнѣйшихъ изъ нихъ назначаетъ хедивъ губернаторами въ дальнія провинціи: Дарфуръ, Суданъ и т. д. А такъ какъ крокодилы въ Египтѣ плодятся безпрепятственно, то и недостатка въ кандидатахъ на губернаторскія мѣста никогда не бываетъ, чему многія иностранныя государства завидуютъ.

— Ну, а ѣда въ Египтѣ какова? полюбопытствовалъ Глумовъ.

— Ѣда — средственная. Феллахи — тѣ ящерицами питаются; а градоначальники, и военоначальники хоть и сладко жрутъ, но все пальцами. И непремѣнно поджавши ноги.

— Тсс...

— За то по женской части — малина! Не успѣешь, бывало, мигнуть ординарцу: кàкъ бы, братецъ, баядерочку промыслить — глядь, а ужь она, бестія, тутъ какъ тутъ? Тѣло смуглое, точно постнымъ масломъ вымазанное, груди — какъ голенища, а въ рукахъ — бубенъ! «Эй, жги, говори!» — ни дать, ни взять, какъ въ Москвѣ, въ Грузинахъ.

Изъ закусокъ, въ Египтѣ только сардинки и можно ѣсть. Сельди — съ запашкòмъ, а икры да балыка ни за какія деньги достать нельзя. Финансовъ тамъ и въ заводѣ нѣтъ; рублей не видать, а водятся полтинники да и тѣ смахиваютъ на четвертаки. Такъ что приходится занимать солдатъ усиленнымъ моціономъ, чтобы они забыли объ жалованьи. Торговля ведется исключительно сфинксами и муміями, а много-ли ими наторгуешь? Судовъ — нѣтъ, а вмѣсто нихъ правило: сколько заслужилъ, столько и получи! Равнымъ образомъ, нѣтъ ни наукъ, ни литературы, а слѣдовательно, нѣтъ и превратныхъ толкованій. Упованій у египтянъ тоже нѣтъ, кромѣ одного: когда русскіе выгонятъ торгашей-англичанъ изъ Индіи, тогда и они поправятся. А почему и въ какомъ смыслѣ «поправятся»—неизвѣстно. Извѣстно только, что каждый разъ, какъ онъ, Редедя, развивалъ свои предположенія относительно Индіи, то даже крокодилы — и тѣ плакали.

Много, и кромѣ этого, любопытнаго разсказалъ Редедя про Египетъ, но иногда почему-то сдавалось, что онъ словно не объ Египтѣ, а объ Весьёгонскомъ уѣздѣ разговариваетъ. Напримѣръ: и весьёгонцамъ хочется Индію подъ нозѣ покорить, и египтянамъ — тоже, а зачѣмъ — ни тѣ, ни другіе не знаютъ. Или: и въ Египтѣ насчетъ недоимокъ строго, и въ Весьёгонскомъ уѣздѣ строго, а денегъ ни тутъ, ни тамъ — нѣтъ.

Чѣмъ-то фантастическимъ отдавало отъ этихъ разсказовъ, а мы, все-таки, слушали и наматывали себѣ на усъ. Что̀ такое Редедя? откуда онъ вышелъ? въ силу чего мечется? дѣйствительно-ли онъ додумался до какой-то задачи, или же задача свалилась къ нему зря? а можетъ быть, и не задача совсѣмъ, а просто, какъ говорится, восца. Или, можетъ быть, сказокъ онъ въ дѣтствѣ начитался, какъ Иванушко-дурачекъ жаръ-птицу добывалъ, на саночкахъ-самокаточкахъ ѣздилъ, на коврѣ-самолетѣ леталъ. Ну, и пошелъ по слѣдамъ. Глумовъ даже не утерпѣлъ, чтобъ не формулировать этихъ догадокъ.

— Слушаю я тебя, голубчикъ, сказалъ онъ:—да только съ диву даюсь. Та̀къ ты говоришь, та̀къ говоришь, что другому, кажется, и словъ-то такихъ ни въ жизнь не подобрать... Точно ты изъ тьмы кромѣшной выбѣжалъ, и вдругъ тебя ослѣпило... И съ тѣхъ поръ ты ни устоять, ни усидѣть не можешь...

— И не усижу, твердо отвѣтилъ Редедя: — покуда хоть одинъ торгашъ-англичанинъ остается въ Индіи — не усижу!

А весьёгонцы слушали эти рѣчи и плескали руками. И кричали: браво, русскій Гарибальди! живіо! урраааǃ А одинъ, помоложе, даже запѣлъ: allons, enfans de la patrie...

Плескали руками и мы съ Глумовымъ, во-первыхъ, потому, что попробуй-ка въ семъ разѣ не поплескать — какъ разъ въ измѣнники попадешь, а во-вторыхъ и потому, что, въ сущности, это была своего рода беллетристика, а до беллетристики всѣ мы, грѣшнымъ дѣломъ, падки. И Глумовъ очень чутко выразилъ общее настроеніе, сказавъ:

— Шествуй, братъ! такая ужь видно у тебя планида... Но географію Смирнова, все-таки, купи, потому

что, въ противномъ случаѣ, подобно древнему фараону, заѣдешь вправо, и тогда поминай какъ звали!

Разговоръ этотъ, вмѣстѣ съ возгласами и перерывами, длился не болѣе часа, а все, что можно было сказать, было уже исчерпано. Водворилось молчаніе. Сначала одинъ зѣвнулъ, потомъ—всѣ зазѣвали. Однакожъ, сейчасъ же сконфузились. Чтобы поправиться, опять провозгласили тостъ: за здоровье русскаго Гарибальди!— и стали цаловаться. Но и это заняло не больше десяти минутъ. Тогда кому-то пришла на умъ счастливая мысль: потребовать чаю — и всѣ помыслы мгновенно перенеслись къ Китаю.

— Вотъ бы намъ куда! молвилъ одинъ изъ весьёгонцевъ.

— Ужь мы одной ногой — тамъ-съ! а современемъ и другой ногой будемъ-съ! обнадежилъ Редедя, и при этомъ сообщилъ, что китайцы производятъ торговлю чаемъ, фарфоромъ и тушью, а питаются птичьими гнѣздами.

Опять водворилось молчаніе. Вдругъ, одинъ изъ весьёгонцевъ началъ ожесточенно чесать себѣ поясницу и на лицѣ его такъ ясно выступила мысль о персидскомъ порошкѣ, что я невольно подумалъ: вотъ - вотъ сейчасъ пойдетъ рѣчь о Персіи. Однакожъ, онъ только покраснѣлъ и промолчалъ; должно быть, посовѣстился, а можетъ быть, и чесаться больше ужь не требовалось.

Пользуясь этою передышкой, я сѣлъ на дальнюю лавку и задремалъ. Сначала видѣлъ во снѣ «долину Кашемира», потомъ — «розу Гюллистана», потомъ—«груди твои, какъ два бѣлыхъ козлёнка», потомъ — пріѣхалъ, будто бы, я въ Весьёгонскъ, и не знаю, куда оттуда бѣжать, въ Устюжну или въ Череповецъ... И вдругъ меня кольнуло. Открываю глаза, смотрю... Стыдъ!! Не бичующій и даже не укоряющій, а только какъ бы не-

*

доумѣвающій. Но одного этого «недоумѣнія» было достаточно, чтобъ мнѣ сдѣлалось невыносимо жутко.

Цѣлая масса вопросовъ вдругъ закружилась въ моей головѣ. Какъ будто я только сейчасъ проснулся послѣ долгаго сна, наполненнаго безобразнѣйшими сновидѣніями. Сновидѣнія эти стояли передо мной, какъ живыя, со всѣми живыми подробностями, почти доступными осязанію; и такъ какъ они воплощали собой вчерашній день, то я нетолько отказаться отъ нихъ, но и усомниться въ ихъ подлинности не могъ. Но и за всѣмъ тѣмъ, я не понималъ. Я отдавалъ себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ фактической сторонѣ этихъ сновидѣній: въ какой формѣ они зародились, какъ потомъ перешли черезъ цѣлую свиту лицъ, городовъ, мѣстностей (Иванъ Тимофеичъ, Балалайкинъ, Очищенный, Корчева, Самаркандъ и т. д.), но какую связь имѣли эти измѣненія формъ съ моимъ внутреннимъ существомъ, съ моимъ сознаніемъ — этого я никакъ прослѣдить не могъ. Очевидно, я жилъ подъ вліяніемъ какого-то страшнаго нравственнаго угнетенія, которое низводитъ человѣка на степень автомата. Я помнилъ, что познакомился съ Парамоновымъ, съ Прудентовымъ, съ Редедей, что былъ въ Корчевѣ, въ Кашинѣ, но въ силу чего я сдѣлалъ эти знакомства и совершилъ эти путешествія — я не могъ понять. Очевидно, что даже теперь, въ эту минуту, я былъ угнетенъ. И чувствовалъ, что у меня замираетъ сердце, что все мое существо переполнено смутной тревогой и что глаза мои почти инстинктивно избѣгаютъ встрѣчи съ постороннимъ взоромъ...

Такъ подѣйствовала на меня встрѣча съ Стыдомъ.

— За здоровье русскаго Гарибальди! живіо! урраaa! опять и опять грянуло въ моихъ ушахъ.

Стулья на этотъ разъ усиленно застучали. Въ залѣ произошло общее движеніе. Дорожный телеграфъ далъ

знать, что поѣздъ выѣхалъ съ сосѣдней станціи и черезъ двадцать минутъ будетъ въ Бѣжецкѣ. Въ то же время, въ залу ворвалась кучка новыхъ пассажировъ. Поднялась обычная дорожная суета. Спѣшили брать билеты, закусывали, выпивали. Стыдъ — скрылся. Мы съ Глумовымъ простились съ Редедей и выбѣжали на платформу. Какъ вдругъ мой слухъ поразилъ разговоръ:

— На самомъ, значитъ, мелкомъ мѣстѣ, разсказывала одна чуйка другой: — только рыло и окунули, даже затылка не замочили!..

— Подòхъ?

— Тутъ же и пузыри сталъ пущать. Дьяконъ-то, вишь, слѣпой: стоитъ да бормочетъ, а ихъ и слѣдъ простылъ!

— Сколь много нонѣ этой пакости завелось! Безпремѣнно это дѣло разъяснить надо!

— Товарищей ихнихъ и теперь за караулъ взяли. Четверо. И баба съ ними увязалась. Сегодня же всѣхъ въ Кашинъ отправили. А за тѣми, за двоими, во всѣ концы гонцовъ разослали...

Мы съ Глумовымъ стояли другъ противъ друга и безмолвно прислушивались.

— Начинается! наконецъ, произнесъ я.

— И какая, братецъ, это съ моей стороны была гадость! отвѣтилъ онъ: — даже объ Фаинушкѣ позабылъ... убѣжалъ!

— Послушай... а вѣдь намъ въ Кашинъ ѣхать надо! предложилъ я.

— И непремѣнно вмѣстѣ съ Редедею, прибавилъ Глумовъ. — И его будутъ искать, и Балалайкина, и Прудентова... всѣхъ!

— Ты думаешь, стало быть, что теперь *все... всѣ* дѣла наши должны обнаружиться?

— Непремѣнно *всѣ*. И я увѣренъ, что и Иванъ Тимофеевъ, и Прудентовъ, и Балалайкинъ — *всѣ* непре-

мѣнно соберутся въ Кашинѣ. Вотъ увидишь. Что̀ такое сама по себѣ смерть жида? Это одинъ изъ эпизодовъ современныхъ вѣяній—и больше ничего. Не этотъ фактъ важенъ, а то, что времена назрѣли. Остается пропѣть заключительный куплетъ и раскланяться.

Я слушалъ Глумовскія предсказанія и сопоставлялъ ихъ съ недавнимъ появленіемъ Стыда. И чѣмъ болѣе я думалъ надъ этимъ, тѣмъ больше находилъ связи, тѣмъ больше убѣждался, что времена, дѣйствительно, созрѣли.

Въ два слова мы объяснили Редедѣ о тяжкомъ подозрѣніи, котораго безвинно мы сдѣлались жертвою. Но онъ выслушалъ насъ съ обычнымъ своимъ легкомысліемъ, и, повидимому, даже не разобралъ, въ чемъ дѣло.

— Жида утопили! воскликнулъ онъ: — и испугались! да я ихъ массами... массами... плотину изъ нихъ въ Западной Двинѣ...

Тройка, долженствовавшая увезти его въ Кашинъ на совѣщаніе съ винодѣлами, уже съ часъ ожидала у подъѣзда. Еще разъ провозгласили тостъ — послѣдній — и черезъ десять минутъ мы уже были за стѣнами Бѣжецка.

XXVIII.

Но здѣсь я обращаюсь къ снисходительности читателя.

Я долженъ кончить съ этой исторіей, хоть скомкать ее, но кончить. Я самъ не разсчитывалъ, что слово «конецъ» напишется такъ скоро и предполагалъ провести моихъ героевъ черезъ всѣ мытарства, составляющія естественную обстановку карьеры самосохраненія. Не знаю, сладилъ-ли бы я съ этой сложной задачей; но знаю, что долженъ отказаться отъ нея и на скорую руку свести концы съ концами.

Во все продолженіе моей литературной дѣятельности я представлялъ собою утопающаго, который хватается за соломенку. Покуда соломенки были, я кое-какъ держался; но какъ скоро нѣтъ и соломенокъ—ясное дѣло, что приходится утонуть.

Я надѣюсь, что читатель отнесется ко мнѣ снисходительно. Но ежели бы онъ напомнилъ мнѣ объ отвѣтственности писателя передъ читающею публикой, то я отвѣчу ему, что отвѣтственность эта взаимная. По крайней мѣрѣ, я совершенно искренно убѣжденъ, что въ бо̀льшемъ или мѐньшемъ пониженіи литературнаго уровня читатель играетъ очень существенную роль.

Мысль о солидарности между литературой и читающей публикой не пользуется у насъ кредитомъ. Какъ-то черезчуръ охотно предоставляютъ у насъ писателю играть роль вьючнаго животнаго, обязаннаго нести бремя всевозможныхъ отвѣтственностей. Но сдается, что недалеко время, когда для читателя само собой выяснится, что добрая половина этого бремени должна пасть и на него.

Впрочемъ, это матерія пространная, и рѣчи объ ней должны быть пространныя...

Вкратцѣ, наши дальнѣйшія похожденія заключались въ слѣдующемъ:

Пріѣхавши въ Кашинъ, мы немедленно отъявились къ Ивану Иванычу. Но послѣдній, похваливъ насъ за то, что мы не обѣгаемъ кашинскаго суда, объявилъ, что насъ уже ищутъ. И не по одному только дѣлу объ утопленіи жида, но и по всѣмъ вообще содѣяннымъ нами въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ преступленіямъ. Ищутъ также и Редедю, который обвиняется въ сношеніяхъ съ египетскими агитаторами и въ распространеніи вредныхъ мечтаній въ средѣ московскихъ ситцевыхъ фабрикантовъ. Для опознанія нашихъ личностей въ Кашинъ привезенъ подъ карауломъ,одинъ изъ вреднѣйшихъ злоумышленниковъ (не Иванъ-ли Тимофеичъ? мелькнуло у меня въ головѣ), который уже имѣлъ очной сводъ съ пойманными въ селѣ Благовѣщенскѣ четверыми сообщниками нашими, и послѣдніе во всемъ чистосердечно признались. Затѣмъ, остается сдѣлать такой же очной сводъ съ нами, и насъ завтра же увезутъ, за карауломъ, на судьбище въ Петербургъ.

И такъ какъ у Ивана Иваныча, въ минуту нашего посѣщенія, собралась партія въ винтъ и между винтя-

щими оказался и прокуроръ, то насъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отправили въ острогъ. Тамъ мы нашли, кромѣ товарищей по путешествію, еще Ивана Тимофеича, который, какъ увидѣлъ насъ, сейчасъ же воскликнулъ: они самые и есть! Очной сводъ былъ конченъ.

Въ Петербургѣ насъ судили. Прокуроръ произнесъ блестящую рѣчь, изъ которой я приведу лишь то, что̀ касалось меня и Глумова. Мы оба обвинялись въ однихъ и тѣхъ же преступленіяхъ, а именно: 1) въ тайномъ сочувствіи къ превратнымъ толкованіямъ, выразившемся въ тѣхъ уловкахъ, которыя мы употребляли, дабы сочувствіе это ни въ чемъ не проявилось; 2) въ сочувствіи къ мечтательнымъ предпріятіямъ вольнонаемнаго полководца Редеди; 3) въ томъ, что мы поступками своими вовлекли въ соблазнъ полицейскихъ чиновъ Литейной части, послѣдствіемъ каковаго соблазна было со стороны послѣднихъ бездѣйствіе власти; 4) въ покушеніи основать въ Самаркандѣ университетъ и въ подговорѣ къ тому же купца Парамонова; 5) въ томъ, что мы, зная силу законовъ, до нерасторжимости браковъ относящихся, содѣйствовали совершенію брака адвоката Балалайкина, при живой женѣ, съ купчихой Фаиной Стёгнушкиной: 6) въ томъ, что мы, не участвуя лично въ написаніи подложныхъ векселей отъ имени содержательницы кассы ссудъ Матрены Очищенной, не воспрепятствовали таковому писанію, хотя имѣли полную къ тому возможность; 7) въ томъ, что, будучи на постояломъ дворѣ въ Корчевѣ, занимались сомнительными разговорами и, между прочимъ, подстрекали мѣщанина Красноцвѣтова къ возмущенію противъ купца Вздошникова; 8) въ принятіи отъ купца Парамонова счета подъ названіемъ «Жизнеописаніе» и въ несвоевременномъ его опубликованіи и 9) во всемъ остальномъ.

Къ нашему счастью, обвинитель слишкомъ увлекся

щегольскою стороной своей задачи и потому былъ черезчуръ ужь блестящъ. Онъ въ особенности настаивалъ на девятомъ пунктѣ обвиненія, а такъ какъ этотъ пунктъ требовалъ абсолютной свободы краснорѣчія, то, мало-по-малу, обвинитель, дѣйствительно, освободилъ себя отъ всѣхъ узъ, кромѣ мундира. Фактическая сторона нетолько отодвинулась на задній планъ, но совсѣмъ исчезла. Образовалась картина, въ которой, сверхъ грома и молніи, было еще и землетрясеніе. А такъ какъ надъ землетрясеніями человѣческій судъ не властенъ, то вышло пустое дѣло.

Мы защищались сами, и могу сказать съ гордостью, вели это дѣло очень ловко. Прокурорскому землетрясенію мы противопоставили чистосердечный и трогательный разсказъ о нашемъ обращеніи на путь самосохраненія. Мы не отрицали, что грѣшки за нами водились. Мы даже прямо сознались, что, будучи воспитаны въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мы охотно поддавались обольщеніямъ разума, но въ то же время самымъ убѣдительнымъ образомъ доказали, что обольщенія эти были своевременно нами поняты и вполнѣ искуплены послѣдующимъ нашимъ поведеніемъ. Такъ что дѣйствія, которыя составляютъ, такъ сказать, ядро обвиненія, нетолько не обвиняютъ насъ, а, напротивъ, оправдываютъ и обѣляютъ. Не для сокрытія вреднаго образа мыслей предприняли мы знакомство съ Кшепшицюльскимъ, Прудентовымъ, Очищеннымъ и проч., а для того, чтобы засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ міромъ о нашей зрѣлости и готовности. Мы не хитрили и не разставляли ловушекъ полицейскимъ чинамъ, и объятія, которыя мы раскрывали имъ, не были лжеобъятіями. Но ежели и за всѣмъ тѣмъ въ дѣйствіяхъ нашихъ усматривается чтò-либо сомнительное, то это произошло единственно отъ неопытности и отъ недостатка руководящихъ указаній.

— Подобно утлому челну, говорилъ прерывистымъ отъ волненія голосомъ Глумовъ: — носились мы, безъ кормила и весла, по волнамъ, и только звѣзды небесныя взирали на насъ съ высоты. Невинность, сказалъ гдѣ-то безсмертный Шекспиръ, подобна пустой бутылкѣ, которую можно наполнить какимъ угодно содержаніемъ. Вотъ эту-то пустую бутылку и представляли мы собой, ибо, хотя первоначальная невинность и была нами утрачена, но обращеніе наше на путь возрожденія подарило насъ второю невинностью, еще болѣе прочною, нежели первая. Но напрасно протягивали мы нашу пустую бутылку для наполненія—мы вынуждены были наполнять ее сами, подъ личною отвѣтственностью, чѣмъ придется. Мы раскрывали объятія, а намъ устраивали западни; мы устремлялись въ лоно, а попадали... въ гущу! Можно-ли вообразить себѣ зрѣлище болѣе потрясающее! Вы видѣли здѣсь Кшепшицюльскаго, господа судьи! видѣли только въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, покуда онъ давалъ показаніе... А мы нетолько видѣли его, но играли съ нимъ цѣлые мѣсяцы въ карты... единственно для того, чтобы доказать нашу зрѣлость! И онъ сдавалъ игры, при которыхъ объявлявшій игру, въ самомъ счастливомъ случаѣ, оставался безъ двухъ... Вотъ элементы, которые испытывали насъ и на глазахъ которыхъ совершалось наше возрожденіе... Но и за всѣмъ тѣмъ, рѣшимость наша нетолько не поколебалась, но росла съ каждымъ днемъ больше и больше...

Я же, съ своей стороны, присовокупилъ, что хотя обвиненіе и ставитъ намъ въ преступленіе подстрекательство купца Парамонова къ основанію Заравшанскаго университета, но изъ обстоятельствъ дѣла ясно усматривается, что Парамоновъ рѣшился на этотъ поступокъ совсѣмъ не вслѣдствіе нашего подговора, а потому, что

мѣнялы вообще, по природѣ своей, горазды основывать университеты.

Такимъ образомъ, политическая часть процесса была очищена. Что̀ же касается до части общеуголовной, то намъ ничего не стоило доказать, что со стороны Балалайкина нетолько не существовало самаго факта двоеженства, но даже не было и приготовленій къ этому, такъ какъ ни покупка для Балалайкина халата, ни приглашеніе братьевъ Перекусихиныхъ, ни ужинъ въ кухмистерской Завитаева ни въ какомъ смыслѣ преступленіями названы быть не могутъ. Равнымъ образомъ не было и участія въ составленіи подложныхъ векселей, такъ какъ не существовало самаго факта написанія, а было только *упражненіе* въ таковомъ, причемъ бумага со столбиками была употреблена не съ намѣреніемъ, а по неимѣнію въ городѣ Корчевѣ другой. Затѣмъ, о случаѣ смерти жида Мошки мы даже распространяться не стали. Былъ жидъ—и нѣтъ его. А гдѣ теперь витаетъ душа его, и даже безсмертна-ли она—намъ неизвѣстно.

Словомъ сказать, мы вышли изъ суда обѣленными, при общемъ сочувствіи собравшейся публики. Мужчины поздравляли насъ, дамы плакали и махали платками. Вмѣстѣ съ нами признаны были невинными и прочіе наши товарищи, исключая, впрочемъ, Редеди и «Корреспондента». Первый, за распространеніе вредныхъ мечтаній въ средѣ ситцевыхъ фабрикантовъ, былъ присужденъ къ заключенію въ смирительный домъ; послѣдній, за написаніе, въ Проплёванной, фельётона о «негодяѣ» — къ пожизненному трепету.

Но настоящій успѣхъ ждалъ насъ впереди. На другой день насъ посѣтилъ извѣстный меценатъ и мануфактуръ совѣтникъ Кубышкинъ и сдѣлалъ намъ самыя лестныя предложенія. Замѣтивъ въ насъ наклонность къ здравомыслію и желая воспользоваться этою способ-

ностью въ видахъ распространенія собственной фабрики ситцевъ и миткалей, онъ задумалъ основать собственный Кубышкинскій литературно - политическій органъ, который проводилъ бы его Кубышкинскія идеи. Сущности этихъ идей онъ намъ не раскрылъ, но показалъ образчикъ ситцевъ (тутъ были и «веселенькіе» для молодыхъ, и «сурьёзные» для старухъ), и при этомъ такъ характеристично погладилъ бороду и щелкнулъ языкомъ, что мы и безъ объясненій поняли. Газета предполагалась ежедневная и должна была появляться часомъ раньше, нежели прочія газеты. Гонораръ намъ будетъ назначенъ «глядя по дѣлу», причемъ, конечно, онъ насъ «не обидитъ». Но, сверхъ гонорара, намъ предоставлялось, по воскресеньямъ, имѣть у Кубышкина обѣденный столъ, «наравнѣ съ генералами». Писать и редактировать статьи мы вольны по своему усмотрѣнію, Кубышкинъ же будетъ только направлять и вдохновлять насъ. Вспомнили и объ Редедѣ, которому предоставлялось присылать изъ смирительнаго дома статьи по восточному отдѣлу. Чтò же касается до отдѣла «Нашъ петербургскій high life», то веденіе его возлагалось на Очищеннаго. Съ этою цѣлью ему купили въ Апраксиномъ хорошую фрачную пару и нѣсколько паръ бѣлыхъ нитяныхъ перчатокъ и наняли отъ Бореля татарина, который въ нѣсколько уроковъ, выучилъ его, кàкъ держать въ рукахъ подносъ. Одному «Корреспонденту» не нашлось мѣста въ газетѣ, но тутъ ужь ничего нельзя было подѣлать, потому что «Корреспондентъ» морозовскіе ситцы предпочиталъ кубышкинскимъ, и ни онъ, ни Кубышкинъ не соглашались ни пяди уступить изъ своихъ убѣжденій.

Разумѣется, мы съ радостью приняли всѣ эти условія и сейчасъ же придумали для газеты названіе Словесное Удобреніе».

Черезъ мѣсяцъ вышелъ въ свѣтъ первый нумеръ «Удобренія», и такъ какъ газета появлялась ежедневно часомъ раньше другихъ, то, натурально, всѣ кухарки, идучи на рынокъ, запасались ею.

Статьи о томъ, что всякое время имѣетъ свою особую задачу и что задача эта должна быть выполнена, хотя бы сущность ея и противорѣчила требованіямъ строгой нравственности — это мы писали. Статьи о томъ, что, съ одной стороны, всего у насъ довольно, а съ другой, ничего у насъ нѣтъ — тоже мы писали. Статьи о томъ, что всѣ иностранные ситцы и миткали слѣдуетъ безусловно къ ввозу запретить, а наши ситцы и миткали, нагрузивъ на подводы, везти куда глаза глядятъ — тоже мы. Статьи о томъ, что мыслить не воспрещается, но *кàкъ мыслить?* — мы. Страннымъ образомъ, заботы о благоустройствѣ и благочиніи переплетались у насъ съ заботами о ситцахъ и миткаляхъ, такъ что успѣхъ или неуспѣхъ послѣднихъ являлся какъ бы указателемъ того или другого уровня благочинія. Скажу болѣе: такъ какъ ситцы представляли кульминаціонный пунктъ, подъ сѣнію котораго ютились всѣ надежды и упованія «Удобренія», то, по временамъ, мы не прочь были даже допустить вмѣшательство потрясательныхъ элементовъ, лишь бы пристроить ситцы. И именно ситцы кубышкинскіе. Идя по этому пути и постепенно разсъяряясь, мы дошли, наконецъ, до какого-то прорицающаго паѳоса. Не довольствуясь изгнаніемъ съ внутреннихъ рынковъ иностранныхъ ситцевъ, мы требовали такой же проскрипціи для ситцевъ Морозова, потомъ — Цинделя, и, наконецъ — *всѣхъ*, кромѣ Кубышкинскихъ. Только Кубышкинъ, только онъ одинъ могъ, съ пользой для себя (по ошибкѣ, мы писали: «для государства»), одѣть въ ситцевыя рубахи какъ русскихъ подданныхъ, такъ и персіанъ, бухарцевъ, хивинцевъ, индѣйцевъ и прочихъ

иновѣрцевъ. А также единовѣрныхъ намъ болгаръ и сербовъ.

Этой ситцевой пропагандѣ сильно помогалъ Редедя. Каждое утро, его, подъ конвоемъ, приводили изъ смирительнаго дома въ редакцію; тутъ онъ на картѣ вымѣривалъ циркулемъ кратчайшій путь изъ Москвы въ Индію, и выходило ужасно близко. Затѣмъ, онъ садился и писалъ статьи, въ которыхъ сыпучимъ пескамъ противопоставлялъ смѣющіеся оазисы, а временному недостатку воды — ея благовременное изобиліе и, притомъ, отмѣннаго качества. Пользуясь симъ случаемъ, онъ называлъ верблюдовъ «кораблями пустыни» и совѣтовалъ всегда имѣть въ резервѣ нѣсколько лишнихъ верблюдовъ, такъ какъ въ пустынѣ они представляютъ подспорье («извѣстно, что верблюды» и т. д.), благодаря которому устраняется недостатокъ въ водѣ. Хороши также, для этой цѣли, кокосовые орѣхи, покуда они не дозрѣли и изобилуютъ молокомъ.

Что̀ касается Очищеннаго, то хроника его имѣла двойственный характеръ. Въ мясоѣдъ, онъ писалъ, что никогда нашъ high life не былъ такъ оживленъ, и что надняхъ была свадьба графа Ѳедорова съ княжной Григорьевой и потомъ балъ у молодыхъ. Лѣстница была устлана роскошными восточными коврами и убрана тропическими растеніями, подъ сѣнію которыхъ, на каждой ступенькѣ, было поставлено по лакею, въ костюмахъ временъ Людовика XV. Одни парики на лакеяхъ по удостовѣренію обворожительной хозяйки, стоили по пятидесяти рублей за штуку, а что̀ стоили башмаки и чулки — еще не подано счетовъ. Съ наступленіемъ поста, Очищенный восклицалъ: «а теперь, mesdames, надо приниматься за грибки!», и разсказывалъ, съ какимъ самоотверженіемъ очаровательная княжна Зизи Прокофьева кушаетъ маринованные рыжички, а почтенные

родители смотрятъ на нее и приговариваютъ: мы должны сіе кушанье любить, ибо оно напоминаетъ намъ, что мы въ сей жизни путники...

Результаты этихъ усилій превзошли всѣ ожиданія. Сначала, газету покупали только кухарки, но потомъ стали покупать лакеи, дворники и, наконецъ, кабатчики. Кабатчикъ Разуваевъ говорилъ прямо, что еслибъ ему удалось отъискать здравомыслящихъ людей, которые съ такимъ же самоотверженіемъ ежедневно доказывали бы, что Колупаевскія и Вздошниковскія водки слѣдуетъ упразднить, а его, Разуваевскія, водки сдѣлать для всѣхъ благомыслящихъ людей обязательными, то онъ, «кажется, тыщъ бы не пожалѣлъ». Но хотя намъ были сдѣланы въ этомъ смыслѣ лестныя предложенія, однако, мы устояли и пребыли вѣрными Кубышкину.

Дальше-больше. «Удобреніе», мало-по-малу, проникло и въ міръ бюрократіи. Сначала насъ читали только канцелярскіе чиновники, потомъ стали читать столоначальники, а наконецъ, и начальники отдѣленія. И тутъ мы получили лестныя предложенія отъ департамента Раздачъ и Дивидендовъ, которому мы позволяли себѣ дѣлать, отъ времени до времени, довольно ѣдкіе реприманды; однакожъ, и на этотъ разъ мы устояли и пребыли вѣрными Кубышкину.

Наконецъ, наступилъ вожделѣнный день: «Удобреніе» попало въ изящныя ручки графини Ѳедоровой, рожденной княжны Григорьевой! Послѣдовали настоятельнѣйшія предложенія. Самъ графъ Ѳедоровъ пріѣзжалъ къ намъ для переговоровъ. Но мы остались вѣрными Кубышкину.

Ибо Кубышкинъ былъ знамя!

И многіе за это знамя держались!

А онъ (то-есть Кубышкинъ) только пыхтѣлъ и радовался, глядя на насъ. Передовыхъ статей онъ лично не читалъ — скучно! — но приказывалъ докладывать, и на докладѣ всякій разъ сбоку писалъ: «вѣрно». Но статьи Очищеннаго онъ читалъ самъ отъ первой строки до послѣдней, и когда былъ особенно доволенъ, то въ первый же воскресный день, передъ закуской, собственноручно подносилъ своему фавориту рюмку сладкой водки говоря:

— Это тебѣ... въ знакъ!

Гонорара опредѣленнаго онъ намъ не назначилъ, но отъ времени до времени «отваливалъ»; причемъ всякій разъ говорилъ: «напоминать мнѣ нѐзачѣмъ, я самъ вашу нужду знаю». Въ общемъ результатѣ, мы были сыты. И чѣмъ больше мы были сыты, тѣмъ больше ярились.

Наконецъ, до того разъярились, что стали выбѣгать на улицу и суконными языками, облитыми змѣинымъ ядомъ, изрыгали хулу и клевету. Проклинали человѣческій разумъ и указывали на него, какъ на корень гнетущихъ насъ золъ; предвѣщали всевозможныя бѣдствія, поселяли въ сердцахъ тревогу, сѣяли ненависть, раздоръ и междоусобіе и проповѣдывали всеобщее упраздненіе. И въ заключеніе, роптали, что намъ не внимаютъ.

И за всѣмъ тѣмъ, воротившись домой, пили, ѣли, спали и вообще производили всѣ отправленія, какія человѣческому естеству свойственны.

XXIX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ разгарѣ этой лихорадочной дѣятельности мы совсѣмъ забыли о Стыдѣ.

Но онъ объ насъ не забылъ.

Я помню, что наканунѣ вечеромъ мы общими силами написали громовую статью, въ которой доказывали, что общество находится на краю бездны. «Дѣло совсѣмъ не въ поимкѣ такъ-называемыхъ упразднителей общества», гремѣли мы, «которые, какъ ни опасны, но представляютъ, въ сущности, лишь слѣпое орудіе въ рукахъ ловкихъ людей, а въ томъ, чтобы самую мысль, мысль, мысль человѣческую окончательно упразднить. Покуда это не сдѣлано — ничего не сдѣлано; ибо въ ней, въ ней, въ ней, въ этой развращающей мысли, въ ея подстрекательствахъ заключается источникъ всѣхъ угрозъ. И ежели не будетъ принято въ этомъ смыслѣ энергическихъ мѣръ, и, притомъ, въ самомъ неотложномъ времени, то послѣдствія этой нерѣшительности прежде всего отразятся на нашей промышленности. Фабрика Кубышкина первая вынуждена будетъ на половину сократить производство своихъ ситцевъ и миткалей...

Спрашивается: что̀ станется съ массой рабочихъ, которую это сокращеніе производства оставитъ безъ заработковъ? и на кого ляжетъ отвѣтственность за ту неурядицу, которая можетъ при этомъ произойти»?

Стыдъ начался съ того, что на другой день утромъ, читая «Удобреніе», мы не повѣрили глазамъ своимъ. Мысль, что эту статью мы сами выдумали и сами изложили, была до такой степени далека отъ насъ, что, прочитавъ ее, мы въ одинъ голосъ воскликнули: однако! какія нынче статьи пишутъ! И почувствовали при этомъ такое колючее чувство, какъ будто насъ кровно обидѣли

Однимъ словомъ, мы позабыли...

Но припоминать, все-таки, пришлось, и мы припомнили. Работа припоминанія началась совершенно случайно. Пришелъ Очищенный и принесъ фёльетонъ, въ которомъ разсказывалъ, что надняхъ баронесса Марья Карловна каталась на тройкѣ по островамъ въ сопровожденіи графа Сергѣя Ѳедорыча. Каждую недѣлю ходилъ къ намъ Очищенный съ урочнымъ фёльетономъ, и всегда встрѣчалъ у насъ радушный пріемъ; но на этотъ разъ намъ показалось страннымъ: какимъ образомъ попалъ къ намъ этотъ злокачественный старикъ? И мы начали вглядываться въ него. Вглядывались, вглядывались, и вдругъ что̀-то въ глазахъ нашихъ освѣтилось... Сначала, одинъ пунктъ, потомъ, дальше, дальше—разомъ, цѣлый пожаръ! Всѣ сновидѣнія, вся явь—все разомъ вспыхнуло.

— «Удобреніе»-то — вѣдь это нашихъ рукъ дѣло!.. растерянно произнесъ Глумовъ.

— И эта статья, которую мы сейчасъ читали... тоже нашихъ рукъ дѣло! какъ эхо отозвался я.

Насъ охватилъ испугъ. Какое-то тупое чувство безвыходности, почти доходившее до остолбененія. Пови-

димому, мы только собирались съ мыслями и даже не задавали себѣ вопроса: что̀жь дальше? Мы не гнали изъ квартиры Очищеннаго, и когда онъ настаивалъ, чтобъ его статью отправили въ типографію, то безмолвно смотрѣли ему въ глаза. Наконецъ, пришелъ изъ типографіи метранпажъ и сталъ понуждать насъ, но, не получивъ удовлетворенія, долженъ былъ уйти восвояси.

Кое-какъ, однакожь, газетное дѣло уладилось. Въ трактирѣ «Ерши» нашли, на наше мѣсто, двухъ публицистовъ, привели къ Кубышкину и засадили за работу. Черезъ два часа, передовая статья была ужь готова. Въ ней доказывалось, что ежели для пьющихъ важно опредѣлить, съ какой именно рюмки они приходятъ въ опьяненіе, то тѣмъ паче необходима подобная опредѣлительность въ разныхъ отрасляхъ административной дѣятельности. Ибо вездѣ человѣкъ встрѣчается съ этою роковою рюмкой, но только тотъ называется мудрымъ, который умѣетъ предугадать ее и воздержаться.

Это было не въ бровь, а прямо въ глазъ, но Кубышкинъ понялъ это только тогда, когда читатели потребовали отъ него объясненій. Тогда, дѣлать нѐчего, пришлось этихъ публицистовъ разсчитать и посылать за другими въ гостинницу «Москва».

Нашли и тамъ пару. Эти поправили дѣло, написавъ отъ редакціи объясненіе, въ которомъ удостовѣрили, что все сказанное въ предъидущемъ нумерѣ объ рюмкахъ есть плодъ недоразумѣнія и что новая редакція «Удобренія» (меня и Глумова Кубышкинъ уже уволилъ) приметъ притчу о роковой рюмкѣ лишь для собственнаго поученія. Затѣмъ, слѣдовала большая передовая статья, въ которой развивалась мысль, что по случаю предстоящихъ праздниковъ Пасхи предстоитъ усиленный спросъ на яйца, что̀ несомнѣнно сообщитъ народной промышленности новый толчокъ. А ежели къ этому прибавить ку-

личи и пасхи, то вотъ вамъ, въ какихъ-нибудь два-три дня, цѣлый лишній милліонъ, пущенный въ народное обращеніе!

А мы, между тѣмъ, все еще сбирались съ мыслями. Мы даже не говорили другъ съ другомъ, словно боялись, что объясненіе ускоритъ какой-то моментъ, который мы чувствовали потребность отдалить. И тутъ мы лавировали и лукавили, и тутъ надѣялись, что Стыдъ пройдетъ какъ-нибудь самъ собою, изморомъ...

Но вдругъ, мы почувствовали тоску. Не ту тоску праздности, которую ощущаетъ человѣкъ, незнающій, какъ убить одолѣвающій его досугъ, и не ту безсознательно-пьяную прострацію силъ, которая приводитъ человѣка къ петлѣ, къ проруби, къ дулу пистолета. Нѣтъ это была тоска вполнѣ сознательная, трезвая, которая и разрѣшенія требовала сознательнаго, а не случайнаго. Боль, которую она приносила за собой, была тѣмъ мучительнѣе, что каждый ея уколъ воспринимался нетолько въ той силѣ, которая ей присуща, но и въ той, утроенной, удесятеренной, которую ей придавалъ доведенный до болѣзненной чуткости организмъ. Это была не казнь, а тѣ предшествующіе ей четверть часа, впродолженіи которой читается приговоръ, а осужденный окостенѣлыми глазами смотритъ на ожидающую его плаху.

Однимъ словомъ, это была тоска проснувшагося Стыда...

Мы не спрашивали себя, что̀ такое Стыдъ, а только чувствовали присутствіе его. И въ насъ самихъ, и въ обстановкѣ, которою мы были окружены, и на улицѣ— вездѣ. Стыдъ написанъ былъ на лицахъ нашихъ, такъ что прохожіе, въ изумленіи, вглядывались въ насъ...

. . . .

Что̀ было дальше? къ какому мы пришли выходу? —

пусть догадываются сами читатели. Говорятъ, что Стыдъ очищаетъ людей — и я охотно этому вѣрю. Но когда мнѣ говорятъ, что дѣйствіе Стыда захватываетъ далеко, что Стыдъ воспитываетъ и побѣждаетъ—я оглядываюсь кругомъ, припоминаю тѣ изолированные призывы Стыда, которые, отъ времени до времени, прорывались среди массъ Безстыжества, а затѣмъ, все-таки, канули въ вѣчность... и уклоняюсь отъ отвѣта.

ОГЛАВЛЕНІЕ.